

Ф.Х. Гутнов

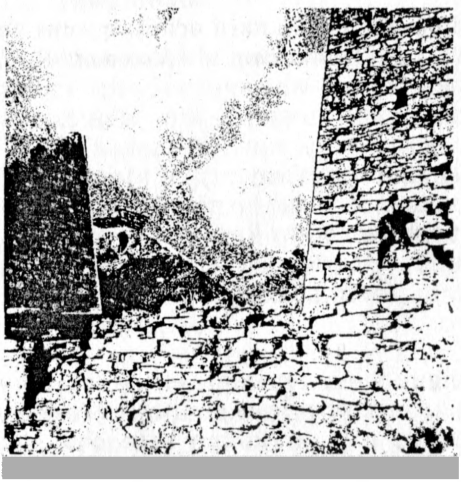
ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

II

Ф.Х. Гутнов

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

часть II

Владикавказ · 2008

63.3(24)4
Г–97

В оформлении книги использованы работы художников
А. Джанаева, А. Хохова, В. Лермонтова

Гутнов Ф.Х.
Г–97 Горский феодализм: Научное издание – Владикавказ: Ир, часть II. – 2008 – 287 с.

ISBN 5-7534-1120-7(978-5-7534-1120-4)

Во второй части книги «Горский феодализм» рассматриваются общее и особенное в генезисе и структуре раннефеодальных обществ Северного Кавказа.

Г $\frac{0503020900-23}{M131(03)-08}$ 34–08 **63.3(24)4**

© ГУП РСО–Алания «Издательство «Ир», 2008
© Гутнов Ф.Х., 2008
© Григорян В.С., оформление, 2008

ISBN 5-7534-1120-7(978-5-7534-1120-4)

ВВЕДЕНИЕ*

Большое значение кавказских материалов для историко-социологических обобщений, реконструкции различных этапов прошлого, особенно – средневековья, давно признано в научных кругах. Еще М.М. Ковалевский писал по этому поводу: «Для всякого, кто вместе с нами видит поступательный ход обществоведения в пересмотре, подкреплении и исправлении уже добытых результатов, внесении большей определенности и точности в установленные уже выводы... для того изучение Кавказа представляется одновременно и необходимым, и неизбежным» (*Ковалевский* 1890, т. 1, с. 9).

1. Понятие «горы». Прежде чем приступить к анализу генезиса «горского феодализма», необходимо уточнить наше понимание терминов «горы», «горные районы», и в самых общих чертах определить специфику жизни и быта горцев.

До сих пор, как это ни парадоксально, общепринятого определения понятий *горы* и *горные районы* нет. Как отметил Дж.Д. Айвз, «любая попытка определить, что такое *горы*, будет заключаться в комбинации *высоты* и *крутизны* (курсив мой – Ф.Г.) склона» (*Горы* 1999, с. 57).

Существует лишь ряд критериев, отличающих «горную» территорию от «негорной»: абсолютная высота над уровнем моря; уклон склонов; вертикальная поясность растительности и ландшафтов; изменчивость, контрастность и суровость климатических условий; повышенный риск природных и стихийных явлений и т.д. Если использовать расширенное толкование, под которое подпадают горы средней высоты, то тогда горцами в настоящее время можно считать около 10% населения Земли (*Баденков, Транин* 1997, с. 55; *Горы* 1999, с. 15).

Горные районы в социальных, экономических и культурных

* Данная работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-01-37106 а/ю.

процессах Кавказа играли и играют особую роль. Говоря о Северном Кавказе, специалисты отмечают, что это единственный в европейской части России регион, наиболее полно отвечающий всем хрестоматийным критериям горных стран: по высоте, расчлененности рельефа, ландшафтно-климатическому и этнокультурному разнообразию, особенностям хозяйства и расселения. При этом у подавляющего числа народов региона горы занимают значительную (и нередко большую) часть территории. Так, например, площадь современной Северной Осетии составляет около 8 тысяч кв. км, из которых 5,2 тысяч кв. км приходится на горную часть. Предки народов Кавказа в целом давно освоили ущелья к северу и югу от Главного Кавказского хребта. По какой же причине они оказались в этом регионе?

Гипотеза *рефугиума* (убежища в горах или отступления в горы) разнообразие горских народов считает следствием расчлененной и фрагментарной структуры гор, где каждая долина или бассейн реки могут формировать свой собственный особый мир. Другое широко распространенное мнение интерпретирует разнообразие культур горских народов как следствие долго продолжавшегося уединения и изоляции горских обществ, что было вызвано и усилено ограниченной доступностью (*Горы* 1999, 20). В этой связи становится понятным, почему общественный строй народов Кавказа во все времена поражал исследователей разнообразием форм. Как отмечал Г.Ф. Чурсин, здесь «можно наблюдать самые разнообразные формы хозяйственного быта и материальной культуры, разнообразные типы социального строя и общественных взаимоотношений... Разнообразие форм быта и культуры кавказских народов имеет свои корни частью в особенностях исторического прошлого, частью в своеобразии условий природы, служившей материальной базой, на которой слагались хозяйство и быт местных народов» (*Чурсин* 1926, с. 202).

2. Экономика. Сторонники теории «убежища» считают, что горы (в сравнении с равниной) обычно имеют менее благоприятные условия для сельскохозяйственных занятий, поэтому менее подходящи для расселения человека. Считается, что это обусловлено наличием суровых условий — низкой температурой, дефицитом обрабатываемых земель, неудобными транспортными коммуникациями и т.д. Однако, если горы действительно так неблагоприятны, то теоретически они должны были бы превратиться в заброшенные экозоны. Следовательно, во всех случаях, когда в горах обнаруживается значительное оседлое население, это может рассматриваться как результат каких-то войн, действий центрального правительства или независящих

от человека обстоятельств. Но почему тогда так много конфликтов в неблагоприятных для жизнедеятельности человека местах?

Возможно, горы действительно принадлежат к беднейшим регионам мира. Но и на равнинах также есть исключительно бедные районы. С другой стороны, хотя некоторые горы довольно пустынны, особенно там, где скудные осадки и отсутствие лугов не позволяют прокормиться даже пастбищным животным, есть также и относительно богатые горные территории. Последние исторически были и сейчас остаются плотно заселенными благодаря их сельскохозяйственным и лесным ресурсам, а не потому, что население было силой вытеснено с равнины (*Горы* 1999, сс.110–111).

Для примера приведем тезисные оценки некоторых европейских горных территорий.

Альпы (Франция, Италия, Швейцария, Лихтенштейн, Германия, Австрия, Словения) – представляют собой «настоящие горы» с типичными проблемами эрозии почв, оползнями и т.д. Характерен для гор и широкий спектр социально-экономических различий. Серьезной проблемой является снижение сельскохозяйственной активности в высокогорьях и связанная с этим проблема депопуляций, особенно в районах, где слабо развит туризм.

Пиренеи разделяют Испанию и Францию. Проблема депопуляции является доминирующей.

Аппенины (Италия) – для южной части характерны социально-экономические проблемы.

По словам экспертов, «*Европейское горное население представляло в прошлом и представляет собой сегодня ценнейшее человеческое достояние с богатейшими традициями, культурой, трудолюбием и мастерством, которые являлись источником благополучия и без которых невозможно представить историю континента*».

Среди европейских экспертов и в общественном мнении существует – и это необходимо подчеркнуть – твердое убеждение в том, что проблема горных территорий – это прежде всего проблема горного населения, которое наиболее тесно связано с окружающей средой и ресурсами. Корни причин, породивших горную проблему, лежат в историческом прошлом.

В документе «Европа 2000» констатируется, что в странах Евросоюза 27% территории сообщества приходится на горные районы, в которых проживает 25 млн человек (7,5%) при плотности населения от 42 чел./кв.км до 2–3 чел./кв.км. Население горных районов имеют более низкий уровень жизни, чем

другие жители Евросоюза. По меньшей мере в половине из них индекс экономического развития составляет 35–75% от среднего в Евросоюзе. *Наименее развитыми* горными территориями признаны: северная часть Шотландских гор, горные районы Греции и южной Италии, северо-запад Португалии, Кентерберийские горы Испании.

Около 70% территории Австрии занято Альпами, где расположено более 50% постоянных населенных пунктов и проживает 42% населения.

Отдаленные горные районы имеют низкую плотность населения, низкие доходы, стареющее население.

Интегрированные районы имеют хорошо зарабатывающее население. Развиты туризм и фермерское хозяйство. В сельских районах выделяется три группы коммун: 1) горные районы [1256 коммун, 58,11% используемых с/х земель Австрии]; 2) менее благоприятные [160 коммун, 5,9 %] и 3) маленькие районы [188 коммун, 4,62%].

Горы и возвышенности Болгарии занимают около 47% ее территории, где проживают 2,5 млн человек (28,8%). Здесь сосредоточено около 3000 населенных пунктов (56%). В горах формируется 80% всего водного стока.

В Румынии горы занимают около 2/3 горного массива Карпат и 1/3 территории страны. Площадь — 74 тысячи кв. км, 40% с/х земель. Здесь расположено 720 коммун, имеющих 3706 деревень и 92 города. Из 3 млн 814 тысяч чел. 2 млн — фермеры, владеющие 1 млн частных хозяйств. Фермерское хозяйство малорентабельное.

Две трети территории Швейцарии занимают горы. На оставшейся трети — в равнинных районах — работает 80% населения и производится 80% ВНП, 90% всех инвестиций сосредоточено именно здесь.

Традиционная система хозяйства практически у всех горцев мира была нацелена на использование естественных пастбищ в различных высотных поясах: сезонным выпасом отар овец вне зон поселения людей. Земледелие в структуре хозяйства горных территорий занимало второе место после скотоводства. Однако система высокогорного сельского хозяйства никогда не могла дать требуемых излишков на черный день. Поэтому годы неурожаев (независимо от причин) весьма существенно затрудняли и без того сложную жизнь горцев и ставили их буквально на грань жизни и смерти (*Горы* 1999, с. 20).

Дж. Д. Айвз подчеркнул: высота и крутизна склонов «влияют либо на ограниченность доли обрабатываемой земли, либо на увеличение нестабильности почвы на склонах, а следователь-

но, на уменьшение уровня доступных для людей продуктов питания... из-за снижения продуктивности». Такое снижение биомассы, безусловно, усугубляется типичным для всех гор снижением температуры. Изложенное характеризует горные районы как маргинальные по уровню благополучия и достатка людей. Для горных районов характерны также природные катаклизмы: землетрясения, оползни, лавины и наводнения. Перечисленные явления существенно увеличивают размеры затрат к стоимости жизни и использованию ресурсов либо за счет затрат энергии людей для своего существования, либо в виде чистого вкладывания денег (*там же*, с. 57).

Вместе с тем, естественная окружающая среда до сих пор остается одним из наиболее важных факторов, определяющих культуру жизни в горах. Различия естественного плодородия почвы на равнине и в горах (а также в самой горной зоне) в конечном счете оказали существенное влияние на общественный быт народов Северного Кавказа.

Жизнь и ведение хозяйства в горах существенно отличаются от таковых на равнине. Для горного населения эти условия характеризуются большими трудностями, что выражается в существенном отставании экономического и социального развития горных территорий по сравнению с равнинными. Наличие такой диспропорции всегда ставило перед государством и обществом вопрос: в чем причина этого разрыва и какими средствами его можно сократить.

В процессе адаптации людей к горной окружающей среде особую роль играло т.н. «вертикальное измерение», ибо оно «влияет на многие другие аспекты жизни, зависящие от уменьшения температуры с высотой». Последняя влияет на сельское хозяйство, т.к. эффективность землепользования с высотой уменьшается. Самый высокий пояс используемых угодий занят пастбищами.

Адаптация людей к географическим условиям, в виде высотной стратификации их поселений и землепользования, наиболее ярко проявляется в горных районах, занятых традиционными обществами. В них представлены разнообразные типы сельского хозяйства, в частности, комбинация земледелия и скотоводства, особенно в условиях ограниченных средств существования. В горных условиях необходимость использования всего потенциала окружающей среды привела население к необходимости вертикального устройства их земельных участков. «Это является *одной из всемирно распространенных* (курсив мой — Ф.Г.) характеристик культуры сельскохозяйственного производства в горных регионах» (*там же*, с. 21).

Использование земли на различных высотах географы называют *ступенчатыми системами землепользования*, при этом выделяются два их типа: 1) в тропиках участки земли на больших высотах могут использоваться в течение всего года, т.к. там нет температурных сезонов (или они слабо выражены); 2) в остальных горных регионах годовая изменчивость температуры позволяет лишь сезонное использование высокогорных уступов (ступенчатых систем). С весны до конца лета сельскохозяйственная деятельность и выпас скота шаг за шагом поднимаются вверх, а осенью – опускаются. Зимой из-за снега верхние уступы пустуют. Системы второго типа интенсивно развивались на Кавказе, в Альпах, горных комплексах Западной, Центральной и Южной Азии (*там же*).

В какой-то мере материальные затруднения в некоторых горских обществах компенсировались контролем над перевальными путями. Так, афганский Гиндукуш является одним из наименее развитых районов мира. До сих пор здесь все еще очень сильны старые традиции. Этот район – самая западная часть горной системы Центральной и Южной Азии; с доисторических времен он был местом транзитной торговли между жителями равнин Инда (современный Пакистан) и Туранской низменности. Несколько относительно легких для прохода перевалов пропускали основной транзитный поток. Караваны на вьючных лошадях пользовались многочисленными мелкими торговыми тропами. Однако на протяжении многих веков нестабильная политическая обстановка в регионе подавляла эту торговлю. В такие времена местные правители или сообщества перехватывали контроль над перевалами, взимали дань с купцов и даже грабили их. Давление населения на ресурсы было отражением оттока рабочей силы в оазисы и города на равнинах (*там же*, с. 25).

Торговые маршруты в течение многих веков также приспосабливались к местности. Дороги прокладывали, делая обходные пути, минуя узкие долины и теснины, предпочитая террасы, склоны и перевалы.

Интенсивность коммуникаций в горах зависит не только от рельефа и климатических условий. Скорее всего, большее значение имеет фактическая потребность и потенциал экономического и культурного обмена между равнинами по обе стороны гор, либо между равнинами и внутренними горными территориями (*там же*, сс. 24–25). Эти свойства гор представляют *собой эффект расчлененности* местности, «в которую трудно приникнуть, и поэтому горы дают укрытие тем, кто в них поселился». Несмотря на важность данного аспекта, его не следует абсолютизировать.

Идея о роли гор как убежища при отступлении широко распространена. Однако тщательный анализ показал, что «она не является ведущей. История дает ограниченный круг примеров: в Западной Азии лесные горы (Понтийские горы, Тавр, Ливан) на протяжении веков были убежищем для оседлых крестьян, тогда как на открытых пространствах страны — окружающих засушливых равнинах и холмах — доминировали кочевники». Давление на оседлое население страны значительно возрастало, если они отличались от соседей по религии, языку или расе. Примером могут служить христиане и друзы в Ливане и Сирии; группы индейцев, бежавших от конкистадоров в наиболее удаленные части Анд, Перу и Боливии; «Горы являлись также районами, используемыми для укрытия войск и организации сопротивления, как, например, Кавказ и афганский Гиндукуш» (*там же*, с. 26).

Хотя многие группы горских народов продолжительное время жили уединенно, они не были полностью отрезаны от внешнего мира. «Всегда имелся коммерческий обмен или другой вид взаимодействия». Поэтому термины *уединение* и *изоляция* используются с некоторой долей условности.

При изучении традиционных горских обществ обычно внимание обращается на доминирующую роль экологических условий, расчлененного рельефа и на их влияние на социокультурное развитие. Несмотря на «всеобщую схожесть горных народов во всем мире», отметим и значительные различия, которые, возможно, обусловлены действием исторических факторов. Это, например, — «особенно *разительный контраст* (курсив мой — Ф.Г.) между эволюцией швейцарских альпийских крестьян и их французских соседей в районе Бриансон». До Французской революции названные социумы имели много общих черт. Наряду с частным землевладением в их систему производства входили общественно-управляемые и поддерживаемые ресурсы, такие, как пастбища, леса и вода. Равное право наследования вело к дроблению частных владений, тогда как правила пользования общим достоянием препятствовали образованию класса крупных землевладельцев. «Деревни имели корпоративную индивидуальность и политическую автономию». Вместе с тем, ранее имелось важное различие между французскими и швейцарскими системами. Малочисленные элитарные группы во французских сообществах горцев, выкупив государственные должности у «Королевской Короны», приобрели «состояние и власть». Аналогичных социальных различий, основанных на связях с центральной властью, в сильно централизованной швейцарской политической системе не существовало (*там же*, с. 26).

В конечном счете мы можем присоединиться к мнению швейцарского исследователя Э. Вейгандта: «Для выяснения уязвимых мест и достоинств в жизни населения горных районов мира наряду с уникальными природными характеристиками необходимо анализировать политические и экономические различия, которые зачастую играют чрезвычайно важную роль». Два приведенных случая различаются не по воздействию окружающей среды, «а по их историческому развитию», демонстрируя влияние институтов на различия между социальными системами (*там же*, сс. 26–27).

Тироль — горная область, по характеристике экспертов — пример «области, частично страдающей от бедности». Как относительно автономный социум, он сформировался к XIII веку. С древнейших времен был транзитной территорией; в средневековый период представлял собой «полунезависимое государство на перевалах, которое управляло обеими сторонами Бреннерского перевала (1372 м), обеспечивающего наиболее легкую связь между Центральной Европой и Италией». Вплоть до недавнего времени источником существования основной массы населения служило сельское хозяйство. «Для обеспечения существования всего населения ограниченных сельскохозяйственных ресурсов было недостаточно». Выходом из данной тупиковой ситуации стали доходы, не связанные с сельскохозяйственной деятельностью. Речь идет о добыче полезных ископаемых. Падение добычи серебряных и медных руд в позднем средневековье вызвало в Тироле локальный кризис. Поиски иных занятий привели к развитию малых домашних кустарных промыслов, которые наряду с торговлей и отходничеством стали существенным подспорьем семейным бюджетам.

По мнению экспертов, критическое положение сложилось на западе Тироля; здесь на протяжении многих поколений практиковалось дробление фермерских хозяйств, связанное с принципом наследования. «Сезонная нехватка еды была обычным явлением»; и это — несмотря на использование практически всех ресурсов. В качестве сенокосов использовались даже горные луга, настолько крутые, что сено можно было косить исключительно с помощью захватов и веревок (*Горы* 1999, с. 29).

Горы, по сути, являются непригодными для развития городских центров с расширенными районами вокруг них. Это верно, по меньшей мере, для Альп, Гималаев и Северного Кавказа. Для этих целей лучше приспособлены высокогорные плато, особенно в тропиках. Здесь плато и широкие долины более подходящи для создания урбанистических центров, чем на соседних низинах. В Андах основные города стали центрами власти еще

в доколониальные времена. «Империя инков является наилучшим историческим примером, а другие примеры — это Эфиопия и Тибет. Сегодня существует несколько горных или нагорных государств, которые управляются непосредственно из гор» (*там же*, сс. 28–29).

Помимо социально-политических и экономических факторов, исключительное значение для горных территорий имеет экология. Слишком интенсивная эксплуатация и/или неправильное использование угодий может привести к постоянному и быстрому снижению продуктивной деятельности человека. «В *традиционном сельском сообществе* в горных районах осознание вышесказанного привело к возникновению определенных и широко распространенных регламентированных норм поведения». Само существование горных социумов зависело от объема годового урожая. Относительно небольшой резерв пространства также уменьшал запас продовольствия. Подъем и спад урожайности напрямую влиял на численность населения. Сельскохозяйственное использование горных территорий являлось «*результатом непрерывного процесса адаптации к природным условиям и экологии гор* (курсив мой — Ф.Г.). Такой адаптации способствовали система ценностей и норм, вынужденно выработанных вековым опытом совместного проживания». Пользование землями регулировалось строгими правилами, которые *гарантировали* социальное воспроизводство и сохранение природной основы жизни (*Мессерли, Брюггер* 2000, сс. 19–20).

3. Демография. За исключением некоторых тропических нагорий с благоприятными географическими условиями (например, в Эфиопии, отдельных частях Центральной Америки и в Андах), горные районы принято считать социумами с малой или очень малой плотностью населения. Удручающие показатели увеличатся, если учесть не все пространство, а лишь территорию, пригодную для жилья и занятия хозяйством. В этом случае «можно понять величину нагрузки населения на землю, по крайней мере, для тех горных районов, которые в основном зависят от сельского хозяйства». Это относится к большинству горных территорий. В некоторых районах Тибета, высокогорье Гималаев и наиболее засушливых ущельях Анд арифметическая плотность составляет лишь несколько жителей на квадратный километр, тогда как физиологическая плотность достигает нескольких сотен жителей на квадратный километр. Не исключена возможность использования только орошаемых участков, остальная земля будет использоваться под пастбища с малым числом поселений. Многие горные районы кажутся малонасе-

ленными, тогда как реально они «являются (или являлись) чрезвычайно перенаселенными по сравнению с их ограниченными сельскохозяйственными ресурсами» (*Горы* 1999, с. 15).

Перенаселение проявляется в виде хорошо известных явлений: 1) постоянный раздел малых владений, что в крайних случаях приводит к парадоксальному коллективному владению отдельными фруктовыми деревьями (афганский Гиндукуш); 2) дефицит продовольствия, несмотря на огромный трудовой вклад в сельскохозяйственное производство, как следствие — необходимость поддержки семейного бюджета за счет мелкого кустарного промысла, торговли, сезонной работы за пределами своего общества, службы наемником в армиях сопредельных государств, эмиграции и т.д. Высокий уровень неполной занятости и безработицы, усиленная нагрузка на окружающую среду усугубляют ситуацию. Из этого критического положения можно выйти лишь при помощи массовой миграции, развития занятий, не связанных с сельским хозяйством в горах, либо снижения численности населения. «Однако во многих ситуациях выезд населения может оказать весьма отрицательное воздействие, поскольку первыми покидать сообщества...горцев, по крайней мере, на начальной стадии этого процесса, будут наиболее молодые и образованные мужчины» (*Горы* 1999, сс. 15–16).

4. Культура. Еще одно качество, приписываемое горцам всего мира — стремление сохранить свои культурные традиции. Обычно это связывается с продолжительной изоляцией от внешнего мира. Но и здесь, «тщательное исследование показывает, что это объяснение не отражает сложной реальной картины, даже в прошлые времена». Дискуссионным остается вопрос: «была ли культурная индивидуальность этих групп результатом их прежней изолированности или они уединялись от соседних народов для того, чтобы сохранить свою индивидуальность или автономию. Изолирующий эффект окружающей среды является решающим только под воздействием экстремальных условий рельефа и климата. Такие экстремальные случаи обнаруживаются в горах восточных частей Кавказа, южных частей Гиндукуша или в горах Новой Гвинеи...» (*там же*, с. 27).

В первой части «Горского феодализма» мы в самых общих чертах определили свою трактовку термина «феодализм» (*Гутнов* 2007, сс. 8–18). Из всего многообразия различных точек зрения о сущности феодализма остановимся лишь на одном примере.

Недавно Л.В. Мининкова обратила внимание на позицию

В.Т. Пашуто, исследования которого «в определенной степени» были «близкими к современному пониманию средневековья и методологии изучения этого общества» (*Мининкова* 2005, с. 12). Однако это не совсем так. Поправки В.Т. Пашуто предлагались в рамках пятичленной схемы ОЭФ (общественно-экономических формаций), на что Л.В. Мининкова указала в той же статье. К заслугам ученого отнесена попытка «уяснить *сущность феодализма*... не только *как способа производства*, но и как *формации* (курсив мой — Ф.Г.), в которой экономические и социальные отношения находились в единстве с политическим строем...». К общим с западно-европейским феодализмом чертам В.Т. Пашуто относил «свободный выбор боярами-вассалами князя-сюзерена». С другой стороны, отношения между нобилитетом «земель эстов и ливов» и феодалами Западной Руси имели явную специфику. «Этот нобилитет не представлял собой феодальную общественную структуру, но находился на вассальной службе русских князей» (*там же*, с. 14).

К принципиальным отличиям от понимания феодализма в советской науке следует отнести трактовку В.Т. Пашуто «русского сюзеренитета—вассалитета... не только в рамках разных концепций феодализма, но и вне этих рамок. Тем самым создавалась возможность для рассмотрения этих отношений как универсальных, во всяком случае, для раннего средневековья, в которых не обязательно сформировался феодализм» (*там же*).

Совсем недавно Н.Ф. Котляр на примере Галицко-Волынской Руси рассмотрел становление феодализма на Руси. Спецификой данного процесса на указанной территории являлась «его замедленность в сравнении с остальными южнорусскими землями». В числе «факторов наступления удельной [феодальной] раздробленности на Руси в 40—50-е годы XII в. было, прежде всего, возникновение индивидуального крупного землевладения. Владение землей и феодально-зависимыми людьми сделало бояр экономически и политически сильными» (*Котляр* 2006, с. 245). Киевский летописец XII в. позволяет определить статус боярства в Галицком княжестве «и сложившиеся там (пусть еще в самых общих чертах) отношения сюзеренитета-вассалитета» (*там же*, с. 246).

Автор опровергает точку зрения большинства советских историков о главном источнике формирования крупного землевладения — пожаловании вотчины государем. Однако для древнерусского общества этот источник едва ли мог быть основным. В письменных памятниках той эпохи он практически не прослеживается, как не отмечен в летописях и другой путь, называемый советскими исследователями — захват феодалами общин-

ных земель (*там же*). На наш взгляд, правы те историки, которые считают, что не экспроприация (захват земель крестьян и общины), а апроприация (подчинение непосредственных производителей вместе с землей) составляет один из главных путей к укреплению феодальных отношений. Земля без людей не представляла сколько-нибудь значимого интереса для представителей элиты. Мы не можем полностью согласиться и с мнением Н.Ф. Котляра и Б.А. Рыбакова, которые вотчину относят к первичной ячейке феодального общества. Спорным представляется предложение искать истоки вотчины «во владениях племенной знати» (*там же*, сс. 246–247).

Присоединимся к Е.В. Гутновой в том, что «в средневековом обществе экономические и социальные отношения неотделимы от его политической организации: феодальная земельная собственность всегда связана с теми или иными формами политической власти, которая служит гарантией внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству и иерархической структуры класса феодалов» (*Гутнова* 1989, сс. 248–249). Обратим внимание и на другую мысль ученой: в феодальном обществе «определяющая роль социально-экономических отношений проявляется, как подчеркивал еще Ф. Энгельс, только '*в конечном счете*'» (*там же,* с. 248).

И, наконец, еще одна важная мысль: «Применительно к раннему средневековью теперь никто не сомневается *в значительной роли государства в становлении феодализма*» (*там же*, с. 251).

Вторая часть «Горского феодализма» посвящена генезису и структуре раннефеодальных обществ Северного Кавказа.

I.

СТРУКТУРА ВЛАСТИ В СОЦИУМАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Одной из особенностей средневековой истории горцев всего мира являлась разница в темпах общественного развития, асинхронность политогенеза. К наиболее важным чертам относятся замедленность и не- универсальность процесса становления классовых категорий, направление развития социумов по линии локальной сегментации общества (*Маретина* 1987, сс. 159–160), слабая экономическая база, ограниченная географическим фактором (неблагоприятные природно-климатические ресурсы), численность населения (в соотношении с объемом производимых в социуме продуктов питания), социально-политическое влияние внешней среды и т.д. (*Claessen* 2000. P. 2–3; *Spencer* 2000. P. 154). Социальные процессы в горных районах во многом зависели от демографической ситуации. Плотность населения в целом по горным территориям была весьма значительной; если же исходить из *физиологической плотности* (число жителей на единицу площади сельскохозяйственных земель), то можно представить истинную величину нагрузки (к сожалению, такой статистики у нас нет). Общественный строй средневековых горцев обусловливался также формами синтеза и т.д. (*Гутнов* 2004).

На рубеже I – II тысячелетий раннеклассовые отношения утвердились в равнинной и предгорной зонах (*Народы Кавказа*, сс. 75–78; *История Дагестана*, сс. 131, 139–144; *История Кабардино-Балкарской АССР*, сс. 65, 77–79, 82–84, сл.; *Кузнецов* 1971, сс. 203–239). Недостаток информации о синхро-стадиальных этапах развития народов региона ограничивает нашу возможность проследить специфику развития *каждого* из горских обществ. Поэтому мы остановимся лишь на реконструкции развития некоторых из них.

Наши представления об этносоциальных процессах, протекавших у адыгов в конце I тысячелетия, существенно уточнили исследования А.В. Гадло. Его работам в данной области особую актуальность придает то обстоятельство, что «это наименее изученный период истории» адыгов (*Пьянков* 2004, с. 158).

А.В. Гадло обратил внимание на образ князя Инала адыго-кабардинских родословных, коему предания приписывают объединение племен Северо-Западного Кавказа, проведение административной и судебной реформ, удачные войны с соседними этносами. Инал, предок «наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов», известен и под другим именем — Акабку, которое является искаженным тюркским титулом *акябгу* «западный правитель» (*Гадло* 1978, сс. 25–33; 1979, с.195).

А.В. Пьянков продолжил работу в поисках ответа на некоторые вопросы: почему предок кабардинских князей носил тюркский титул и восточное имя? Почему хазарский каган наделил властью Инала и доверил ему осуществление военных функций?

Ученый обратился к письменным памятникам той поры и генеалогическим преданиям горцев. Он отметил, что в еврейско-хазарской переписке и у Константина Багрянородного не встречается упоминаний народа или племени касогов. В то же время обоим источникам известна «страна» Касахия или Каса. Под ними имеется в виду одна и та же территория. В письмах царя Иосифа страна Каса — *обширная* область, населенная различными племенами, подвластными хазарам. Константин, напротив, о Касахии сообщает как о незначительном районе между Зихией и Аланией. Письма хазарского царя отражают ситуацию предшествовавших столетий, когда Хазария еще обладала силой и могуществом. Информация Багрянородного ближе к X в.

А.В. Пьянков проанализировал адыгское предание о приходе «из других земель» части их предков, «говоривших на особом языке». Вероятно, фольклорная традиция сохранила информацию о переселении на Северо-Западный Кавказ иноязычного народа. Это событие относится к VIII в. и, возможно, подтверждается археологическими материалами т.н. «кубано-черноморской группы кремаций». Археологи полагают, что имеются «серьезные основания связывать носителей кремационного обряда с касогами письменных источников». В таком случае можно предположить вероятность своего рода синтеза между касогами и иноязычными пришельцами из кочевой среды хазарского каганата. «Это допущение объясняет и тюркское имя, и титул касожского князя, и ту роль в военно-административной системе Хазарии, которую играли касоги, прикрывая юго-западные рубежи каганата» (*Пьянков* 2004, сс. 158–160).

Л.И. Лавров, опираясь на материалы погребального инвентаря кубанских могильников второй половины I тысячелетия н.э., пришел к выводу об углублении имущественного неравенства в обществе, оставившем названные памятники. В ряде мужских могил из оружия обнаружены только ножи, несколько стрел, а в других — сабли, стрелы, кинжалы, кольчуги и стрелы. Обращает на себя внимание значительное сокращение (по сравнению с более ранним временем) золотых изделий. Своеобразное «обеднение» погребений исследователи связывают с превращением материальных ценностей из неотчуждаемого имущества в товар; после смерти их владельца они переходили в руки наследников. Таким образом, «обеднение» погребений кубанских могильников «говорит скорее о прогрессе адыгской экономики, чем об ее упадке» (*История Кабардино-Балкарской АССР*, с. 65).

Масуди «следующий за аланами народ называет *кашак*, живущий между горой Кабх и Румским морем». Интересны приводимые арабским историком этнографические детали касогов. Женщины «одеваются в белое, в румскую парчу, в яркоалую ткань и в различные парчовые ткани, затканные золотом. В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который называется *тала* 'золото'». Он более тонок, чем другие сорта. Один отрез стоит 10 динаров, «и он экспортируется в соседние страны ислама... Причины их слабости в сравнении с аланами коренятся в том, что они не допускают назначать у себя царя для управления ими, объединения их интересов» (*Minorsky* 1958. P. 158).

Сведения источников о горских племенах как таковых скупы. Согласно Страбону, горы Кавказа «занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов» (*Страбон* 1964, с. 475). В другом месте античный географ уточнил: «Все жители гор ведут простой образ жизни... Они едят главным образом козлиное мясо и приносят в жертву Аресу козла, а также пленников и коней... У них устраиваются состязания для легковооруженных и *тяжеловооруженных* (курсив мой — Ф.Г.) воинов и всадников в кулачном бою, беге, перестрелке и в сражении отрядами» (*там же*, с. 151).

Среди горцев Страбон счел необходимым особо выделить цанов (соанов): «они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае они господствуют над всеми народно-

стями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек[1], как говорят, они могут выставить войско до 200 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу» (*там же*, с. 473). Обратим внимание на то, что у цанов все (мужское) население составляло воинство, в то время как на равнине — в Иберии — Страбон счел необходимым разделить воинов и земледельцев, хотя и причислил их к одному геносу (разряду).

Возможно, за *Sanaraei* Птолемея скрываются цанары армянских и грузинских памятников. Это племя населяло верховья Терека; на карте Птолемея к северу от цанаров находится *Sarmaicae Porta*, «который должен соответствовать Дарьяльскому ущелью — Аланским воротам античных и раннесредневековых источников — «*Дурн Аланац*» «Армянской географии»» (*Еремян* 1970, с. 405).

Согласно Арриану, саны «очень воинственны... живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно» (*КДПАА*, с. 311).

Гораздо больше информации о социальной структуре санов сохранили письменные источники середины I тысячелетия. Развернутую характеристику этого племени привел Прокопий Кесарийский. «Издревле тзаны жили независимо и не знали над собой никакой власти, ведя звериный образ жизни, считая и почитая богами рощи, птиц и всяких других животных. Они всю свою жизнь проводили в горах, поднимающихся до неба и покрытых лесами; земли они не возделывали, но жили всегда грабежами, воровством и разбоями. Но поднимающиеся здесь холмы — не обычные возвышенности, не земляные, не такие, на которых могут расти посевы и плодоносные растения, если кто приложит здесь свой труд и старание, но они исключительно каменисты, с крайне твердой почвой и бесплодны, не принося никакой плодоносной растительности. Пахать эту землю нельзя, нет тут нив, чтобы их жать, не встретить тут и зеленого луга... тзаны искони жили независимо». В середине VI в. они приняли христианство, «стали вести более кроткий образ жизни; отказавшись от всякого разбоя, они служили в римских войсках и ходили с ними на врагов». Юстиниан построил у санов храм, проложил дороги, «по всей стране построил крепости и поместил там сильные гарнизоны из римских воинов» (*Прокопий* 1939, сс. 247—248). Агафий в разделе о событиях 554 г. оставил интересную характеристику военной элиты санов. «В числе *виднейших военачальников* (курсив мой — Ф.Г.) был некто по имени

Феодор, происходивший из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных нравов и приобщившийся к их более высокой культуре. Итак, этот Феодор со своей дружиной (за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему было приказано Мартином уходить оттуда не раньше, чем увидит всех наступающих неприятелей... Он же смелый и на все способен» (*Агафий* 1953, с. 55).

Отвагу и высокие воинские навыки предводитель санов продемонстрировал в ночной атаке скального укрепления мисимиян, союзников персов. Вместе с сотней «отважных византийских воинов» в этом бою участвовал «Феодор, таксиарх цанов» (*Свод* 1991, сс. 297, 306–307, ком. 6. 1. 10. 1, 10. 2).

Рассказывая о событиях 556 г., Агафий вновь повествует о том же предводителе отряда санов. Римляне направили «против неприятеля около четырех тысяч пехоты и конницы, среди которой были мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них — Максенций и Феодор, вождь отряда цанов, оба воинственные и таксиархи». Римский военачальник и вождь санов обнаружили «около пятисот савиров», расположившихся «на каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска». Воспользовавшись беспечностью противника, Максенций и Феодор отправили 300 всадников, которые уничтожили почти всех савиров (*Агафий* 1953, сс. 55–56, 116–117).

В 557 г. некоторые саны, «оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается *Феодор*, их соотечественник, считавшийся *одним из первых римских таксиархов*» (курсив мой — Ф.Г.). Возведя полевой укрепленный лагерь около города Феодориада, пригласил санов, «которые были еще спокойны и дружественны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность». Вскоре вокруг лагеря разгорелся бой; Феодор отправил большую часть своего отряда в тыл наступавших (*там же*, сс. 137–138). Одержав бесспорную победу, Феодор еще более упрочил свое положение и авторитет как среди соплеменников, так и среди римлян.

Один из ранних арабских авторов, Якуби, сообщает о посольстве 853/4 г. «санарийцев» к властителям Восточной Европы, в том числе — «сахибу ас-сакалиба». Термин *сахиб* в синхронных Якуби источниках употребляется в значении «власти-

тель», «государь»; например, сахиб ас-Сарир — властитель Сарира, сахиб ар-Рум — государь Рума (византийский император). Источники сообщают о восстании санарийцев против халифата «и карательной экспедиции против них полководца Буги, восставшие обратились за помощью к трем крупнейшим властителям тогдашнего времени, от которых они могли получить помощь против халифа: Византии, Хазарии и некоему *сахиб ас-сакалиба* (владыке славян)» (*Новосельцев* 2000, сс. 279, 377–378).

Якуби в разделе о днях правления на Кавказе Хузаймы ибн-Хазима ат-Тамими поведал о невиданной жестокости арабского ставленника, «который схватил бактриков и детей царей, отрезал им головы и (вообще) обращался с ними самым скверным образом. Это вызвало возмущение в Джурджане и в Санарии. Он отправил против них армию, но они уничтожили ее; тогда он послал против них Са'ида ибн-ал-Хайсама ибн-Шу'бу ибн-Зухайра ат-Тамими во главе большой армии, и он воевал с жителями Джурджана и Санарии до тех пор, пока не выгнал их из страны». Позднее правителем Армении ар-Рашид назначил ал-Аббаса ибн-Зуфара ал-Хилали. «При нем восстали санарийцы, и он сразился с ними, но не смог их одолеть» (*Якуби* 1927, с. 12). С санарами пытался справиться и Буга; «он двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство» (*там же*, с. 21).

Отметим информацию Масуди о «царстве Санария», находившемся «между Тифлисом и Аланским укреплением»; «а царя их зовут Курискус. Этот народ исповедует христианство» (*Караулов* 1908, с. 57; *Minorsky* 1958. P. 161–162).

Перемены в общественном устройстве отмечены и на Северо-Восточном Кавказе. На политической карте Дагестана к VIII в. появилось несколько ранних государственных объединений[2] — «царства» Лакз, Табасаран, Серир, Кайтаг, Гумик и др. По справедливому замечанию А.П. Новосельцева, «ситуация здесь была сложная и для нас не совсем ясная ввиду фрагментарности и известной противоречивости источников». Наиболее полный список восточно-кавказских владетелей этого времени привел Баладзори. Он назвал хакана гор («сахиб ас-Сарира»), филан-шаха, табасаран-шаха, «царя Лакза», «царя Маската», лейран-шаха, правителя Зирехгерана (Кубачи) и др. Согласно Ибн-аль-Факиху, в этих районах было 13 «стран» («мамалик»), среди них — страна «сахиб ас-сарир» и Арран, первая страна Армении. Видимо, Албания на севере смыкалась с независимыми горными владениями «при верховной власти Сасанидского Ирана, которую унаследовали арабы» (*Новосельцев* 1990, сс.173–174).

Термин *эмир*, в Дагестане известный с конца VIII в., обозначал носителей то военной, то гражданской власти, то объединял эти функции в одном лице (*Шихсаидов* 1984, сс. 215–221, 386–387). Здесь же отметим, что в тюрко-монгольской титулатуре *амир* находился ниже социального термина *хан*. Более того, амиром нередко назывался любой предводитель того или иного отряда, и вообще военачальник (*Гафуров* 1987 с.70).

Военно-служилая знать Дагестана в «Худуд-ал-Алам» представлена под разными терминами: тарханы, бактрики, ра'асы. Тарханы и бактрики, по предположению А.Р. Шихсаидова – предводители небольших военных отрядов, десятков или сотен. Ра'асы – близкие к «царю» представители военно-служилой знати (*Шихсаидов* 1975, сс. 138–139; 1986, сс. 22–23).

Богатая социальная терминология, обозначавшая владельцев Дагестана, зафиксирована в работе ал-Куфи. Неоднократно упоминаются *малики гор* – малики Лакза, Филана, Табасарана и др.; к этой же категории относятся термины *хакан, сахиб* ас-Серир. Следующую социальную лестницу составляли *асхабы хакана, раисы гор,* хазарские *тарханы, тарханы* и *влиятельные люди* из подчиненных народов. А.Р. Шихсаидов полагает, что *асхабы хакана* – это, по всей вероятности, совет, наиболее близкое окружение хакана, состоявшее из военных аристократов. *Маликами* названы правители отдельных социумов. Только в отношении правителя Серира приведен термин *сахиб*. Практически ту же терминологию в отношении владельцев Дагестана употреблял Табари (*Шихсаидов* 1986, сс.22–24).

История происхождения еще одного титула – *шамхала* Тарковского все еще не имеет однозначного решения. Наиболее распространенным является мнение о происхождении этого титула от имени арабского ставленника Шахбала – уроженца местечка под названием Хал в Сирии (Шам). В.Г. Гаджиев присоединился к мнению М.А. Полиевктова, связавшего возникновение рассматриваемого титула с арабским военачальником по имени Шах-баал-бин-Абдулла, назначенным правителем Дагестана. Со временем «его собственное имя, при его преемниках, обратилось в их владельческий титул» (*Гаджиев* 1979, с. 95).

Если этимология термина все еще не имеет однозначного решения, то время его появления большинством исследователей относится ко времени арабских завоеваний.

Восточные авторы нередко сообщают еще об одном дагестанском социуме – Хайдаге/Кайтаге. Возможно, это название возникло «от высшего класса, состоявшего из пришельцев (как это случилось с кавказскими аварами), но в противоположность мнению Бартольда, это произошло не во время монгольского

нашествия, а несколько раньше, так как название Хайдак засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) уже у арабских авторов IX–X веков н.э. Хайдаки были лучше организованы, чем их соседи табасаранцы» (*Минорский* 1963, с.127).

Согласно Масуди, «наиболее вредным из соседних (с ал-Баба – Ф.Г.) народов является Хайтаг... *Его царь – мусульманин, претендующий на происхождение от араба из (племени) Кахтан... В настоящее время, а именно в 332/943 г., он именуется Салифан*, и нет в его царстве других мусульман, кроме него самого, его сына и семьи» (*Minorsky* 1958. P. 154).

Среди социумов древнего и раннесредневекового Дагестана постоянно упоминается Табасаран. Напомним, что еще Елише и Фавстос Бузанд в связи с событиями II–III вв. сообщали о самостоятельном войске *таваспаров*. Некоторые исследователи, цитируя Елише, называют «все войско Таваспарана горного и равнинного и всю крепостную неприступную страну гор» (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 186). Приведенный перевод сюжета из труда Елише создает впечатление, что он полностью относится к Табасарану, и в этом случае данное общество предстает как большой по территории и людским резервам социум с мощными укреплениями. Однако К.Н. Юзбашян в новом отдельном издании дал иной перевод: Васак «призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чор, сосредоточил там все (силы) страны *иверов, лпинов* и *чилбов,* (вызвал силы) Вата, Гава, и Глаухара, и Хрсана, и Хечматака, Пасха и Посха, и Пюкуана, все войско Таваспарана – с гор и стран, и из всех горных укреплений» (*Юзбашян* 2001, с. 253). В данном случае речь идет об отрядах разных этносоциальных образований, расположенных на Северном Кавказе и в Закавказье; равным образом как с «гор», так и с «равнин».

«Армянская география» VII века в списке 53 народов Сарматии также упоминает таваспаров. Арабские источники в рассказах о событиях VII в. называют социум Табасаран. На рубеже I–II тысячелетий восточные источники в ряду «выдающихся защищенных укреплений» выделяют «Баб-Табасеран Шах». Ибн ал-Факих сообщает о строительстве своеобразной системы укреплений из 360 замков, тянувшейся до Алании. «Из них 110 замков во владении мусульман до земель Табасаран, а остальные находятся в землях Филана и Сахиб ас-Серира до Баб-Аллан». Исторические предания с приходом арабов связывают назначение ими правителем Табасарана араба Мухаммеда Маасума и двух кадиев «для обучения народа шариату» (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 186).

В период первых арабских походов жители Байлакана вышли

навстречу войску противника, возглавляемого Салманом б. Рабиа, и попросили безопасности (*аман*). В обмен горожане предложили жилье для размещения воинов Салмана и «внесение податей (*мал*)». Военачальник арабов отправил послов «к владельцам гор». К нему пришли «малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана, которые преподнесли ему провизию и подарки, заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определенной контрибуции». Позднее аналогичные соглашения заключили арабский военачальник Джаррах и жители Хасина и Таргу. Завоеванные социумы Дагестана, например — Сарир и Туман, вынуждены были принять более тяжелые условия победителей, в частности — Марвана (*Шихсаидов* 1986, сс. 13–15).

Бытует мнение, что в отношении глав завоеванных территорий Северо-Восточного Кавказа арабы проводили более или менее взвешенную политику: под свой контроль они брали военные и финансовые функции, а управленческие оставляли местным династиям. Специалисты отмечают по этому поводу: «Ни при ранних походах, ни при наиболее интенсивном вторжении Мервана в глубь дагестанских гор — нигде нет сообщения о замене одного владетеля другим, все местные правители остаются на своих местах, принимают условия завоевателей» (*там же*, с. 22).

Как представляется, вести речь о сохранении власти *всеми* местными владельцами не совсем корректно. Г. Алкадари придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Более того, он полагал, что Абумуслим в середине VIII в., приступив к своего рода реформе управления в отдельных социумах Дагестана, «остерегся дать» кому-нибудь из коренных владельцев «большую должность вроде правителя». В Кайтаге Абу-Муслим «назначил из своего племени Амир-Гамзу старшим правителем... а при нем поставил других лиц и отряд из арабов» (*Алкадари* 1929, с. 23). А.В. Комаров правящий в Кайтаге род выводил «из рода Корейшитов; он... принял титул *Исмий* (что значит по-арабски *именитый*), превратившийся в последствии в *Уцми*, *Уцмий*». В Табасаране «правителем был назначен (арабами — Ф.Г.) Магомет-Масум (безгрешный) и в помощь к нему для наставления народа в вере придан кадий» (*Комаров* 1868, с. 77).

В походе 722 г. Джаррах с шеститысячным войском подошел к Дербенту и разбил лагерь на берегу р. Рубас. Здесь «созвал он табасаранских и кайтагских эмиров, не принявших еще ислам, и сказал им: я пришел из Аравии воевать с хазарами и желаю, чтобы вы мне помогали». Артаныш, один из лезгинских предводителей, «тайком уведомил об этом сына кагана».

Узнав об этом, Джаррах послал два отряда по 2000 воинов каждый на Табасаран и Кайтаг. За ночь отряды арабов разгромили названные дагестанские владения, захватили 2700 пленных и с большой добычей вернулись в лагерь (*Бакиханов* 1926, с. 40).

В 734 г. Абу-Муслим отправился в Кайтаг, жители которого после ожесточенного сражения и больших потерь подчинились арабам и приняли ислам. Абу-Муслим правителем Кайтага назначил своего родственника Эмир-Гамзу. Затем арабы двинулись на Табасаран, населенный «евреями и идолопоклонниками». После гибели «предводителя», потеряв множество воинов, «оставшиеся в живых приняли учение ислама». Правителем Табасарана Абу-Муслим назначил Мухаммед-Маасума, кроме того, оставил двух кадиев (*там же*, сс. 42–43).

Баладзори в сюжете о походах Салмана б. Рабийа рассказал, что арабский военачальник послал своих представителей в горные общества; «к нему прибыли малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана, которые преподнесли ему провизию и подарки, заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определенной контрибуции» (*Шихсаидов* 1986, с. 13). Согласно информации того же автора, Табасаран до прихода арабов был самостоятельным владением. В период арабо-хазарских войн местное население платило дань Мервану (*Баладзори* 1927). Маслама «отправил... (часть войска) в Табасаран, жители которого заключил и с ним мир» (*Якуби* 1927, с. 7).

Большой интерес вызывает сообщение арабского автора XII в. Ал-Гарнати. «В стране Дербента» он отметил «народность, которую называют табарсарлан, у них двадцать четыре рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру». Из этнографических особенностей табасаранцев Гарнати выделил их поклонение мечу (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 187).

Страну (*mulk*) Гумик характеризует Масуди. «Ее народ — христиане, которые не подчиняются никакому царю, но имеют вождей (*ru"asa*) и живут в мире с царством Алан... Другим соседом (Кайтага?) в направлении Серира и гор является царство Зирихгаран (*Zirih-garan*), что означает 'ремесленники по изготовлению кольчуг', потому что большинство из них являются мастерами по производству железных кольчуг, стремян, уздечек, мечей и другого вооружения. Они исповедуют разные религии: ислам, христианство и иудейство. Их страна (*balad*) гористая и это защищает их от соседей» (*Minorsky* 1958. P.155).

Некоторые историки Дагестана полагают, что в вышеназванных социумах «переход к развитому феодализму имел место в X–XI вв.» (*Магомедов* 1988, с. 42–44). В источниках того

же времени упоминаются титулы владельцев Дагестана: *малик* Джидана, *эмир* Хайдака, *филан-шах* (правитель) Серира (*Материалы...* 1986, сс. 135, 147–149). Однако этого явно недостаточно для признания названных обществ феодальными.

Чаще всего в качестве феодального владения на территории Дагестана называется Серир[3]; его рассматривают как пример «общедагестанского государства». В течение второй половины IX – середины X вв. Сериру подчинились Гумик, Кайтаг, часть Шандана и Аррана[4]. Какой-то период владельцы Серира контролировали значительную часть нагорного и предгорного Дагестана. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что «созданию такой значительной государственной территории, возможно, способствовало распространение *феодальной* дани и повинностей в пользу верховной власти, о которой упоминают *авторы VI в.* (курсив мой – Ф.Г.)» (*Атаев* 1989, с. 13). Имеется в виду *сюжет* из труда Баладзори (автора *IX*, а не *VI* в.): в Дагестане «выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... и заключил с ними мир, обязав платить ему подати» (*Баладзори* 1927, с. 7). Но в данном случае речь скорее идет о налоге для уплаты дани завоевателям, а не ренты.

Царь Серира, согласно Ибн-Рустэ, помимо города *RNJS*, имел «другой очень мощный замок под названием *al-Al (Alal)* и Гумик, (также) очень мощный. Здесь находится сокровищница, и этот замок дал (его предкам) Ануширван» (*Minorsky* 1958. P.169).

Правитель Серира опирался на свою дружину, основные функции которой М.М. Атаев (1989, с. 15) видит во взимании дани-налога, участии в обороне государства и внешних походах. Согласно Ибн-Рустэ и Масуди, в X в. дружина Серира жила со своим предводителем обособленно от соплеменников – в отдельном замке, расположенном в столице Дж.мр.дж (возможно Хунзах) (*Minorsky* 1958, P. 155, 167–168). Вероятно, внутри дружины уже имелась определенная дифференциация. Напомним, что военная аристократия Дагестана в источниках той поры представлена несколькими терминами: тарханы, бактрики, раисы и др. Если тарханы и бактрики представляли элиту военной аристократии, то раисы («старейшины населения») – средний слой; они возглавляли военные отряды жителей одного или нескольких поселений (*Бейлис* 1963, с. 258). Можно предположить, что раисы возглавляли «молодшую дружину» – ополчение, в то время как тарханы и бактрики возглавляли дружину, состоявшую из представителей военной знати.

Глава Серира в источниках предстает под разными титула-

ми: *малик, сахиб, филлан-шах, хакан горы.* Если *малик* в ту пору — обозначение немусульманских правителей, а *сахиб* — владелец (*Шихсаидов* 1986, сс. 22—23), то *филан-шах* (князь-слон) — общий титул царей Серира. Правда, существует мнение, что Филан-шах не титул, а личное имя правителя Серира 40—50-х годов X в. (*Материалы...* 1986, с. 148).

Резиденцией царей Серира являлся замок «на вершине горы, занимал площадь 4x4 фарсаха и был окружен каменной стеной. Царь владеет золотым троном (*sarir*) и серебряным троном. Все население замка — христиане, а все остальные жители страны — язычники. Царь владеет 20 000 долин (*shi"b*), населенных разного рода (*sunuf*) людьми, имевшими там поместья и деревни» (*Minorsky* 1958. P. 168). О силе и богатстве царя Серира свидетельствуют и другие арабские авторы (см.: *Гаджиев* 1979, сс.165—169).

Анализ арабских и дагестанских памятников привел А.В. Гадло к выводу о большом военно-политическом потенциале Серира; их царь нередко нападал на хазар и одерживал победы над ними. Из вышеупомянутого «горного гнезда» владелец Серира «через особый военно-административный аппарат, состоявший из лиц, носивших титулы бактриков (патрициев) и тарханов, управлял страной и войском» (*Гадло* 1994, сс. 14—15).

После походов Марвана, нанесшего хазарам чувствительное поражение, центр каганата переместился в низовья Волги, где возникла новая столица хазар. Для Предкавказья и горных районов «это ознаменовалось усилением самостоятельности местных государств, в первую очередь ас-Сарира и ал-Алана» (*Новосельцев* 2000, с. 276). Симптоматично, что правитель Серира у Баладзори в одном случае назван *хаканом*, в других случаях — *сахиб ас-Серир*. В этом случае «властелин фигурирует в качестве хакана гор (подразумевается его высший суверенитет в горном Кавказе)» (*там же*, с. 369).

Из всего изложенного можно сделать вывод, что Серир X в. — это раннеклассовое общество; следов *феодальной* ренты, как и *феодальных* методов эксплуатации непосредственных производителей в источниках обнаружить не удается. Поэтому определение Серира как *феодального* государства представляется необоснованным.

В целом, о типологии дагестанских обществ рассматриваемого времени «до выявления господствовавших там форм эксплуатации говорить нельзя» (*История народов...* 1988, сс. 125—126; 132)

Одним из существенных факторов классообразования у народов Северного Кавказа являлось исполнение функций (военного) руководства, что некоторые исследователи обозначают

понятием «власть-собственность» (*Васильев* 1982, сс. 60–99). Другой важной общественной функцией, служившей источником формирования господствующего класса, являлось исполнение культовых обрядов.

Занятие важных общественных должностей способствовало имущественному благосостоянию и в то же время служило самой прочной его гарантией. Усложнение социальных структур и производственных процессов приводило к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые община поначалу лишь эпизодически несла на содержание лиц, занятых организационно-управленческими функциями, постепенно превращались в фиксированный налог и даже становились формой эксплуатации. Следовательно, из двух возможных вариантов складывания классового общества: путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта или путем монополизации общественной должностной функции, для народов Северного Кавказа характерен второй путь.

К концу I тысячелетия во многих социумах Северного Кавказа военная аристократия потеснила старую знать.

Существенные изменения в структуре верховной власти Хазарии начались после похода Мервана 737 г. Он разгромил хазар, взял их столицу, отбросил остатки хазарских войск далеко на север. Поражение было настолько серьезным, что хакан даже согласился принять ислам, но все-таки не сделал этого. Верховная власть оказалась скомпрометированной неудачной внешней политикой; в итоге на рубеже VIII–IX вв. именно *шад*, как полагал А.П. Новосельцев, выдвинулся на первый план и именно он оказался инициатором принятия иудаизма в качестве государственной религии. По-видимому, в это же время он принял новый титул «бек», впервые фиксируемый источниками в связи с событиями 30-х годов IX в. Анализ политических событий рубежа VIII–IX вв. привел А.П. Новосельцева к выводу о победе «иудаизма среди части хазарской знати, во главе которой стоял шад-бек». Иными словами, период двоевластия у хазар в основном приходится на IX в., «когда шад (бек) постепенно оттеснил хакана на второй план» (*Новосельцев* 1990, сс. 140–142). В начале IX в. глава хазар Обадий провел с этой целью ряд реформ. В памятниках еврейско-хазарской переписки он изображается как «человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания)...» (*Коковцов* 1932, сс. 80, 97).

В этой характеристике Обадий предстает реформатором. По предположению М.И. Артамонова, Обадий был тем беком, который стал первым хазарским царем и низвел роль кагана до положения сакрального владыки. Перемены в структуре управления подкреплялись идеологическими методами — путем утверждения высокого статуса новой религии. С этого времени иудейство из вероисповедания одного из знатных хазарских родов превратилось в религию аристократической элиты — царей, каганов и их окружения. Утверждение власти царя протекало в ожесточенной борьбе, принявшей характер «гражданской войны». Она шла из-за власти: «первая власть одержала верх» (Константин Багрянородный), следовательно, борьба шла между сторонниками Обадия и его противниками из числа знати, недовольных сужением, а то и ликвидацией их прерогатив. Опираясь на иудаизм, сторонники царя преследовали аристократов, исповедовавших другую религию. Во время войны была ликвидирована церковная организация хазарских христиан. В 834 г., несмотря на возобновление дружественных связей с Византией, Петроне не позволили соорудить в Саркеле христианский храм, хотя он рассчитывал на это и даже привез мраморные архитектурные детали. Религиозные преследования коснулись и мусульман. В 854/5 годах в Закавказье были переселены 300 семей хазарских мусульман. Кабары-язычники бежали к мадьярам (*Артамонов* 1962, сс. 279–280, 324–330).

У хазар имелся отборный отряд всадников. Масуди, сообщая о том, что «царь хазарский может иметь на жаловании войска», выделяет «конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами; среди них есть вооруженные копьями, а также снабженные оружием наподобие мусульманского вооружения» (*Караулов* 1908, с. 45). По сведениям Ибн-Даста, царь хазар «в походы свои ходит со своими войсками. Воины его красивы собою. Когда войска эти выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони. Конное царское войско состоит из 10 000 всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности» (*Ибн-Даста* 1869, с.18).

Арабские авторы (*Бейлис* 1986, сс. 141, 143) отмечали «весьма странную», по определению М.И. Артамонова (1962, с. 408), структуру власти в каганате — своеобразное «двоевластие». Во главе хазар стоял каган, пользовавшийся большим почетом, но не принимавший участия в управлении. Реальная власть была сосредоточена в руках царя, именуемого источниками по-разному: *илък* (первый), *иша, бек, малик, тархан-каган* и т.д. Ибн-

Даста, например, писал: царь хазар «называется Иша; верховный же государь у них — Хозар-Хакан. Но этот последний только по имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войсками занимает положение такого рода, что не дает ответа никому, кто бы стоял выше его» (*Ибн-Даста* 1869, с. 16). По свидетельству Ибн-Фадлана, верховным правителем хазар являлся хакан, а его заместителем — бек. «Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется (перед народом), совершает походы и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари» (*Ковалевский* 1956, с. 146).

Причину двойственной организации власти у хазар, алан, мадьяр и других народов Кавказа помогают вскрыть источники той поры. Так, согласно Масуди, хазары в случае неудачного похода, при засухе и т.д., приписывали «свое несчастье этому хакану», требовали у царя его смерти, утверждая: «его существование приносит нам вред» (*Караулов* 1908, сс. 46–47). В варианте В.Ф. Минорского: «Масуди говорит: в том, что мы сообщили, в действительности мы имели в виду не царя (*малик*) Хазар, а скорее *хакана*. В государстве хазар действительно имеется *хакан* и по существующему правилу он находится в руках другого *царя* и в его дворце. Хакан (постоянно) остается во дворце и не может ни выехать, ни появиться перед придворными и народом, ни покинуть свое жилище, в котором вместе с ним (живет) его семья. Он не отдает приказов, не принимает решений в государственных делах». Тем не менее, царь не смог бы полноценно управлять Хазарией, если бы хакан не находился рядом с ним, в замке (*Minorsky* 1958. P. 148).

Итак, хакан — фигура сакрализованная, реально не принимавшая участия в жизни социума. Однако, в случае каких-либо неблагоприятных обстоятельств, отвечать за неудачи во всех сферах бытия приходилось именно ему. Масуди продолжает: «Когда страну Хазар постигает голод или другое бедствие, или когда против хазар пойдут войною другие народы, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знать и простые люди быстро идут к царю и говорят: мы рассмотрели приметы об этом хакане и считаем их зловещими. Так убей его, или передай нам, чтобы мы могли убить его сами» (*Minorsky* 1958. P. 148).

По данным Ибн-Фадлана, каган правил 40 лет. «Если он переживал (хотя бы) на один день, то подданные и его приближенные уволят или убьют и скажут: у этого ум уже уменьшился и его суждение (стало) путаным (неясным)» (*Ковалевский* 1956, с. 147).

С личностью сакрализованных правителей связывалось бла-

гополучие всего этноса, а все несчастья приписывались ослаблению его божественной силы. Это характерно не только для хазар, мадьяр или алан. По данным Н. Харузина (1903, сс. 240–259), институт «второго царя» бытовал у многих народов мира на всех континентах; на определенной стадии развития главу общества воображение народа наделяло сверхъестественными способностями. В соответствии с этими верованиями предполагалось, что ход природных явлений и жизнь коллектива в какой-то мере находились под контролем «царя». При этом исходили из того, что его власть над природой, подданными, рабами и т.д. осуществлялась посредством волевых актов. Поэтому, если имели место засухи, голод, эпидемии, бури народ связывал эти напасти с преступным поведением «царя». За это его наказывали и даже убивали. В таком изменении поведения народа (от безоговорочного подчинения до лишения жизни) нет ничего непоследовательного. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если верховный правитель является воплощением божества, он должен хранить свой народ; в противном случае он должен уступить место более способному преемнику (*Фрэзер* 1983, сс. 165–168; *Пропп* 1986, сс. 332–335).

Ибн-Фадлан, побывавший в этих местах в 921/2 годах, писал, что у хазар есть малик, называемый хаканом; он показывается (народу, знати?) раз в 4 месяца. У него есть «халифа» («заменяющий в делах»), именуемый хакан-бех. Последний командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». Как видно, по сути никакого двоевластия уже нет. Показателен и титул «хакан-бек». Его можно перевести как «хакан-государь», т.е. реальный хакан. Примерно так же чуть позже описывали Хазарию Истахри и Ибн-Хаукаль. Таким образом, в X в. двоевластие сменилось властью бека, «лишившего хакана реальной власти и влияния» (*Новосельцев* 1990, сс. 134, 137–142).

Истахри и Ибн-Хаукаль приводят интересные данные о внутренней жизни хазар. «Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях. На обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повинность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее». «Зажиточных и богатых» царь обязал «поставлять всадников, сколько они могут по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих» (Ибн-Даста). Войско («конная гвардия») царя по одним данным состояло из 7, по другим – из 10, по третьим – из 12 тысяч воинов. Согласно Истахри, за исключением военной добычи, «у них нет определенного постоянного жалованья», в то время как Ибн-Хау-

каль говорит о выдаче войску небольших сумм. Господствующий слой составляли военно-чиновничья аристократия, дружинники, «старейшины» родов и «лица одного класса с царем» (*Ибн-Даста* 1869, сс. 16–19; *Караулов* 1908, сс. 44–45).

По данным Масуди, «мусульмане преобладают в этом городе (или стране?), так как они составляют царское войско. В этом городе они известны как ал-Ларисийа (Арсийа, Арисиа и т.д.) и являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестные и храбрые люди, и служат главной опорой (*mu'awwal*) царя в его войнах» (*Minorsky* 1958. P. 146–147). Службу царю прибывшие воины оговорили некоторыми условиями, одним из которых являлось сохранение за ними права открыто исповедовать свою религию, иметь мечети и призыв к молитве. Должность «царского визиря» закреплялась за ними. В случае войны с мусульманами они не сражались, но вместе с царем выступали против любого врага из неверных. «В настоящее время около 7000 из них вместе с царем выступают на конях, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги». Масуди отметил еще одно важное обстоятельство: «Среди восточных царей этого региона только царь Хазарии имеет войско, получающее жалованье (*murtaziga*)» (*Minorsky* 1958. P. 147).

Некоторые исследователи считают хазарское общество IX–X вв. раннефеодальным (*Плетнева* 1976, сс. 57–59; *Магомедов* 1988, сс. 154–155). По оценке Б.Н. Заходера (1967, с. 148), «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке». Ю.М. Кобищанов (1995, с. 219) полагает, что зависимое хазарское население «составляло класс феодально-эксплуатируемого крестьянства». Такой подход представляется, по меньшей мере, спорным. Судя по имеющимся данным, источниками доходов высших сословий являлись военная добыча, торговые и судебные пошлины, а также прибавочный продукт, изымаемый у населения путем налогов и «даров». Следует согласиться с оценкой авторов обобщающего труда по истории региона, назвавшими хазарское государство «раннеклассовым» (*История народов...* 1988, с. 131).

Дальнейшее развитие хазарского государства было прервано; среди основных причин — походы внешних противников. Эта тема неоднократно поднималась в историографии (см., например, работы С.А. Плетневой, А.П. Новосельцева, Р.М. Магомедова и др.). Поэтому остановимся лишь на одной из

последних публикаций — статьи И.Г. Коноваловой. Детальный анализ письменных и археологических источников привел ее к выводу о гибельных для хазар последствиях походов 965 и 969 гг. Вопреки распространенному мнению о славянском ядре участников этих военных акций (в первом случае источники иногда добавляют алан/ясов и касогов), И.Г. Коновалова набег 965 г. связывает с активностью тюрков. Исследовательница присоединилась к мнению Т.М. Калининой и вслед за ней полагает, что нападение было отражено благодарю участию «расквартированной в Итиле хорезмийской гвардии». Второй поход — 969 г. — «совершили разные отряды русов — пришедшие из Киева воины Святослава, находившиеся в то время в Итиле гвардейцы утратившего власть хазарского царя, а также группы воинов из Верхней Руси» (*Коновалова* 2003, сс. 181–185).

К концу I тысячелетия на Центральном Кавказе окрепли позиции алан. Причем, не только на равнине, но и в ущельях. В частности, группа раннесредневековых катакомбных могильников находится в горной полосе Северной Осетии; к ним относятся: Архон, Верхний Садон, Галиат, Камунта, Кумбулта, Ход. Эти памятники расположены на высоте свыше 1300 м над уровнем моря. Окрестности Садона богаты месторождениями полиметаллических руд. В 1928 году Е.Г. Пчелина в ходе историко-этнографической экспедиции в Алагирском ущелье доследовала ранее обнаруженную местными жителями катакомбу. Недавно З.П. Кадзаева здесь же на площади около 600 кв. м раскопала 50 комплексов, состоявших из 43 грунтовых катакомб, 6 захоронений коней и одного погребения во входной яме катакомбы. Погребенные, обнаруженные на глубине до 4 м, были уложены на слое пережженного древесного угля головами налево по отношению ко входу в камеру. Мужские захоронения, за исключением одного, лежавшего на левом боку с подогнутыми ногами, совершены вытянуто на спине. Женские погребения совершены в слабо скорченном положении на правом боку с подогнутыми ногами. В катакомбе № 28 отмечен деформированный череп.

В камерах зафиксированы отдельные кости жертвенных животных; в редких случаях здесь же обнаружены керамические кружки. Сопровождающий инвентарь богат и разнообразен: оружие, детали конского снаряжения, поясная гарнитура геральдического стиля, кавказские фибулы шарнирной конструкции, зеркала, каменные, стеклянные и полихромные бусины, серьги, перстни, браслеты, туалетные принадлежности и т.д. Обращает на себя внимание наличие большого количества золотых и серебряных предметов. По мнению руководителя раскопок, стабильность погребального обряда и конструкции

катакомб свидетельствует, вероятно, об однородном этническом составе «населения раннесредневекового Садона и указывает на узкие хронологические рамки исследованной серии катакомб» (*Кадзаева* 2004, сс. 87–88).

На наш взгляд, материалы могильника дают основание и для их социальной интерпретации. Верхний Садон расположен на Военно-Осетинской дороге (современное название – Транскам), эксплуатировавшейся с древних времен. Начинаясь у входа в Алагирское ущелье, дорога через перевал вела в Закавказье. В раннее средневековье на относительно небольшом ее участке располагалось несколько таможенных застав, подконтрольных аланам.

Напротив с. Биз, на правом берегу р. Ардон, расположены «Ворота чырамад» («Известковые ворота») – остатки древней таможенной заставы. Ее возведение одни предания связывают с генуэзцами, другие – с местным родом Цахиловых, которые несли здесь неусыпную караульную службу и взимали плату за проезд. Недалеко от этих мест найден серебряный сасанидский кубок, по предположению археологов, в VII в. взятый в качестве платы за проезд через «Ворота чырамад» (*Пчелина* 1947 с. 257; *Кузнецов* 1974, сс. 63–65; *Тменов* 1984, сс. 200–201).

Выше по течению, также на правом берегу Ардона, расположена Нузальская наскальная крепость, состоящая из нескольких труднодоступных башен. По стойкой народной традиции, здесь, будто бы, существовал монастырь с кельями, укрытыми в толще горного склона. В кельях, якобы, хранились древние церковные книги и другие исторические реликвии, в начале XIX в. вывезенные грузинским священником И. Русишвили и затем бесследно исчезнувшие. Местные предания, основанные на конкретных реальных событиях, гласят, что в Нузальской крепости некогда жил аланский царь Ос-Багатар со своими сыновьями, от которых, будто бы, происходят почти все фамилии ущелья (*Кузнецов* 1990, сс. 50–104; *Гутнов* 1993, сс. 70–94).

В 2–3 км к югу от пос. Бурон, на левом берегу Ардона, расположена таможенная застава *Зылын дуар* «Кривые ворота». Она представляла собой комплекс из заградительных сооружений, подпорных стен и боевой башни, перекрывавших древнюю дорогу. Свое название застава получила из-за кривого, невысокого прохода, в случае нападения становившегося непроходимым препятствием для противника (*Тменов* 1996, сс. 62–63). Перед заставой сохранился относительно большой участок мощенной камнем древней дороги. Подробное описание «Зылын дуар» в XIX в. оставил В.Б. Пфаф: «Версты две выше урочища св. Николая ущелье было прежде заперто древнею стеною, называемой Зылын дуар 'Кривые ворота'. Стена идет че-

рез всю ширину ущелья почти до берега реки Ардон, на котором выстроена другая стена, образующая правый угол и заслоняющая с северной стороны узкий проход». Между стенами дорога идет изогнутой линией, вследствие чего ворота эти получили название кривых. «Осетины приписывают сооружение этих ворот то Ос-Багатару, то царице Тамаре». Первое невозможно, ибо по устройству эти ворота служили защитой не с юга, а с севера. «Но и второе предположение не имеет основания, потому что постройка эта новее XII или XIII столетия. Главная поперечная стена поднимается на некоторое расстояние по крутому склону горы и на конце стоит будка, очевидно, служившая жилищем сторожа или сборщика пошлин, так как все это сооружение не что иное, как таможенная застава» (*Пфаф* 1871, с.143).

В 4 км к северу от с. Нижний Зарамаг на правом берегу р.Ардон зафиксированы руины Касарского оборонительного комплекса, состоявшего из внушительной башни и мощной заградительной стены 12-метровой толщины. По словам К. Коха (1837 г.), этот комплекс отделял «округ Нижнего Ардона ... от округа Верхний Ардон» (*ОГРИП*, с. 248). В «Географии Грузии» (1755 г.) царевича Вахушти описаны «скалистые врата, устроенные из камня на извести, с большим сводом над рекою... И ущелье это очень крепкое и недоступное» (*Вахушти* 1914, с. 145). Эту заставу неоднократно упоминали побывавшие здесь путешественники и ученые. В.В. Маркович, например, писал: «Место это замечательно тем, что дорогу здесь пересекала очень высокая и капитальная (в несколько сажен ширины) построенная стена... Теперь видны только остатки этой стены и бывшей здесь крепости, а наверху выше дороги видны остатки башни... Она очень древняя, это не подлежит никакому сомнению и даже в воспоминаниях народа ничего не осталось о ней. Она гораздо древнее Зылын дуар... Особенно поражает колоссальность этой постройки». Стена была очень массивной; не случайно в народе ее называли «Китайской» (*Маркович* 1906, с. 78).

В 1986 г. экспедиция во главе с В.А. Кузнецовым исследовала остатки Касарского оборонительного комплекса, выделив три последовательных строительных периода. Выяснено, что после завершения всех работ, итоговая толщина монолитной оборонительной стены составляла 11,8 м! Сохранившаяся высота комплекса доходила до 5 м. Ничего подобного в практике фортификационного строительства на Кавказе не было. Касарская оборонительная стена вдвое мощнее могучих стен таких крепостей как Дербент и Хумара. Наличием нескольких строительных периодов Касарской заставы объясняются, очевидно, полученные специалистами различные даты ее возведения. Ана-

лиз Н.А. Голодковской древесного угля, взятого у стены на глубине 4 м, дал дату I век н.э. (См.: *Кузнецов* 1990, сс. 121–126). Образцы известкового раствора, взятые из стены и исследованные А.О. Наглером, дали дату 651 г. (*Наглер* 1986, с. 78). Комплекс существовал и позже. Подъемный материал дает массу предметов, датируемых временем до XIV в. (*Тменов* 1984, с. 165).

Буквально рядом с комплексом, в 50 метрах к югу от него, расположен склеповый могильник *Галфæндаг* – буквально «Бычья дорога». Из случайных находок отметим две серебряные монеты с арабскими надписями, чеканенные в 800–808 гг. в закавказских городах Заранг и Баджанис. Здесь же обнаружены стеклянные перстни, относящиеся к VIII–IX вв. Возможно, найденные здесь две арабские монеты являлись частью пошлины, взимаемой на Касарском укреплении. В непосредственной близости от башни находится культовый комплекс *Мыкалгабыртæ* – святилище в честь покровителей воинов – святых Михаила и Гавриила. (*Кузнецов* 1990, сс. 91–92, 121–126).

На правом берегу реки, в ущелье Архонидон, на древнем кладбище Е.Г. Пчелина вскрыла множество катакомб VII века. К этому же времени относятся и предметы из нижнесадонского могильника; среди них обнаружена золотая византийская монета императора Фоки (602–610 гг.). Предметы аланской культуры найдены и в верховьях Ардона (См.: *Кузнецов* 1962, с. 20; *Калоев* 1971, сс. 24–25).

Памятники той поры на Ардоне еще очень плохо исследованы, и новые экспедиции могут дать гораздо больший материал. Так, в горах у Алагира случайно обнаружен, но так и не исследован могильник VIII–IX вв. (*Кузнецов* 1980, сс. 78–90).

С учетом изложенного, можно предположить, что какая-то часть богатых погребений раннесредневекового аланского катакомбного могильника возле с. Верхний Садон как-то связана с аланской знатью разных рангов, осуществлявшей контроль над таможенными заставами на важнейшей в военном и торговом отношениях дороге. Подтверждают это и находки в садонском могильнике византийского импорта и монет. Интересно, что рассматриваемый археологический памятник датируется второй половиной VII – первой четвертью VIII вв. Как видно, датировка могильника частично совпадает со временем функционирования таможенных постов на Военно-Осетинской дороге.

В VIII в. начинается завершающий этап политогенеза у алан, приведший к образованию в начале X в. раннеклассового общества. Верховная власть в нем сосредоточилась в руках высшего слоя военной аристократии – багатаров. Согласно Ибн-Рустэ, «царь алан называется Б.гайр, каковое (имя) прилагается к каж-

дому из их царей». Данный титул изначально применялся по отношению к полководцам, но с течением времени он получил новый оттенок и некоторое время применялся также в отношении царей Алании. Таким способом, как представляется, они указывали на свою связь с определенным типом знати — военной аристократией. Одновременно царь алан носил заимствованный у хазар титул *кэркундедж* (*Караулов* 1908, с. 53; *Аланика* 2000, № 3, с. 215). Иными словами, царь являлся носителем и военной и гражданской власти. Масуди, характеризуя общественное устройство алан, отметил, что «*K.rk.ndaj /?/* — обычное имя всех их царей». В.Ф. Минорский в комментарии этого сюжета допускал связь между титулом аланского царя «кэркундедж» и тюркским почетным титулом *kar-kundag*. Элемент *kar* встречается в различных тюркских именах и прозвищах. Вторая часть похожа на мадьярский социальный термин *k.nda*, как и родовое имя эмира северокавказского происхождения Исхака б. Кундаджа /или Кундаджика/ (*Minorsky* 1958. P. 156).

Алания X в. предстает перед нами сильным государством с единоличной властью, именуемой источниками «царской». В документах еврейско-хазарской переписки говорится: «Царство алан сильнее и более жестоко, чем все (другие) народы, которые окружают нас». В тот момент, когда «возмутились все народы против» хазар, «только царь алан поддержал» хакана; многие «цари, (кто) воевали против Казар/ии/; но царь алан пошел на их землю и раз/громил/ ее так, что нельзя восстановить» (*Глоб, Прицак* 1997, сс. 140–141).

Масуди также отметил мощь Алании. «Царь алан имеет 30000 всадников. Он могуществен, очень силен и влиятелен среди (других?) царей. Его царство состоит из непрерывной серии поселений; когда (в одном из них) прокричат петухи, ему отвечают в других частях царства ввиду чересполосицы и смежности поселений» (*Minorsky* 1958. P. 157).

Константин Багрянородный подчеркнул важную роль Алании в международных делах: «(Знай), что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам... (Знай), что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты...» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 53).

По историографической традиции, аланское общество X в. считается раннефеодальным, хотя до сих пор никто не доказал существование в то время именно феодальных методов эксплуатации. Источники начала X в. разделяют алан на «людей знатных и властных» и «простых людей». Но ведь таких свидетельств мало для утверждения о феодальном характере отношений между «знатными» и «простыми». Эксплуатация населения на рубеже IX–X вв. вряд ли осуществлялась рентным способом (во всяком случае, источники не говорят об этом), использовались другие методы изъятия прибавочного продукта.

Как представляется, не все виды изъятия у населения прибавочного продукта в предклассовом и раннеклассовом обществах можно рассматривать как эксплуатацию. В частности, т.н. «добровольные дары», на наш взгляд, являлись ранней формой налога, а не эксплуатацией. Если отбросить некоторые расхождения в деталях, то в современной отечественной историографии преобладают две трактовки понятия «эксплуатация»: 1) любое безвозмездное изъятие продукта одними людьми у других (*Илюшечкин* 1990, сс. 24–30, 95, 303, 306, 331; *Семенов* 1993, с. 55), и с этой точки зрения налог рассматривается как эксплуатация; 2) присвоение чужого труда собственником средств производства; при таком подходе налог не всегда является эксплуатацией (*Ильин* 1985, сс. 69–72; *Коротаев* 1992, сс. 189–198). Вторая точка зрения представляется более логичной. Любой вид налога направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой, прежде всего, на производство необходимых обществу услуг и информации [управление, обеспечение безопасности и т.д.] (*Коротаев* 1992, сс. 193, 198 примеч. 24).

Своеобразной компенсацией неразвитости государственного аппарата в Алании X в. являлось полюдье. Специалисты установили практически всемирное распространение этого феномена и некоторые его разновидности (*Кобищанов* 1987, сс. 135–158; 1995). Внешне полюдье представляло собой обход носителя государственной власти по традиционному маршруту подвластных ему поселений и пограничных районов, где он осуществлял свои привилегии и выполнял главные функции. В связи с этой проблемой привлекает внимание фрагмент из работы Масуди: кроме аланской столицы «в этой стране находятся еще крепости и угодья, располагавшиеся вне этого города, куда царь время от времени переезжает» (*Караулов* 1908, с. 53). Отголоски полюдья на Кавказе сохранились вплоть до XIX в. (*Инал-Ипа* 1965, сс. 428–429, 499; *Кобищанов* 1995, сс. 193–227).

Образование на рубеже IX–X вв. аланского раннеклассово-

го общества – факт примечательный. Но степень развития государственного аппарата и единоличной власти не следует преувеличивать. Хорошо осведомленный о социальной структуре Алании начала X в. Константин Багрянородный особо говорит об «эксусиократоре» Алании и «архонте Ассии» (*Константин Багрянородный* 1989, сс. 51–53), контролировавшем Дарьяльский проход.

Первый социальный термин М.В. Бибиков выводит из древнегреческого *эксусия* «власть» + *кратер* «владеть», «иметь». Это один из византийских титулов, применявшихся к правителям «иноземного народа». Сходный термин *эксусиаст* «употреблялся применительно как к могущественным Фатимидам, так и к аланам и авасгам – вассалам Византии» (*там же*, с. 332 прим. 2). Х. Лиддел и Р. Скотт в своем словаре *эксусия* переводят как «power», «autority» «власть, авторитет» (*Liddell, Scott* 1996, P. 599). А. Алемань отмечает, что «титул *эксусиократора*, специально для правителя Алании, должен был существовать, по крайней мере, между X–XII вв., поскольку в 1107/8 гг. его все еще носил алан Росмик». Эксусиократор Алании являлся «единственным правителем на Кавказе, который не получает от императора *повелений*; к нему обращаются как к независимому государю» (*Алемань* 2003, сс. 242–243).

В 1884 году Г. Шлюмберже опубликовал печать (X в.?) «эксусиократора Алании Гавриила». Анализ австрийского византиниста В. Зайбта привел его к предположению о более позднем создании печати – второй половине XI века. С.Н. Малахов, принимая последнюю датировку эпиграфического памятника, поиск владельца печати связал с тремя «властодержцами» Алании: царем Урдуре, «великим царем овсов» Дургулелем и эксусиократором Росмиком (*Малахов* 1995, сс. 376–377).

По грузинским источникам, в первой трети XI в. против мтавара Кахетии Квирике III (1010–1029 гг.) выступил «царь овсов» Урдуре, который «через Дзурдзукию и страну глигвов перевалил в Тианетию и опустошил Кахетию». Сам царь алан позднее был убит кахетинским правителем. «Но однажды, когда Квирике охотился на Пидарт-горе, на него напал овс – раб и убил его, отомстив таким образом за кровь своего царя Урдуре» (*Джанашвили* 1897, с. 31). Ранняя смерть Урдуре не позволяет идентифицировать его с «эксусиократором Гавриилом» (*Малахов* 1995, с. 377).

С 30-х годов XI века в Алании правил Дургулель Великий. Его сестра вышла замуж за царя Грузии Баграта IV. Дургулель помог Баграту в борьбе с его противниками, «разбил эмира Падлона и полонил Ганджу и ее окрестности». Вскоре после

этого события царь Алании «*через Абхазию*» отправился в Грузию, «тобы погостить у царя Баграта и царицы, сестры своей Борены. С ним вместе прибыли *все князья* (курсив мой – Ф.Г.) Овсетии» (*Джанашвили* 1897, с. 33).

Наконец, третий глава Алании XI в. – «эксусиократор Росмик». Он известен из текста «Алексиады» Анны Комниной /1081–1118 гг./. С.Н. Малахов предположил, что антропоним аланского царя был труден «для восприятия Анны Комниной и последующих переписчиков ее труда». Только этим можно объяснить, почему Анна сначала пишет Ро*см*ик, а затем – Ро*мс*ик. Эксусиократор Алании во главе своих соотечественников, «отважных алан», участвовал в сражении византийцев с Боэмундом Тарентским в Эпире (Восточная Албания) в 1108 году. Ф. Юсти и В. Себит имя Росмик объясняли из иранского *razman*– «стоящий в одном боевом порядке», «военный отряд». В.И. Абаев отметил, что авестийское *rasman* неизвестно в осетинском, но близко по звучанию и значению имя *Омрасмакос* «состоящий в том же отряде», «боевой товарищ». С.Н. Малахов полагает, что аланское имя Росмик – в значении «стоящий в одном ряду», «соратник» – «как нельзя лучше отражало военные функции властодержца» (*Малахов* 1995, с. 378).

Уточнить имя эксусиократора помогла печать начала XII в. Надпись на ее реверсе гласит: «Господи, помоги рабу твоему севасту Росмику» (*там же* с. 377). Как видно из печати, правитель Алании в своей титулатуре предпочел использовать византийское придворное звание «севаст» и языческое, а не христианское имя. «Исходя из этого, надо думать, что только Дургулель был носителем имени Гавриил» (*там же,* с. 378).

Имя еще одного эксусиократора Алании обнаружено Д.В. Белецким (2004, сс. 19–21) в ходе изучения фресок Сентинского храма. Исследователю удалось выявить «четыре этапа декорации, перекрывающих друг друга». Первый этап приходится на вторую половину X века, а последний ограничивается временем не позднее начала XII в. Интересны изображения святых всадников (т.н. «геральдическая композиция»). Настоящей сенсацией стало устное сообщение Д.В. Белецкого о найденной надписи на греческом языке. Ее предварительный перевод: «Обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, императора и августа, и Давида, эксусиократора, и Марии, эксусиократориссы, в лето 6473 (965 г.). Написано рукою ... (имя?) апокрисария и патрикия».

Таким образом, к настоящему времени как минимум в трех случаях известны эксусиократоры Алании; первый среди них – царь Давид, правивший в 965 г.

Упоминание Константином Багрянородным «эксусиократора Алании» и «архонта Ассии» некоторые исследователи трактуют как наличие «наряду с чисто официально-государственным титулом эксусиократора Алании», понятия *архонт*, «целиком связанного с родовым строем», — «старейшина асов» (*Кузнецов* 1971, с. 233). Возражая против данной трактовки, М.В. Бибиков отметил и другие значения титула «архонт»: им обозначались феодалы и чиновники Византии, чужеземные правители. Кекавмен включил «архонтов в трехчленную стратификацию общества, в которой после *царей* фигурируют *архонты*». Термин употреблялся и как синоним понятия «богатый» (*Бибиков* 1999, сс. 290–291).

В античный период титул *архонт* имел несколько значений; использовался он и для обозначения верховных правителей. В частности, известный Левкон в источниках представлен как «архонт Боспора и Феодосии» (тогда как глава синдов Гекатей назван царем). Проблема перевода разбираемого греческого термина сложна. С.Р. Тохтасьев, анализируя его содержание «в применении к представителю государственной власти», подчеркнул: «на самом деле мы имеем дело с вопросом перевода, а не интерпретации». В ряде случаев буквальный перевод как «правящий» или «правитель» не совсем адекватен содержанию термина. «Древняя славянская калька — *начальник*, помимо прочего ассоциируется с совсем другими реалиями. Обычное в научной литературе *архонт* нехорошо лишь тем, что вызывает нежелательные ассоциации с полисной магистратурой: боспорский и, скажем, афинский *архонты*, имеют друг с другом мало общего». С другой стороны, в ряде случаев этим же термином назван «предводитель (прежде всего военный)» того или иного социума (*Тохтасьев* 2004, сс. 149–151, 174–176).

Багрянородный неоднократно использует термин «архонт» для обозначения людей либо разного социального статуса, либо выделявшихся своим богатством. Он упоминает «архонтов турок (мадьяр)», «архонта России», «архонта Булгарии». У печенегов, делившихся на 8 фем, каждой из них управляли «великие архонты», передававшие власть не своим прямым потомкам, а двоюродным братьям, либо детям последних. Такой порядок наследования власти выработался для того, «чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом». Восемь фем подразделялись, в свою очередь, на 40 частей, «и они имеют архонтов более низкого порядка». К архаичному периоду отнесено повествование Багрянородного о первом воеводе

мадьяр Леведии. Мадьяр (у Константина «турок») «было семь племен, но архонта над собой, своего или чужого, они никогда не имели: были же у них некие воеводы». В течение ряда лет «турки» Леведии воевали на стороне хазар. *Архонт* последних (чуть ниже названный также *хаганом*) после полосы событий, в основном неблагоприятных для мадьяр, предложил Леведии титул «архонта». Тот отказался и в итоге архонтом был избран Арпад, сын воеводы Алпуца, «как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к этой власти». Однако из дальнейшего текста становится ясным, что племена венгров не подчинялись «собственным [особым] архонтам... *каждый род* (курсив мой – Ф.Г.) имеет архонта». Архонтом назван и владетель Тарона – одной из областей Армении. Применительно к верховному правителю Армении использовался титул «архонт архонтов», сопоставимый с древнеармянским титулом *ишханац ишхан* «князь князей». В.А. Арутюнова-Фиданян обратила внимание на следующее обстоятельство: «В нашем памятнике титул архонта архонтов прилагается исключительно к Багратидам – Ашоту I (885–890 гг.), его сыну Смбату I (890–913 гг.) и сыну Смбата Ашоту II Железному (914–929 г.), т.е. употребляется как титул Багратидов вообще. Впрочем, Аббаса I (929–953 гг.), второго сына Смбата I, Константин именует только магистром» (*Константин Багрянородный* 1989, сс. 45, 51, 113–115, 131–133, 137, 143, 155, 161, 167, 177, 179, 187, 329 примеч. 64, 364 примеч. 17–18, 407 примеч. 12).

В «Жизнеописании императора Василия» в рассказе о народе росов интересна деталь из общественной жизни последних: «Архонт этого племени собрал подданных на сход и воссел во главе со своими старейшинами»; на этом «собрании» обсуждался вопрос о принятии новой религии – христианства (*Кузенков* 2003, с. 127). Комментируя данный сюжет, П.В. Кузенков подчеркнул, что решение важного вопроса «на народном собрании вполне соответствует исторической реальности той эпохи». Так, когда в 830 г. «апостол Севера (Ансгарий) прибыл с миссионерской поездкой в Берку, торговый центр Свеоланда, проповедовать христианство ему разрешил лично свейский конунг, но при повторном визите в 850 г. его прошение рассматривалось на народных собраниях в разных частях королевства» (*там же*, сс. 128–129, примеч. 5). Судя по контексту, в данном случае титул *архонт* означал военного аристократа.

Иоанн Скилица в «Обозрении историй» этот же сюжет передал почти так же: «архонт (росов – Ф.Г.), еще охваченный суеверием, и вельможи его, и весь народ» (*там же*, с. 132) сообща стали решать вопрос об отношении к христианству.

В «Сказании о крещении Руси» отражен итог социального развития росов на определенном историческом этапе: «Правили упомянутым народом несчетные века архонты многие и великие... по прошествии же многих лет стал править ими один архонт по имени Владимир, более всего выдающийся среди прежних своим умом и рассудительностью» (*там же*, с.143). Правда, далее тот же Владимир назван «Великим архонтом», а следом — и просто архонтом, который обсуждал важный вопрос вместе с «вельможами» и «всем народом» (*там же*, с. 144).

В том же источнике вместо *архонта* глава росов назван *топархом*, титулом, которым обозначался правитель, «в чьей власти находилась определенная местность» (*там же*, сс. 148, 149).

В словаре H.J. Mason «архонт» обозначен как эквивалент лат. «princes», *first magistrate* «первый (в Сенате)». Этим же термином обозначалась воинская должность и выборная должность в провинциях. Более широкое значение имел термин «архо»: наиболее часто он приравнивался к латин. *magistratus* «должностное лицо», мог получить значение *consul*; использовался в значении *provincial governors of all ranks* или *rulers, independent authority* «независимая власть» и *equestrian commanders* «командир всадников» (*Mason* 1974. P. 110–113).

Х. Лиддел и А. Скотт в своем словаре *архо* переводят как «быть первым»; *архонт* – как *ruler, commander, chief, king* «правитель», «предводитель», «вождь», «царь», *governor of depenency or province* «правитель провинции» (*Liddell, Scott* 1996, P. 254).

Как видно, в X–XI вв. византийский термин «архонт» применялся к знатным персонам, занимавшим высокую должность (глава провинции, воинского подразделения, административного учреждения), не имевшим должностей богачам, а также чужеземным правителям (болгарским царям, русским князьям, вождям кочевников и т.п.) (*Константин Багрянородный* 1989, с. 291, примеч. 10).

На территории «архонта Ассии» в VI–IX вв. существовал аланский ЭСО, в дагестанской хронике «Дербент-наме» именуемый «страной Ирхан» (*Гадло* 1984, сс. 118–138). Специалисты в эксусиократоре единодушно видят царя Алании; в то время как в «архонте» – аланского владельца (*Бибиков* 1982, с. 143). Причем, у Константина *архонт* «обозначает местного аланского владельца, противопоставление которого феодальным правителям не подкреплено источниками». В то же время Алания, по данным Багрянородного, предстает «политическим *объединением* различных социальных единиц: в наших источниках говорится о правителе *всей* Алании, в чем можно усмотреть... 'собирательное' значение» (*Бибиков* 1999, с. 292).

Недавно эту точку зрения оспорил К. Цукерман. Его трактовка соответствующего сюжета Константина Багрянородного отличается от оценок М.В. Бибикова и А.П. Новосельцева. Самые принципиальные поправки заключены в трактовке взаимоотношений эксусиократора Алании и архонта Асии, а также географических координат *земли асов*: «страна Азия помещается в Дарьяле и к северу от Дарьяла, ибо к югу граница Цанарии подходила к самому проходу» (*Zuckerman* 2003, P. 159).

Опираясь на новый перевод (Н. Глоба и О. Прицака) «Анонимного хазарского письма», К. Цукерман к числу «наиболее упорных недругов» Хазарии относит страну Асию. Она же, продолжает ученый, «фигурирует ... среди стран, нападавших по наущению Византии на Хазарию после ее обращения в иудаизм (ок. 861 г.), т.е. в последней трети 9 — начале 10 в.» (*там же*).

Автор не сомневается, что в обоих текстах имеется в виду одна и та же страна. В итоге исследователь приходит к заключению «о существовании в первой половине 10 в. *двух независимых государственных образований, Алании и Асии*, расположенных непосредственно к северу от Кавказского хребта» (*там же*).

Следует отметить, что К. Цукерман довольно избирательно подходит как к свидетельствам авторов той поры, так и к интерпретации их переводов. Существуют иные версии перевода интересующего нас сюжета.

Ю.С. Гаглойти разбираемый фрагмент изложил так: «архонтам Тцанарии, архонту Сарбана (это племя находится в середине между Тцанарией и Аланией), архонтам Асии, там находятся ворота Каспийские... Распоряжение от христолюбивых государей всем им, архонтам их провинций» (*Аланика* 2000. № 1, с. 248). Ю.С. Гаглойти отметил также: если «Армянская География» VII в. «локализует Аланские ворота в земле Тцанаров, то Константин Порфирородный называет их в Асии, а между Тцанарией и Аланией он помещает племя сарбан... Следовательно, тцанары... к этому времени должны были находиться южнее Сарбана» (*там же*, с. 255 примеч. 41).

Перевод А. Алеманя: *эксусиократору* (в другом месте — *эксусиасту*) Алании император посылал «золотую печать в два солида», называя при этом «духовным сыном», а «к правителям Цанарии, к правителю Сарбана, который находится между Аланией и Цанарией; к *правителям* (курсив мой — Ф.Г.) Азии, где находятся Каспийские ворота» отправлял «повеления». Испанский ученый присоединился к мнению В. Минорского, рассматривавшего название *Асия*, как производную форму от этнонима *as* — (араб. *Al-As*), обозначавшего одну из групп алан (*Алеманъ* 2003, сс. 243–245).

В изданной недавно новой версии на русском языке т.н. «Еврейско-хазарской переписки» Н. Глоб и О. Прицак непосредственно в тексте памятника предпочли не переводить названия пяти социумов, вошедших в коалицию против Хазарии. В комментариях, раскрывая этническое содержание этнонима *SY*, ученые предположили его связь с одним из протоаланских племен под названием Асия. «*SY* надо читать как *Asya* (*Асия*), одно из государств, созданных древними (аорсами — Ф.Г.) в Поволжье». В исламских источниках они обозначаются «как буртасы» (*Глоб, Прицак* 1997, сс. 140, 160).

К. Цукерман в поисках аргументов для своей гипотезы о соотношении Алании и Асии конца IX — середины X вв. обращается и к материалам предшествующей поры, в частности — к армянским источникам. При этом исследователь явно увлекается[5]. «Контроль над перевалами *традиционно принадлежал державам и племенам Закавказья* (курсив мой — Ф.Г.). Дарьял был укреплен еще Сасанидами, а после их падения хорошо осведомленная 'Армянская география' (ок. 665 г.) приписывает цанарам владение 'Воротами алан' и 'Воротами чеченцев'».

Чувствуя себя первооткрывателем, Ц. Цукерман утверждает: «**Незамеченные** (?—Ф.Г.) данные 'Армянской географии' свидетельствуют о том, что одноименный «народ (чеченцы — Ф.Г.) проживал в том же (Аргунском — Ф.Г.) ущелье» еще в VII в. «На протяжении 8 века, в ходе долгой борьбы с хазарами, арабы неоднократно пытаются установить там гарнизон, но этим попыткам явно кладет конец цанарское восстание 809 г., а главное — унизительное поражение, нанесенное цанарами ок. 853 г. войску Буги 'Старшего'. В 90-х годах 9 в. армянский царь Смбат захватывает (согласно свидетельству современника, Иоанна Драшанакертского) земли цанар до самых Аланских ворот, включая и крепость, которая их защищала. Очевидно, к тому времени она *вновь принадлежала цанарам* (курсив мой — Ф.Г.)» (*Цукерман* 2003, сс. 159—160). На этом новаторские идеи К. Цукермана не заканчиваются.

«В последующие десятилетия территория к югу от Дарьяла становится яблоком раздора между Арменией, Цанарией-Кахетией и Абхазией, которая в ходе своей восточной экспансии ею в конце концов и овладевает» (*там же*, с. 160).

Отметим в этой связи, что в существующих переводах «Армянской географии» VII в. ('Ашхарацуйц'), цанары/саны локализуются в горной зоне Центрального Кавказа. Ю.С. Гаглойти соответствующие места древнеармянского памятника перевел следующим образом: «народ аланов, аштигор... За дигорами в области Ардоз Кавказских гор (Владикавказская равнина —

Ф.Г.) живут аланы, откуда течет река Армна... В тех же горах за ардозцами живут дачаны, двалы, цехойки, овсуры, тцанары, в земле которых находятся ворота аланские и еще другие — кцекен, названные по имени народа» (*Аланика* 2000, № 2, с. 244).

Комментируя приведенный фрагмент, Ю.С. Гаглойти подчеркнул следующее: «Армянская география» VII в., как правило, не касается этнической принадлежности перечисляемых племен. Единственным исключением является указание на связь народа Аштигор, т.е. Ас-Дигор, с аланами. «Следовательно, уже в раннем средневековье дигоров четко относили к алано-осетинскому этносу». Из перечисленных в «Географии» племен, двалы — «одна из этнографических групп алано-осетинского этноса, населяли Центральную Осетию... Овсуры, надо полагать, идентичны 'овсам' грузинских источников... Тцанары... идентичны санарам или санареям Птолемея, населяли верховья р. Терека... Аланские ворота находились в Алании, а тцанары помещаются им (Константином Багрянородным — Ф.Г.) южнее Асии... этническая принадлежность тцанаров остается дискуссионной, однако... не исключено, что они были частью аланского этноса. Не исключено также, что именно с санарами (тцанарами) связано осетинское название г. Казбек и поселение Казбеги (осетин. Сана) в одноименном районе Грузии» (*там же*, с. 253).

«Армянская география» приводит названия этносоциальных организмов, относившихся к аланам: «аш-дигор», «дигор», «кудеты» (позднее кударо), «двалы» и «овсуры». Помимо этого, «Ашхарацуйц» упоминает жителей племени «ку/р/тук», «которые должны быть идентичны поздним куртатинцам, жившим в ущельях рек Сау-дон и Фиаг-дон». Собственно аланы, согласно версии С.Т. Еремяна, жили «за Дигором, в стране Ардоз в горах Кавказа, откуда течет река Армн, которая протекает на север по беспредельным равнинам и сливается в Атл» (*Еремян* 1970, сс. 406–407).

Топонимом «Ардоз», начиная с Мовсеса Хоренаци, в армянской историографии обозначалась Владикавказская равнина. И она, согласно не только «Ашхарацуйц», но и другим древнеармянским источникам, с давних времен принадлежала аланам. Показательно, что армянские авторы, хорошо знакомые с картой Кавказа, на протяжении многих веков на территории Владикавказской равнины локализовали алан (*Армянские*... 1985. Вып. II, с. 43; см. также: *Габриелян* 1989).

Итак, владения «архонта Асии» X в. совпадают с территорией социума алан, контролировавших Дарьяльский проход. Об этом свидетельствуют как античные, так и раннесредневековые источники. Об этом же косвенно свидетельствует титул *алдар* —

один из ранних «полувоенных, полусословных» (В.И. Абаев) титулов раннесредневековой Алании. Примечательно, что он утвердился в ее восточной части, включая Дарьяльский проход и Владикавказскую равнину («страна Ардоз»), у Багрянородного названной Асией. Напомним, что изначально носителями титула «алдар» являлись командиры среднего звена воинских подразделений алан. Позднее данный термин получил новое содержание и стал применяться в отношении феодалов Тагаурского общества.

Здесь же отметим, что алдары имели и второй титул — *тагиата*. От него произошло и название всего общества — Тагаурское. В генеалогических преданиях 9 из 11 фамилий алдаров родословные восходят к «армянскому царевичу Тага». Как известно, это обстоятельство связано с армяно-аланскими отношениями. В работах древнеармянских авторов встречается немало свидетельств об аланском происхождении ряда армянских нахараров, а также об инфильтрации армянской знати в социальную структуру алан[6].

Существует несколько версий происхождения этнонима Тага, имени фольклорного первопредка алдаров, и производного от него сословного термина *тагиата*. Е. Максимов (1892, с. 12) под *тагиатами* понимал группу «населения, которая заняла наиболее лесистые места». Такое объяснение сословного термина базировалось на ошибочном основании: «Тага по-осетински обозначает лес, а частица *та* служит для обозначения множественного числа».

М. Газданов происхождение титула *тагиата* пытался связать со словом *таг* «лощина», «русло». Но еще в дореволюционной историографии эта версия оценивалась как «очень курьезная, неудачная и грубая» (*Алдар* 1893, № 2320). Спорной представляется попытка вывести термин *тагиата* из *тэги*, производного от древнетюркского *тэгитлар* «принцы». К тому же автор этой гипотезы *тагиата* рассматривает как этноним (*Техов* 1984, сс. 46—50), тогда как термин обозначал высшее сословие восточных осетин, а не этническую группу (*Абаев* 1978, сс. 252—253). Что касается племенного названия, то еще Ю. Кулаковский (1899, с. 53 примеч. 3) в одном сюжете письма X в. хазарского кагана Иосифа еврейскому сановнику Хасдаю ибн-Шуфруту усмотрел название народа *Тагат*. Ссылаясь на Ю. Клапрота, он в этнониме признал позднейших тагаурцев. Письмо Иосифа взято Ю. Кулаковским из издания Касселя, где действительно в качестве южных границ каганата встречается этноним *Тагат*: «*sie wohnen auf Bergen und im Lande Basa und Tagat bis zum Meere von Constantinopel*» (*Kassel* 1877. S. 78). Как видно, здесь называются люди, «живущие в горах и на земле База и Тагат», т.е.

жители гор и «страны Тагат» не относились к одному социуму. В издании П.К. Коковцова (1932, сс. 101—102) рассматриваемый фрагмент переведен иначе: «все аланы до границы Афкана, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял и Т-к-т, Г-бул до границы моря Кустандины». Здесь «племя Т-к-т» совсем не обязательно понимать как Тагат; во-вторых, судя по тексту, Т-к-т расположено за пределами территории алан.

На сегодняшний день наиболее предпочтительными представляются две версии происхождения титула «тагиата» и антропонима «Тага». Учитывая тесные связи восточных алан и Армении, не исключена возможность заимствования христианской знатью алан армянского (из перс.) титула *таговер* «венценосец», «царь» — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно» (*Миклухо-Маклай* 1954, с. 204 примеч. 10).

Альтернативным решением является версия о происхождении антропонима Тага от восточного *таг* «гора». В рукописной работе Б.А. Алборов высказал мнение, согласно которому «тагата — первоначальная форма в значении племенного названия, и только»; сам этноним ученый выводил из иранского *таг* «гора» (*Алборов*, сс. 1—2). Обратим внимание на давно установленный факт: еще в начале XIX в. кабардинцы называли осетин-тагаурцев термином *тегей* «горцы» (*Волкова* 1973, сс. 108—109).

Наличие в X в. царя (эксусиократора) для всей (возможно, формально) контролируемой им территории алан, и находившегося в оппозиции к центральной власти князя (архонта) — вполне вероятно. Отношения эксусиократора Алании и архонта Ирхана напоминают отношения великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Причем, эксусиократор Алании и великий князь киевский (*Новосельцев* 1986, с. 40) — это еще не самодержавные монархи, а государи, правившие в согласии с элитой своих обществ[7].

Таким образом, существующие источники о ряде социумов Дагестана, Алании и каганате IX—X вв. позволяют говорить о них как о раннеклассовых обществах. В каждом из них имелись классы-сословия, аппарат управления; прибавочный продукт у общинников изымался посредством даней, налогов, «даров» и т.д. Следов ренты обнаружить не удается. Некоторые советские историки данные этнополитические образования относили к раннефеодальным государствам, как представляется, только потому, что они уже не являлись родовыми и в то же время не были рабовладельческими.

II.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

II. 1. Алания

Социальные процессы начала II тысячелетия н.э. у некоторых этносов Северного Кавказа привели к формированию феодальных обществ. При этом основной слой знати состоял из военной элиты, т.к. военно-управленческая функция оставалась главным путем к власти.

Алания XI в. предстает мощным государством, проводившим активную внешнюю политику. По свидетельству дореволюционного автора З. Чичинадзе, царь алан Урдур[8], возглавивший страну в 1019 г., серьезно укрепил верховную власть, упрочив тем самым и мощь государства. Грузинский исследователь, ссылаясь на ранние свидетельства, писал: «Это достойный народ. Они любят родниться и любят своих родственников, умеют хранить дружбу, познавать врагов. Осетины не лживы, не изменники, никогда никого не подводят, любят поддерживать соседство, хлебосольны, хорошо умеют править страной, отличные воины, прекрасно владеют оружием, в бою едины и помогают друг другу, умеют хорошо расставить свои силы во время боя... Умеют строить отличные башни, крепости, замки, мосты, переправы, все, что необходимо в войнах. Прекрасно умеют строить церкви и изготовлять церковную утварь. Знают ремесла, умеют сапожничать, кузнечить, плотничать, столярить, изготовлять посуду, шить, знают ювелирное дело, делают всякое оружие, все оснащение воина. У них развито коневодство, они любят джигитовать... веселье, танцы и прочее. Во время несчастья все принимают большое соучастие... Осетины занимаются землепашеством, возделывают пшеницу, ячмень и прочее, выращивают прекрасные фрукты. У них всегда обиль-

ные урожаи. Исключительно высоко почитание старших, особенно стариков» (*Чичинадзе* 1993, с. 96).

Согласно «Хронике Картли», в начале XI в. «Осетинский царь (*Ovset'a mep'e*) Урдур был убит в бою Квирике III, царем Кахетии, но в 1029 г. ... в свою очередь, был убит из мести во время охоты у горы Пидрази рабом осетином» (*Алеманъ* 2003, сс. 416–417; см. также: *Алано-Георгика* 1993. № 1, сс. 175–176).

Своего расцвета Алания достигла в период правления царя Дургулеля Великого[9], крупной политической фигуры, сыгравшей большую роль в истории Кавказа и Ближнего Востока. О его реальной военно-политической мощи свидетельствуют династические браки с правящими дворами сильных христианских государств. Сестра Дургулеля Борена[10] вышла замуж за грузинского царя Баграта IV (1027–1072 гг.). Их дочь Мария вступила в брак с византийским императором Михаилом VII Дукой (1071–1078 гг.). Дочь Дургулеля Великого, Ирину, Михаил VII выдал замуж за знатного патриция Исаака Комнина, брата будущего императора Алексея (1081–1118 гг.), а на двоюродной сестре Ирины женился правитель Трапезунда Григорий Гавр (*Кулаковский* 2000, сс. 137–138). Византийские источники Ирину Аланскую называют «василиссой» (императрицей). Это указывает на высочайший социальный статус и политический вес её отца – аланского царя Дургулеля, что отметил М.В. Бибиков: «Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с империей ромеев: византийскому василевсу соответствует аланская василисса» (см.: *Бибиков* 1982; 1999).

Здесь же отметим, что сводный брат Баграта – Деметрэ (сын отца Баграта – Георгия I и аланки Альды[11]), опираясь на крупных грузинских феодалов и Византию, попытался захватить престол Грузии. Женившись на сестре Дургулеля Великого, Баграт решил две важные задачи: 1) получил возможность в необходимом случае использовать войско алан; 2) лишил Деметрэ поддержки царя Алании (*Тогошвили* 1988, с. 186).

Дургулель неоднократно помогал своим новым родственникам в их борьбе с противниками. В 60-х годах XI в. Грузию потрясли набеги сельджуков. Согласно «Картлис цховреба», со времени нашествия Мервана Глухого Картли не испытывала подобного разгрома: «от множества трупов не касался взгляд человеческий тверди земной» (*Гутнов* 1994, с. 31). По свидетельству мусульманских источников, «в 1062 г. пропущенные через Дарьяльский проход ворота аланы опустошили Арран и угнали 20 тысяч пленных». В 1065 г. совместно с грузинскими воинами аланы вновь вторглись во владения Шаддадидов и дошли до Аракса. Наконец, в 1068 г. Баграт IV позвал «своего

шурина — царя овсов Дургулеля, который прибыл во главе сорокатысячного войска ... овсы разорили владения Фадлона и возвратились с большой добычей» (*Анчабадзе* 1990, с. 81; см. также *Алано-Георгика* 1993, сс. 175–177).

В последнем случае определенное сомнение вызывает численность аланского войска. Как установлено, X–XII вв. являются пиком могущества Алании. Ее правители в случае необходимости собирали крупные военные силы. Вспомним, хотя бы, сообщение Масуди о возможности царя алан выставить 30000 всадников. По мнению Г.З. Анчабадзе, в случае с походом 1068 г. такой необходимости не было. По мнению грузинского ученого, аланская знать шла в Закавказье за добычей; ей «незачем было делить ее с рядовыми общинниками, составлявшими основу всеобщего ополчения». Более веским аргументом представляется проблема продовольствия для воинов и фуража для лошадей. Для Грузии, разоренной сельджуками, обеспечение большого войска всем необходимым являлось непосильной задачей. В походе на Арран скорее всего участвовала дружина Дургулеля, усиленная небольшими отрядами аланской знати. Письменные и археологические данные указывают, что это была превосходная конница, вооруженная саблями, секирами и луками. Воинство Дургулеля представляло собой «грозную боевую силу», даже если численность воинов уступала цифре, указанной в «Летописи Картли» (*Анчабадзе* 1990, сс. 81–82).

Вскоре после похода 1068 г. в Арран царь Алании «*через Абхазию*» отправился в Грузию, «чтобы погостить у царя Баграта и царицы, сестры своей Борены. С ним вместе прибыли *все князья* (курсив мой — Ф.Г.) Овсетии» (*Джанашвили* 1897, с. 33).

Высокий статус царя алан подтверждается и византийскими памятниками. В отдельных случаях такая оценка приводилась авторами, крайне негативно относившимися к аланам. Например, Михаил Пселл в разделе о периоде правления Константина IX Мономаха привел интересный рассказ о любви императора к некой девице, «которая... жила у нас как заложница из Алании. Царство это — не очень-то важное и предоставляет Ромейской державе залоги верности. Девица, дочь тамошнего царя *красотой не отличалась* (курсив мой — Ф.Г.), заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее, царь сразу же пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства... но когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распа-

лил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

Хотел Константин увенчать ее и царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарек *севастой*[12] (курсив мой — Ф.Г.), определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другими исправно приходили и уходили груженые суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство... дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал им ее, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать» (*Пселл* 1978, сс. 116–117).

Михаил Пселл, судя по тону его описания, тенденциозно подходил к оценке роли алан в византийских делах XI века. С середины столетия начинается блистательная военно-политическая деятельность царя алан Дургулеля Великого. Его услугами охотно пользовались императоры Михаил VII Дука и Никифор Вотаниант. Очевидно, Византия сильно нуждалась в военной помощи со стороны алан. Вероятно и этим объясняется «увлеченность» византийского императора юной дочерью царя алан. Конечно, Константин IX Мономах мог «увлечься» красивой аланкой. Но в том-то и дело, что она «красотой не отличалась», как отмечал сам Пселл. Тем не менее, император максимально приблизил ее к себе и всячески ублажал. Очевидно, союз с нею и «богатые подарки» аланам объективно служили интересам Византии. Не случайно в период правления Константина IX Мономаха в армии империи важное место принадлежало аланским дружинам[13]. Например, в походе на Двин участвовал отряд магистра Константина Аланского. «Магистр» — высший византийский титул, присваивавшийся членам неимператорских фамилий.

Умер Дургулель Великий в конце XI в. Точное место его захоронения пока неизвестно. Скорее всего, он был погребен в каком-либо пышном мавзолее, соответствующем положению и статусу царя. В этой связи интересна гипотеза В.А. Кузнецова, связавшего захоронение в царском мавзолее на Кяфарском городище с Дургулелем. Стены мавзолея сложены из 9 прекрасно отесанных плит, сплошь покрытых рельефными сюжетными изображениями, что в совокупности с конструкцией делает склеп уникальным. Столь монументального могильного сооружения в средневековых древностях Кавказа больше нет. Комментируя изображения склепа, В.А. Кузнецов пишет: «Это символическая характеристика деяний покойного царя... Не трудно заметить, что в образах скрыта целая концепция средневековой феодально-рыцарской этики... Широкое и обильное застолье с дружиной и приближенными, местными и заморскими гостями, культ силы и личной доблести, удачных набегов и военных мероприятий, и, наконец, духовное смирение перед всевышним и церковью» — это те нормы и идеалы, которые пронизывали всю жизнь феодальной аристократии. «Семантика рельефов мавзолея соответствует идеологии» феодальной элиты; «взятая в целом, она, очевидно, была направлена на прославление деяний захороненного в мавзолее героя — царя Алании» (*Кузнецов* 1988; *Гутнов* 1994).

Еще один эксусиократор алан по имени Росмик в источниках предстает союзником Алексея Комнина. Во время второго норманнского вторжения в 1107—1108 гг. викинги во главе с Боэмундом Антиохийским атаковали горные перевалы, охранявшиеся византийцами. Стратиг Кантакузин, занявший оборонительную позицию на равнине у р. Харзан, столкнулся с воинами Гвидо, брата Боэмунда. «Солнце еще не поднялось из-за горизонта, а Кантакузин, облачившись в доспехи и вооружив все войско, занял место перед серединой боевого порядка; слева от него были турки, а алан Росмик, возглавлявший своих соотечественников, командовал правым флангом». В критический момент сражения Кантакузин «приказал эксусиократору Росмику, державшему правый фланг со своими войсками (это были воинственные аланы), вступить в бой с кельтами. Однако после его яростной атаки стало ясно, что и он отступает, хотя, словно *лев рычал* (курсив мой — Ф.Г.) на кельтов»[14] (*Алеманъ* 2003, с. 282).

Никита Хониат к числу первых задач, стоявших перед Исааком II Ангелом (1185—1195), также отнес борьбу с норманнами, незадолго до воцарения Исаака II захватившими второй по значимости город империи — Фессалонику. 7 ноября 1185 г.

полководец Алексей Врана разбил викингов на р. Струма. Врана практически перекрыл отход северян на корабли; поэтому «многие из них, не найдя своих кораблей, были настигнуты в смятении блуждающими у предместий Фессалоники и погибли различным образом, более всего от рук аланских наемников. Ибо последние, верша месть за причиненное теми зло, когда была ими захвачена Фессалоника, не щадили никого из врагов, но наполнили улицы и притворы храмов их мертвыми телами. Вопрошая захваченных ими сицилийцев, где же их брат, то есть — аланский их соотечественник, которого те убили при захвате города, (аланы) с этими словами поражали их своими мечами» (*там же*, сс. 311–312). Присутствие алан в Фессалонике подтверждает и Евстафий: «среди жителей там было много аланов» (*там же*, с.312).

Судя по византийским памятникам, Врана имел какое-то отношение к аланам. Во всяком случае, именно он командовал аланским корпусом в битве при Филиппополе в конце августа 1189 г., где сошлись армии Исаака II Ангела и германского императора Фридриха I Барбароссы: «Вступив в бой, почти все эти аланы — которыми предводительствовал Феодор, сын Алексея Враны — погибли, будучи *первыми* и *единственными*, кто *сражался* (курсив мой — Ф.Г.) против германцев, тогда как ромеи в страхе постыдно бежали, не смея даже взглянуть врагу в лицо».

Помимо «царей» Алании, источники сохранили и другую титулатуру элиты алан. Анна Комнина в «Алексиаде», фактически являющейся продолжением исторического труда ее мужа, Никифора Вриенния, в сюжете о борьбе за престол в Константинополе упомянула «магистра алан». Причем, он издавна был близок к императору и считался среди его родственников». Аланский аристократ упомянут в сюжете о заговоре славян Ворила и Германа, стремившихся «избавиться от своих политических соперников, братьев Комнинов, Алексея и Исаака». Еще раньше те же Ворил и Герман участвовали в «заговоре против дуки Иллирии Георгия Мономаха», который «был предупрежден каким-то своим другом, названным аланом Иоанном» (*там же*, с. 280).

Интересен еще один фрагмент из истории связей алано-византийских элит. Исаак Комнин одну из трех своих дочерей обещал «в жены сыну автономного *стратега* Трапезунда Феодора Гавры, и последний доверил ему опекунство над мальчиком, еще ребенком, до дня свадьбы». После кончины жены Феодор взял вторую жену, «аланку *благороднейшего происхождения* (курсив мой — Ф.Г.). Но оказалось, что жена севастократора (Исаака) и женщина, на которой женился Гавра, были

двоюродными сестрами». Как только это стало известным, помолвка была расторгнута, ибо «как законы, так и церковные каноны» препятствовали браку детей (*там же*, с. 281).

Внимание специалистов привлекла судьба Марии (Мариам) Аланской, дочери царя Грузии Багарата IV и Борены – сестры царя Алании Дургулеля Великого. «Мария во время визита иверского царя в Константинополь была затребована императрицей Феодорой (1045–1056 гг.) и удочерена ею». После смерти императрицы «грузинская заложница вернулась на родину». Однако в 1065 г. ее выдали замуж за сына Константина X Дуки (1059–1067 гг.), будущего императора Михаила VII Дуку. С приходом к власти Никифора III Вотаниата, Мария, принявшая монашеское имя Марта (Марфа), вновь оказалась при дворе в качестве императрицы. С.Н. Малахов в результате анализа письменных источников и родословной Марии пришел к выводу о том, что некоторые авторы (как древние, так и современные) при определении этнического происхождения Марии исходили из факта ее рождения в Иверии и грузинского происхождения ее отца. В то же время «родственные связи Марии по материнской линии с аланской династией византийцами также не забывались» (*Малахов* 1995, сс. 378–379).

А. Алеманъ, комментируя сюжет из труда Анны Комниной, отмечает: «Императрица Мария Аланская была аланкой только по своей матери, поскольку являлась дочерью грузинского царя Багарата IV и принцессы Борены, сестры осетинского царя Дургулеля» (*Алеманъ* 2003, с. 280). Хронист Иоанн Зонара, напротив, пишет, что Мария происходила из алан.

Иоанн Скилица в завершенной в конце XI в. хронике отметил: в 1078 г. «ввиду продвижения войска Никифора Вотаниата, который объявил себя императором вместо Михаила VII Дуки, в Константинополе вспыхнуло восстание». Михаил, бежавший во Влахернский дворец с «августой Марией Аланской» и сыном Константином, был низложен. Его вынудили принять монашество в Студийском монастыре, «куда был доставлен на жалкой кляче». Позднее Никифор после смерти жены Вердены, «взял другую жену. Многие были предложены ему для бракосочетания: Зоя, дочь василевса Дуки, которая была девочкой прекрасной наружности, и также много сенаторских дочерей брачного возраста. Но предпочел он одну из следующих: либо жену (Константина) Дуки и после (Романа) Диогена, Евгению, либо жену прежнего императора Михаила, Марию Аланскую». В итоге император «взял в жены Марию» (*там же*, сс. 296–297).

Большинство этапов жизни Марии уже известны; «Однако, – подчеркивает А. Микаберидзе, – еще недавно не было извест-

но, где эта знаменитая византийская императрица закончила свою жизнь». В ходе раскопок на юге Родопов в Тразии (Trasien) на горе «Папикион» греческий археолог Н. Цикос исследовал территорию ранее практически неизвестного византийского монастыря. Среди «монашеских и семейных погребений», найдена «одна почти пустая гробница, в которой вместо останков лежал золотой перстень с печатью, содержащий греческую надпись «*Марфа Ботаниатина*». Греческий ученый высказал гипотезу об изначальной принадлежности могилы императрице Марии. А. Микаберидзе развил эту идею, обратив внимание на фрагмент настенной живописи центрального входа *in Nartex* главной кирхи. Здесь нарисованы две аристократические фигуры — «женщина с ребенком, одетые в императорские одежды». Грузинский исследователь предположил, что женщина и ребенок «причислены к ктиторам монастыря, и что они, весьма вероятно, — императрица Мария и ее сын Константин» (*Mikaberidse* 1996. S. 88–90).

Эта интересная гипотеза требует дальнейших исследований. Принадлежность гробницы Марии остается дискуссионной, что понимает и сам А. Микаберидзе (*Op. cit.* S. 90).

По мнению С.Н. Малахова, этникон «аланка», историографической традицией закрепленный за Марией, «не следует рассматривать ни как безусловное доказательство» смешения иверов, авасгов и алан, бывшего будто бы обыденным делом в византийской литературе, «ни как навязчивую ошибку византийских источников». Исследователь присоединился к компромиссному варианту Г.В. Цулая (1984, сс. 197–198), объяснившего рассматриваемую дилемму существовавшим в ту пору конфессионально-политическим единством между Аланией и Грузией. Помимо этого, Мария, очевидно, «не забывала своих аланских родственников. Можно даже предположить, что немногочисленное окружение Марии в большинстве своем было представлено именно аланами». Вспомним хотя бы «магистра» алан из числа «домашних» (наиболее доверенных лиц) Никифора Вотаниата. «Напротив, иверов в ее окружении фактически не было» (*Малахов* 1995, с. 379). Анна Комнина писала по этому поводу: Мария сделала приемным сыном Алексея Комнина, а его брата Исаака свойственником в большей мере из-за того, «что она находилась на чужбине и не имела при себе *ни родственника, ни друга, ни соотечественника* (курсив мой — Ф.Г.)» (*Анна Комнина* 1965, с. 116).

По справедливому замечанию С.Н. Малахова, подобное объяснение не следует понимать буквально. Мария, став духовной матерью Алексея, надеялась упрочить свое положение в

столице и получить гарантии личной безопасности. Интересно, что пойти на этот шаг императрице посоветовали «слуги женских покоев». Укреплению позиций Марии содействовал брак ее двоюродной сестры Ирины с Алексеем (*Анна Комнина* 1965, с. 91; *Малахов* 1995, с. 379).

Высказывалось мнение, согласно которому духовное родство в ту эпоху считалось более прочным и важным, чем кровное. Однако с конца XI в. *только члены правящей семьи,* самые близкие к трону, могли рассчитывать на успех в борьбе за власть. Не случайно современники «**сохраняли традиционное отношение** (подчеркнуто Н.Ч.) к императорам как гарантам преуспевания всего общества, порицая стремление государей соединить символ высшей власти с ее носителем. Это основная причина, почему генеалогическая традиция в византийском обществе конца XI – начала XIII в. складывается как политическая реальность, но не находит отражения в исторической литературе» (*Чеснокова* 2004, с. 197).

В дискуссии об этнической принадлежности Ирины последнюю точку поставил С.Н. Малахов, обративший внимание на ее биографические данные. Последние приведены в речи Никифора Василака, посвященной Адриану (Иоанну) Комнину, сыну Ирины и Исаака. Византийский ритор восхищался родословной своего героя и привел генеалогию его матери (*Малахов* 1995, с. 380). А. Алемань назвал Адриана отпрыском «двух блистательных царских домов». Расхваливая мать Адриана, Василак дает не менее лестную оценку аланам. По словам Никифора, Ирина Аланская затмила красотой всех женщин Кавказа: «Что может заслуживать большего восхищения, величие ее народа или знатность ее происхождения? Ее народ – аланы; мать Адриана – их царица; и как подобает аланам, древнего богатства. Там, у подножья высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветом скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев; если ты посмотришь на их множество, то найдешь отвагу, которой нет нигде более; если ты заметишь их доблесть в бою, то ни во что не поставишь мириады врагов» (*Алеманъ* 2003, с. 305).

Никифор Вриенний прямо указал на то, что Ирина приходилась дочерью царю алан. «Царь Михаил... женатый сперва на Марии, дочери независимого Правителя Иверии, он племянницу ея, Ирину, дочь Аланского владетеля, выдал в замужество за старшего сына Куропалатиссы, Исаака» (*Никифор Вриенний* 1858, сс. 51–52).

Алания первых веков II тысячелетия, как не раз отмечали

исследователи, переживала «период как раз наибольшего расцвета своей культуры и военного могущества». К этому времени относят оформление «раннефеодальной государственности у алан»[15] (*Бибиков* 1999, сс. 288–289).

Социальная структура аланского общества той поры нашла отражение как в иноязычной титулатуре (византийской, арабской, древнеармянской, древнегрузинской и др. титулатуре, применяемой в отношении алан), так и в терминах местной среды. Неоднократно обращалось внимание на титул *багатар*. Им изначально обозначалась элита военной аристократии, а после оформления аланского государства – и *цари*. Тем самым подчеркивалась связь царей с высшим слоем военной знати. Из последних примеров анализа содержания титула *багатар* приведем в качестве примера работы двух авторов.

А. Алеманъ отсылает к известному сюжету Ибн-Рустэ: «царь алан называется *B.gay.r*, это имя прилагается к каждому из их царей». Каталонский ученый привел примеры использования данного социального термина в древнегрузинских летописях (*Bagat'ar* V века н.э. изображен как враг царя Вахтанга Горгасала; в событиях конца IX в. Багатар предстает в качестве противника абхазского царя Баграта I; еще один носитель данного титула в грузинских памятниках отмечен как «царь» алан, погибший в 1306 г. (*Alemany* 2002, P. 78). В широко известной исследователям Зеленчукской надписи – своего рода генеалогической таблице – есть и *багатар*. В монгольских и китайских источниках несколько раз упоминается *Badur/Baduer*. Египетские хронисты выделяют *Alan Mamluk*, знаменитого правителя в Сирии, носившего имя *Сайф ал-Дин Багадур Аса*. Наконец, в Венгрии в списке 1550 г. упомянуты *Bogator Orban* и *Bagator Sebesken* (*Alemany* 2002, P. 78–79). Отметим также предложенную А. Алеманем гипотезу о социальной составляющей двух элементов Зеленчукской надписи – *Bagatar* и *Anbalan*.

Вторая недавняя работа, в которой анализируется титулатура алан средневековья, принадлежит перу филолога, возглавляющего кафедру ЮНЕСКО в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте – Т.Т. Камболова. Ученый обратил внимание на содержание имени (титула?) Бакатар в известной Зеленчукской надписи. Критически разобрав аргументы своих предшественников – В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Б.А. Алборова, Г.Ф. Турчанинова, В.А. Кузнецова, Л. Згусты, А. Алеманя и др. – Т.Т. Камболов датировал ее XI–XII вв. Его версия содержания надписи в переводе звучит так: «Сахира сын Хорс, Хорса сын *Багатар*, Багатара сын *Анбалан*, Анбалана сын – Лаг – их могилы» (*Камболов* 2006, сс. 166–178).

Социально-политическая терминология различных сословий господствующего класса алан номинально разнообразна. В стремлении объяснить разницу в титулатуре, в частности — в труде Константина Багрянородного, упоминавшего *эксусиократора* Алании и *архонта* Асии, высказывалась мысль о принципиальном отличии *эксусиократора* Алании — титула сложившегося государства, и *архонта* асов — социального термина, «целиком связанного с родовым строем» (*Кузнецов* 1971, с. 233). Однако, как справедливо подчеркнул М.В. Бибиков, такое понимание термина *архонт* базируется лишь «на одном из словарных значений слова» (в 1 параграфе 1-й главы данной работы приведены примеры иных толкований титула *архонт* — Ф.Г.). Сам М.В. Бибиков, напомним, *архонт* трактует как обозначение «местного аланского властителя, противопоставление которого феодальным правителям не подкреплено источниками». Ученый пишет далее: Ирина Аланская, *василисса*, обозначена термином, который переводится как «исстари богатая». Таким образом, «царская власть связывается с родовитостью и с богатством династа». Интересно и другое наблюдение ученого: «В XIII в. Алания в византийских источниках представляется (подобно Руси и др.) оплотом православия в Европе» (*Бибиков* 1999, сс. 291–293).

Памятники той поры свидетельствуют об аланах на службе Византии. Так, аланский отряд находился в составе войск, которые во главе с Исааком и Алексеем в царствование Михаила VII находились в Малой Азии. Тот же император для войны на восточной границе нанял отряд в 6000 алан. Правда, «большая часть этих сил покинула византийские знамена, так как им не платили жалованья» (*Кулаковский* 2000, сс. 138–139; см. также: *Анна Комнина* 1965, сс. 97, 462 примеч. 179, 465 примеч. 199).

Аланы и в дальнейшем оказывали военную помощь своим союзникам. После катастрофы под Манцикертом турки Алп-Арслана разграбили византийскую Анатолию и в одном из сражений захватили в плен Исаака Комнина. Выкупил брата Алексей, но на обратном пути они подверглись нападению двух сотен турок. Вриенний детально описал данный эпизод: «Один из аланских наемников, бывших с благородным Исааком, по имени Арават, видя множество варваров, стремительно нападающих с неистовой яростью, рассудил, что братья, одни с немногими воинами, подвергаются всяческой опасности. Опасаясь, чтобы с одним из них не приключилось какой беды, он призвал товарища, по имени Хаскарис, бывшего под началом у Алексея Комнина, вместе с ним слезть с лошадей и стрелами встретить врагов. «Ибо будет постыдно, — сказал он, — если благородные

и отважнейшие мужи подвергнутся опасности в присутствии аланов, позор *падет тогда на весь аланский народ*» (курсив мой — Ф.Г.). Хаскарис предложил не вступать в бой с многочисленным противником на равнинной местности, а отступить «к теснинам» и там отважно вступить в бой. Однако «Арават, преисполненный высокомерия перед ним — ибо был варваром — тотчас сошел с коня и, ударив его хлыстом, — чтобы он следовал за отходящими, занял оборонительную позицию на плоскости». Турки, пораженные этим зрелищем, недоумевали. В руках Аравата «было легкое копье, которым он пронзил грудь первого из нападавших, сбив его с лошади. Один из врагов пустил в него стрелу и ранил его в правую руку; но, вытащив ее из раны, [Арават] отомстил варвару его же оружием... Варвары, устрашенные его мужеством, отошли на расстояние, и он, воспользовавшись этим, поднялся на крышу и оттуда осыпал их своими стрелами». Противники, оставив алана, бросились на остальных. «Но Алексей Комнин... с немногими из своих людей, первый поразил одного из них (нападавших — Ф.Г.), а Хаскарис... ранил в спину другого. Объятые великим страхом, [турки] отступили, оставили их, и они, немного отойдя, спешились и стали лагерем в безопасном месте. По наступлении ночи подошел к ним и тот алан, что первым сошел со своего коня; и все они были спасены, никто из них не был взят в плен или убит» (*Алеманъ* 2003, с. 308).

Данный текст отражает идеал воинской доблести и преданности вождю. Поступать иначе, чем предписано воину, было нельзя — это сразу же лишало его не только воинского, но и социального статуса. Позор ложился на весь род, а иногда, как в нашем случае, «на весь народ аланский».

Предводитель норманнов Русель Бейльский поднял мятеж против Михаила VII, но был разбит и пленен Артухом, предводителем турецкого корпуса на службе у императора. Однако предводителя норманнов выкупили родственники. Вернувшись в свои владения, он вновь стал опустошать соседние области. «Узнав об этом, василевс Михаил послал Никифора Палеолога к правителю Алании с тем, чтобы привести оттуда наемное войско. Последний, отправившись и собрав там около шести тысяч воинов, прибыл к Понту и пытался отражать набеги Руселя». Из-за нехватки денег на оплату воинам, большая их часть ушла (*там же*, сс. 309–310). Но в данном случае для нас важен сам факт найма 6000-го корпуса алан.

В начале XII в. аланы во главе со своим царем — эксусиократором Росмиком[16] — в рядах византийской армии участвовали в отражении агрессии Боэмунда Тарентского, напавшего на

Эпир. В конце XII в., при императоре Исааке Ангеле, аланы сражались под византийскими знаменами. Никита Хониат подробно рассказал об одном эпизоде из их участия в военных действиях близ Солуни в 1186 г. Тот же автор рассказал о гибели отряда алан в столкновении в 1189 г. с крестоносцами близ Филиппополя (*Кулаковский* 2000, с. 139).

Неоднократно упоминает алан Анна Комнина. В вышеприведенном сюжете об участии «воинственных алан» эксусиократора Росмика в сражении с кельтами в 1108 г., Росмик командовал правым флангом, «где стояли его соотечественники» (*Анна Комнина* 1965, с. 353). В другом сюжете Анна рассказала о подготовке заговора противников императора и его окружения. Они «выбрали безопасное время (дело было вечером) и стали готовить Комнинам засаду». Обсуждая свои планы и способы их реализации, заговорщики «уже открыто высказывали то, о чем раньше говорили вполголоса. Их беседу подслушал один человек, родом алан, по сану магистр[17], который *издавна был близок к императору* и принадлежал к числу его *домашних* (курсив мой – Ф.Г.)» (*там же*, с. 97).

В целом, X–XII вв. стали «периодом наиболее глубоких связей Алании и Византии», отразившихся, помимо прочего, «в христианизации Алании и в распространении в ней христианской культуры» (*Кузнецов* 1985, сс. 51–52). Никифор Василака в сюжете об аланах писал по этому поводу: «Иные народы выделяются множеством своих сил, а другие – храбростью и воинским умением, но этот победил их всех и служит только Христу. Ибо они были пленены Его всесвятыми словами и ныне славятся среди нас соблюдением обрядов и своим христианством, и рады называться слугами Христа, друзьями и союзниками христиан» (*Алемань* 2003, с. 305).

Заслуживают внимания сведения грузинских источников об алано-грузинских контактах в период правления царицы Тамары. Как известно, ее первым мужем был Георгий Боголюбский[18]. За короткое время совместной жизни с Тамарой Георгий отметился в удачном походе «в страну Кари или Карнифори и разорили (ее) вплоть до Басиани. С победой и добычей вернулись и прибыли к повелительнице богопросвещенной, и преисполнились радостью и любовью» (*Амичба* 1988, сс. 89–90).

Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» в сюжете о приеме у Тамары среди прочих приглашенных отметил и алан (*там же*, сс. 91–92). «Летопись времени Георгия-Лаша» отмечает, что в период правления второго мужа царицы, алана Давида-Сослана, внутриполитическая обстановка в Грузии стабилизировалась. Причем настолько, что никто не осме-

ливался разрушать церкви и монастыри, «караваны никто не осмеливался грабить. Древнее царство... держала (Тамар) в спокойствии так, что ни одного петуха нигде не резали, воров и злодеев более не было. Если же кто-нибудь и находил краденое, приносил во дворец и клал под знамя... И таким богатым было это царство, что вассалы азнауров одевались наравне с их патронами» (*там же*, с. 99).

Названный памятник содержит сведения о браке наследника царского престола Грузии, Георгия, сына Дмитрия (1125–1156) с дочерью царя алан Худдана «по имени Бурдухан, равную своему солнцеликому и львоподобному мужу. Сама она по красоте была солнцем солнц... Имея в виду ее преданность Христу, я боюсь и стесняюсь искать подобный ей образ среди женщин, бывших предметом любовного преклонения в этом мире» (*Алано-Георгика* 1993. № 2, с. 121).

Узнав о планируемом султаном нападении на Грузию, «царь Георгий быстро собрал войска всех своих царств, посюсторонних и потусторонних, вывел овсов и многочисленные силы из других земель и направился против султана». Узнав об этом, враг отступил. Интересно, что в мирных переговорах активно участвовала «царица Русудан, сестра царя, вдова султана» (*там же*).

Вскоре царь Георгий «со всей знатью» прибыл в Начармагеви. Собравшихся «навестила царица цариц, счастливая и прекрасная жена его Бурдухан и дочь их, Тамара».

Помимо династических браков, об этом можно судить по материалам археологических находок. Определенную информацию несут в себя монеты – и единичные, и в кладах. Так, в склепах Дзвгиса, пограничного пункта, прикрывавшего вход в Куртатинское ущелье, обнаружены две монеты грузинского царя Георгия III, датированные 1174 г. Как и на многих грузинских монетах более поздних периодов, эта дата «указывает время начала чеканки данного монетного типа, а не время фактического выпуска монеты». Рассматриваемые экземпляры «представляют собой различные варианты первых выпусков 'правильной чеканки', имевших круглую форму и приблизительно одинаковый вес (ок. 5 гр.)». На реверсе обеих монет трехстрочная арабская надпись: «Царь Георгий, сын Диметрия, меч Мессии». Обе монеты содержат отверстия, что, по мнению археологов, свидетельствует об их использовании в качестве нашивных бляшек, подвесок и т.п. (*Тменов, Цуциев* 2003, *сс.* 86–87).

Еще четыре монеты из Дзвгиса относятся к одному типу монет «правильного чекана» царицы Русудан. На них указана дата: 447 г. короникона, соответствующий 1227 г. На оборотней стороне помещена арабская надпись в 4 строки: «Царица царей и

цариц, величие мира, царства и религии. Русудан, дочь Тамары, поклонница Мессии, да возвеличит Бог победы его!». Как и первые две монеты Георгия III, все найденные монеты Русудан имеют отверстия для подвешивания (*там же*, с. 87).

Раннесредневековые монеты с двумя отверстиями зафиксированы на территории Кабардино-Балкарии. Византийские индикации с припаянными ушками обнаружены в Дагестане. Куфические монетовидные амулеты с отверстиями и с ушком отмечены в Карачаево-Черкесии. Различные экземпляры арабских чеканов происходят из погребальных комплексов Чечни и Ингушетии. При этом большая часть таких находок обнаружена в составе ожерелий. Характерна и такая деталь: все перечисленные монеты в регионе служили не столько в качестве торгового эквивалента, сколько в качестве украшений. Их функциональное значение, очевидно, схоже с вышеприведенными нумизматическими находками из Дзвгиса. Об этом же можно судить по следующему факту: многие монеты попадали в погребальный инвентарь (причем – в качестве украшений!) два–три века спустя после чеканки (*Маслов* 2005, сс. 54–55).

Нумизматические материалы встречаются не только в сопровождающем инвентаре и не только в мизерном (1–2) количестве. Иногда, как известно, встречаются *клады*. Анализ их происхождения и обстоятельства находок дают неплохие результаты. Из последних примеров на эту тему приведем работу В.Н. Седых, посвященную кладам эпохи Рюрика. Материалы этого времени сосредоточены на Ладоге, Рюриковом городище, в Гнездове, Тимереве и др. Ладога вместе с округой в тот период являлись средоточием восточно-европейских речных магистралей, пересекавшихся здесь с западной ветвью морских торговых путей. Это «и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтничный торгово-ремесленный поселок Ладога стал своеобразными 'воротами', через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион» (*Седых* 2005, с. 181).

Первые клады восточных монет практически одновременно появляются на севере Руси и Европы. Уже в первый период обращения дирхемов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных на территории современной Новгородской области, существенно превосходит число кладов в Скандинавии. По одной из версий, это «свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхем». Призванный в 862 г. князь Рюрик укрепляет Ладогу, а затем – Городище в истоках Волхова. Одновременно шла борьба за контроль над торговыми путями, строи-

тельство военно-торговых поселений. Возможно, при этом была разрушена сложившаяся в предыдущий период система даней и торговых пошлин. Во времена Рюрика (860–879 гг.) количество кладов в рассматриваемом регионе резко увеличилось. На эти годы приходится «более половины всех дирхемов, зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг.» (*там же*, сс. 181–182).

Причины сокрытия кладов у северных этносов не однозначны. Место и условия, состав и контекст находки кладов позволили разделить их на *клады чрезвычайных обстоятельств* и *клады-сбережения* (*сокровища*). Исходя из этого, В.Н. Седых пишет: «Представление о том, что период 860–879 гг. был периодом интенсивной торговли Руси с Востоком, очевидно, является ошибочным». Многие из дирхемов, попавших в Восточную Европу до «призвания Рюрика», еще долго оставались в обращении. В шести крупнейших кладах этого периода доля дирхемов, чеканенных до 862 г., колеблется от 70 до 98%. Причем, абсолютное большинство старых монет было чеканено в первые два десятилетия IX в. Получается, что большинство старых дирхемов, имевших хождение «в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда *до 860 года*, в период *предшествующих* интенсивных русско-исламских торговых связей» (*там же*, сс. 182–183).

В.Н. Седых полагает, что в конечном счете основной целью проникновения викингов на территорию славян было стремление установить контроль над участками Великого Волжского пути – основной магистрали поступления восточного серебра. Иными словами, шла «борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле» (*там же*, с. 184).

К концу X в. относится сводка информации о печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле ас-Сарир и аланах, собранная в «Анонимной записке о народах Восточной Европы». Полнее всего сводка сохранилась в передаче персидского автора Ибн-Рустэ. Его труд написан на арабском. В «Анонимной записке» приводятся сведения о ландшафте Восточной Европы, дорогах, городах, торговле, деталях политического устройства, вероисповедании, ритуальных и похоронных обычаях, вооружении, способах ведения войны и т.д. Ибн-Рустэ сообщает также о различных торговых магистралях. К таковым он относил, в частности, Итил (Волгу): «Хазары торгуют с ними (булгарами – Т.К.). Также и русы прибывают к ним со своими товарами, как и все, кто обитает на этой реке, привозят свои товары, такие, как соболь, горностай, белка и другие» (*Калинина* 2003, сс. 27–28). Аналогичную информацию об Атиле сохранил Ибн-Фадлан, в 921–

922 гг. посетивший Волжскую Булгарию: «На этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи» (*там же*, с. 28).

Воины из народов Северного Кавказа нередко появлялись в составе дружин древнерусских князей. На Русь кавказцы попадали по разным каналам[19]. Их «приглашали» на поселения, главным образом — на пограничную территорию в качестве охраны. По «Ипатьевской летописи» в ходе похода 965 г. на хазар Святослав «победи ясы и касоги и приде к Киеву». Аналогичные известия содержат Воскресенская, Тверская, Псковская и Софийская летописи. В.Н. Татищев обратил внимание на другой фрагмент хроники: после победы над ясами и касогами Святослав их «*приведе Кыеву*». Дворянский историк данный сюжет понимал как привлечение алан в Киев «на поселение». А.Н. Сахаров допускает появление в Киеве алан и касогов не в качестве поселенцев, а дружинников. В любом случае само появление в столице Древней Руси алан и касогов — факт примечательный. Не менее показательно, что в начале XI в. «Ярослав ходи на ясы, и взят их, и посели на Рси».

В борьбе за киевский престол между Мстиславом и Ярославом оба князя опирались на своих воинов, в составе которых было немало наемников. Так незадолго до битвы 1024 г. между братьями возле села Листвен вблизи Чернигова Ярослав пополнил свои силы в Скандинавии, тем не менее, потерпел поражение и бежал в Новгород. Согласно Повести временных лет (ПВЛ), «Мстислав проявил себя истинным дружинным князем... Ярослав бросил в бой ударную силу своего войска — дружину, состоявшую главным образом из варягов». Мстислав же против них выставил ополченцев из северян, приберегая дружину для кульминации сражения. Ополченцы стойким сопротивлением измотали варягов. Исход битвы решил Мстислав, бросивший в бой «свою отборную дружину, приведенную им из Тмуторокани», состоявшую, согласно ПВЛ, «из касогов и хазар» (*Котляр* 2000, сс. 140–141).

Отношение к дружине демонстрируют слова Мстислава, сказанные им на следующее утро: «видев лежачие сечены от своих север и варягы Ярославле... Кто сему не рад? Се лежить северянин, а се варяг, а дружина своя цела». Следует согласиться с Н.Ф. Котляром: «Только дружинный князь, истинный потомок Святослава, мог предпочесть своим подданным славянам этнически, культурно и религиозно чуждых наемников, приведенных им с Кавказа! Эти наемники были ему дороже всего, поскольку составляли его дружину, бывшую в понимании князя

такого рода и ударной силой, и защитой, и аппаратом собирания налогов, осуществления власти и суда» (*там же*, с. 141).

В поздней Никоновской летописи под 1029 г. читаем: «Ярослав ходи на ясы (осетин – Н.К.) и взят их». В данном случае Ярослав помог брату, «интересы которого в Тмуторокани, вообще на Северном Кавказе требовали постоянного русского военного присутствия, а то и вмешательства» (*там же,* сс. 141–142).

Согласно *Лаврентьевской летописи*, во время похода 1116 г. против половцев Ярополк «приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню». Интересующий нас фрагмент в *Ипатьевской летописи* изложен чуть иначе: «Ярополк приведе собе жену красну велми. Ясьскаго князя дщерь[20] полонив». Следует согласиться с А. Алеманем: число алан на Руси «должно было быть достаточно значительным, чтобы привлечь внимание летописца, и что прекрасная аланская невеста была из семьи благородного происхождения, обладавшей определенной властью, а не его наложницей» (*Алеманъ* 2003, сс. 492–493).

Напомним алана *Анбала*, ключника великого князя Владимиро-Суздальского Андрея Боголюбского. Ясин (алан) был в числе заговорщиков, бояр Ростова и Суздаля, и принял участие в убийстве Андрея (*Абаев* 1949, с. 42).

Тесные контакты алан со славянами нашли отражение в фольклорной традиции. В 1780 г. в донесении протопопа И. Болгарского архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию приведена одна из версий исторических преданий о контактах алан со славянами в период «ординских татар». В этой связи привлекают внимание открытые на городище Верхний Джулат (у Эльхотовских ворот Северной Осетии) каменные здания и вещественный материал, тяготеющий к культуре Древней Руси XI–XIII вв.

Маркером длительных связей Киевской Руси и Алании являются многочисленные предметы славянских древностей, найденных на Северном Кавказе. Только за последние годы на Развальском городище (на севере Пятигорья) обнаружены десятки древнерусских предметов XI–XIII вв., изготовленных славянскими ремесленниками. Среди находок – детали от крестов-складней. Время и обстоятельства их появления на аланском городище одни археологи объясняют политическими и экономическими[21] связями Руси и Алании, другие связывают с русскими пленниками татаро-монголов (*Рудницкий* 2001, сс.115–116). По мнению третьих, находки на Северном Кавказе русских крестов XII–XV вв. свидетельствуют о проникновении в предгорье каких-то групп славян. Напомним, что в персидской хронике *Тарасол* («Письмовник») Георгий Лаша назван «царем

царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Многочисленные исследования данного сюжета показали, что под этнонимом *Русы* подразумевается часть населения Древней Руси, оторванной от родных мест и еще в XII в. обосновавшейся на Северном Кавказе, в непосредственной близости от государства грузинских Багратидов (*Гутнов* 1989, сс. 27–28).

Браки представителей аланской элиты с древнерусскими князьями косвенно указывают на степень социального статуса первых.

Процесс формирования высших слоев социумов Северного Кавказа сохранили генеалогические предания знати[22]. Так, родословные феодалов Стыр-Дигории (одного из обществ Западной Осетии), *царгасатов* (от *царгас* «орел»), отразили «аристократическую» версию возвышения их предков. Вместе с тем, сохранились и «демократические» (народные) фольклорные памятники, в которых факторы и механизмы возвышения царгасат предстают в ином изложении[23]. Аристократическая версия возвышения местных феодалов коррелируется и историческими преданиями. Отмєıим, например, песню «Задалески нана» (Задалесская мать). События излагаются в ней в строгой последовательности: нашествие Тимура, гибель осетинского войска («мужественная молодежь, один лучше другого... в царство мертвых отправляются»), отступление в ущелья Центрального Кавказа, появление там новых сел (*там же*, сс. 62–63).

По некоторым редакциям родословных знати, Царгас появился в горах, когда здесь «алдарствовал Астанов Дзамбулат» (*Предание*... с. 93). Разумеется, борьба за власть в социуме между «пришлыми» (царгасатами) и «местными» (персонифицированными в образе Хамица Хамицаева) была яростной и кровавой. Завершилась она едва ли не полным истреблением Хамицаевых (*Миллер* 1881, сс. 100–103).

Ряд версий родословных царгасат появление прототипа фольклорного героя относят ко времени до татаро-монгольского нашествия. Причем, эти редакции считают Царгаса родным братом Шарваша – родоначальника абхазских князей Шервашидзе из рода Чачба. Впервые они упоминаются в «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-е гг. XIII в. По отдельным сюжетам устного народного творчества, представители данного рода становятся правителями Абхазии во времена Давида Строителя (рубеж XI–XII вв.). Однако в «Летописи Грузии» сообщается об осаде Анакопии весной 1046 г. Силы нападавших состояли из грузинских и абхазских войск. Во главе последних стоял эристав Куабулел Отаго Чачасдзе. По мнению Ш.Д. Инал-ипа, имя предводителя абхазских воинов явля-

ется грузинской формой абхазского фамильного имени Чачба. Н.А. Бердзенишвили фамилию Шервашидзе также связывал с военачальником Отаго (Дотагод) Чачасдзе (*Инал-ипа* 1965, с.497; *его же* 1976, сс. 407–408). В любом случае возникновение княжеского клана Шервашидзе относится к предмонгольскому периоду. Коль скоро фольклорное наследие считает Царгаса и Шарваша братьями, то появление первого в горной Осетии предположительно можно отнести ко времени, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Косвенное подтверждение этому находим в исторических и генеалогических преданиях Западной Осетии. По многим редакциям родословной царгасатов, их далекий предок в Стыр-Дигоре обосновался раньше Бадела – родоначальника феодалов Тапан-Дигоры. Данный сюжет дал В.Б. Пфафу повод для следующей гипотезы: «До пришествия баделятов Дигория, вероятно, состояла в зависимости от другой владетельной фамилии из сословия царгасатов»[24] (*Пфаф* 1871, сс. 82–85). Б.В. Скитский на основе анализа статейного списка посольства И. Толочанова и А. Иевлева в Грузию пришел к заключению о том, что в Дигории до усиления баделятов господствовали царгасата (*Скитский* 1949, с.127, прим. 1).

В византийской рукописной традиции существенное место занимали сочинения астрономико-астрологического и метеорологического содержания. Свое название – Бронтологические – они получили от греческого слова «гром». В одном из таких памятников, традиционно датируемом XII, или «не позднее конца XI в., хотя его авторство в лемме кодекса приписывается императору Льву VI (886–912)», содержится предсказание: «Кумания и Алания будут без царей» (*Бибиков* 2005, с. 46). Вероятно, в данном случае речь идет о распаде аланского царства на отдельные «княжества», т.е. – о периоде феодальной раздробленности.

Уточнить наши представления о социальной структуре алан в предмонгольский период позволяют археологические материалы. «Позднеаланский этап – вторая половина X – XII вв. – в Кисловодской котловине представлен основным массивом катакомбных захоронений на территории Мебельной фабрики, могильников у Рим-горы, датируемый золотой византийской монетой Константина VIII и Романа II (945–959 гг.) и многочисленными византийскими импортами».

Среди важных политических событий рассматриваемого периода археологи выделяют «освобождение в конце IX в. северокавказских алан от хазарской зависимости, военный поход Святослава 956 г. на хазар, ясов и касогов, христианизацию

Алании и, как следствие, значительное усиление византийского влияния на материальную культуру алан». Выделение по археологическим данным этапов развития аланской материальной культуры в основных чертах совпадает с периодизацией этносоциальной истории, реконструированной А.В. Гадло по письменным источникам. «Это совпадение довольно примечательно, так как оно со всей наглядностью показывает, что изменение основных черт аланской материальной и духовной культуры на протяжении IV–XII вв. неразрывно связано с важнейшими изменениями в этнополитической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе» (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 238).

Принято считать, что основными маркерами дружинных погребений являются предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня. Как показывают материалы восточноевропейских протогородских и городских центров VIII–XIII вв., «наличие тяготеющих к этим центрам дружинных курганов» можно рассматривать в качестве достаточно надежных признаков особых профессиональных воинов, живших, преимущественно, за счет добычи и «жалования» со стороны «своего» князя. В качестве примера приведем данные раскопок могильников (более ранних – грунтовых, и более поздних – курганных) Северо-Восточного Причерноморья. Общими чертами тех и других погребальных комплексов являются кремационный обряд и идентичный сопровождающий инвентарь. Численно преобладают курганные некрополи и, в основном, датируются концом XI – первой половиной XIII в. Специфическая черта могильников – погребения всадников «в виде урновых трупосожжений в сопровождении боевых коней, с оружием и упряжью. Доля таких погребений в исследованных могильниках составляет от четверти до трети всех кремаций, а среди общего числа воинских захоронений на всаднические приходится 60–70% могил» (*Армарчук* 2004, с. 9).

В названных курганах первые два из указанных трех основных археологических признаков присутствуют. Не обнаружены пока предметы экипировки всадника: шпоры и плеть. Местный материал позволяет расширить круг признаков, характерных для погребений княжеских всадников: наличие в могиле останков коней[25]; высокий процент погребений всадников в общем числе воинских; «характер сопутствующего инвентаря» (*там же*).

В позднеаланских катакомбных комплексах Центрального Предкавказья к показателям дружинного сословия относятся: сочетание отдельных предметов конской упряжи со сбруйными комплектами; наличие клинкового, сугубо всаднического оружия: сабель и палашей, которые, как и на Руси, считаются ин-

дикаторами высокого социального статуса погребенных. Защитный доспех состоял из кольчуг и шлемов. Сочетание данных признаков, особенно в парадных видах инвентаря (украшенные сабли и упряжь), позволяют в общей массе воинских захоронений выделить богатые дружинные погребения воинов-профессионалов, среди которых уже заметна дифференциация. Погребения коней в аланских могильниках, как правило, рассматриваются «как ритуальные или посвятительные на дружинных участках некрополей». Наконец, еще одним маркером принадлежности усопшего к дружинникам является присутствие в сопровождающем инвентаре импортных дорогих вещей, а также обилие и разнообразие предметов (*там же*, сс. 9–10).

С Северо-Западного Кавказа происходят великолепные образцы парадного оружия, доспехов и конского убора. Разумеется, такие предметы единичны. Как иерархический знак археологи рассматривают наборные узды. В качестве аналогов приведем данные из истории Руси. Наборные узды распространились здесь «в период обособления военно-феодальной верхушки и создания дружин в IX–XI вв., а декорированные стремена бытовали в дружинной среде и у зажиточных горожан в XII–XIII вв., являясь определенным иерархическим знаком» (*там же*, с. 10).

По мнению Е.А. Армарчука, «материалы могильников XI–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья... явно свидетельствуют о существовании в местной среде воинского дружинного сословия» (*там же*, с. 11).

Наряду с воинскими, исследованы и могилы «рядовых» общинников. Из последних примеров отметим материалы могильника «Кари цагат» в Дигорском ущелье Северной Осетии. В 1999 и 2003 гг. здесь открыты расположенные в непосредственной близости друг от друга две катакомбы аланского времени (погребения 8 и 10). Отметим их общую деталь – входные отверстия в обоих случаях закрыты несколькими слоями сланцевых плит, установленных вертикально. Дромосы перекрывали каменные заклады. Возможно, обе детали отражают т.н. «обряд обезвреживания». С этим обрядом, вероятно, связано и хаотичное состояние 12 человеческих останков, обнаруженных в погребении 8. В погребении 10 находилось «три человеческих скелета и перемешенные кости от не менее чем двух костяков, один из которых был детским». И в данном случае скелеты были смещены. В двух могилах найдено около двухсот находок, в том числе: железные ножи, наконечники стрел, оселки, пряжки, браслеты, пуговицы, подвески, бусы. Катакомбы датируются X–XI вв. (*Мошинский, Балашов* 2004, сс. 131–132).

Интересны материалы аланских поселений и укреплений. Среди новых исследований по данной теме отметим работу Г.Н. Афанасьева, С.Н. Савенко, Д.С. Коробова, посвященную памятникам Кисловодской котловины. На вершине мыса левого берега Подкумка на северо-западной окраине Кисловодска выявлено укрепление; сохранились лишь следы башни размерами 3,5х4 м. Еще одно укрепление находилось на правом берегу Подкумка на холме Долина очарования. Скальный мыс на левом берегу р. Кабардинка, слева от дороги Кисловодск — Хасаут служил основанием двухплощадного укрепления. Размеры нижней площадки — 43х37 м, верхней — 51х48 м. В ходе работы на данном памятнике Д.С. Коробов на верхней площадке зафиксировал три каменные постройки. Отсутствие культурного слоя в шурфах является свидетельством краткого периода функционирования данного памятника; судя по керамике — VI—IX вв. На левом берегу Подкумка на мысу, с трех сторон ограниченном отвесными обрывами до 20 м, располагалась Аланская крепость 2, занимавшая территорию 130х70 м. К северной части примыкает другой мыс, возвышающийся над первым на 5 м. На его вершине прослежены остатки башни-замка, защищавшего подступы с севера. «Прямоугольное в плане здание состоит из двух помещений, размеры башни 11х9,8 м при толщине стен 0,4—0,8 м. На нижнем мысе отчетливо видны фундаменты двух других башен. Среди предметов сожженного жилища «найдены пряжки и детали поясного набора, каменный оселок, костяные поделки, зернотерки и жернова аланского времени (V—VIII вв.). На труднодоступной скальной платформе левого берега р. Аликоновка, возвышающейся на 100 м над Медовыми водопадами, расположено самое крупное укрепление аланского времени VI—IX вв. Указатель (Аликоновское 10 по В.Б. Ковалевской). Его площадь составляла 8 га. Хорошо сохранились основания каменных сооружений домов, загородок для скота, башен и юртообразных помещений» (*Афанасьев, Савенко, Коробов.* 2004, сс. 118, 120—123, 125).

Давно известно укрепление Рим-гора (Боргусант-кала), локализованное на отроге Боргусантского хребта в 17 км к западу от Кисловодска, на правом берегу р. Эшкакон у ее слияния с Подкумком. Городище расположено на огромном скальном останце-плато площадью 16 га, протяженностью 2,2 км и высотой отвесных склонов от 3 до 20 м. Из долины Подкумка на вершину плато ведет древняя дорога шириной около 3 м. В середине западного склона сохранился каменный вал, у юго-западного угла плато высечена тюрьма. На поселении обнаружены остатки фундамента христианского храма; у юго-восточного угла —

христианский могильник и остатки трех прямоугольных в плане башен. На городище обнаружены 12 вырубленных в скале караульных помещений, 33 цистерны для воды и остатки строений, напоминающих землянки. Городище датируется VI–XIII вв.; наиболее интенсивное заселение происходило в позднеаланское время (X–XII вв.), но встречаются и материалы аланской культуры VI–IX вв. (*там же*, сс. 138–139).

Укрепление Мосейкин мыс 1, расположенное в южном секторе Кисловодска, занимало три мысовые площадки. Верхняя отгорожена от напольной стороны выемкой глубиной до 3-х м. За ней видны остатки стены, сохранившейся в виде развала камней разной формы и размеров. Длина развала – 13,5 м, ширина – до 7 м, высота – 1,5 м. Здесь же, на восточном краю – остатки каменных построек. Ниже, на средней площадке, обнаружены бесформенные каменные развалины, возможно, строений. На юго-западной части нижней площадки – следы башни, имевшей в основании размеры 8,4х5,4 м, сохранившаяся высота кладки – 0,8 м. Датируется данный памятник V–VII в., «однако не исключено, что данное укрепление функционировало в позднеаланский период, поскольку найдены несколько фрагментов керамики и наконечник стрелы, которые датируются в пределах X–XII вв.» (*там же*, сс. 144–145).

Обширное поселение Рим-гора тянется на 1,2 км окраины аула Джага до выезда с проселочной дороги на трассу Кисловодск–Учкекен. Площадь поселения – около 117 га; оно полукольцом охватывает отмеченное выше городище Рим-гора. На поверхности видны очертания кварталов, обгорелые балки, обугленный камень, остатки булыжных, турлучных и глинобитных стен. Среди находок – обгорелые зерна пшеницы, ячменя, проса; железные ножи и тесла, мельничные жернова, остатки деревянной наковальни, кости крупного и мелкого рогатого скота, керамика. Помимо этого, на поселении обнаружены следы христианского храма, древнерусский бронзовый литой змеевик XI–XIII вв. (*там же*, с. 139).

Отметим комплекс Кольцо-гора 1, размерами 600х300 м; от помещений остались лишь фрагменты каменных стен, «а также небольшой культурный слой с фрагментами керамики позднеаланской культуры» X–XII вв. (*там же*, с. 119).

Социальная структура алан начала II тысячелетия косвенно отражена в материалах по истории связей викингов с этносами Кавказа. Напомним последнюю экспедицию знаменитого Тура Хейердала, весной 2001 г. возглавившего экспедицию в Азов (город Асгард скандинавских саг). Норвежский ученый искал здесь археологические аргументы в пользу своей идеи о том,

что часть древней скандинавской аристократии составили аланы[26], выходцы с Дона. «Мигрантов» с южных степей России на север привел Один, впоследствии ставший самым почитаемым божеством викингов. Эта гипотеза в разное время высказывалась П.И. Шафариком, Г.В. Вернадским и др. (см.: *Гутнов* 2005, сс. 77–79).

С другой стороны, интересно сопоставить материалы о социальной структуре алан и викингов, оказавшихся участниками одних и тех же важных событий на Кавказе и Ближнем Востоке. В этой связи вызывает интерес совершенный в 40–х гг. XI в. поход викингов на Кавказ, в Грузию и далее к южному побережью Каспия. Он отражен в «Саге об Ингваре»; в 30 руническ их надписях из Швеции, Дании, Норвегии и Исландии; в грузинском летописном своде «Картлис цховреба»; возможно, об этом же событии говорится в труде армянского автора XIII в. Степаноса Орбеляна.

Согласно «Саге об Ингваре», дружина последнего три года провела в Древней Руси при дворе Ярослава Мудрого. Затем викинги Ингвара, происходившего из королевской семьи шведов, отправились в поход в далекую страну Серкланд. Спустившись по Днепру в Черное море, они, по мнению некоторых историков, приняли участие в неудачном походе русов на Византию. После этого варяги некоторое время готовились «к восточному путешествию». Как предполагает С.А. Маркарян, подготовка, скорее всего, проходила в районе Тмутаракани у кавказского побережья. Сам поход состоялся в 1048–1050 гг. Викинги поднялись по р. Риони в Западной Грузии, а затем – по рекам Квирила и Дзирула. В районе Сурами они волоком перетащили свои ладьи в Куру; далее их путь лежал на восток, через Кавказскую Албанию до Каспийского моря и обратно (*Маркарян* 2004, с. 101).

Г.В. Глазырина в комментариях к редакции *А* «Саги о Стурлауге трудолюбивом Ингольвссоне» указала соответствие древнескандинавскому имени Ингвар славянскому антропониму Игорь. *Гарды*, где правил Ингвар, – «наиболее раннее древнескандинавское обозначение Руси» (*Глазырина* 1996, сс. 188–189, прим. 121).

В период своего пребывания в Грузии дружина Ингвара, наряду с аланами Дургулеля, приняла участие в междоусобной борьбе царя Баграта IV с великим эриставом Липаритом. В отличие от алан, викинги в итоге оказались на стороне Липарита. Эристав после нескольких ожесточенных сражений завладел восточной Грузией.

В древнеармянских памятниках наибольшую осведомленность

о делах Ингвара проявил епископ Сюника и митрополит Северной Армении — Степанос Орбелян. Многие сведения он черпал из недошедшей до нас хроники Мхитара Анеци, автора XII в. Его труд известен лишь в нескольких фрагментах, сохранившихся в передаче других авторов. Степанос специально подчеркнул, что во второй половине XII в., после успешного окончания войны, правящий род Багратидов изгнал князей из рода Липаритов, бежавших в Армению (*Маркарян* 2004, сс. 102–103).

В версии перевода 1910 г. обратим внимание на сюжет о вторжении «сынов Исмаила» в Закавказье и Византию. «Бесчисленное войско», в состав которого входили хорезмийцы, арабы, иракцы и отряды «всякого сброда из персов и хазиров», стало лагерем у Карина. «Оттуда они углубились а нашу страну (Армению – Ф.Г.) и стали грабить и убивать христиан, их обиталища и в Армении, и в Грузии, и в стране Греческой (Византии)». В поисках союзников император Византии Константин IX Мономах попросил о помощи Липарита, в то время – «храбрейшего и доблестного воина, несгибаемого и величайшего полководца». В том же стиле превосходных степеней древнеармянский автор продолжил: «Бесстрашный и смелый воин, великий Липарит решил внести личный вклад» в борьбу с исмаильтянами. Общая численность союзной армии составила 41 тысячу 700 воинов. Причем, в ее составе были «700 *свободных, независимых, вольных, прекрасных воинов, служивших с достоинством, которые служили ему лично*». В другой версии перевода названы «700 вольных, независимых свободных и великолепных воинов, которые подчинялись и служили лично ему, являлись его телохранителями». Помимо этого, Липариту подчинялись 16 тысяч ратников – *месхов* его из владений. Две другие части коалиционной армии составили *аркаини*, «правительственные войска царя Давида» (10 000 воинов), и византийцы Кекавмена (15 000). Боеспособность союзников снижали споры о первенстве кого-либо из названных трех военачальников (*там же*, сс. 103–105).

С.А. Маркарян обратил внимание на трактовку термина *азатк* в отношении 700 викингов, оказавшихся в составе дружины Липарита. В современных словарях данный термин считается производным от *азатк* «свободный»; «вольный»; «независимый»; «человек свободной профессии»; «воин, несущий службу по своей воле»; «отдавший себя в службу»; «несущий службу с достоинством». Однако, подчеркивает армянский исследователь, такая трактовка понятия *азатк* некорректна. Это слово «церковноармянского происхождения» впервые встречается в сочинении автора V в. Егише. В переложении с латинско-

го в древнейших текстах Библии на армянском языке *азатками* «назывались те, кто был *пленником*, а потом был освобожден и стал вольным, добровольно несущим службы своему хозяину воином или группой воинов или слуг. И так же будут называться их будущие дети» (*там же*, с. 106).

Степанос Орбелян вряд ли получил бы сан епископа, если бы основательно не знал церковноармянского языка. Очевидно, древнеармянский автор одним словом *азатк* передает все, что «произошло с викингами-варягами Ингвара в Грузии во время и после Сасиретской битвы». Фактически варяги сначала оказались пленниками Липарита, а после переговоров и уплаты им за будущую службу, перешли на сторону грузинского эристава и стали его личной гвардией, телохранителями. Интересен термин, коим были обозначены 700 викингов — *сторадриалнернеин*; он означает «служившие ему», «его вассалы», «его личные (гвардейцы, телохранители — С.М.) воины», или «его личные слуги» (*там же*).

Достойно упоминания свидетельство о шлемах 700 воинов — «необычных, ужасных, наводящих страх». Вполне возможно, что в данном случае речь идет об элементе защитного доспеха, напоминающем шлемы викингов (*там же*, с. 107).

О варягах и аланах, участвовавших в междоусобной борьбе в Грузии на разных сторонах, сообщает «Летопись Картли» (*Матиане Картлиса*). «Пришли тогда варяги в количестве трех тысяч человек, и поставили их в Баше. Тогда подошел Баграт с внутренним войском. Эти варяги, не дожидаясь месхов, вступили в схватку у начала Сасиретской рощи. Внутренние войска бежали и в этом же сражении захватили Абусера и вместе с ним и других знатных вельмож, не выдержали они боя с варягами. Липарит заплатил варягам за службу, и встретили их везде с хлебом». В то же время Баграт «призвал на помощь Дургулеля, царя осов, с сорока тысячами осетинских воинов» (*Алано-Георгика* 1993. № 1, с. 176).

После оформления у алан раннеклассового общества постепенно растет роль частнособственнической эксплуатации. Во всяком случае, в X—XII вв. структура аланского общества претерпела серьезные перемены. Динамику этого процесса на материале ряда могильников проследил С.Н. Савенко. По его данным, в X — начале XI вв. знать составляла 6,8%, средний слой — 69,8%, общественные низы — 20%, «зависимые» — 3,4%. Во второй половине XI—XII вв. соотношение среднего слоя и бедных общинников иное. В катакомбах Змейской станицы эти слои населения составляют 26,5% и 47% соответственно, а в могильнике Кольцо-гора — 23,8% и 52,5%. Выделилась промежуточ-

ная группа между средними и низшими слоями (11,2% и 8,6%), возросло число «зависимых»: 7,1% и 8,6% в Змейской и Кольцо-горе (*Савенко* 1989, с. 19).

Резкое увеличение числа обедневших общинников (более половины населения) и «зависимых» со второй половины XI в. свидетельствует о росте частнособственнической эксплуатации. Это являлось свидетельством распространения вотчин, в которых развились формы зависимости и эксплуатации между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами (*Гутнов* 1995, сс. 363–371). С этого же времени в истории Алании начинается период децентрализации. Совпадение это, видимо, не случайно. Распад единого государства и возникновение самостоятельных княжеств связано с возросшей политической и экономической активностью князей. Мощь последних определялась количеством вассалов, служба которых скреплялась дарами сюзерена, включая земельные дарения. В последних рыцарь нуждался для получения доходов, ибо без них он не мог исполнять рыцарскую службу. Боевое снаряжение рыцарей, в какой бы стране они не жили, стоило чрезвычайно дорого, поэтому им требовались значительные средства. Повсюду выработалась норма землевладения, считавшаяся своеобразным минимумом, способным дать обеспечение рыцарю. В Англии такой нормой служили 5 гайд земли, и дружинник, имевший владения меньшего размера, считался безземельным. Во Франкском государстве профессиональную конную службу мог нести лишь воин, обладавший не менее чем четырьмя мансами (*Гуревич* 1970, с. 43).

Распространение вотчины у алан с середины XI в. привело к резкому увеличению числа лиц, подвергавшихся частнособственнической эксплуатации (около 70%). Утверждение господской вотчины стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации. В частности, знать в своем хозяйстве использовала труд «кавдасардов», людей, рожденных от побочных жен («номылус»). Буквально термин *кавдасард* переводится «рожденный в хлеву» (*Абаев* 1958, сс. 591; 1979, с. 189).

На многоженство аланских аристократов в начале X в. обратил внимание архиепископ Алании Петр. В письмах к нему патриарх Византии Николай Мистик просил «допускать послабление в отношении князя страны и людей уже *издавна* живущих в таких браках» (*Кулаковский* 1898, с. 5). Существование кавдасардов нашло отражение в нартовском эпосе (*Ванети* 1935, сс. 212–213; *Дюмезиль* 1976, с. 95). Об этом же свидетельствует археологический материал. Анализ данных X–XIII вв. позволил В.А. Кузнецову высказать предположение, что незакон-

норожденные дети «лишались права захоронения на родовой земле, как не принадлежащие этому роду» (*Кузнецов* 1971, с.228).

В связи с проблемой возникновения зависимого населения у алан большой интерес вызывает социальный термин *армыдзыд*, на который первой обратила внимание З. Цховребова. Это слово представляет собой причастие от составного глагола «армы цауын» (входить под чью-либо руку). Так назывались люди, отдававшие себя под покровительство сильного рода. Представитель слабого рода являлся к знатному лицу и говорил: «Уæ армы цæуын», т.е. «Я вхожу под вашу руку». Это давало ему надежную защиту. Покровительство обусловливалось рядом повинностей: армыдзыд платил налог, работал на патрона, поставлял воинов в необходимых случаях и т.д. С армыдзыд тесно связано понятие *алдар* (от «армдар» — рукодержец). Они взаимно дополняют друг друга. Алдар «рукодержец» существовал постольку, поскольку был «армыдзыд», т.е. было над кем держать свою руку. Отношения, раскрываемые этими терминами, возникли, видимо, еще на начальных этапах классообразования. Но законченную форму они приобрели в феодальном обществе (*Абаев* 1968, сс. 5–26), в котором покровительство трансформировалось в отношения господства и подчинения.

В составе аланского государства оказались и горные районы Центрального Кавказа. Однако не на всей территории Алании предмонгольской поры господствовали феодальные отношения. Нельзя смотреть на феодализм, как на нечто сложившееся одновременно и повсеместно. Утверждение новых отношений в одних районах не исключает продолжение их генезиса в других (*Сахаров* 1979, сс. 94–95). Так и в данном случае, в горах процесс социального развития не зашел так далеко, как на равнине.

II. 2. Феодальные общества Дагестана

Как отмечали советские исследователи, вопросы истории средневекового Северного Кавказа, особенно XII–XV вв., «освещены особенно слабо». Письменных источников «по этому времени заметно меньше, чем по предшествующему и последующему периоду, и в то же время археологические исследования редко касаются этого времени». Сказанные более 30 лет назад, эти слова в какой-то мере сохраняют свою актуальность и в наши дни. Отсутствие надежных источников в указанных хронологических рамках сказалось на степени объективности реконструкции прошлого этносов региона, привело «к невольному искажению в восприятии истории этого периода... в трудах специалистов» (*Магомедов* 1976, сс. 135–136).

Р.М. Магомедов в свое время суммировал некоторые «недостатки работ по общественно-политическому строю». К таковым, в частности, ученый отнес отсутствие обзора «отношений между центральной властью и местными феодалами», не раскрыты отношения сюзеренитета и вассалитета. Не дана характеристика такого важного для феодализма института, как иммунитет (*Магомедов* 1971, сс. 136–137).

Позднее тот же автор вновь обратился к тем же нерешенным проблемам, выделив наиболее важные. Дагестан, подчеркнул он, «никак нельзя рассматривать как механическое скопление политических единиц (княжества, бекства, союзы сельских общин – джамааты и их федерации), объединяемых лишь территориальным соседством». Феодальный Дагестан, продолжал Р.М. Магомедов, «никогда не был оформлен в какую-либо федерацию»; ни один из его социумов (даже в период его временного лидерства) не выступал в качестве ядра в отношении остальных частей Дагестана (*Магомедов* 1988, с. 40).

Неоднозначно решается проблема генезиса феодализма в регионе. Принято считать, что возможны два пути становления феодализма. Переход к новой форме общества: 1) при сравнительно изолированном вызревании условий для такого перехода; 2) в результате столкновения с внешней средой (синтез). В нашей стране синтез наблюдался практически повсеместно. В Дагестане, как полагают некоторые кавказоведы, «имели место оба фактора, но в обоих случаях переход дагестанского общества к феодальному способу производства был, в определяющем, следствием внутреннего развития общественного строя» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 269).

Эти же ученые в рамках советской методологии рассматривают влияние («*огромный* отпечаток») сельской общины на ход и степень развития феодальных отношений в Дагестане. «Устойчивость общины определила медленные темпы феодализации... С другой же стороны, община, попавшая в зависимость от феодала и ставшая фискальной единицей, служила средством эксплуатации зависимого населения» (*там же*, с. 270).

В Дагестане XI–XV вв. характерными особенностями «усиливающегося процесса феодального развития» стали: 1) «централизация политической и экономической власти феодалов и рост феодальной собственности в одних владениях»; и 2) «процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации – в других». К первым, согласно А.Р. Шихсаидову, относились Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Дербент (*Шихсаидов* 1969, с. 132).

Р.М. Магомедов к особенностям исторического процесса в

Дагестане в целом отнес его неравномерность. При этом «еще в *раннефеодальный* период» (судя по контексту — во второй половине I тысячелетия), по мнению дагестанского ученого, в таких центрах, как Зирихгеран, Гумик, складывались «*раннегосударственные* образования», возглавляемые «местной *верхушкой — старейшинами*», либо «*династиями*», как в Хайдаке, Лакзе и Филане. Неясно, как понимать *раннефеодальный*? Как период всемирной истории или как ранний этап формирования феодального общества? В чем отличия *раннегосударственных* образований, возглавляемых *местными старейшинами*, от аналогичных обществ, возглавляемых *династиями*? Непонятно совмещение с «*раннегосударственным* образованием» термина *старейшины*. Тут же, следом: «причем иногда источники дают сведения о социальном неравенстве в таких политических образованиях как Серир». И что?

Вместе с тем автор отмечает: даргинские объединения общинных союзов и «Андийский общинный союз сохраняют *патриархально-общинные* формы общественно-политической жизни». Однако тут же следует утверждение о том, «что в период более развитых феодальных отношений мы также видим феодальные очаги (Хунзах, Кумух, Калакорейш и др.) в окружении общин (джамаатов) и общинных союзов, стоящих на разных ступенях феодализации». Идея сохранения «патриархально-общинных отношений» вызвала возражение Р.М. Магомедова: «На путь феодализации вступили *все* дагестанские народности и этнические группы, но явление это асинхронно... Вероятно, это происходило в разное время». В итоге историческое развитие Дагестана в эпоху феодализма автор рассматривает как асинхронный процесс. Помимо различий «исходных условий» и асинхронного вступления «на путь феодализма», следует признать: «дагестанские общества и далее развивались неодинаковыми темпами» (*Магомедов* 1988, сс. 41—42).

Маркером сложившихся феодальных отношений являются формы земельной собственности. Ее основными формами в Дагестане X—XIII вв. были: государственная, феодальная, вакуфная, общинная, мульки[27]. В указанное время соотношение форм земельной собственности неоднократно менялось. В рассматриваемых хронологических границах общая тенденция развития землевладения заключалась в росте частных участков, как феодальных, так и крестьянских. Среди терминов, обозначавших формы земельной собственности, в арабских памятниках о Дагестане X—XI вв. часто употребляется термин *дийа*. Так, Йакут писал по этому поводу: «У жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населен-

ные области» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 270–271).

Одним из крупнейших собственников являлся шамхал Казикумуха. В XIV в. «на правах мулька» ему принадлежали некоторые лакские земли и «ряд других селений» (*Шихсаидов* 1975, с. 132).

Масуди писал, что в середине X в. правитель Серира распоряжался 12000 селениями, «из которых он набирал столько слуг (или рабов *yasta'bidu*) сколько он хотел» (*Minorsky* 1958. P. 155). Но, как справедливо отметил А.Р. Шихсаидов, в приведенном свидетельстве Масуди «нельзя усмотреть, что правитель Серира выступает как верховный собственник обширной территории». Более того, «если правитель Серира и рассматривал себя как верховного собственника земли, то на практике это было, по всей вероятности, *полной фикцией*» (*Шихсаидов* 1975, с. 64; курсив мой – Ф.Г.).

Р.М. Магомедов в свое время высказался за признание роста «феодальной собственности – мулька», который происходил «за счет захвата общинных и крестьянских земель» (*Магомедов* 1961, с. 114). В значении «владение» *мульк* использован в «Дербенд-наме» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 17). Однако следует отметить, что *мульк* – форма *частной* земельной собственности, а не исключительно феодальной (*История Дагестана* 2004, с. 216).

Как форма собственности крестьянских семей, мульк неоднократно упоминается в источниках X–XIII вв. Например, в Семендере, по наблюдению ал-Балхи, «много садов... и около 4 тысяч виноградных деревьев, простирающихся до границы Серира». Истахри сообщает о «многочисленных садах, расположенных между городом и Баб ал-абвабом». Приведенные данные относятся к равнинной зоне. Примеров по горной территории крайне мало. Возможно, о мульке у горцев ведет речь Казвини (ум. в 1283 г.). Описывая хозяйство жителей высокогорного селения Цахур (современный Рутульский район), он отметил: «каждый из них сеет достаточное для себя количество зерна». Согласимся с А.Р. Шихсаидовым: «Здесь, по всей вероятности, речь идет об использовании клочков пахотной земли, мульков» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 272).

Категорию общественных земель составляли леса, многие летние и зимние пастбища, «священные» и заповедные земли, частично сенокосы и пашня. Община (джамаат) строго следила за сохранностью общего достояния, и, по сути, являлась «единственным юридическим лицом, распоряжавшимся этими территориями» (*там же*).

Строительство мечетей и учебных заведений при них сопро-

вождалось формированием вакуфных земель. Их рост связан с дарами и передачей мечетям выморочных угодий. Своеобразием вакуфных земель в Дагестане считается передача мечетям не столько *земель*, сколько возможность сбора *доли урожая* с определенных участков (*там же*).

Ш.М. Ахмедов в Дагестане VI–XI вв. выделил пять форм земельной собственности: государственную, дийа, икт, вакф и общинную. Согласно его анализу, в X–XI вв. доля государственных земель уменьшилась, тогда как возросли условная и безусловная формы землевладения. А.Р. Шихсаидов выделил мульковые земли, «условно понимая под ними только земельную собственность свободных крестьян». Под общим названием «земли феодалов» ученый объединил такие категории, как *икт*, *инджу*, *сойургал* (*Шихсаидов* 1975, с. 62).

Различные формы землевладения рассмотрел В.Ф. Минорский. По его мнению, раисы Дербента располагали пахотными и пастбищными участками за пределами города; их поместья находились к югу от Самура. В 1064 г. раисы, пытаясь расширить свои владения, выступили «в земли лакзов и захватили все поместья Маската и междуречья» (*Минорский* 1963, с. 74).

В тексте «Истории Ширвана и Дербента» *дийа* – земельные участки, которые, «очевидно, были в пользовании князей и высшего класса». И далее: «мы встречаем названия только тех дийа, которые были связаны с членами правящих домов. Дийа, по-видимому, были *обширными личными поместьями* (курсив мой – Ф.Г.), жалуемыми (первоначально?) из земельного фонда халифов» (*там же*, сс. 157–158). В том же источнике встречаются указания на «поместья, лежащие между двумя реками», «поместье Мухаммада (Хумадийа?), в Табарсаране», «поместье Ирси (Эрси), с которым он (Хурмуз, внук Йазида) должно быть, был наследственно связан» (*Minorsky* 1958. P. 31, 34, 39; *Минорский* 1963, сс. 47, 53, 57, 62, 74, 126).

Вместе с тем, не все свидетельства рассматриваемого источника говорят о *дийа* как о «крупных поместьях», связанных «с членами правящих домов». А.Р. Шихсаидов проиллюстрировал это на примере Афридуна, сына ширваншаха Ферибурза, который, укрывшись «в крепости ал-Баба», пользовался каждым удобным случаем, чтобы нападать на «дийа жителей ал-Баба и обрабатываемые земли (имарат) их». Еще один пример ученый привел, ссылаясь на Ибн-Рустэ, в разделе о Серире, якобы, писавшем: жители «20 тысяч долин (шиб)... имеют там свои дийа и селения (кура)» (*Шихсаидов* 1975, с. 72). Однако в тексте источника рассматриваемый сюжет изложен иначе: «царь *владеет* (курсив мой – Ф.Г.) 20000 долин (*shi'b*), населенных

разного класса (*sunuf*) людьми, которые имеют там поместья и селения» (*Minorsky* 1958. P. 168). Интересно сообщение Йакута: «у жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира)». Опираясь на приведенные примеры, А.Р. Шихсаидов к владельцам дийа относит как представителей верхов, так и жителей города и селений. Под термином *дийа*, продолжает ученый, следует понимать «*феодальное имение* (курсив мой — Ф.Г.), независимо от его размеров, как крупное, так и мелкое. Более того, дийа «можно понимать также и как земли, находящиеся в собственности свободных крестьян (мульк)». Автор приходит к заключению о том, что под термином *дийа* «следует понимать... не только поселение, но и участки земли вообще» (*Шихсаидов* 1975, сс. 72—73).

А.П. Новосельцев в свое время отмечал: *дийа* «(обычно переводится «поместья»)... отличаются от обычных селений и, как и *дастакерты*[28] (форма землевладения в странах Закавказья — Ф.Г.) предшествующего времени, являются объектом собственности. Можно полагать, что 'дийа' идентичны *дастакертам* и *агаракам*[29] и упоминания о последних в армянских источниках VII—XI вв. соответствуют сведениям о 'дийа' в мусульманских источниках». Сказанные около 40 лет назад слова А.П. Новосельцева: вопрос о сущности дийа и дастакертов все еще ждет окончательного решения, сохраняют свою актуальность. Ибо «наряду с громадным числом упоминаний о 'дийа', в источниках очень немного данных о формах зависимости населения 'поместий'» (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972, сс. 120—121).

В целом, по мнению ученых, дийа в Дагестане имел свою специфику и перевод данного термина словом «поместье» не всегда соответствует его реальному содержанию (*Шихсаидов* 1975, с. 74).

К числу немногочисленных письменных памятников, в коих дается общая оценка Дагестана в целом, относится «Тарих Дагестана». Рассказ о доисламском периоде показал явное неуважение составителя хроники к представителям иной веры. «Жители Дагестана были (раньше) неверными, порочными людьми (из населения) области войны (*дар ал-харб*). Они поклонялись идолам, были наделены мужеством и богатством, (вместе с тем) были более отвратительны, чем собаки. В каждом селении находились правители негодные, порочные (*фаджируна*), охваченные неверием и грехом. В каждом городе (*балад*) были преступные и грешные эмиры...». Аналогичная характеристика дана и правителю Хунзаха. «Владыкой (малик) в городе (области) Авар, называемого ат-Танус[30] — а он сильнейший из горо-

дов Дагестана своей мощью, источник неверия — был неверующий сильный тиран, негодный носитель зла, насилия и несчастья, по имени Сурака; с титулом *нусал*... Этот владыка получал доходы с (зависимых) владык, владений (*вилайат*), земель (*имарат*), и ему принадлежали харадж, джизйа и ушры (*алаш'ар*) с жителей всего Дагестана... исключая только местечко Акари, различного рода имуществом — наличными деньгами, зерном, баранами, крупным рогатым скотом, тканями, плодами и другими (продуктами), даже куриными яйцами» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 98).

Явно преувеличивая роль нуцала в политической сфере средневековой истории региона, автор утверждал: «Этому владыке подчинялись все жители Дагестана, самые низкие и самые высокие [по положению], волей и неволей; весь народ его, дальний и ближний, — без споров и пререканий» (*там же*, сс. 98–99).

Среди социумов не только нагорного Дагестана, но и всего Северного Кавказа в качестве примера развитых общественных отношений приводят Серир. Напомним, что еще в начале X в. Ибн-Рустэ писал: «Из страны хазар двенадцать дней ты едешь по открытой местности (*sahra*), затем ты поднимаешься на высокую гору [и пересекаешь (and cross)] долины за три дня прежде, чем достигнешь замка царя, который стоит на вершине горы и занимает площадь 4x4 фарсаха и окружен стеной из камня. Царь владеет золотым троном (*sarir*) и серебряным троном. Все население крепости — христиане, тогда как другие жители страны — язычники. Царю принадлежат 20 000 долин (*shi'b*), населенных различными классами (*sunuf*) людей, которые имеют там свои поместья и деревни (*diya' wa qura*). Все они поклоняются высохшей голове» (*Minorsky* 1958. P. 167–168).

Практически то же самое повторил Гардизи: владения «*сериров*... находятся в 12 фарсахах от владений хазар. Сначала идут по равнине; потом приходят к высокой горе и реке; через три дня приходят к крепости царя. Крепость расположена на вершине горы и занимает 4 фарсаха в длину и ширину. Стены сделаны из камня. У этого царя два престола, золотой и серебряный; на золотом он сидит сам, на серебряном сидят его придворные. Большая часть жителей этой крепости — христиане; остальные жители царства — язычники. В этом царстве 20 000 племен и вер; у них есть селения и поместья; они поклоняются льву» (*Бартольд* 1973, с. 60).

По количеству селений Серир явно превосходил остальные общества Восточного Кавказа. Персидский автор XIII века в разделе о событиях начала I тысячелетия Серир описал как область (*вилайат*), расположенную между Абхазией, террито-

рией кипчаков, Ширваном и Дербентом; «область большая, очень возделанная, труднодоступная. Их падишах древнего рода и щедрый» (*История Дагестана* 2004, с. 196).

Заслуживают внимания детали похоронного обряда в изложении Ибн-Рустэ. Из них выясняется, что тело усопшего клали на похоронные носилки (*janaza*) и на три дня оставляли на площади. «Затем жители города садятся на коней и надевают панцири и кольчуги». Из оружия упоминаются копья (*Minorsky* 1958. P. 168). У Гардизи чуть иначе. Потом «они приходят в полном вооружении, в панцирях, кольчугах и с оружием в руках... приготовляют копья, прилаживают стрелы к лукам, обнажают мечи...» (*Бартольд* 1973, с. 60). Вероятно, в данном случае представлено описание дружинников.

По данным Ибн-Рустэ, «в 10 фарсахах от их города находится другой город, названный RNHS (RNJS?)... Царь Сарира имеет [другой] очень крепкий замок, названный al-Al (Alal) и Гумик, (также) очень крепкий [именно так, на наш взгляд, надо переводить *and Ghumik, very strong* – Ф.Г.]» (*Minorsky* 1958. P. 169). Между тем, в русском переводе работы В.Ф. Минорского все названия относятся к одному замку – *ал-Ал (Алал?)-ва-Гумик*. Учитывая то, что в Гумике, согласно Ибн-Рустэ, находилась «сокровищница», можно признать верным предположение В.Ф. Минорского, поддержанное В.Г. Гаджиевым, о том, что в данном конкретном фрагменте источника *Гумик* – не владение, а сильно укрепленный замок (*Minorsky* 1958. P. 169; *Гаджиев* 1979, с. 152). Практически во всех других источниках Гумик предстает в качестве довольно обширного этносоциального организма. В X в., если не вся его территория, «то, во всяком случае, часть ее входила в Серир» (*Гаджиев* 1979, с. 153).

Не утихает дискуссия вокруг определения этнической принадлежности населения и географических границ Серира. Ибн-Рустэ писал по этому поводу: «Их царь называется *Авар*» (*Minorsky* 1958. P. 168). Гардизи, опираясь на версию перевода Ибн-Рустэ, «царя» Серира также назвал «Аваром» (*Бартольд* 1973, с. 61). Дагестанскими учеными установлено, что термин «авар» в источниках упоминается с раннего средневековья. В.Г. Гаджиев, изучив письменные памятники той поры (Баладзори, Фома Арцруни, Рашид-ад-Дин, Низам-ад-Дин, «Завещание Андуника», Мухаммед Руфи, «Тарихи Дербент-наме», документы на русском языке XVI–XVIII вв.), пришел к выводу о длительном существовании этнонима «авар» (*Гаджиев* 1979, сс. 163–165).

Ценные сведения ранних авторов, в частности X–XI вв., сохранил Йакут: «Арминийа... число ее владений (*мамалик*, ед.ч. *мамлака*) – сто восемнадцать. Среди них – Сахиб ас-Сарир...

Она (Арминийа) имеет восемнадцать тысяч селений... Большинство их (селений Арменийи) принадлежит Сахиб ас-Сарири». Персидский автор XIII в., опираясь на источники X–XI вв., подчеркнул: Серир – область «между Абхазом (Грузией), Кипчаком, Ширваном и Дербентом; область большая, очень возделанная, труднодоступная. Их падишах древнего рода и щедрый» (*История Дагестана* 2004, с. 196). На рубеже I–II тысячелетий Серир объединял «ряд народностей страны гор» (*Гаджиев* 1979, с. 167).

О роли Серира в политической жизни региона можно судить по династическим бракам его владельцев. Так, эмир Тифлиса Исхак б. Исмаил Шуаиб из рода Омайадов был женат на дочери царя Серира. В 416 г.х./1025 г. эмир Дербента Мансур взял в жены Сарийю, дочь царя Серира, Бухт-Йишо (*Бейлис* 1963, с. 167; *Гаджиев* 1979, с. 167; *История Дагестана* 2004, с. 197).

Среди правителей Серира известны Бухт-Йише II, дочь которого была замужем за эмиром Дербента 1025/6 г.; правитель с титулом *филаншах* (возможно, это – титул Бухт-Йиши II); Т.ку, тесть дербентского эмира 1065 г.; к этому уже столетию отнесен и Суракат; его сын Байар, правивший в конце XI – начале XII вв.; Майсум, первый мусульманский правитель Аварии; Амир-Ахмад (XII в.), сын Масум-бека (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 275).

Источники зафиксировали наличие в Серире слоя дружинников – хорошо вооруженных для своего времени конных воинов. Важнейшими функциями дружины являлись: защита территории от вторжения извне, организация набегов и походов, «взимание *дани-налога* (курсив мой – Ф.Г.), одного из главных источников дохода господствующего класса, что тесно связывало дружину с государством». Некоторые арабские авторы утверждали, что дружинники жили «вместе со своим царем в отдельном замке». Помимо этого, источники отразили дифференциацию среди конных воинов: тарханы, бактрики, раисы, сипахсалары – арабских авторов, калантары, бузурги, акабири – монгольских (*Атаев* 1989, с. 15).

«Тарих Эндирей» содержит рассказ об убийстве неким «узденем» бийа (кумыкская форма тюркского термина *бек* «князь»); затем он бежал и нашел приют «у калмукского хана. И калмукский хан ... сделал его [своим] негером». Одно из значений последнего термина – «дружинник, телохранитель хана» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, сс. 204, 210 примеч. 11).

Согласно тому же источнику, в «Эндирее постоянно находилась тысяча всадников с привязанными *кутасами* (пучок из

волос конской гривы — Ф.Г.)... [Он предназначался] для вытирания крови с сабли... Его привязывали *только лучшим всадникам»* (*там же*, с. 205; курсив мой — Ф.Г.). Как видно, вся тысяча (если эта «круглая» цифра не завышена) состояла из «лучших всадников», т.е. являлась «отборным отрядом конных бойцов». Примечательно, что позднее, в 1666 г., Эвлия Челеби в дневнике путешествия по Северному Кавказу отметил, что шамхал Султан-Махмуд, находясь в Эндери, дал крымскому хану Мухаммед-Гирею IV в сопровождение «тысячу отборных воинов» (*Эвлия Челеби* 1961, с. 116). В ногайской поэме «Мурза Эдыге» в отношении золотоордынского хана Узбека сказано: «Почетную стражу его составляли тысячи кутасоносцев, садившихся на тысячу аргамаков». Очевидно здесь, как и в «Тарих Эндирей», круглая цифра приведена не для указания точного числа воинов. Скорее всего, она употреблена в традиционном смысле — для указания большого числа отборных воинов князя (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 213, примеч. 25).

В случае необходимости численность войска заметно увеличивалась. Один из сюжетов «Истории Ширвана и Дербента» повествует о том, как «в 1064 г. владетель Серира собрал большое скопище (джамман гафиран) неверных и различных тюрков... Он послал свое войско с тарханами и бактриками к воротам города и угнал стадо». В.Ф. Минорский (1963, с. 136) «джамман гафиран» перевел как *скопище*, хотя М.М. Атаев, основываясь на одном из значений слова «гафиран» как *сторож, караульный*, считает возможным иной перевод: «большое количество[31] стражников, караульных». Раисы, в толковании того же автора, — это «старейшины населения» (руаса ахл ас-Серир), возглавлявшие в необходимых случаях военное ополчение одного или нескольких селений (*Атаев* 1989, сс. 16—17).

В конце XI — начале XII века в социальной структуре Серира произошли существенные перемены, связанные с его распадом на мелкие владения. На руинах некогда крупного, мощного социума образовалось множество отдельных независимых союзов сельских обществ. Вместе с тем, часть территории Серира сохранилась вокруг Хунзаха, позднее известного как Хунзахское нуцальство.

Северо-восточнее Дербента по берегам рек Бугам и Улучай располагался Хайдак (Кайтаг, земля или крепость Хайзан, укрепление или земля Хамзин, крепость Хайзадж, область Дж. ндан, замин Кайтак, город Хандан, Джидан, Хайда, Джанада). Сведения арабских авторов X в. о Хайдаке отрывочны и не всегда ясны. Согласно Ибн-Рустэ, рядом с царской крепостью

(замком) Серира «находится дорога, по которой можно выехать (из Серира) и среди высоких гор и многочисленных лесов и на расстоянии двенадцати перегонов достичь одного из богатейших городов, именуемого Хайдан (следует читать Хайдак), царя которого называют Адар-Нарсе. Он придерживается (*yatamassak*) трех религий: по пятницам он молится с мусульманами, в субботу — с евреями и по воскресеньям — с христианами» (*Minorsky* 1958. P. 168).

В дагестанских исторических сочинениях возникновение правящей династии в Кайтаге связывают с арабской агрессией. «Дербент-наме» отмечает по этому поводу: Абу-Муслим «пошел во владение Кайтак. В битвах и сражениях он убил отважного (газанфер[32]) кайтакского правителя. Он завоевал Кайтак... назначил правителем [Кайтака] одного человека по имени Хамза из числа своих людей» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 33).

Хайдак/Кайтаг в X—XII вв. — сильное, независимое государство. Правда, надежных свидетельств о данном социуме на *ранних этапах его развития* пока нет. Письменные памятники отрывочны, не всегда ясны, а иногда — противоречивы. Например, Истахри правителя Хайдака (Кайтага) назвал *хайдакагшах* (хандакан-шах); в данном случае «речь идет о независимом малике». В то время как «Худуд-ал-алам» отмечает: «Х-ндан является резиденцией сипахсаларов (военачальников) царя Серира» (*История Дагестана* 2004, с. 197).

По поводу происхождения названия общества — Кайтаг — высказаны различные мнения. Согласно гипотезе В.В. Бартольда, поддержанной В.Ф. Минорским, «хайдаки получили свое название от своего высшего класса, состоявшего из пришельцев... но, в противоположность мнению Бартольда, это произошло не во время монгольского нашествия, а на несколько веков раньше, так как название Хайдак засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) уже у арабских авторов IX—X вв. н.э.» (*Минорский* 1963, с. 127).

Правители Хайдака пользовались большим влиянием в регионе. Под 1064 г. содержится сообщение о свадьбе эмира Мансура на дочери Али б. Хасана б. 'Анака; ее матерью была дочь *Р.м.в.*, эмира Хайдака. Тот же источник под 1065 г. упоминает Пируза (Фируза) ал-Хайдака (Хайдакского), у которого воспитывался Абдалмалик, будущий эмир Дербента (*там же*, сс. 75—76).

По устной традиции, первой столицей Хайдака было городище Жалаги в Кайтагском районе. В X—XII вв. главным городом социума стало селение Кала-Корейш. На старых поселени-

ях Ирчамула найдены куфические надписи XII–XIV вв. (*История Дагестана* 2004, с. 1980). В стену внутри мечети Кала-Корейша вделана каменная плита с надписью на арабском языке. Обратим внимание на следующий фрагмент: «он обладатель Кал'а курайша, *ах-с-б-р* б. Хиздан» (*Лавров* 1966, с. 111).

Комментируя данный сюжет, Л.И. Лавров отметил: «Это самый ранний, неизвестный по другим источникам, предшественник и, возможно, предок усмиев, однако, как видим, еще не носивший титула *усми*» (*там же*, с. 193, примеч. 268).

«История Каракайтага» содержит текст о жизни каракайтагцев в X–XV вв. Т.М. Айтберов и А.Р. Шихсаидов полагают, что текст написан не позднее конца XV – начала XVI в. Данный источник зафиксировал порядок наследования власти в социумах Дагестана. Ссылаясь на «обычай потомков Хамзы и существующее правило», решили «ставить эмиром и опекуном того, кто будет старейшим из них по возрасту. Все – (будь) он малым и бедным – без отказа и спора выказывают ему повиновение». Эмир контролировал «доходы государства и вилайата». Пятую часть он забирал себе, а остальное делил «с теми из числа раисов и эмиров этого вилайата, кто вместе с ним и вокруг него, а также с наиболее возвышенным среди них в отношении заслуг и происхождения» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 158).

К югу от Кайтага располагался Табасаран – название не только общества, но и народа. Как происхождение, так и этимология термина еще не совсем ясны. По В.Ф. Минорскому, *Табар-саран* «головы топорком», видимо, «иранская этимология названия нынешних табасаранцев. Не исключена и здесь связь имени с гарнизоном *тапуров* Табаристана /Мазандарана/» (*Минорский* 1963, с. 125, примеч. 47). Якут отмечал, что «между Лакзом и Баб-ал-Абвабом расположена страна Табасараншаха, жители которой могущественны, сильны и многочисленны» (*Алимова, Сефербеков* 2001, с. 187).

Косвенно о размерах и роли Табасарана в древнем мире свидетельствует одно из названий Каспия в ту эпоху – «Табаристанское» (*Коновалова* 2004, сс. 221–222).

Дагестанская историческая традиция возникновение правящей династии в Табасаране связывает с Абу-Муслимом, который после завоевания названного общества его главой назначил «умеренного и набожного человека по имени Мухаммед Масум[33]». Абу-Муслим «повелел, чтобы войско дербентское [состояло из жителей] Табасарана, потому что Мухаммед Масум был [человеком] доблестным и жаждущим войны за веру». Кроме того, Абу-Муслим в Табасаран назначил «двух ученых кадиев,

чтобы Мухаммед Масум находил решение в совете с ними, если случится какое-нибудь большое дело» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, сс. 33–34).

Во второй половине X – начале XIII вв. Табасаран находился в известной степени зависимости от Дербента и Ширвана. Причем, позиции Ширвана здесь вроде бы оказались более прочными. Брат ширваншаха Хайсам владел поместьем в Табасаране («дай'а Мухаммад в Табасаране»), где он умер в 1025 г. В «дай'а Ирси области Табасаран» в 1065 г. скончался представитель рода ширваншахов Хурмуз ибн-Минучихр ибн-Йазид, который «был похоронен там рядом со своими дядьями по матери». В XI веке в Табасаране, наряду с ширванской и дербентской, усиливается и местная феодальная знать (*История Дагестана* 2004, с. 202).

К северу от сел. Татиль (Табасаранский район) в заповедном лесу сохранилось старое кладбище; наиболее ранние надмогильные плиты имеют куфические надписи. Одна из них, датированная 1187 г., сохранила титул усопшего «Это могила нашего шейха... подвижника (аскета) набожного...». Надмогильный камень «приказал воздвигнуть... шейх *С. р. с. м*». Здесь же найдена еще одна надпись: «это могила имама Умк (?) аддина Абу» (*Шихсаидов* 1984, сс. 33–34, 38).

Из ранних свидетельств о данном социуме вспомним Баладзори (1927, с. 7), писавшего о нем как о едином объединении, возглавляемом табасаран-шахом. Масуди называет его «царь Табасарана» (*Караулов* 1908, с. 7), тогда как Гарнати в сюжете о событиях 1131 г. писал: в Табасаране «24 рустака, в каждом рустаке... имеется большой военачальник, подобный эмиру»[34] (*Гаджиев* 1979, с. 205).

Рустак – это «группа деревень, объединенных под властью одного правителя». По мнению некоторых дагестанских ученых, «в данном случае речь идет об уделах, независимых от центральной власти». Примечательно, что владельцев рустаков называли *сархангами* «военачальниками». Очевидно, «представители военно-служилой знати Табасарана возглавили *вновь возникшие самостоятельные владения* (курсив мой – Ф.Г.) рустаки» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 276).

Вполне возможно, что процесс выделения самостоятельных владений в прежде едином государстве связан с укреплением экономики, усилением политической активности местных «князей». Вероятно, данный процесс не избежал корректировки со стороны центральной власти. Вспомним хотя бы наделение землей феодалов «второй руки».

В Лакзе также произошел распад единой территории. Не

случайно в источниках упоминается не *малик* (правитель), а *малики* (владельцы) отдельных мелких уделов. Последние, в свою очередь, имели «вассально зависимых владельцев» (*там же*, сс. 276–277).

Согласно Т.М. Айтберову, в промежутке между концом XI и началом XII века «в Сулакском бассейне и на прилегающих землях была создана конфедерация мелких мусульманских княжеств – эмиратов, одним из которых был Хунзахский эмират, а центром конфедерации было выбрано селение Кумух» (*Айтберов* 1990, с. 73).

Гумик, расположенный в центре Дагестана, в раннее средневековье занимал территорию множества ущелий, соединявшихся «в одно верстах в трех ниже главного селения, Гумука». От долины Самура «страна лаков» отделялась высоким хребтом, параллельным Главному Кавказскому хребту». «Его вершины покрыты вечным снегом и сообщение с внешним миром возможно только в летние месяцы; такие же хребты, но несколько ниже, отделяют лаков от соседей – кюринцев, даргинцев и аварцев» (*А.К.* 1869, с. 3).

Немало копий сломано при выяснении ранних этапов формирования данного социума. Масуди в рассказе о Гумике писал: «За этой землей лежит страна (*mulk*) Гумик. Его жители христиане, которые не подчиняются никакому царю, но имеют глав [вождей – Ф.Г.] (*ru'asa*) и живут в мире с царством алан» (*Minorsky* 1958, P. 155).

По сообщению Ибн-Рустэ, «царь Серира имеет (другой) крепкий замок, называемый ал-Ал (Алал) и Гумик, очень крепкий. Здесь находится его сокровищница, и этот замок подарен ему Ануширваном» (*Minorsky* 1958, P. 169). На русский язык данный фрагмент переведен так, будто речь идет об *одном* названии *одного* замка: «ал-Ал (Алал)-ва-Гумик» (*Минорский* 1963, с. 220; *Гаджиев* 1979, с. 152). В любом случае – Гумик у Ибн-Рустэ не владение, а замок.

В одном из списков «Дербент-наме» происхождение правящей династии Гумика связано с завоеванием данного социума Абу-Муслимом. Бекам удалось какое-то время оказывать сопротивление; но в итоге «кумукские беки потерпели поражение, многие... приняли смерть» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 33).

Краткая редакция «Истории Маза» сообщает о сложных отношениях первых мусульманских правителей дагестанских обществ с местным населением. Так, арабы заключили договор «с эмирами неверующих вилайата Гумук». Однако вскоре арабский военачальник «тайно, с применением обмана нарушил его и

обрушил меч на гумукских неверующих. Он разбил их армию и взял их город» (*там же*, с. 137).

В более поздних письменных исторических памятниках Дагестана отражена практика «выборов» эмира Гумука. «У них *был обычай ставить* эмиром *старейшего* (курсив мой – Ф.Г.) из них с их общего согласия». Попытка Сурхайхана оспорить традицию оказалась неудачной. «Неправильно, если эмир будет из них и только. Мы ведь тоже из поколения султанов, – убеждал политических противников Сурхайхан, чья родословная восходила к потомкам Хамзы. – Сейчас наша очередь. Пусть эмиры будут поочередно». Однако наследники Мухаммадхана возразили: «Эмир будет *только из нас* – старший из нас по возрасту, как то *в обычае наших предков* (курсив мой – Ф.Г.). Неприлично нарушать наш обычай». В конечном счете древняя традиция была сохранена (*там же*, с. 182).

В «Истории Ширвана и Дербента» сообщается, что летом 1064 г. «гумикские неверные напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и разграбили их имущество. Затем, наложив *харадж* на оставшихся живых, они вернулись домой» (*Минорский* 1963, с. 74).

В XII в. отмечается укрепление политической самостоятельности обществ Северо-Восточного Кавказа, распространение ислама, утверждение власти Кумуха в лакских землях, его становление как административно-политического, торгово-экономического, культурно-идеологического центра шамхальства (*История Дагестана* 2004, с. 203).

Информативны свидетельства Гарнати; часть записей в его «Путешествии» основана на личных наблюдениях. «Выше Дербента, – отмечал он, – ходил я в горы Калалат, в которых (бывает) множество народов, все они мусульмане... Они говорят на разных языках, а число их (народов) знает только всевышний Аллах. Они живут на высоких вершинах гор, где очень холодно, и одеваются люди из-за сильного холода в меха... Люди этой страны живут долго, и много у них всяких благ, таких, как мед, и мясо, и фрукты в их долинах... Я жил у одного из их эмиров, известного под именем Абу-л-Касим; его рабы каждый день резали для меня барана, я говорил им: 'Разве ничего не осталось от того барана?' – а они отвечали: 'Да (осталось), но наш господин нам так приказал'. Этот эмир... говорил на разных языках, таких как: лакзанский и табаланский (табасаранский – Ф.Г.), и филанский, и закаланский, и хайдакский, и гумикский, и серирский, и аланский, и асский, и зарихкаранский, и тюркский, и арабский, и персидский. У меня на занятиях присутствовали люди из этих народностей, и он объяснял

(содержание этой книги) каждой народности на ее языке» (*Путешествие...* 1971, с. 26).

Немалый интерес исследователей вызывает социальная структура Дербента. С 969 по 1069 г. городом управлял представитель дома Хашимидов, бывший «наиболее крупным феодалом... города» (*История Дагестана* 2004, с. 216). В своей внутренней и внешней политике он опирался на *гази*[35] и *воителей за веру*. С их помощью эмир влиял на *раисов* города, когда интересы последних сталкивались с его интересами. В данном случае раисы — это главы торговых гильдий, ремесленников, крупные и мелкие феодалы, носители реальной политической и экономической власти. Следует отметить наличие у раисов «собственной военной силы и определенный судебный иммунитет». В необходимых случаях торговцы и ремесленники выступали в качестве воинов. Демонстрируя независимость и самостоятельную политику, раисы нередко выступали против эмира Дербента. В 1064 г. они отправили «своих *гулямов*», которые «угнали скот дербентцев и время о времени нападали на предместья (рабат) города». В середине XI в. одним из самых богатых жителей города являлся «раис раисов» Муфарридж ибн-Музаффар, «владевший на правах собственности несколькими селениями». Как полагают некоторые дагестанские ученые, такие «раисы имели в своем подчинении более мелких феодалов, экономически зависимых от сюзерена». «Раис раисов» держал штат сборщиков **налогов** (*уммал*, ед. число *амил*)[36], «которые непосредственно изымали (? — Ф.Г.) земельную **ренту** (выделено мной — Ф.Г.)» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 273–274; *История Дагестана* 2004, с. 217).

В данном случае явно смешаны два понятия — рента и налог. Они резко отличаются друг от друга и совпадают лишь при монопольной собственности на землю. Но таковыми функциями раис раисов не обладал.

В то же время, авторы справедливо отмечают политическую активность раисов, состоявших в числе ближайших советников эмира, хотя нередко выступали против него, опираясь на поддержку «народа ал-Баб». Бывали случаи, что раисы сами заменяли эмира, как это было вскоре после 1065 г., когда Муфарридж захватил, хотя и ненадолго, власть в Дербенте (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 274).

Здесь же отметим практику своего рода «призвания князей» горожанами. Так, в 1065 г. свергнутый с престола Дербента эмир Абдалмалик нашел убежище в Хайдаке. В 1070 г. «*народ* ал-Баба снова призвал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город (балад), *вручили ему власть*, и он стал *сра-*

жаться с ширванцами». Но через 5 лет его вновь изгнали» (*История Дагестана* 2004, сс. 197–198; курсив мой – Ф.Г).

В X–XIII веках в Дербенте отмечены и другие социальные группы; это – *айан* («знатные люди»), *айан ас-сугур* («знатные люди пограничных областей»[37]). Была также и особая группа нотаблей, известная под названием *айан ас-суфуф* – торгово-ремесленная верхушка Дербента (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 274–275).

В «Истории Ширвана и Дербента» сообщается о «домах *акара* и *музари*». Возможно, речь идет об издольщиках и крестьянах вообще (*там же*, с. 277).

Источники не обошли вниманием прошлое отдельных населенных пунктов. Так, «Ахты-Наме» посвящено истории одноименного аула. Основателем поселения, по фольклорным данным, являлся легендарный Шах-Баны, племянник сасанидского шаха Кубада и двоюродный брат Ануширвана. Последний, получив от Шах-Баны известие о горячем источнике, «отправил туда 60 человек из персов и 300 воинов, которые близ источников основали селение». Свое название аул получил, якобы, в период походов Абу-Муслима из-за того, что здесь проживала его сестра. По-арабски сестра, сестринский – «ухтун». От этого антропонима будто бы и произошло название Ахты. Эта этимология сомнительна, т.к. полное название аула – Ахцагъар. Поэтому поиск этимологии топонима необходимо продолжить (*Гаджиев* 1979, сс. 187–188).

В структуре управления Ахты ученые выделяют глав тухумов. Как заметил М.М. Ковалевский, «в сел. Ахты главой тухума считался старший, *избираемый* (курсив мой – Ф.Г.) на собрании всех его членов. Все члены тухума обязаны были обращаться к нему за советом» (*Ковалевский* 1890. Т. I, сс. 152–155).

Интересная деталь о структуре общества Ахты отражена в предании, бытующем в названном ауле. Сам памятник связан с надписью на камне в стене жилого дома в старой части селения. Надпись тщательно сбита; сохранились лишь отдельные буквы. «По преданию, надпись гласила о праве старейшего в Ахтах квартала взимать дань с жителей других кварталов того же селения. Последние тайком уничтожили надпись, чтобы изгладить память о своей былой зависимости». Р.Г. Маршаев полагает, что «в надписи речь шла о праве Гюнейского (верхнего) квартала на получение дани с новоселов, переселившихся сюда из сел. Зрых» (*Лавров* 1966, с. 96).

Не менее интересно еще одно обстоятельство. Жители (мужчины) Ахты обеспечивали защиту 11 сельских обществ, входивших с ними один союз. В военное время все 11 аулов обязаны

были подчиняться руководству ахтынских аксакалов. В мирное время последние наблюдали за своевременным взносом «закята», а также за тем, чтобы в гражданских и уголовных делах окончательное решение принимали исключительно ахтынские посредники (*Гаджиев* 1979, с. 195).

Решения аксакалов доводились до рядового населения *чаушами*; так назывались лица, «проводившие в жизнь решения аксакалов». Они «получали» в год по одному быку, имели право приходить при каждой свадьбе и поминовении за маслом, мясом, крупой и дровами. Напомним, что жители Ахты имели право на *пахту* (вроде русских «кормлений») от остальных 11 селений, с одним ограничением, чтобы число «гостей» не превышало 50 человек в одном селении (*там же*).

В сел. Ахты на массивном каменном блоке, вделанном в стену жилого дома в старой части селения, Л.И. Лавров обнаружил надпись: «Крепость сделали *Ш-л-раха...*». Там же, на другом массивном блоке ,сохранилась надпись: «Владелец крепости *Д-й-р б. С-й-б*» (*Лавров* 1966, с. 95). Опираясь на данные эпиграфические памятники, некоторые исследователи владельца крепости считали феодалом, хотя она предназначалась для обороны не одной семьи, а всего селения (*Гаджиев* 1979, с.196).

В стене мечети «Курортного» квартала Ахты еще в 1850 году И.А. Бартольдом обнаружена следующая надпись: «Владелец этой крепости Ширбан-шах Халилаллах» (*Лавров* 1966, с. 141). Со времен Н.В. Ханыкова эту надпись считают аргументом, свидетельствующим о вхождении долины р. Самур в состав владений ширваншаха Халилаллаха I (*там же*, с. 206; *Гаджиев* 1989, с. 192).

В качестве источника об общественном строе социумов средневекового Дагестана нередко используют сословную титулатуру. Правда, обращаясь к этому специфическому типу памятников, следует помнить, что титулы, как правило, зафиксированы на иностранном языке и уже в силу этого могут неадекватно отражать структуру того или иного социума. Средневековые авторы, писавшие о Дагестане на арабском и фарси, широко использовали термины малик, эмир, сахиб, хаким, наиб, султан, раис и др. Эти термины отражали отношения, имевшие место в иноэтничной среде феодальных социумов Ближнего и Среднего Востока. Поэтому их механический перенос на общественно-политическую карту Дагестана может исказить реальную картину.

Вторая особенность средневековых источников заключается в том, что социальные явления для их авторов, как правило, не были предметом особого анализа (*Магомедов* 1971, с. 45).

Как полагают некоторые кавказоведы, в источниках предмонгольского периода термины, позднее обозначавшие правителей Серира (нуцал), Кайтага (уцмий), Кумуха (шамхал) и др., не встречаются. Остается невыясненной титулатура правящих сословий, «но наиболее вероятным кажется то, что уцмий, шамхал, майсум, нуцал — местные титулы, лишь впоследствии 'подогнанные' к лексике арабского языка». Тот факт, что «названная титулатура, свойственная только дагестанским владельцам, и титулатура, перенятая извне (эмир, хан, султан, хаким, бег и т.д.), сохранилась в неизмененном виде, лишний раз подтверждает древность этих титулов» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 275; *История Дагестана* 2004, с. 217).

Военно-служилая знать — основная опора феодальной власти. В Серире представители одного из слоев военной аристократии назывались *раисами*. Бытует мнение, что этим термином обозначались «средние чины феодального ополчения, руководители десятков или сотен». Согласно «Истории Ширвана и Дербента», в 968 г. войска Серира овладели Дербентом. В городе «начались смуты, и было убито сто раисов жителей Серира». Небольшие отряды воинов возглавляли *тарханы* и *бактрики*. Оба термина не местного происхождения. Термин *тархан* скорее всего пришел из хазарского (куда попал из аланского[38]). Появление термина *бактрик* «обязано соседству с Грузией, с наличием христианских подданных Серира». Тарханы, по мнению дагестанских ученых, вероятно, возглавляли находившихся в войске Серира пленных и наемников, а бактрики — отряды христиан. Здесь же напомним, что в «Худуд ал-алам» военно-служилая знать названа *сипехсаларами* — «военачальниками» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 276).

Неоднозначно трактуется титул главы Казикумуха — шамхал. Традиционно считается, что в нем объединены два слова: страна Шам (Сирия) и селение Хал в Сирии. Власть шамхала, возникшая при арабах, сохранилась и при монголах (*Магомедов* 1971, с. 49).

Г. Алкадари утверждение власти шамхала связал с «потомком почтенного Аббаса», носившего имя Шамхал. Со временем «вошло в обыкновение этим именем называть... всякого из его потомков, занимавшего должность правителя Дагестана, и, таким образом, его имя превратилось в название должности» (*Алкадари* 1929, с. 22).

А.-К. Бакиханов привел иную редакцию. Завоевав Кумук[39], арабы «поставили» здесь правителем своего соплеменника; при нем назначили «кадия для обучения жителей обрядам новой веры» (*Бакиханов* 1926, с. 43).

Чиновники сословно-поземельного комитета, составившие историческую записку «Шамхалы Тарковские», привели «наиболее распространенное в народе изустное предание о происхождении шамхалов». После завоевания Дагестана, арабы «посадили главным правителем его Шахбала. Он и его преемники имели первоначальную резиденцию свою в горах, в местечке Кумух... потом перенесли ее в Буйнак и, наконец, в Тарки, где застигает их водворение русского владычества в Дагестане». Сам же титул «шамхал» чиновники комитета выводили из соединения двух слов: Шам — название провинции в Сирии и местечка Хал, из которого, якобы, происходил Шахбал[40].

Как показал В.Г.Гаджиев, существует несколько порой взаимоисключающих суждений о происхождении термина *шамхал*. Одни исследователи, как отмечено выше, выводят его из соединения двух топонимов: *Шам* (Сирия) + *Хал* (населенный пункт, откуда, якобы, был родом первый ставленник арабов). Другие связывают титул с антропонимом *Шахбаал*. Третьи считают термин местного, лакского, происхождения. Четвертые склонны выводить титул из татаро-монгольского и др. (*Гаджиев* 1989, сс. 22–23). Бытует версия о возможной связи данного титула с кумыкским *шаухал*, встречаемый в форме *шевкал/шавкал* у Шереф ад-Дина и в русских источниках. А.Р. Шихсаидов считает верным местный вариант происхождения титула. При этом ученый исходит из того, что данный титул нигде, кроме Дагестана, не встречается. К тому же, принятая в Дагестане иноземная социальная терминология до наших дней дошла в неизменном виде: бек, хан, амир, султан, вали, хаким, нукер, мюрид и т.д. Исключительное место шамхала среди других феодалов подчеркивает тот факт, что в источниках, начиная с XV в., он именуется *вали* Дагестана, хотя правителем всего Дагестана он никогда не был. Правда, в случае сбора ополченцев со всех концов страны общее командование над ними принимал шамхал (*Шихсаидов* 1975, с. 132).

Вторым на сословной лестнице в Казикумухе стоял наследник главы социума. Примечателен его титул: крым-шамхал; впервые, насколько известно, встретился в документах дипломатической переписки царя Федора Иоанновича и Бориса Годунова.

О других высших сословиях шамхальства интересную информацию приводят историографы Тимура — Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди. Оба рассказывают о гибели предводителя казикумухского войска Шаукала во время похода 1396 г. Тимура на Северо-Восточный Кавказ. После этого остальная часть знати пришла к Тимуру с изъявлением покорнос-

ти и «признанием своей вины». Согласно Шами, к Тимуру пришли «эмиры гази-кумуков, ходжи и вельможи». Йезди привел иную редакцию: «пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)». Комментируя эти свидетельства, А.Р. Шихсаидов амиров считает предводителями отдельных отрядов шамхальского войска. Представителями духовенства названы ходжи и кази (*там же*, сс. 133–134).

Крупным социумом, игравшим в средневековом Дагестане заметную роль, являлся Кайтаг. И. Гербер отмечал по этому поводу: «усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне в великом почтении» (*Гаджиев* 1979, с.121). Уцмийство делилось на две части – равнинную и нагорную. Топографическому делению уцмийства соответствовало его социальное устройство. Нижний Кайтаг представлял собой феодальное общество, тогда как горная часть сохранила некоторые элементы демократизма. Его жители «свободные люди – уздени, пользовавшиеся полным самоуправлением и выборным судом, и не отбывали никакому лицу никаких податей и повинностей» (*ФОД*, с. 182).

Верховным «правителем Кайтага и самым крупным феодалом был уцмий». В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», документе более позднего времени, говорится: «Над обеими частями... возвышалась власть уцмия, власть эта была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным всенародным собранием», происходившем в с. Башлы (*там же*, сс. 182–183). Помимо этого своеобразного веча, на протяжении всего средневековья в Кайтаге сохранялись элементы дофеодальных общественных институтов. Так, в случае военной угрозы, «по призыву уцмия как беки со своими подвластными, так и уздени обязаны были ополчиться; но этот призыв делался обязательным для узденей к исполнению только в том случае, когда вопрос о войне был решен на *общем их народном совещании* (курсив мой – Ф.Г.)... Кроме того, уцмий содержал при себе постоянное войско, состоявшее из 300 всадников. Назначение их, по объяснению беков, было преимущественно для поддержания внутреннего порядка и для приведения в повиновение узденей, не исполнявших требований уцмия... Весьма возможно допустить, что... нукеры уцмия... исполняли и некоторые полицейские обязанности... Нукеров содержал уцмий: давал им лошадей, одежду, а иногда и оружие» (*там же*, с. 183).

Местная традиция термин *уцмий* связывает с араб. *исм*[41] «имя», откуда и значение титула – «именитый». Среди других

этимологий отметим версию Б.М. Малачиханова, выводящего титул из иудейского слова *оцум* (множ. чис. — *ацацим*) со значением «сильный», «мощный». Однако А.Р. Шихсаидов отвергает предложенные варианты, указав на отсутствие аргументов в пользу какого-либо из них. Более того, он отметил незнание авторами рубежа I—II тысячелетий титула *уцмий*. Как не знает данный титул и местный автор — составитель «Истории Ширвана и Дербента». Обнаруженная в Кала-Корейше на могиле местного правителя надпись (не позднее XIII в.) сообщает о «владетеле (сахиб) Кала-Корейша». «Тарих Дагестан», охватывающая, в основном, XII—XIV вв., не упоминает титул «уцмий»: «*амир* их вилайата, *султан* по имени Газанфар ал-Гаррар». И лишь в хронике Махмуда Хиналугского (1455 г.) впервые упоминается правитель с этим титулом: Султан Мухаммед-хан *уцмий* (*Шихсаидов* 1975, сс. 127—128).

Власть в Кайтаге передавалась по наследству от отца к старшему сыну. Хотя этот принцип не всегда соблюдался. Достаточно вспомнить «из-за государства споры и раздоры» между двумя сыновьями уцмия Султана Мухаммед-хана (*там же*, сс. 128—129).

На следующей ступеньке феодальной лестницы стояли члены дома уцмиев — *беки*[42]. «Это были богатые и влиятельные феодалы, владевшие значительными земельными участками». Так, сын Султана Ахмед-хана, Ахмед-бек, имел «свои имущества, владения, земли». Беки нередко увеличивали свою земельную собственность покупкой мульков, приобретая таким образом все большую самостоятельность. Учитывая проявившиеся в XIV в. сепаратистские тенденции беков, А.Р. Шихсаидов предположил, что в своих владениях они пользовались административным и налоговым иммунитетом (*там же*, с. 129).

В источниках главной повинностью беков называется военная. Так, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», подчеркнуто: «Беки обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмия, относящиеся к *исполнению воинской повинности* (курсив мой — Ф.Г.): являлись на службу его во время войны, на коне или пешие, вместе со своими подвластными». Отношения между сюзереном и вассалом (насколько можно использовать эти термины применительно к кавказской действительности) подкреплялись «подарками» и «наградами» уцмия своим бекам. Показательна формулировка, объясняющая «награды» — «за хорошую службу». «Подарки» состояли из «вещей и разного рода скота; *деревень и земель ненаселенных уцмий не дарил бекам*, они доставались им *только* (курсив мой — Ф.Г.) по наследству. Отбирать эти наследственные имения у беков уцмий не мог» (*ФОД*, с. 184).

По данным И. Гербера, уцмий должен был «своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других, каждый год одаривать». Известно также, что наследник уцмия ежегодно объезжал все узденьские селения и творил суд, но «не иначе, как с помощью и в присутствии местных *картов* (курсив мой – Ф.Г.). Карты – старейшины, судьи – разбирали местные дела по адату». Формально избираемые, карты выдвигались из среды разбогатевших узденей, либо из «знатных людей». Причем, «право быть избранным в карты... принадлежало только некоторым известным фамилиям» (*Гаджиев* 1979, с. 124).

Арабские источники сохранили важные сведения о социальной структуре в Лакзе. Здесь помимо *маликов* и стоявших ступенькой ниже их *хамаширов*, в X–XIII вв. выделялись сословия *м.шак*, *акара*, *мухкан*. Эту информацию исследователи черпают из работы Йакута (XIII в.): «среди них имеются свободные (ахрар), называемые хамашира. Выше их – малики, ниже их – м. шак, затем акара и муххан»[43]. Слово *малик* обычно переводится как «царь». Но в данном случае, как считает А.Р. Шихсаидов, предпочтительнее использовать термин «правитель», либо «владетель» отдельной территории (*Шихсаидов* 1975, с. 115). Однако это известие, особенно социальная терминология, все еще не поддается однозначной интерпретации.

Под термином *мухкан*, по всей видимости, следует понимать ремесленника, сельского мастера, обеспечивавшего потребность сельскохозяйственного производства в необходимых орудиях труда. Что касается термина *м.шак*, то его сущность установлена по материалам соседней Армении. Здесь им обозначался работник частновладельческого хозяйства, кем бы он ни был, свободным или зависимым общинником, издольщиком или рабом. Возможно, аналогичным было содержание термина и в Дагестане. Наконец, термином *акара* обозначались издольщики, категория феодально-зависимого населения. Судя по средневековым источникам, данное сословие подразделялось на две группы. Первую составляли лица, получавшие в аренду земельный надел, располагая своим собственным участком. Ко второй группе относились люди, совершенно лишенные средств производства, вынужденные работать на чужой земле на арендных началах (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 277).

Как полагают некоторые исследователи, по социальному статусу *хамашира* «можно сравнить с раисами Дербента», т.е. «они составляли феодальную знать Лакза, занимали определенную ступень феодальной иерархии» (*там же*, с. 275).

Иначе интерпретирует сообщение Йакута Р.М. Магомедов: «Лакзы имеют свободных людей, которые называются *хамаши-*

ра; над ними стоят *малики*, а ниже их служащие *м.шак* (работники), а затем пахари (*акара*), и слуги, и ремесленники (*муххаан*)» (*Магомедов* 1971, сс. 51–52; курсив мой – Ф.Г.).

Правителем Аварии был *нуцал* – единственный титул феодалов рассматриваемого региона, которому не приписывалось арабское происхождение. Первое свидетельство о нуцале содержится в старинной хронике, вошедшей в «Тарих Дагестана». Согласно хронике, «правителем (малик) в городе области Авар... был неверный, сильный, тиран, негодный, носитель зла, насилия и несчастья, по имени Сурака, по прозвищу нуцал. Это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя». «Хроника Ихрана» правителей Аркаса, части бывшего Серира, называет *амирами* и *раисами*, а сельскую верхушку – *укала* «умные» (*Шихсаидов* 1975, сс. 134–135).

Алкадари считал, что в период арабских завоеваний Абу-Муслим «нашел возможным оставить только правителя собственно в Аварии в звании нуцала и распорядился, чтобы нуцалы во всяком деле повиновались шамхалу» (*Алкадари* 1929, с. 23).

Со ссылкой на Р.М. Магомедова, А.Р. Шихсаидов пишет о сословии беков, у аварцев занимавших второе после нуцалов место. «Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами». Высказывалась гипотеза об идентичности основных социальных функций беков и раисов (*Шихсаидов* 1975, с. 135).

По арабским источникам, во главе Табасарана вплоть до середины XI в. стоял один правитель, происхождением связанный с арабами. В середине XII в. Табасаран уже распался на несколько независимых владений (рустаков), о которых первым сообщил Гарнати. Феодальные правители рустаков назывались *сархангами* и сравнивались с амирами.

Г. Алкадари правителя Табасарана, известного по имени Майсум, относил к арабским ставленникам; ему в помощь были приданы прибывшие из Аравии два лица – кадии «для обучения народа предписаниям ислама и для решения дел по шариату... Майсум правил делами по соглашению с этими кадиями» (*Алкадари* 1929, с. 23).

Аналогичный рассказ привел А.-К. Бакиханов: «Абу-Муслим назначил правителем Табасарана Мухаммед-Маасума, человека добродетельного и богобоязненного и, кроме того, оставил двух кадиев для исполнения шариата» (*Бакиханов* 1926, сс. 43–44).

Арабские авторы рубежа I–II тысячелетий *Кубачи* называли страной Зирих-Геран. В позднее средневековье Кубачи состоял «из одной только весьма великой деревни». Однако ранее

этим топонимом называлась целая область. Так, у Баладзори Кубачи — это «страна Зирих-Геран», у Масуди — «царство[44] Зирих-Геран». Гарнати (XI в.) вблизи Дербента локализовал «два селения: в них живет народность, которую называют зирих-геран». Один из восточных авторов топоним переводил как «делающие панцирь» (*Гаджиев* 1979, сс. 129—130).

Примечательно, что акушинцы присутствовали в Тарках при «утверждении» нового шамхала. Одновременно, как свидетельствуют источники, акушинцы находились «в подданстве уцмия». В то же время они «податей никаких... усмею не платят» и уцмий с ними «вежливо поступать принужден, ибо себя подданными числить не дают» (*там же*, сс. 140—141). Вопрос о характере общественного строя Акуша-Дарго решается, главным образом, по источникам XVIII—XIX вв., поэтому не будем здесь останавливаться на нем детально. Рассмотрим лишь некоторые архаические институты, так или иначе связанные с управлением.

В структуре власти акушинцев выделяется функция, которая в значительной мере напоминает т.н. институт «второго царя». Он бытовал во многих античных и раннесредневековых обществах. Его суть заключалась в сакрализации власти верховного правителя, который все более становился «мифическим гарантом» стабильности социума. Реальная власть сосредоточивалась в руках «второго после царя» лица. Как правило, таковым являлся представитель военной аристократии. Но бывали случаи, когда эти функции сосредоточивались в руках представителей духовенства. С таким случаем мы сталкиваемся в истории Акуша-Дарго.

Сельские и джамаатские старшины «избирались», преимущественно, из наиболее влиятельных сельских тухумов. Значительную роль играли и кадии. О степени влияния последних говорит тот факт, что во главе каждого из 5 союзов Акуша-Дарго стояли кадии. Причем, трое из них — акушинский, цудахарский и сюргинский — были наследственными. Все 5 кадиев обладали не только духовной, но и светской властью (*там же*, сс. 142—143).

Для управления акушинцами и приведения в жизнь решений в распоряжении кадия находилось 40 *тургаков* с их «командиром». В случае военной опасности кадий Акуша-Дарго «становился главнокомандующим. Он обязан был собрать ополчение, определив при этом, 'сколько человек должно с каждого двора уйти на войну' и 'назначить сотенных командиров'». Однако вопрос о войне, как и другие важные вопросы, касавшиеся всего союза в целом, кадии обсуждали на специально собираемом от «всех союзных обществ» сходе в местности

«ХIярбука диркIа». Между сходами постоянно действующим органом управления являлся т.н. «высший совет». В его состав входили кадии всех обществ и наиболее влиятельные старшины. Обычно такой совет состоял из 12–15 человек (*там же*, с.144).

Некоторые исследователи полагают, что акушинский кадий, хотя и вынужден был считаться с некоторыми институтами прошедших эпох, «все же сам осуществлял управление в Акуша-Дарго. В военное время власть его еще больше усиливалась». При этом кадий, в отличие от других феодалов, сосредоточил в своих руках и духовную, и светскую власть. В связи с этим ставится вопрос: правы ли мы, по-прежнему считая Акуша-Дарго «вольным», дофеодальным обществом? Или же вернее характеризовать его «как государственное объединение (типа других владений Дагестана), во главе которого стоял сосредоточивший в своих руках светскую и духовную власть акушинский кадий» (*там же*, с. 147).

Говоря о терминах, обозначавших различные слои населения, назовем некоторые категории крестьян. Основной слой составляли юридически свободные владельцы небольших пахотных участков – мульков. В «Тарих Дагестан» крестьяне обозначены термином *райаты*. Основное податное население, в значении *подданные*, райаты включали в себя свободных общинников, общинную «знать», членов зависимых общин, издольщиков обеих категорий (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 277–278).

Обратимся теперь к своего рода городам-государствам Северо-Восточного Кавказа. Самым крупным городом региона по праву считался Дербент. Во главе его феодальной иерархии в XI в. стоял эмир из династии Хашимидов (до 1077 г.). Затем город со всеми прилегающими к нему землями вошел в состав Ширвана и попал в зависимость от сельджуков Ирака. С начала XII и до второй четверти XIII в. Дербент являлся самостоятельным обществом во главе с эмиром. Власть в городе была наследственной. Эмиры имели свою охрану – *гулямов*. Помимо ширваншаха и эмира Дербента, к элите относились военная и чиновничья знать, высшее духовенство. Эти категории знати владели землей, водой, ирригационными сооружениями, скотом, нефтяными колодцами, солеварнями, укрепленными жилищами (крепостями), караван-сараями, домами и т.д. Эмиры Дербента опирались на целый штат «советников», возглавляемых *визирями*. Помимо них к «советникам» относились *раисы* и *мудрые старики*, с мнением которых эмиры считались (*Ашурбейли* 1988, сс. 141–142).

Социальная структура Дербента отразилась в эпиграфичес-

ких памятниках. Возможно, титул *малик* передан в надписи от 15 марта 1021 г. из Дербента: «Ахмаду сына Са'да, сына ал-Малики...» (*Шихсаидов* 1984, сс. 10–11).

В Ширване и Дербенте отчетливо прослеживается столь характерная для мусульманских стран связь между религией и правом, исполнение судебных функций кадиями. В начале XII в. Мас'уд ибн Намдар в своих стихотворных посланиях жаловался на кадиев, аннулировавших его право на владение «поместьями» и получение выплат в Байлакане во время его отсутствия (*там же*, с. 143).

Важную роль в Ширване и Дербенте, помимо прочего являвшихся средоточием ремесла и торговли, играли купцы *шейх ак-туджар* и *малик ак-туджар*. В грузинской летописи в описании событий конца XII в. эти торговцы названы «главными купцами» города. «Тарих-ал-Баб» под 1064 и 1968 гг. упоминает значительный слой городской аристократии (*а йан ас-суфуф*), «более тесно связанную с эмиром». В.Ф. Минорский перевел данный сюжет как «именитые (купцы) из (торговых) рядов» (*Минорский* 1963, сс. 73, 78, 166–167).

Бытует мнение, что *раисы* Дербента – это главы из среды крупного купечества, занятые в сфере городского управления. Раисом назначался старейшина города, возглавлявший купеческую гильдию. К раисам относились и главы ремесленных цехов. О зажиточности этого сословия можно судить по строительству мечети в старой крепости Баку. На ее стене упомянуто имя строителя «ал-устад ал-ра'ис Мухаммад ибн Абу-Бекр, 417 г.х.» (1078/9 г. н.э.). Звание *ал-устад ал-ра'ис* говорит о том, что его носитель «являлся главой начальников ремесленных цехов» (*Ашурбейли* 1988, с. 144).

К знати Ширвана относились эмиры – в данном случае элита военной аристократии. Они являлись правителями областей, городов и сел Ширвана. В XI в. глава войска имел особый арабский титул – *сахиб ал-джайш*. В начале XIII в. он назван иначе – *сипехсалар* (*там же*, с. 142). На протяжении всего XI в. шла упорная борьба с между эмирами Дербента и раисами, которые практически управляли городом. Не случайно в Ширване и Дербенте «наряду с обладателями больших богатств и земельной собственности, среди раисов были и выходцы из числа ремесленников и других низших слоев общества, принимавших активное участие в социальной и политической жизни городов» (*там же*, с. 145).

В заключение данного раздела приведем сословную терминологию из дагестанских письменных памятников средневекового и (частично) нового времени. В качестве исходного мате-

риала обратимся к 13 текстам, вошедшим в сборник «Дагестанские исторические сочинения» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993).

Наиболее часто в них встречается термин *эмир*. Так в «Дербент-наме» назван титул главы Гелбаха; в комментариях Г.М. Оразаев дает значения термина: «повелитель, военачальник; князь» (*там же*, с. 48, примеч. 60). В этом же источнике эмиром назван арабский полководец Йазид ибн Усайд ал-Сулами (*там же*, с. 38, 61, примеч. 213). Эмиром назван правитель Дербента; в другой редакции сказано: «Каждый из эмиров Дагестана стал самостоятельным, и они вели войны друг против друга». В городе правители «менялись через каждые пять дней» (*там же*, с. 41). В «Тарих Дагестан» упоминается один из *храбрых и сильных эмиров* «неверных» из вилайата Хайдак — султан по имени Газанфар ал-Гаррар». Этимология антропонима, предложенная Б. Малачихановым — «обманутый лев». По мнению исследователя, составитель «Тарих Дагестан» заменил слово *усама* (араб. «лев» *уцмий*, титул кайтагского правителя) синонимом — *газанфар*. Представляется убедительным возражение Г.М. Оразаева: сомнительно, «чтобы правитель Кайтака мог носить имя, характерное для антропонимики мусульманского Востока, в то время, когда Кайтак еще не был исламизирован» (*там же*, с. 58, примеч. 171). В «Ахты-наме» эмир употребляется в нескольких значениях — приближенного кагана хазар, его визиря, главы местности (*там же*, сс. 69—70).

Арабский полководец, главный герой «Истории Абу-Муслима», «сражался с эмирами Ширвана и уничтожил их». Обратим внимание, что речь идет не об *одном* эмире, а о *нескольких*. В этом же памятнике в сюжете о разгроме войск Самсама, говорится, что «Самсам бежал вместе со своими эмирами, которые были у него на службе» (*там же*, сс. 80, 82). И здесь *эмиры* — скорее всего, титул, носители которого являлись дружинниками «средней руки».

Согласно «Тарих Дагестан», в доисламский период в регионе правили «*грешные эмиры*», которые «приказывают неодобряемое и удерживают от одобряемого». После покорения того или иного социума арабы назначили «над ними и над теми, кто правил ими (раньше)... их эмиром и вали» правителя (*султана*) одного из потомков Хамзы, араба, корейшита (*там же*, сс. 97—98, 100).

В пространной редакции «Истории Маза» затронуты отдельные события этого лезгинского села в X—XVII вв. В сюжетах об арабских походах упоминаются «дородные и могучие эмиры» неверных. «В числе эмиров, которых они убили у неверу-

ющих, эмир вилайата Кайтак султан Гаданфар Беглец (ал-Фаррар)». Сочетание двух титулов — эмир и султан — у одного лица можно рассматривать как свидетельство употребления первого в значении «глава», «правитель». Вроде бы аналогичную нагрузку несет термин *эмир* в сюжете о покорении «города Куймук», где названы «куймукские эмиры». Равным образом это относится и к Шамхалу, «поставленному» эмиром Кумука (*там же*, сс. 115–116).

В краткой редакции «Истории Маза» речь идет о «могучих эмирах» из племени (*таифа*) неверующих. Эмиром из их числа был «Амирчуфан, сын султана Алибека», потомок Хамзы ал-Араби. «Он выдал «свою дочь за Масумбека, эмира вилайата Тафасаран». Главы неверующих вилайата Гумук также названы эмирами (*там же*, сс. 137–138).

«История Каракайтага» содержит текст о жизни каракайтагцев в X–XV вв. Этому источнику известны эмир вилайата Табасаран, эмир селения Ашра, эмиры из числа жителей Таифа (оазис недалеко от Мекки), эмиры Каракурейша и др. (*там же*, сс. 154–155).

Здесь обратим внимание на эмира отдельного села — Ашра. С ним связана интересная история. В какое-то время «со стороны эмира селения Ашра обнаружились насилие и тирания[45]. Тогда они (население округи — Ф.Г.) посовещались между собой, напали на них и разрушили Ашра» (*там же*, с. 155). До наших дней в урочище Кайтагского района на месте названного села на могиле знатной женщины сохранилось надгробие с ее именем — Джанбике. Археологи датируют ее в пределах XIV–XV вв. Не исключено, что отец Джанбике — Мирбек/Амирбек — ни кто иной, как эмир села Ашра (*там же*, с. 160, примеч. 7).

В «Истории Ирхана» глава одноименного «города» назван *эмиром*. Но буквально тут же приведен и второй титул — *султан* Ирхана. По явно завышенным данным в городе насчитывалось 9 тысяч 909 домов. Далее повествуется о «благородной правительнице (*амира*) Килбаха», которую хотел сосватать один из эмиров Таргу. Услышав грубый отказ, эмиры Тарков «решили взять ее силой». Когда эта весть дошла до правительницы, она ответила: «Меня окружает крепкая стена, [охраняют] многочисленное войско и мощное укрепление, и словами их меня не подчинить». Эмиры Тарков засомневались в своих силах, а правительница сказала: «Килбах» [по кумык. *гел бах* — «приходи, посмотри»]. С этого времени эта местность стала именоваться Килбах. Прежде ее называли Каскар. В этом же письменном памятнике сообщается о недельной битве у селения Хиркас; «их раисы и эмиры» названы *таватийал* и *арнаху-*

рал. По резонному предположению Р.М. Магомедова, здесь, «видимо, тавады и азнауры — грузинские феодальные титулы» (*там же*, сс. 164—165, 167).

В исторических сочинениях Дагестана встречаются лица, носившие два титула. Так, в «Истории Гирейхана» ее герой сказал: «Я был эмиром и раисом над вилайатом Чаркас» (*там же*, с. 170).

Довольно часто в дагестанских исторических сочинениях употребляется титул *шамхал*. В «Дербент-наме» Чупан-бек, по настоянию которого был создан названный письменный памятник, предстает как «обладатель совершенного ума, счастливый, достославный и почитаемый Чупан-бек, сын Шамхала, повелителя земель и гор...» (*там же*, с. 16).

В «Тарих Дагестан» проводится мысль о том, что в период арабских походов мусульман-корейшитов возглавлял Шамхал, в итоге осевший в Кумухе (*там же*, сс. 100, 102, 116). Краткая редакция «Истории Маза» приводит одну из версий наиболее распространенной точки зрения об основателе династии шамхалов, восходившей, будто бы, к некоему Шамхалу из одноименного селения. В списке «Г» «Истории Маза» имя Шамхал выводится от имени деда, рожденного в селении Хал, из вилайата Шам» (*там* же, с. 137). В последней версии, повторенной в «Истории Тледока» (забытое старинное название небольшого округа в Западном Дагестане), Шамхал назван султаном (*там же*, с. 143).

В «Тарих-Дагестан» встречаем титул *малик*. Первый раз он использован в значении «владыка» в городе/области Авар. Его носителем являлся «неверующий сильный тиран, негодный носитель зла, насилия и несчастья, по имени Сурака, с титулом *нусал* (*там же*, с. 98). Этот же титул упомянут в «Истории потомков Мухаммадхана Казикумухского» (*там же*, с. 184). В более позднем источнике *маликом* назван Хамза-усуми, правитель «Дагестана, по [праву] господства» (*там же*, с. 191).

В рассматриваемых источниках часто встречается титул *раис* (мн.ч. *раисы)*. В списке «А» «Ахты-наме» к 560 г. относится рассказ о том, как «раисы этих местностей» обратились с просьбой к эмиру «Шахбани из рода Сасанидов», контролировавшему округу Ахты (*там же*, с. 68). В «Истории Ирхана» раисам, возможно, соответствовал грузинский социальный термин «тавады» (*там же*, с. 167). В позднейших документах раисы на сословной лестнице стояли вслед за эмирами (*там же*, с. 170).

Как известно, в исторических сочинениях неоднократно встречается персидский по происхождению титул *сепахсалар* («командующий, глазнокомандующий»). В частности, так названы

глава гарнизона крепости Ирхан, командующий правым крылом Абу Убейды в период арабо-хазарских войн, другой сепахсалар Абу Убейды разорил Табарсаран; после завоевания Абу-Муслимом (города) Кумука его правителем и «старшим властителем всего Дагестана» поставлен некий *сепахсалар* (*там ж*, сс. 19–20, 28–29, 33, 46 примеч. 40).

Здесь же отметим, что в «Дербент-наме» Убейда Джерах обозначен ираноязычным по происхождению термином *сердар* – «предводитель» (*там же*, с. 27).

В рассматриваемых источниках приведены названия различных сословных групп средневекового Дагестана. Это – вельможи, правители, правительница (*амира*), военачальник (*салар*), начальствующие лица (*ака*), беки, старший властитель, владетель (*сахеб*), началик (*серкар*), вожак (*муктеда*), шах переселенцев (*хиджран шах*), почетные жители, вали, владыка, султан, знатные люди (*ай'ан*), старейшины (*кубара*), улемы, уздень (у засулакских кумыков – дружинник князя), бий (кумыкская форма тюркского социального термина *бек* «князь»), нукер (монг. *свободный человек*, *воин гвардии*, *друг*), *негер* (кумык. «слуга, дружинник, телохранитель хана), усуми-хан (*там же*, сс. 22, 24, 25, 31, 33, 40–46, 50, 71, 81, 99–101, 164–165, 192–199, 204, 210 прим. 9–11).

Немаловажна информация о социальном устройстве дагестанских обществ, сохраненная в исторических и генеалогических преданиях[46]. В недавно вышедшей коллективной монографии «Народы Дагестана», представляющей собой, по оценке М. Гасанова (2004, с. 159), «энциклопедию многонационального края», данному типу источников отведено заметное место. Ценность преданий «об образовании селений и обществ, о первопоселенцах и об их отношениях с вновь появлявшимися жителями тех или иных мест» общепризнанна. Отмечая это, Ю.Ю. Карпов напомнил, что на основании фольклорных памятников и данных о тухумной структуре обществ Западного Дагестана, Е.М. Шиллинг реконструировал «закономерности первичной организации подобных социальных моделей» (*Карпов* 2004, с.162).

Происхождение дагестанских правителей в генеалогических преданиях чаще всего восходит к роду пророка Мухаммеда. В анонимном сочинении «Об уцмиях Кайтага» род уцмия Рустамхана выводится от потомков «Хамзы, араба, курейшита, дяди пророка». К нему же восходит родословная шамхалов Казикумуха. С иной традицией связана версия происхождения правителя Серира. В передаче Масуди она связана с Бахрамом Гуром. Согласно данной версии, «Иездигирд, последний сасанид, во время бурных потрясений, стоивших ему жизни, отослал в

Серир ‘свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрам Гура, чтобы тот хранил их до его (Иездигерда) прихода. Этот человек поселился в этой области и захватил в ней царскую власть, и престолонаследие осталось в его семье’» (*Шихсаидов* 1975, сс. 112–113).

Родословная уцмиев также имела арабские корни и восходила к родственнику полководца Маслама, Амир-Хамзе. Он был «назначен правителем Кайтага; от его потомков происходят нынешние Кара-Кайтагские правители Усмия/Уцмия. После завоевания Табасарана Маслама назначил его правителем другого своего родственника по имени Магомет-Маасума. Источники дают ему хвалебную характеристику: он — «человек хороший и добродетельный». Назначив его правителем табасаранцев, Маслама дал ему «двух казиев для обучения народа шариату... строго приказал, чтобы все жители страны и во всех делах следовали указаниям Маасума и двух казиев» (*Тарихи* 1898, с. 81).

В работе с генеалогическими материалами следует учитывать возможные ошибки или даже сознательные искажения событий прошлого. Так, «Дербент-наме» главой «исламского» похода называет Абу-Муслима; исламизация региона началась в Кумухе и лишь после него — в Кайтаге и Табасаране. Родоначальник шамхалов назначен лично Абу-Муслимом. Первый шамхал являлся потомком «дяди пророка» Аббаса; в Кайтаг же назначен Хамза, по некоторым свидетельствам — «один из родственников Абу-Муслима».

Два других памятника — «Происхождение уцмиев» и «История уцмиев» начальным пунктом исламизации называют Кайтаг. Именно оттуда, якобы, потомок Хамзы, «дяди пророка», Амир Чобан начал поход и принес ислам сначала в Табасаран, утвердив здесь Маасума, а затем — в Кумух, назначив главой общества «одного султана из своих родственников» — Шамхала.

Причины этой разницы А.Е. Криштопа видел в следующем обстоятельстве. «Дербент-наме» составлен «по повелению прямого потомка кумухских шамхалов — Чобан-бека», а предполагаемый протограф «О деяниях Амир-Чобана», возможно, при дворе уцмия. Выполняя социальный заказ, составители обоих источников возвышали каждый своего покровителя и его род (*Криштопа* 1976, с. 162).

В фольклорных памятниках нашло отражение появление беков в Цахуре. По преданиям, некогда Цахур был центром «вольной» общины; каждый раз при выборе «старейшины-предводителя» накалялись отношения между тухумами. Пытаясь их урегулировать, джамаат *пригласил* «в правители беков, изгнанных из несуществующего ныне села Хоца». Однако приглашен-

ные беки «стали важничать и производить разные бесчинства, так что выведенный из терпения народ решил перебить всех беков с женщинами и детьми». Восемнадцать (именно такое «некруглое» число указано в предании) «смельчаков-цахуров» убили в *мечети во время молитвы* всех беков. Затем они отправились к бекским домам «и убили всех беков с женщинами и детьми» (*История Дагестана* 2004, с. 365). Несколько странно, что столь жестокая расправа над женщинами и детьми, а над мужчинами совершенная во время молитвы в мечети, не повлияла на оценку действий убийц, названных «смельчаками».

Особенности структуры управления и власти обусловили специфику отношений между различными слоями социумов Дагестана.

Основной формой эксплуатации зависимых крестьян в средневековом Дагестане принято считать натуральную ренту. При этом не учитываются различия между рентой и налогом. Между тем, если рента является платой за пользование землей феодала, обрабатываемой инвентарем зависимого крестьянина, то налог — это, напомним, лишь экономическая основа функционирования правительственной машины. Любой вид налога был направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой, прежде всего, на производство необходимых обществу услуг и информации [управление, обеспечение безопасности и т.д.] (*Коротаев* 1992, сс. 193, 198 примеч. 24). Очень четко эта мысль приведена в письме крестьян селений Коркак, Задиан и Марага Кайтаго-Табасаранского округа. «Раньше, — подчеркнули крестьяне, — мы платили беку за его *службу* обществу, *за управление*» (Далгат 1983, с. 138; курсив мой — Ф.Г.).

В источниках среди налогов упоминается *харадж*. «Тарих Дагестан» упоминает об уплате населением в пользу правителя Аварии хараджа и *джизьи* (подушной подати). В X—XI вв. нуцал получал «деньгами по три серебряных дирхема с каждого дома или же стоимость трех дирхемов золотом ежегодно; зерном по одному кайлу с каждого дома из того, что преимущественно сеялось ежегодно; баранами с каждой сотни ежегодно; крупным скотом, со ста домов быка ежегодно; тканью с каждого, кто занимается торговлей,(две штуки) хлопчатобумажной ткани ежегодно; фруктами с каждого дома, кто сажал виноградник, корзину винограда ежегодно... Все упомянутое источники дохода» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 279).

В середине XI в. Дербент был обложен хараджем со стороны «гумикских неверных», а ширваншах «собирал харадж с жителей Западного и Восточного Лакза». О неразвитости в гор-

ной и предгорной зонах денежной ренты свидетельствуют и редкие находки монет. В Дербенте, напротив, нумизматические находки в округе указывают на развитость здесь товарно-денежных отношений.

Ширван и Дербент еще в X в. попеременно осуществляли сбор налога с нефтяных источников и соляных промыслов. Позднее право на получение данного вида налога полностью перешло к Ширвану (*там же*).

Развитие феодальных отношений шло по двум направлениям. С одной стороны, главы обществ наделяли землей определенные категории лиц «за службу» на различных условиях (временное или постоянное условное держание, безусловная передача и т.д.). С другой стороны, как отдельные крестьяне, так и целые общины (и даже союзы общин), искали «покровительства» со стороны мощного в военном отношении феодала. Такая практика известна во многих странах и регионах средневековья, в том числе и на Кавказе. Институт покровительства сменялся, как правило, отношениями зависимости и подчинения. Это сыграло важную роль в расширении феодальних владений, причем, не просто пустых земель, а угодий с работавшими на них крестьянами (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 280).

Среди разнообразных повинностей в Дагестане особое место занимает *пахту*. Этим термином обозначалась обязанность раз в год угощать представителей одного аула жителями других аулов. Данная практика отмечена только в Ахтыпаринском союзе сельских общин и относится, вероятно, к местным повинностям домонгольской эпохи. Институт под названием *пахту* бытовал и в Армении. В домонгольский период пахту относился к числу основных феодальных повинностей, обязывая крестьян вносить определенную часть урожая землевладельцу. Происхождение рассматриваемого института связано, скорее всего, с системой покровительства, широко распространенной в период генезиса феодализма (*Шихсаидов* 1975, с. 92). В средневековой Алании, напомним, существовала значительная прослойка крестьян, образованная из числа лиц, искавших покровительства со стороны какого-либо влиятельного лица. О степени распространения такого рода коммендации свидетельствует образование пары социальных терминов: *армыдзыд* и *алдар*. Первый означает «ставший под (чью-либо) руку», а второй — «державший под рукой» (*Абаев* 1968). Аналогичный институт бытовал в средневековой Грузии; в Чечено-Ингушетии крестьян, искавших покровительства со стороны «сильных», называли «живущие у плетня сильных» (*Кушева* 1969, с. 182; *Гаглоева* 1981, сс. 97–98).

В Ахтыпаринском союзе сельских общин покровительства искала не одна семья или тухум, а целый ряд селений. Ахты выступал в роли коллективного покровителя.

Ряд малочисленных и слабых цахурских аулов поиски покровительства в итоге привели к признанию такого рода власти над собой со стороны крупного аула — Цахура. Сохранилось историческое предание, по которому «приблизительно в 500 г. магометанской эры, в ущелье» Самур основано селение Цахур. В то время оно стало «самым сильным... по многолюдству и отваге его обитателей». Из окрестных мест «стали приходить к цахурцам другие племена, селились и за это сначала подчинились им, а потом и совершенно попали под их владычество». Цахурцы всех их назвали своими раятами (подвластными). Сформировавшееся таким образом новое общество «избрало из цахурцев особых повелителей» (*Шихсаидов* 1975, с. 93).

Описанные события происходили рядом с Грузией, где в XI–XII вв. сложилась система патроната (кмоба), а в крестьянской среде оформилась особая прослойка *небиери* (добровольцы), искавшие могущественного покровителя (*там же*).

Еще одним архаическим институтом, сохранившемся во многих традиционных обществах, являлся праздник, в Дагестане известный под названием *игби*. В наши дни он отмечается в трех дидойских селениях: Шаитль, Гениятль и Китури. Традиционно отмечаемый в феврале, он символизировал приход весны. Организаторами и участниками праздника выступала молодежь, что связано с традицией мужских союзов. Юноши, действительно, надевали маскарадные (волчьи) костюмы; главные действующие лица назывались *волками*. Все это перекликается с хорошо известной *волчьей* символикой т.н. «мужских союзов» (*Карпов* 2004, с. 163).

II. 3. Кабарда

Этнонимы. Интерес к названиям народов Северного Кавказа возник еще в период их вхождения в состав России. Практически каждая работа, так или иначе связанная с историей или этнографией горцев, начиналась с общей характеристики народа. Например, «Описание Кабардинского округа» А. Абрамовича открывается общими данными, включая значение этнонимов. «Кабардинцы принадлежат к многочисленному знатному в прежние времена племени, называемому ими самими *адыге*; туркам, татарам и русским племя это известно под именем *черкес*, грузинам — *черкесион*, осетинам — *казахе*» (*Абрамович* 2003, с. 23).

История возникновения этнонима приводится в произведе-

ниях устного народного творчества. В частности, в одном из преданий говорится: «Нас недавно назвали кабардинцами. Когда турки пришли к нам в эти места и сделали нас мусульманами. Кабарда – ослушники значит». Другие версии появления этнонима «кабардинцы» и топонима «Кабарда», как правило, восходят к одноименному фольклорному герою. Бытует мнение, что его прообраз был «первым поселенцем» на рассматриваемой территории. Некоторые кавказоведы в «кавертийцах» Иосафата Барбаро (*АБКИЕА*, с. 42) усматривают первое (правда, искаженное) упоминание этнонима. Вроде бы это подтверждает анализ Л.И. Лавровым слова *къэбэрдей*, в коем последний слог *ей* служит показателем принадлежности чего-либо кому-либо, маркером собственности. В нашем случае *къэбэрдей* трактуется как «то, что принадлежит Кабардэю». Традиция называть владения по имени хозяина широко практиковалась в средние века. На этом основании базируется точка зрения о возможности того, что «Кабарда – вероятно лицо историческое» (*Ципинов* 2000, сс. 47–48).

Альтернативные точки зрения заставляют усомниться в правомочности данного решения рассматриваемого вопроса. Так, Дж.Н. Коков пишет: Кабарда – упрошенная форма названия части Кабардино-Балкарии. Кабардинское «Къэбэрдей», адыгское «Къэбэртай» – производные от этнонима *къэбард* – «Кабардово», «обиталище кабардов», «страна кабардов». В литературе часто встречается отсылка «на имя некоего князя Кабарда Тамбиева как на первооснову термина». Предания о появлении фольклорного героя на Центральном Кавказе указывают на довольно позднее происхождение топонима. Как правило, речь идет о времени первых походов крымских ханов. В преданиях четко проводится связь происхождения анализируемого топонима с именем воина, от которого получила название вся земля «от Пятигорска до Терека». Эта точка зрения Дж.Н. Кокову «представляется наивной». Столь же скептически он относится и к признанию существования реального прототипа фольклорного героя Кабарда (*Коков* 2000, сс. 319–320).

Ученый проанализировал различные версии происхождения и первоначального значения топонима. С этой целью он обратился к трудам как дореволюционных (И.А. Гюльденштедта, С. Броневского, К.Ф. Гана и др.), так и советских (Л.И. Лаврова и др.) авторов. В итоге он признался: «необходимо продолжение поисков...» (*там же*, с. 324). В принципе, к аналогичному выводу пришел и С.Н. Бейтуганов (1998, сс. 13–19).

Генезис и специфика феодализма в Кабарде. После окончания Кавказской войны «для каждого из горцев стало главным жизненным интересом определение своих прав на владе-

ние и пользование сельскими угодьями». Особую значимость «в горском населении» приобрело «стремление к точному определению сословно-поземельных прав и отношений». Выявление точной картины в данных вопросах стало целью многочисленных комитетов и комиссий, а также аналитических очерков. В печати появились «особые записки» различных сословно-поземельных комитетов, материалы Кавказского горского управления, статьи в «Сборнике сведений о кавказских горцах».

В советское время появилось множество специальных исследований по данной проблематике. Летом 1948 г. в Нальчике состоялась научная сессия, посвященная вопросам феодализма в Кабарде. В ходе обсуждений было высказано немало смелых идей, иногда диаметрально противоположных. Если Г.А. Кокиев средневековую Кабарду считал развитым феодальным обществом с соответствующими формами земельной собственности, то А.В. Мамонтова, напротив, отрицала даже какой-либо намек на бытование в Кабарде сложившегося феодализма. Показателен ее вывод: «Социально-экономический строй Кабарды до крестьянской реформы характеризовался сложным переплетом патриархально-родовых отношений со *складывающимися* (курсив мой — Ф.Г.) феодальными отношениями» (цит. по: *Мамбетов* 2003, сс. 4–7).

Среди других докладов и выступлений обратим внимание на позицию А.И. Першица. Выделив скотоводство в качестве ведущей отрасли в структуре хозяйства кабардинцев, он отметил: спецификой феодальных отношений в среде кочевников, либо народов с ведущим значением скотоводства, являлся контроль знати над формально остававшимися в общинной собственности пастбищами (*там же*, с. 14).

К далеким временам периода формирования раннефеодального общества относится возникновение «практической генеалогии». Из поколения в поколение она передавала заслуги, права и привилегии знатных личностей, их прямых потомков и родственников. Собственно, как верно подметила Е.Д. Налоева, генеалогия «выполняла у бесписьменных народов функции писаной истории и актовых документов». Само появление родословных историй «свидетельствовало о тенденции социальных верхов обратить в наследственное достояние потомства их права и привилегии» (*Налоева* 1980, с. 17). В родословных кабардинских князей[47] знаковой фигурой является Инал[48] — «пращур кабардинских князей», по определению С.Н. Бейтуганова (1998, с. 13). Помимо генсалогических, Инал выступает главным героем и в исторических преданиях. Причем, он всегда предстает в образе правителя «страны адыгов».

К имени Инал Ф. Ган возводил название аула в Осетии и одну из осетинских фамилий (*Ган* 1909, с. 65). В некоторых вариантах родословных и исторических преданий уточняется: Инал являлся предком «известного осетинского рода Хетагуровых» (*Гадло* 2005, с. 447). Согласно генеалогическому преданию нарских *уазданлагов* («благородных людей»), Хетаг был младшим сыном князя Инала[49], жившего на Большом Зеленчуке. Приняв христианство, Хетаг бежал в горную Осетию. Его старший брат Биаслан стал родоначальником кабардинских князей.

Возникшая в середине XVI в. родословная клана Хетага должна была опираться на события прошедших эпох, но каких? Для установления «нижнего горизонта» в фольклорном памятнике важны наиболее архаичные фрагменты, древние термины и понятия. Хотя и они не устраняют трудностей в определении хронологии — это становится возможным при наличии источников, контролирующих данные устной традиции.

В предании о Хетаге есть своего рода «зацепки», указывающие на время его появления в Алагирском ущелье Северной Осетии. «Хетаг... был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью, на притоке последней — Большом Зеленчуке». На Зеленчуке предки осетин жили в аланскую эпоху. Но с этим не стыкуется то обстоятельство, что родословная Хетагуровых восходит к середине XVI в., когда аланы Зеленчук уже покинули.

Попытки объяснить это противоречие предпринял еще сам Коста в поэме «Хетаг». В её русском переводе есть такие строки:

«К Черному морю с Кубани клокочущей
Яростно гонят аланы Мамая.
...
Внешней лавиной на пришлых обрушились —
Смяли, отбросили войско Мамая.
И от зари до зари их без устали
Гнали аланы все дале и дале,
Шли по пятам чужеземных воителей —
Всех из родимого края прогнали».

(Хетагуров, 1974, т. II, сс. 111, 112).

Судя по данному сюжету, образ Мамая поэт ввел в поэму с одной лишь целью — определить приблизительное время жизни своего легендарного предка, то есть он имел в виду золотоордынский период. На это же указывает и то обстоятельство, что в издании на осетинском языке «Аланы гонят войско Чингисхана», а в одном из черновых вариантов — «крымского хана».

В.С. Уарзиати обратил внимание на совпадение отдельных

сюжетов осетинских исторических преданий о Хетаге и кабардинских преданий об Инале. Закономерным, на наш взгляд, выглядит вывод В.С. Уарзиати: «В исторических преданиях о Хетаге отложились глухие свидетельства о событиях политической истории Алании, а именно: о социальных и конфессиональных антагонизмах, восходящих к X в.» (*Уарзиати* 1989, сс.84–85).

Коста в своей поэме изобразил Хетага представителем военной аристократии, сыном Инала – родоначальника кабардинских князей.

«Конь под Иналом белее, чем облако.
Сколько с Иналом соратников старых;
Славный Солтан с абазехским владетелем,
Таубии, ханы и просто алдары».

(Хетагуров, 1975, т. II, с. 113).

Многие из них отличились в битве с «чужеземными воителями», но особенно – Хетаг:

«Братец наш младший – наш Хетаг любимый.
Более всех удивил своей доблестью»[50]

(Там же, с. 114).

А. Балаев позже вспоминал слова Коста о том, что отец поэта, Леван, своего первопредка выводил от Хетага, происходившего «из Алана», а у Хетага был единственный сын Георгий (*Архив СОИГСИ*, ф. Коста Хетагурова, оп. 1, д. 406, л. 37). Во введении к этнографическому очерку «Особа» К. Хетагуров подчеркивал: «Я заранее прошу извинения за безыскусственную передачу того, что с фактической стороны не подлежит сомнению» (*Хетагуров* 1975, т. II, сс. 228–229). Наконец, в письме Г.Баеву от 19 июля 1899 г. Коста отмечал: «Если я пишу то или другое слово так, а не иначе, то я пишу сознательно».

Как видно, К. Хетагуров основательно подходил к каждому историческому сюжету и скрупулезно проверял любой интересовавший его документ или фольклорное произведение. В этом смысле у Коста наверняка были какие-то основания выводить своего далекого предка от живших на Зеленчуке алан, сражавшихся с «чужеземными воителями», «пришельцами из Азии».

На наш взгляд, достойна внимания гипотеза о фольклорном отражении реального события – появления в Нарской котловине какой-то общности алан, оказавшихся здесь после нашествия либо татаро-монголов, либо Тимура. Возможно, это была часть алан, ранее проживавших на Зеленчуке. Именно так, кстати, думали К. Хетагуров и его родственники-современники: Хетаг

и его отец Инал «происходили от алан» и жили «на Большом Зеленчуке». Данная идея имеет косвенные аргументы.

Согласно разысканиям А.В. Гадло, Инал жил в конце I тысячелетия. Являясь представителем хазарской администрации, он в течение длительного времени выполнял функции западного наместника кагана и сблизился с касожской знатью (*Гадло* 1978, с. 32). Гипотеза А.В. Гадло отчасти подтверждается сведениями хазарского царя X в. Иосифа о зависимости касогов от каганата (см.: *Коковцов* 1932). Здесь же напомним, что одна из локализаций могилы Инала приходится на междуречье Большого Зеленчука и Урупа, в непосредственной близости от Нижне-Архызского городища, которое в X–XШ вв. было центром аланской епархии.

Принято считать, что аланы приняли христианство в начале X века. В первую очередь крестились царь, его дружина и окружение. Византийский патриарх Мистик в письмах (912–925 гг.) к архиепископу Алании Петру просил в деле христианизации особое внимание и «крайнюю осторожность» проявлять «в отношении людей знатных и властных»; в отношении же «простых людей» он позволял «допускать строгость». Новая религия распространялась с трудом. Николай Мистик отметил это в одном из писем архиепископу Алании: «Ты сам понимаешь, что нелегко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия» (*Кулаковский* 1898, сс. 4–5).

На месте некоторых аланских языческих святилищ появились христианские церкви и часовни (*Ложкин* 1984, с. 53), что также указывает на степень накала борьбы между новой и старой религиями. Об этом же свидетельствует Масуди, поместив в описании событий 932 г. сообщение о том, что аланы отреклись от христианства и прогнали византийских епископов и священников. Изгнание греко-христианского клира из Алании связано с неудачной войной с Хазарией в 932 г., спровоцированной Византией. Аланы потерпели поражение и, выполняя, вероятно, одно из условий мирного договора, удалили византийских миссионеров (*Кузнецов* 1984, с. 208).

Приведенные данные позволяют присоединиться к предположению Коста о причине бегства Хетага – принятии христианства:

«Книги там Хетаг читал христианские.
Принял, сказал он, Христово учение...
Молвил Солтан: – Нам не надо печалиться,
Может, еще образумится Хетаг,
Не отречется от веры он дедовской».

(Хетагуров, 1975, т. II, с. 119, 121).

Измена вере предков — тягчайшее преступление («Как бы сейчас не дошло до кинжала»). Сторонники христианства изгоняются под давлением Хазарского каганата, представителем администрации которого был князь Инал.

В самой Кабарде, напомним, Инал считался праотцем высшего сословия знати. С. Броневский со ссылкой на фольклорные памятники, полагал, что «Кабарда в древние времена находилась под управлением одного князя по имени Инал, который вел свой род от *Кеса*, а сей вышел из Аравии и покорил черкесов». В конце своего правления Инал поделил Кабарду между пятью своими сыновьями. После смерти отца между наследниками вспыхнули междоусобные распри (*Броневский* 1999, сс.147–148).

Составители адыгских родословных считали Инала пришельцем в земле *шегаков* и возводили его предков к мифическим правителям Аварии. Однако антропоним Инал указывает на связь его носителя с тюрками. В VIII–XI вв. «имя-титул» Инал обозначал должность правителя. Как интересный факт отметим версию А.И. Лобанова-Ростовского, в которой Инал предстает под другим именем — Акабгу. Последний антропоним может быть истолкован в качестве второго тюркского имени или титула Инала: ак-ябгу. Учитывая то, что в географической номенклатуре тюрков *ак* — «белый» используется и для обозначения запада, имя героя можно перевести как «западный правитель (или наместник)». Политический курс Инала, вопреки «авантюрной политике адыгейских князей, совершавших набеги на хазар и Тумен-тархан (в тексте — Тамтаракану)», в фольклорных памятниках характеризуется как прохазарский. На основании этого А.В. Гадло высказал гипотезу, согласно которой «Акабгу-Инал был автономным адыгским правителем, признававшим свою зависимость от каганата, а судя по его имени-титулу, даже то, что он был связан родственными отношениями с домом кагана» (*Гадло* 2005, с. 448).

В версии Ш.-Б. Ногмова Инал унаследовал от предков власть; опираясь на поддержку шегаков и, возможно — помощь хазар, он начал борьбу за объединение разрозненных адыгских племен (*Ногмов* 1982, с. 76). В пользу последнего предположения говорят археологические материалы в районе Дюрсо близ Новороссийска. Здесь «обнаружены бесспорные следы пребывания в конце VIII — первой половине IX в. на коренной адыгской территории компактной военизированной общности, явно передвинувшейся к югу от Кубани с севера из степей Хазарии» (*Гадло* 2005, с. 449).

Силой оружия Инал восстановил престиж своего рода, а для

прикубанских адыгских групп создал условия относительно спокойного существования. Затем Инал разбил дружины горцев. Десять из 30 захваченных им «главных начальников» (старшин – А.Г.) были казнены. В памятниках устного народного творчества Инал предстает не только как искусный правитель-воин, но и как мудрый реформатор. Ему приписывалось создание института «сорока судей», вероятно, игравшего роль совета страны. Он же, якобы, установил социальную иерархию внутри адыгской общности (*там же*, с. 450).

Некоторые варианты генеалогии кабардинских князей относят Инала к потомкам (сыну или внуку) «Хру-Фахетлея, правившего Египтом, и после поражения, нанесенного ему турецким султаном... ушедшего с дружиной своей в пределы Крымского ханства». Каким образом Инал стал «владетелем Кабарды, то есть покорил ее силой или приглашен был народом в качестве правителя – предание умалчивает» (*О правах...* 2003, с.80).

По другим памятникам исторического фольклора, «до прибытия князей вся власть над народом принадлежала» Тамбиевым, Куденетовым и Анзоровым. На сословной лестнице они стояли на второй (после князей) ступени и именовались *тлекотлешами* (в буквальном переводе – «рожденные от могущественного»). Они владели обширными угодьями, в середине XIX в. известными под названиями «тамбиевской, куденетовской и анзоровской, и имели подвластных себе уорков». После водворения «в Кабарде князей роль своего сословия и свою независимость при Инале они вполне сохранили, жили на своих землях, имели собственные аулы», зависимых уорков, со своими подвластными беспрепятственно переходили с места на место, и вместе с князьями «посредством выбранного из среды своей *кодза* (олигарха) управляли внешними и внутренними делами своего Отечества» (*там же*, сс. 84–85).

Согласно тем же источникам, следующее по значимости сословие в Кабарде называлось *дижинуго* («позолоченное серебро»). Непременное условие достоинства данной социальной группы «состояло в имении в зависимости от себя нескольких уоркшаутлугусов». По традиции, уорк, «не имевший зависимых от себя других уорков, не мог принадлежать ни к сословию тляхотлеш, ни к сословию дижинуго» (*там же*, с.86). Отметим, что *дижинуго* и *тлекотлеши*, как показали многочисленные исследования, были равными друг другу сословиями.

Представителей высших сословий адыгских племен неоднократно упоминают древнерусские летописи. Под 1022 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. Здесь

же рассказывается о богатыре Редеде[51] — «князе» касогов. Летописец сообщает о его дружине. Как истинный князь, Редедя заботился о ней. Обращаясь к противнику, он предложил: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся». В летописи под 1066 г. имеется сообщение о дани, которую платили касоги Тмутаракани славянскому князю (*Дзамихов* 2000, сс. 22, 38, 41).

В адыгском фольклоре выявлен целый пласт преданий о Редеде и его поединке с Мстиславом. Среди многочисленных попыток выявить этимологию данного антропонима исследователи выделяют «своеобразную трактовку имени Редедя» в небольшой публикации А.И. Попова. По его мнению, истинное имя касожского князя — *Редега*. Причем, это — не личное имя, а, скорее всего, «династическое или географическое обозначение». Правда, привести сколько-нибудь веских аргументов автор не смог. К.Ф. Дзамихов в этой связи обратился к протографу «летописного сюжета о единоборстве» князей в «Повести временных лет». В ранних редакциях родословных книг, чьи протографы восходят к 40-м годам XVI в. (Летописная и Румянцевская), сообщается «о войне между ордынским князем Редегой и князем Владимиром Мстиславичем. А краткий Владимирский летописец XVI в. повествует о гибели князя Святослава Игоревича на днепровских порогах от печенегов, которых возглавлял князь Редега» (*Дзамихов*, 1994, сс. 10—11).

Отдельные фрагменты из летописного рассказа о единоборстве двух князей послужили основой при составлении родословных некоторых боярских фамилий. В стремлении придать фольклорному памятнику большую достоверность в него введен сюжет о двух сыновьях Редеди.

Рассматривая родословную аристократов «страны Каса», А.В. Гадло отметил, что в VII—VIII вв. «зависимость адыгов от хазар была реальностью. Наместник кагана в стране адыгов носил исключительно высокий титул — ябгу». Он встречается в нартовском эпосе и в родословной князей Черкасских, записанной в Москве в XVII в. В последнем случае этот титул использован в качестве личного имени родоначальника династии — Ак-абгу, где *ак* — тюркское «белый», *абгу* — в переносном смысле «западный правитель, наместник». Ставкой Инала считалось большое городище Шанджир (Шангир или Чанчир), расположенное на южном берегу кубанских плавней в районе ст. Раевской. Фольклорная традиция считает Инала «объединителем» разрозненных адыгских племен и проводником ряда внутренних административных реформ. Эти меры, согласно устной традиции, вызвали противодействие местных «князей» и «начальни-

ков», попытавшихся опереться на силы алан и абхазов. У последних укрылись остатки разбитых аланских воинов. Преследуя их, Инал вторгся в Абхазию и покорил ее. Достоверность сведений о походе Инала в Абхазию подтверждается наличием в верховьях р. Бзыби святилища, названного именем кабардинского князя и считавшегося могилой Инала. Показательно, что святилище почиталось как адыгами, так и абхазами. Усилия Инала не получили развития. Уже при его сыновьях, согласно преданию, «неповиновение и раздоры» охватили и «князей», и «простолюдинов». В результате потомки Инала были вынуждены уйти на склоны Северного Кавказа (*Гадло* 1994, сс. 22–23).

Деятельность Инала, по преданиям, проходила в VIII в. Эта же дата названа в письме кабардинских князей 1825 г. генералу Дибичу; в письме сказано буквально: «спустя 150 лет после Магомета». Ш.-Б. Ногмов, очевидно, также датировал время жизни и деятельности Инала, т.к. посвященный ему раздел поместил перед описанием борьбы адыгов с хазарами. В пользу ранней датировки деятельности Инала свидетельствует и титул *ягбу*, распространившийся среди тюркских и связанных с ними племен именно во второй половине I тысячелетия н.э. Он, в частности, в начале X в. зафиксирован ибн-Фадланом у огузов, зависимых от хазар. У последних, в свою очередь, этот термин был одним из титулов главы социума (*там же*, сс. 23–24).

Мовсесу Каганкатваци известен «наместник северного царя, именем Джебухакан, второй в царстве его». Отвечая на обращение византийского императора Ираклия, Джебухакан отправил к нему на помощь «1000 всадников, отборных, мужественных и искусных стрелков» – скорее всего речь идет о дружине Джебухакана (*Армянские...* вып. II, сс. 34–35).

Феофан рассказал о хазарах, в 625/6 гг. напавших на северо-западную провинцию Ирана. Во главе нападавших стоял «предводитель» Зиевил, бывший «*вторым человеком по достоинству* (курсив мой – Ф.Г.) после хагана» (*Чичуров* 1980, с. 59).

Вопрос об идентификации Зиевила решается неоднозначно. Одни исследователи видели в Зиевиле Джебухагана, предводителя хазар, отказываясь отождествлять его с Тунг-ягбу[52], каганом западных тюрок, хотя и признавали их современниками, косвенно причастным к смерти Хосрова II Парвеза. Другие считали его полководцем хазар, приводя в качестве параллели армянские и древнегрузинские варианты имени («эристав Джибго», соответствующий Джебухагану Мовсеса Каганкатваци). Третьи выступают против сопоставления Зиевила с хазарским ябгухаганом, полагая, что в иерархии хазар вторым после хагана

лицом являлся *бек*. В частности, этой позиции придерживался Д. Данлоп, опиравшийся скорее на древнеармянские, нежели византийские источники. Но и это сопоставление наталкивается на возражение со стороны фактического материала. Бек, согласно более поздним арабским памятникам, должен происходить из другого (нежели хаган) рода. А это противоречит сообщениям армянских авторов (Джебухаган — брат «царя севера»). Кроме того, Д. Данлоп считал ошибочным совмещение высшего титула (Джебухаган) и подчиненного ему (второй после хагана) в одном лице. В итоге ученый пришел к выводу о том, что Зиевил не являлся хаганом Хазарии, как и не являлся носителем хазарского титула «бег» или «ябгу». Д. Данлоп в качестве гипотезы отождествлял Зиевила с хаганом западных тюрков, резиденция которого находилась к северу от Ташкента. Г. Хауссиг рассматриваемый антропоним выводил из тюркского: «ябгу» + «царь». Соединение данных слов встречается в титуле хагана Бактрии. Китайские источники верхушку восточно-тюркской иерархии выстраивали следующим образом: ябгу, шад, тегин, се-ли и тудун; все должности, делившиеся на 28 классов, были наследственными. В целом верховная иерархия большого древнетюркского союза (т.е. восточных и западных тюрков) состояла из 6 человек, а малых союзов — из 3-х: хагана, ябгу и шада. И.С. Чичуров модифицировал отождествления, предложенные Э. Шаванном, Д. Данлопом и Г. Хауссигом: «В большой федерации тюркских племен ябгу не был, строго говоря, вторым человеком после хагана (даже если не принимать во внимание малого хагана), поскольку в ней было два ябгу (левый и правый); тем самым отпадает сопоставление Зиевила с хаганом западных тюрков. На втором месте ябгу мог стоять в малом союзе тюрков, что, думается, дает основание видеть в Зиевиле ябгу-хагана западных тюрков...» (*там же*, сс. 101—102, примеч. 218).

А.П. Новосельцев предположил, что хазарский социум «постепенно, к 90-м годам VI в., выдвигается на первый план в Восточном Предкавказье». Глава хазар уже в то время носил титул *малик* «царь». В описании событий 626—628 гг. армянские источники упоминают «царя севера» (*аркай пюсисой*), но главным действующим лицом становится Джебу хакан. Мовсес Каганкатваци называет его термином *йаджорд*, добавляя, что он — второе лицо в государстве. Наиболее точным переводом названного термина А.П. Новосельцев считал «следующий (по чину)», очевидно, после «царя севера». Следовательно, продолжал ученый, правитель хазар формально признавал верховную власть хакана тюрок. В то же время владыка хазар назывался не просто *джебу*, но *джебу-хакан*. Видимо, такой двой-

ной титул — свидетельство самостоятельности хазарского правителя, и присоединение к титулу *джебу* титула *хакан* «это демонстрировало». Войсками командовал Шат, который в источниках назван племянником «царя севера» и сыном Джебу хакана, женатого на сестре «царя севера» — тюркского хакана. В то же время Шат назван и *тагаворорди*, т.е. «сыном царя», следовательно, к его отцу применим титул *таговор*[53] — «царь». Все это — свидетельство номинальной власти хакана тюрок над хазарами во второй половине 20-х гг. VII в. (*Новосельцев* 1990, сс. 86–87).

Резюмируя изложенное, присоединимся к мнению А.В. Гадло: «Связь Акабгу-Инала с тюркско-хазарской административной и политической системами и культурной средой представляется бесспорной. Но предание определенно называет Инала потомком старой местной владельческой династии, возводившей себя к некоему Кесу, но утратившей свою силу и значение при отце Инала Хурофатлае или Хурпатайе... в лице Инала каганат поддержал династию Кеса, превратив одного из ее представителей... в проводника своей политики в западной части Большого Кавказа, что объясняет и тюркское имя Инала, и его титул ябгу» (*Гадло* 1994, с. 24).

Систему отношений между каганатом и адыгами после смерти Инала А.В. Гадло рассматривал на основе традиции, сохраненной Ш.-Б. Ногмовым. Он привел несколько фольклорных памятников о войнах адыгов с хазарами и совместных походах адыгов и овсов (алан) «против хазарских крепостей Аскалы, Саркалы и Тамтаракая, которые происходили при потомках Инала». Согласно Масуди, социум касаков[54] к середине X в. уже распался. Слабость касаков обусловлена их раздробленностью, т.к. они «не допускают назначения над собой царя, который объединял бы их слова», т.е. «объединял бы их вместе» (*Minorsky.* 1958. P. 158). Это сообщение Масуди, подчеркнул А.В. Гадло, «явно перекликается с адыгским преданием о восстании против потомков Инала и дает основание сделать вывод, что адыгам удалось не только сбросить с себя ярмо прямой зависимости от каганата, но также в течение длительного времени противостоять попыткам хазар вновь навязать им своего ставленника» (*Гадло* 1994, с. 25)

Интересно, что помимо четырех княжеских фамилий Большой Кабарды от Инала[55] выводили свои родословные и некоторые «первостепенные уздени» (тлекотлеши). Так, его потомками считали себя феодалы Тохтамышевы. В 1858 г. в письме Жанхота Тохтамышева начальнику Кабардинского округа В.В. Орбелиани приведена родословная этой фамилии. «Род наш, —

отмечал Жанхот, — происходит от родоначальника князей кабардинских князя Инала. Место жительства князя Тохтамыша с подвластными было на сей стороне реки Кубань, где ныне обитают ногайские аулы. Впоследствии потомки князя Тохтамыша Иналова, сделавшись жестокие и самовластные», князьями Атажукиными, Мисостовыми, Бекмурзиными и Кайтукиными были «многие побиты силою оружия, а остальные добровольно согласились оставить достоинство и права князя и именоваться первостепенными узденями». В итоге Тохтамышевы стали первостепенными узденями князей Атажукиных, от которых «получили в дань земли, чтобы только таковая дань переходила по наследству тем только, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами. Продать или заложить сказанную долю не представлено было роду» (*Бейтуганов* 1998, с. 278).

Как видно, титул князя передавался исключительно по наследству. Но наследование титула не гарантировало его сохранение пожизненно.

Археологический материал, столь важный источник для реконструкции античной и средневековой поры, для средневековой Кабарды не всегда «работает». Небольшое различие по богатству комплексов из кабардинских курганов, хотя и отражает степень социального расслоения, не может служить надежным маркером социального статуса. Учитывая свидетельство Д. Интериано о том, что «князья и дворяне из-за щедрости и расточительности порой одеты хуже простого народа, их могилы не могли отличаться особой роскошью» (*Нагоев* 2000, с. 185).

Тот же источник сообщает о предметах роскоши, принадлежавших знати — массивные серебряные и золотые чаши «стоимостью от тридцати до пятисот дукатов» (*АБКИЕА*, с. 49). В то же время Д.Интериано обратил внимание на «странный», на его взгляд, похоронный ритуал, сопровождавший погребения знати: «родные, друзья и подданные приносят различные дары, вроде серебряных чаш, луков, стрел и других предметов», а «самый близкий из родичей собирает... и все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним» (*там же*, сс. 51—52).

В трудах адыгских просветителей XIX в. немало места занимали проблемы социальной истории своей родины (*Айларова* 2003, сс. 68—84). Центральной темой являлась природа кабардинского феодализма, особенно — дробление государственного суверенитета. По словам И. Атажукина, социальная структура кабардинцев являла собой своеобразную феодальную лестницу. «Первую ступень власти имеют князья, в зависимости коих суть дворяне, делящиеся на три степени и знаменующиеся нео-

граниченною приверженностью к своим князьям. Народ находится в совершенном узничестве дворян и князей» (*там же*, с. 72).

Ш.-Б. Ногмов обстоятельно охарактеризовал каждое сословие: дворянство (тлякотлеш, дижинуго, кодзь, пщи-уорк, или беслан-уорк, уорк-шаутлугус), крестьянство (пшикеу, т. е. «княжеский»; окго, т.е. «крепостной»; лагунопыт или тфокотль, т.е. «крестьянин»; унаут, т.е. «дворовой человек»). На вершине этой пирамиды располагался князь. «Князья издревле назывались покровителями, защитниками народа, каждый из них имел более или менее зависящих от него подвластных» (*Ногмов* 1994, с. 74).

Хан-Гирей также отметил сословную иерархию кабардинского общества. Первостепенные дворяне «подчинены князьям в виде великих вассалов. Права этого разряда дворян весьма важны, у некоторых из них равняются в иных случаях с правами, присвоенными княжескому достоинству». Таких фамилий всего несколько. Второй разряд дворян («пшьчеу» или «княжеская ограда») — опора князей в их противоборстве как между собой, так и с дворянами первой степени. Третьестепенные дворяне выполняли различные поручения князей, в том числе — «взыскивали штрафы, а также все потребное от поселян сельского их произведения» (*Хан-Гирей* 1992, с. 120).

На протяжении всего средневековья в социальной структуре адыгов доминирующее положение занимал «класс профессиональных воинов-рыцарей — *уэрк*. В некоторых областях Черкесии... он составлял едва ли не треть всего населения». Уорки несли службу у князей (*пщи*) и у первостепенных дворян *тлекотлешей*. Говоря об этом, Б.Х. Бгажноков по какой-то причине не назвал вторую группу первостепенных дворян — *дижинуго*. В любом случае князья и первостепенные дворяне, принимая рыцаря на службу, одаривали его «боевым конем, оружием, земельным участком», зависимыми категориями населения. «Этот дар, или бенефиций, — подчеркивает Б.Х. Бгажноков, — так и назывался: *уэрк тын* — ‘дарение рыцарю’». Отношения между феодальными сословиями определялись правом. Но наряду с ним, сложились и имели реальную практику такие институты, как *уэркъыгъэ* — рыцарский моральный кодекс, и *уэркъ хабзэ* — дворянский этикет (*Бгажноков* 1999, сс. 20–21).

По ст. 17 кабардинских адатов, опубликованных Ф.И. Леонтовичем, «Уздени насильственно не служат князьям, а по собственному желанию, и тогда только, когда от своего князя получат узденскую дань сполна...». Первостепенному узденю полагалась дань «из 15 предметов, из коих непременно семейство людей, 500 или более баранов, часть земли, разные желез-

ные вещи и пр.». В примечаниях Ф.И. Леонтович отметил: «В судейском обряде не означено, в чем именно заключается княжеская дань узденьям, а сказано: 'Все уздени служат князьям без насильства, по доброй воле, и получают за то достаточную награду из оружия, лошадей, скота и холопьев, судя по усердию каждого'». В свою очередь вассал узденя первой степени — уздень третьей степени, получал семь предметов, включая «одно семейство, или выбранные из него два человека, 100 баранов, панцирь с нарукавниками и налокотниками, ружье, саблю, пистолет, и ежегодно жеребенка» (*Леонтович* 1882, с. 229).

Сразу же отметим повышенные требования, предъявляемые к рыцарю[56]. Буквально аскетическими выглядят некоторые нормы, например: осуждалось строительство благоустроенных жилищ, жалобы на экономические трудности, голод, холод, жару, страсть к нарядам, любопытство и т.д. Более того, дожить до седин — считалось постыдным. В народной памяти оставались лишь те из рыцарей, которые погибали в походе в юном или молодом возрасте. О степени сложности требований к истинному уорку говорят следующие установки: «Рыцарство — ноша, подобная каменной глыбе»; «Рыцарство — отвесная, неприступная скала». В структуре этических представлений особое место занимали мужество, щедрость, гостеприимство. Рыцарский кодекс, на первый взгляд, повторял нормы общеадыгской морали. Но практически в каждой заповеди акценты расставлены иначе, «в виде знаков особого или высокого качества». Отсюда такие понятия, как «уоркский танец», «уоркский способ держаться в седле», «уоркский головной убор» и т.д. (*Бгажноков* 1999, с. 21).

Специфические черты феодального кодекса *адыгэ хабза* проявляются в субсистеме права и значительно отличавшейся от нее субсистеме этикета. Адыгский дворянин служил своему сюзерену — князю на четко оговоренных условиях: «бенефиций (уорк тын), право покинуть господина, если тот нарушит какие-либо закрепленные в обычном праве обязательства и т.д. С другой стороны, его отношение к князю подчинялось принципу дворянской чести... в котором первостепенное значение приобретало мужество и беззаветная верность вассала сюзерену» (*там же*, с. 25).

Этические нормы, указывая на необходимость совершения добрых дел, вместе с тем призывают не рассчитывать на ответную благодарность, «чтобы не снизить, не уничтожить этим нравственную ценность поступка». Не случайно кабардинская пословица гласит: «Сделай добро и брось в воду». Участие кого-либо в делах другого (помощь, поддержка, сопереживание) в

определенной мере является проявлением власти и ставит последнего в определенную зависимость от первого (*там же*, с. 41). Еще в архаических обществах дар и отдар (либо в материальном выражении, либо в этическом — выражении благодарности) должны были совпадать в объеме и качестве. В противном случае получивший подарок становился в определенную зависимость от дарителя.

Архаические институты в новых условиях. Возможно, еще в предмонгольский период у кабардинцев трансформировались некоторые институты прежних эпох. В частности, одним из элементов урегулирования кровной мести в средние века являлся обычай *барантования*. Его суть заключалась в самовольном захвате потерпевшей стороной какого-либо имущества своих кровников. В традиционных обществах данная «мера содействовала скорейшему и справедливому урегулированию возникших конфликтов... после удовлетворения своей претензии...(потерпевший — Ф.Г.) возвращал взятое в качестве баранты имущество». Совершенно иное содержание рассматриваемый институт приобрел в средние века. Феодалы «ряда народов Северного Кавказа присвоили преимущественное право барантования», тем самым превратив этот институт в важное средство подчинения населения. Фактически любой неугодный поступок мог стать поводом для захвата имущества (как и прежде, чаще всего — скота) крестьянина. Причем, феодалы, как правило, при любом результате не возвращали имущество, ибо теперь оно рассматривалось «не как залог, а как штраф за нанесенную, якобы, феодалу обиду и поругание его чести» (*Гарданов* 2004, сс. 200–201).

В феодальной Кабарде сохранился институт, восходивший к т.н. «героической эпохе». Речь идет о придворных *джегуако*[57] — бардах, своими произведениями прославлявших деяния князей. Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, «имел при себе... певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» (*Хан-Гирей* 1978, с. 111). З.М. Налоев привел свидетельство очевидца роли таких поэтов во время боя. «Я видел весною 1857 года во время перестрелки на реке Атакуме, как один... бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых». Последнее обстоятельство было очень важным: проявить трусость значило «погибнуть» в глазах своих земляков; «ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране». Поэтому даже само присутствие поэта на поле битвы — «лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» (*Налоев* 1980, с. 121).

Возглавлявший дружину князь нуждался в таком джегуако,

который бы являлся не столько скоморохом, развлекавшим гостей князей, сколько поэтом, вдохновлявшим воинов перед боем, а после боя — воспевавшим подвиги князя и дружины. В переходный период от героической эпохи к феодальной джегуако, возможно, сочетал в себе поэта и мага, способного разгадать сны и знамения, обеспечить победу в столкновениях с врагами. В этом смысле такой человек для князя значил больше, чем воин-дружинник.

Трансформация дружинного джегуако в придворного связана, по мнению З.М. Налоева, «с наступлением феодальной раздробленности и обострением княжеских междоусобий...». Джегуако, продолжает автор, не только сохранил свои функции предшествовавшего периода, но и увеличил их «за счет дальнейшего падения скоморошьего элемента». В значительной мере возрос политический мотив его творчества. Кровопролитные войны между князьями, в которые были втянуты их союзники из горских народов, из Крыма, из России и т.д., становятся содержанием его песен. В этой связи преобразуется поэтика и жанровая система джегуако: «вместо эпической поэмы на первый план выходит разножанровая историко-героическая песня» (*там же*, сс. 124–125).

При отсутствии органов управления всей Кабардой и, в меньшей степени, — шести княжеств (4 — в Большой Кабарде и 2 — в Малой), таковые функции отчасти взял на себя совет — *хаса*. В архаический период совет санкционировал походы, утверждал вождей, «но, будучи привязаны к независимости, (предки кабардинцев — Ф.Г.) весьма ограничивали их (выбранных вождей — Ф.Г.) власть и часто не повиновались им во время самих битв» (*Ногмов* 1994, с. 73). Постепенно народное собрание трансформировалось в хасу (сословно-представительный орган). Со временем «завелся для совещания некоторый порядок в общем собрании. Всякое предложение владельцев было рассматриваемо несколькими старшинами, которые съезжались по приглашению в назначенное место. Потом владельцы и старшины предлагали дело общему собранию уорков и вместе с ними рассматривали его. Уорки почти всегда были согласны с мнением владельцев, у которых они были в зависимости. Наконец, дело выносилось в народное собрание, в котором участвовали все подданные владельцев» (*там же*).

Формы земельной собственности. К числу дискуссионных проблем средневековой истории Кабарды относится соотношение различных форм землевладения и землепользования. Обусловливая ряд особенностей кабардинского феодального общества, они определили «характерные черты и такого его состав-

ного элемента, как сельская община». По мнению В.Х. Кажарова, это объяснялось «неразрывной взаимосвязью» феодальной собственности и общинного землепользования. Поэтому для выяснения специфики феодализма и сельской организации у кабардинцев необходимо учитывать «единство двух аспектов исследования земельных отношений» (*Кажаров* 1980, сс.28–29).

В дофеодальный период бытовала практика охраны крестьян во время сельскохозяйственных работ. Сохранилась она и в феодальном обществе. Как выяснили чиновники Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии, летними пастбищами в горной Кабарде мог пользоваться каждый крестьянин, «но не *безусловно* (курсив В.К.), а с платою за каждую сотню овец по одному барану тем лицам, которые до сих пор *назначались для караула летних пастбищ* (курсив мой – Ф.Г.)» (*там же*, с. 51).

Путем опроса депутатов, специально выбранных для работы с чиновниками, входившими в состав «комитета, учрежденного в Военно-Осетинском округе для разбора личных и поземельных прав туземцев», удалось установить следующее. «Земли в Малой Кабарде искони считались принадлежащими князьям Таусултановым, Мударовым и Ахловым на тех самых правах, как и земля Большой Кабарды принадлежала Атажукиным, Мисостовым, Бекмурзовым и Кайтукиным. **Она не принадлежала народу** (выделено Х.Д.), а народ, т.е. узденя и их холопы, населяли ее по приглашению князей, искавших усиления своих военных, политических, наездннческих средств умножением подвластных узденей. Однако между узденьями были и такие, которые издревле приобрели право поземельной собственности в границах одного или нескольких княжеских владений» (*Думанов* 1980, сс. 217–218).

По свидетельству депутатов, князья и уздени, «владевшие собственными землями, хотя и имели право продавать и дарить их по своему усмотрению, но этому мало примеров потому собственно, что, во-первых, продавать свои земли они не имели никакой надобности, а, во-вторых, если земля и оставалась пустопорожнею, то они берегли ее для пришельцев» (*там же*, с. 218).

Адыгский просветитель Я. Шарданов в «Записке», составленной в 1839 г. по просьбе начальника штаба войск Кавказской линии полковника Траскина, составил детальный список форм землевладения в Кабарде. Траскин не случайно обратился к Я. Шарданову. Последний многие годы выполнял обязанности секретаря Кабардинского временного суда и располагал сведениями по данному вопросу. В «Записке» показана сложная система феодального землевладения, где наряду с крупными участками знати (описано 174 владения) располагались уго-

дья, находившиеся в пользовании «всего народа». Выделена группа особых «неразделенных общенародных земель» (*Айларова* 2003, с. 80).

А. Абрамович, хорошо знавший материалы сословно-поземельных комитетов и комиссий, писал: «Кабардинские *пши* (князья — Ф.Г.) до последнего времени считали всю кабардинскую землю своею собственностью, и только в последние годы... они согласились... с мнением депутатов от народа, что вся кабардинская территория есть собственность общественная и что они, князья, преимущественных прав перед народом в этом отношении не имеют» (*Абрамович* 2003, с. 26).

Х.М. Думанов последовательно отстаивает бытование верховной собственности князей на все земли Кабарды. Это обстоятельство, подчеркивает он, «нашло яркое отражение в земельном праве». Письменно нормы адатов зафиксированы в XIX в., поэтому их ретроспективное использование хотя и возможно, но с известной долей осторожности.

Как полагает Х.М. Думанов, в позднем средневековье вся территория Кабарды была поделена на шесть частей между шестью княжескими фамилиями. Большая Кабарда принадлежала Атажукиным, Мисостовым, Кайтуковым и Бекмурзиным; а Малая Кабарда — Гиляхстановым и Таусултановым. «Эти княжеские фамилии считались верховными собственниками всей земли Кабарды» (*Думанов* 1990, с. 184).

Вопрос о «социальной принадлежности сословий народов Северного Кавказа» неоднократно рассматривался в различных кругах руководства России, включая самые высшие. Так, в марте 1890 г. он рассматривался в Министерстве юстиции. Для этой цели была специально составлена «Справка по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях». В ней приводились разного рода документы и аналитические заметки, в числе которых — «Извлечения из всеподданнейшего отчета Главнокомандующего Кавказской армией Его Императорского Высочества государя великого князя Михаила Николаевича по военно-народному управлению за 1863—1869 годы».

В разделе о земельных отношениях в Кабарде отмечено следующее. «Несмотря на аристократический уклад общественного устройства и влияние, которым пользовались в народе высшие сословия, *частной земельной собственности*, говоря в строгом смысле, в Кабарде, как оказалось по произведенному разбору прав, *вовсе не было*. Земли *искони считались достоянием всего кабардинского народа* (курсив мой — Ф.Г.) и при обилии их и свойствах местного хозяйства частные лица не имели в прежнее время интереса добиваться присвоения земель в

исключительное свое владение» (*Справка* 1890, с. 261). С давних пор князья и «уздени старейших разрядов» пользовались некоторыми преимуществами при эпизодически проводимом распределении общинных земель. Остававшиеся нераспределенными участки попадали в полное распоряжение князей. Последние, «имея собственное большое хозяйство, часто отдавали внаем свободным обществам, либо уступали бесплатно тем, в услугах которых они могли нуждаться» (*там же*).

Земля «давалась подвластным не в частную собственность, а как плата за службу, преимущественно военную» (*Бейтуганов* 1988, сс. 279–280). Напомним в этой связи сюжет из родословной *пши*, по которому они «до последнего времени считали кабардинскую землю своею собственностью». Между тем, по мнению «депутатов от народа... вся кабардинская территория есть собственность общественная и что они, князья, преимущественных прав перед народом в этом отношении не имеют» (*Абрамов* 2003, с. 26).

В статье 56 адатов, записанных капитаном Ольшевским, говорится: «Князья и старшины владеемой ими землею могут распоряжаться по своему произволу, т.е. дарить оную, продавать, селить на ней не только крестьян и простой свободный народ, но и узденей» (*Леонтович* 1883, с. 240).

Традиционную точку зрения об отражении социального строя в формах земельной собственности оспорил Л.И. Лавров. Ученый, по оценке Е.Д. Налоевой, выдвинул «новую 'теорию' генезиса феодализма, экономической основой которого он считает военные трофеи, торговые пошлины и дань. Для этого типа феодализма, по Л.И. Лаврову, земельная рента необязательна, так как 'эксплуатация... принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением'» (*Лавров* 1978, с. 27).

Надо сказать, что среди исследователей средневековой Кабарды было немало сторонников теории «безземельного феодализма»; в этом смысле она не была «новой». В рамках данного направления отрицалось само наличие земельной собственности у кабардинских князей, но вместе с тем признавалось наличие «феодализма и феодальной раздробленности» (К.Ф. Сталь, В.П. Пожидаев, С.М. Месяц, И.Ф. Мужев, С.К. Бушуев и др.).

Адыгские просветители XIX в. также выступали против признания частных владений у «благородных» фамилий. Ш.-Б. Ногмов, в частности, писал: князья не имели земельной собственности («все принадлежало народу»). Покровительство, отправление функций управления гарантировало князьям получение «всего продовольствия от подчиненных... без платы или какого-либо вознаграждения» (*Ногмов* 1994, с. 174). Хан-Ги-

рей полагал, что власть князя базировалась не на земельной собственности. Князь мог «пользоваться собственностью народа в виде насильственного займа». При этом просветитель затруднялся объяснить, из чего состояли княжеские доходы, на что опиралось их хозяйственное благополучие «и, наконец, что обеспечивает общественную их жизнь... высший класс в Черкесии не получает ни от земли, ни от подвластного ему народа никаких денежных доходов» (*Хан-Гирей* 1992, сс. 252–254). По-видимому, верно предположение С.А. Айларовой: Хан-Гирей, возможно, «значительные пожертвования» связывал с исполнением военно-управленческих функций знати. Но, в таком случае, эти «пожертвования» никак нельзя считать рентой, связанной с земельной собственностью.

Отчасти сторонники данной концепции исходили из того, что у кабардинцев даже в первой половине XIX в. земля практически не была объектом купли-продажи. Возражая, оппоненты этой точки зрения обращали внимание на отсутствие необходимости в *продаже* угодий, т.к. в средневековой Кабарде имелся избыток пригодных для сельскохозяйственного использования земель. Кабардинский окружной суд в ответе на запрос командующего войсками Терской области генерала Евдокимова в 1860 г. подчеркнул: «Князья и узденья, владеющие собственными землями, хотя и имели право продавать и дарить их по своему усмотрению, но этому мало примеров потому собственно, что, во-первых, продавать земли свои они не имели никакой надобности, а, во-вторых, если земля и оставалась пустопорожнею, то они берегли ее для пришельцев, не имеющих своих собственных земель» (*Думанов* 1990, с. 189).

С другой стороны, даже угодья, передававшиеся княжеским вассалам в составе «узденьской дани», не становились собственностью последних. Проиллюстрируем это одним примером. Тлякотлеш Ж. Тохтамышев в «Обращении» к начальнику Кабардинского округа Орбелиани в 1858 г. писал по этому поводу: «Предки мои, подчинившись в узденьство князьям Атажукиным, получили право именоваться первостепенными узденями и получили *дань земли* только чтобы таковая *дань* переходила по наследству тем только, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами, *продавать* или *заложить* (курсив мой – Ф.Г.) сказанную дань не предоставлено было роду» (*там же*, с. 191). Тлякотлеши и равные с ними деженуго среди «главнейших земельных прав» обладали правом «по своему усмотрению... приглашать третьестепенных узденей на вассальную службу, наделив земельными участками » (*там же*, с. 192).

Земельные права узденей третьей степени (княжеских – *бес-*

лан-уорков, тлякотлешей и деженуго — *уорк-шаутлугусов*) разнились. «Некоторые из них получали землю на правах поместного владения, а другие на правах общинного пользования» (*там же*, с. 193).

Рассматриваемая проблема была и остается дискуссионной. Л.И. Лавров в свое время обратил внимание на эту проблему: «До сих пор нет у нас ясного представления и в вопросе о землевладении при феодализме. Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. Например, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось у большинства жителей Закавказья и не обеспеченных землей горцев Балкарии и Осетии, так и у населения 'вольных обществ' горной Чечни и Дагестана. А наряду с этим, земельная собственность к XIX веку еще не успела окончательно сформироваться у ногайцев и кабардинцев» (*Лавров* 1978, сс. 26–27).

Позиция Л.И. Лаврова вызвала резкую реакцию со стороны Е.Д. Налоевой. По ее мнению, такой подход к вопросу о характере общественного строя и соотношении форм земельной собственности в средневековой Кабарде «ставит под сомнение итоги дискуссии» по данным вопросам. Причем, дискуссия, якобы, «*считалась исчерпанной*» (*Налоева* 1980, с. 5).

С последним утверждением вряд ли можно согласиться, ибо дискуссия по всем ключевым вопросам феодализма у горских народов (да и не только у них) — далека от завершения как почти полвека назад, так и сегодня. В ту пору это подтвердили крупные научные форумы «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» (*Проблемы*...1969) и «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа» (Махачкала, 11–12 июля 1980 г.).

«На наш взгляд, — отметила Е.Д. Налоева, — существование или отсутствие земельной собственности не столько зависит от уровня социальных отношений, сколько сам уровень социальных отношений зависит от наличия или отсутствия земельной собственности» (*там же*, с. 6).

Большой резонанс вызвала и другая идея Л.И. Лаврова: «Мы (советские исследователи — Ф.Г.), обычно находимся под впечатлением европейского феодализма, породившего впечатление, что главное в феодализме — феодальная собственность на землю» (*Лавров* 1978, с. 27).

И это, конечно, дискуссионное высказывание вызвало отповедь Е.Д. Налоевой: «Таким образом, по Л.И. Лаврову, в сред-

ние века существовали два типа феодализма, один из которых базировался на землевладении (европейский вариант) а второй — на военных трофеях, пошлинах и дани, для которого необязательна феодальная собственность на землю (кабардинский вариант)[58]» (*Налоева* 1980, с. 7).

Опровергать точку зрения Л.И. Лаврова, пришедшего к вышеозначенному выводу буквально «эмпирическим» путем, Е.Д. Налоева взялась на базе трудов основоположников марксизма-ленинизма. «Марксизм под феодализмом понимает целостный социальный организм, основанный на определенном типе собственности, определенном способе производства, который возникает на определенной стадии развития производительных сил, реализует возможности данного способа производства и сменяется более прогрессивной формацией. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что общественно-экономические формации никогда не встречаются в чистом виде, что в них всегда присутствуют как элементы отжившей формации, так и зародыши будущей, что одна и та же формация приобретает сложнейшие формы и комбинации временного и регионального порядка. Вместе с тем они указывали, что при всем многообразии проявления формации неизменными остаются коренные доминантные формационные признаки» (*Налоева* 1980, с. 11).

Понимая «стремление ученого найти типологические особенности горского феодализма», Е.Д. Налоева выступала принципиально против «лавровского» определения «специфики кабардинского феодализма», полагая, что оно «*противоречит марксистскому положению,* с чем трудно согласиться» (*там же*, сс.11—12).

Получается, что определение того или иного социума как феодального зависит от его совпадения с марксистским «эталоном». В этой связи исследовательница напомнила: «Ни военные трофеи, ни торговые пошлины, хотя они служили доходной статьей бюджета феодалов, не создают какого бы то ни было способа производства и не являются классообразующими факторами, а тем более формационными признаками. Они существовали до феодализма, как и успешно пережили его» (*там же*, с. 12).

Резкую отповедь получил тезис Л.И. Лаврова о взимании дани с населения. Е.Д. Налоева упрекнула его в нечетком определении понятия «дань»: «то ли — это установившаяся форма податной системы, то ли — это контрибуция, взыскиваемая победителями с побежденных». Так как в очерке речь идет об основном источнике доходов господствующего класса, Е.Д. Налоева допустила, что имелась в виду именно податная система.

В таком случае непонятно, по какому праву «лавровские феодалы» обложили все население данью, не имея никаких прав на его земли. «Думается, — эмоционально писала Е.Д. Налоева, — не только все население страны, но даже ни один человек не согласится систематически отдавать часть продуктов своего труда без принуждения. Так на чем же зиждилась та невидимая сила, которая позволяла одним присваивать труд других?». Ответ на этот вопрос вновь найден у К. Маркса: «Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой — и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме». Из этого марксистского положения следует: 1) земля была основным средством производства и оставалась им при всех социально-экономических формациях; 2) не было и не могло быть безземельного феодала, как и не было господствующего класса без монопольного права на основное средство производство — землю (*там же*, сс. 12–13).

В.К. Гарданов, опираясь на адаты кабардинцев, князей считал «верховными собственниками земли». Аналогичная картина, по мнению ученого, наблюдалась у осетин, балкарцев, абазинцев, «старшины» (феодалы) которых являлись «главными владельцами земель в пределах своих племен, реализуя свою собственность на землю сбором феодальной ренты со своих соплеменников». Причем, формально владельцами угодий считались не отдельные феодалы, а род, фамилия феодалов (*Гарданов* 2004, с. 196–197).

Однако фактический материал не подтверждает данную точку зрения на характер земельной собственности. Косвенно это признавал и сам В.К. Гарданов. «Феодалы, — писал он, — *присваивая в собственность лучшие земельные угодья* (курсив мой — Ф.Г.), не отказывались в то же время и от пользования общинной землей». В некоторых районах Северного Кавказа местная знать не выходила из общины и «при земельных переделах требовала себе повышенный пай» (*там же*, с. 197). Если земля являлась «монопольной собственностью» знати, то зачем им еще «*захватывать лучшие угодья*»? И тем более непонятно, зачем *верховному собственнику* искать способ получить дополнительный пай общинной земли?

Оспаривая наличие в Кабарде феодальной собственности на землю, А.В. Сивер в качестве аргумента привел архивный документ: «при переселении пше или даже тлокотлеша с одного места на другое... обязаны были переселяться вместе с ним и все подвластные его» (*Сивер* 2003. с. 17). Отметив, что «такое дей-

ствительно встречалось нередко», автор продолжил: «Земля же в этом случае, судя по всему, интересовала владельцев меньше всего». Вывод следовал безоговорочный: «Таким образом, *земельная собственность не составляла основу власти 'феодала', а крестьяне были 'прикреплены' к владельцам, а не к земле*» (курсив мой — Ф.Г.). Но даже это касалось не всех крестьян, ибо «большинство их составляли тфокотли», имевшие право менять, по своему усмотрению, место проживания и владельца. Правда, по признанию А.В. Сивера, на тфокотлей «все равно распространялась административная и военная власть нобилей». Здесь следует еще один принципиальный вывод: «объектом 'феодального' владения для адыгского нобилитета была не земля и не крестьяне как таковые, а особая априорная единица, обозначавшаяся собственно как 'удел' или 'владение'. Причем это была не территория, а именно совокупность поселений (общин) и родственных групп, которые могли существовать компактно или на расстоянии друг от друга» (*там же*).

А.В. Сивер поставил вопрос: «а в праве ли мы применять термины и методы исследования европейского феодализма к социальной системе адыгов? Европейский феодализм предполагает наличие у господствующего сословия 'феодов', т.е. наследственного владения землей с прикрепленными к ней крестьянами; эта собственность одновременно является источником власти — административной, судебной и военной». Отвечая на поставленный вопрос, А.В. Сивер обратил внимание на отличие земельного права адыгов от европейского. «Знать владела своей долей общинной земли на общих основаниях, по крайней мере до XIX в.» (*там же*, с. 16—17)

Не оспаривая в принципе последнее утверждение, позволим себе не согласиться с точкой зрения А.В. Сивера относительно форм земельной собственности в средневековой Кабарде.

II. 4. Западные адыги

Этнонимы. Краткие историографические наброски об этнонимии адыгов и черкесов принадлежат перу Г.А. Кокиева. В одной из своих работ он отмечал: предков «кабардино-черкесов» этнически сближают с синдами, керкетами и зихами. Анализ доступного в то время материала вынудил ученого отказаться от версии Г. Лопатинского, выводившего термин «синды» от *шиндживше* (так, якобы, убыхи обозначали своих соседей абадзехов). Несостоятельной признана и гипотеза барона П. Услара, сопоставившего синдов с санскритским *сундху*, английским и скандинавским *зунд* (*Кокиев* 2005, с. 391). Д. Инте-

риано зихов локализовал «[на пространстве] от реки Таны до Азии (Асии — Ф.Г.) по всему побережью, которое лежит по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, ныне называемому... иначе — моря Таны, в древности [называвшегося] Меотийским болотом, и далее за проливом по берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничит с Абхазией, то есть частью Колхиды». Народ, проживавший в этих пределах, «на простонародном (итальянском), греческом и латинском» назывался зихи, «татарами же и турками именуемые черкесы сами себя называют — 'адига'» (*АБКИЕА*, сс. 46–47).

Керкетов, об этническом родстве которых с синдами имеется прямое свидетельство у Исаакия Александрийского (V в.н.э.), Г. Лопатинский связал с черкесами. Еще раньше, опираясь на античных авторов, в пользу этой точки зрения высказались П.Услар и Ш.-Б. Ногмов. Последний, в частности, писал: «Что касается до названия 'черкес', то... естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя 'керкет', которое греки часто употребляли для означения наших предков» (цит. по: *Кокиев* 2005, с. 391). Некоторые авторы выводили *черкес* из персидского *сар-кеш* «мятежник», «разбойник» (*там же*, с. 407, примеч. 8). Масуди слово черкес считал персидским, означавшим «гордый», «непокорный», «независимый». Наконец, зихи Г. Лопатинский сближал с термином *цыхухе* «люди» или самоназвание «кабардино-черкесов — 'адыге'». Загурский тот же этноним связывал с абхазским *азхуа*, а их территорию — *зихуни* (*там же*, с. 392).

Названия и самоназвания кавказских племен сформировались в разное время. Некоторые составные части адыгского массива оформились в раннее средневековье. С V по X в. они известны под собирательным именем *зихи*; с X по XIII в. — *касоги* (*кашаки*); с XIII в. — *черкесы*; и, наконец, к XIV в. завершилось формирование кабардинских этносоциальных организмов. Много версий накопилось относительно происхождения этнонима *адыги*. Одной из первых является предложенная Ш.-Б. Ногмовым: «Настоящее родовое название нашего народа есть то, которое дошло до нас в поэзии и преданиях, т.е. *Ант*, изменившееся с течением времени в *Адыге* или *Адыхе*... Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним произношением — *Антихе*». Стремясь убедить читателей в своей правоте, Ногмов обращается к устному народному творчеству. В различных жанрах фольклора предки народа назывались *Ант*, например, *Антинокопьеш* (или *Антинокопш*, *Антиноко*) «антский, княжеский сын», *Антигишао* —

«антский юноша», *Антигиорк* — «антский дворянин», *Антигишу* «антский всадник». Данная трактовка происхождения этнонима *адыги* неоднократно подвергалась критике и остается дискуссионной (*Бейтуганов* 1998, сс. 3–13).

По одному из преданий слово «черкес» не местного происхождения. «Адыги носили *цей* (черкески), поэтому русские стали называть нас (западных адыгов — Ф.Г.) черкесами» (*Ципинов* 2000, сс. 46–47). Как полагают историки, возникновение этого термина связано с разгромом монголами алан, оттоком значительной их части в горные зоны Северного Кавказа и Закавказья. Степное Предкавказье заняли тюркоязычные племена. «С этого времени, — отмечал М. Фасмер, — и этнические названия северокавказских народов стали фиксироваться... через призму тюркских языков». В конечном счете этноним *черкес* выводился из тюркского *carkas* «орел»[59] (*Фасмер* 1987, с. 344). По другой версии, «шерк-гис — выразивший недоверие к шариату, ослушавшийся значит по-арабски»; «не выполнившего предписания китапа в то время называли шергес» (*Ципинов* 2000, с. 47).

Формы земельной собственности. Материалы по данной проблеме, особенно относящиеся к периоду формирования частной и феодальной форм землевладения, крайне скудны. В этой связи возрастает значимость норм обычного права. Как подчеркнул Ф.И. Леонтович: «В обычном праве кавказских горцев... сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» (*Леонтович* 1882, т. 1, с. 2).

В списке барона Сталя 1849 г., озаглавленного «Адаты черкесов Кубанской области», данной теме посвящен специальный раздел — «Право поземельной собственности». «По понятиям черкесов, земля принадлежит не лицу, но целому обществу. Вода и лес принадлежат всем без исключения». Каждая семья «берет себе земли, сколько нужно для запашки. О продаже земли, передаче ее в наследство, уступке за калым не было никогда речи... По обширности земель[60], прежде занимаемых черкесами, они никакой цены земле не приписывали». Лишь после вхождения в состав России западные адыги познакомились «с мыслью, что землю можно превратить в деньги». Земли, входившие в границы княжеского села, составляли его собственность. Здесь жили «его крестьяне и вольноотпущенные, занимающиеся земледелием и пастьбой скота. Половина их труда принадлежит князю» (*Леонтович* 2002, вып. I, сс. 152–153).

Своей собственностью владели и уорки (дворяне) трех сте-

пеней. Князья жили за счет продуктовой ренты. Так, очевидно, следует понимать слова адатов из списка Сталя: «Князь с подвластных не берет никакой дани за землю, как и тляхотляж со своих подвластных. О подати черкесы понятия не имеют, а каждый владелец живет тем, что для него сделают его крестьяне» (*там же*, с. 153).

Общественный строй. В советском издании обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарии говорится, что адыги «в X в. не имели общего царя, но у отдельных племен были свои князья. Возможно, адыгом был... князь Бер, который в 957 г. совершил поход в Закавказье и потерпел поражение от армян под городом Карсом». Несомненно, адыгом был «князь касожьский Редедя», погибший в поединке со Святославом в 1022 г. В начале XIII века в Матрике (т.е. Тмутаракани) правил «зихский» князь, о степени его могущества можно судить хотя бы по тому, что он содержал 100 наложниц (*История*... 1967, с. 65).

Генеалогические и исторические предания адыгов выводят предков князей от Инала. Он, в свою очередь, принадлежал, якобы, «к пятому или шестому поколению одной аристократической семейной группы... к мифическим правителям Аравии» (*Гадло* 2005, с. 448). Вспомним второе имя Инала — *Акабгу*. Оно, впрочем, может быть и титулом: *ак-ябгу*, буквально западный (в географической номенклатуре тюрков *ак* — «белый» используется для обозначения запада) правитель или наместник. Учитывая время правления Инала, в устной традиции связываемое с эпохой хазарского господства на Северном Кавказе, А.В. Гадло предположил, что Акабгу-Инал был автономным адыгским правителем, признававшим свою зависимость от каганата, а судя по имени-титулу, даже то, что он был связан родственными отношениями с домом кагана». Социальная структура хазар не предусматривала ликвидации традиционных форм управления в вассальных обществах. Местная знать обычно включалась в верхи хазарской сословной иерархии (*там же*, сс. 448—49).

Не исключено, что в помощь Иналу каган отправил отряд из своих соплеменников. В пользу данной версии говорят материалы поздней группы погребений могильника Дюрсо в районе Новороссийска. Здесь обнаружены «бесспорные следы пребывания в конце VIII — первой половине IX в. на коренной адыгской территории компактной военизированной общности, явно передвинувшейся к югу от Кубани с севера из степей Хазарии» (*там же*, с. 449).

Инал жестко поступил с конкурентами. Первый удар он нанес по аристократическим родам, некогда бывшим клиентами его собственного клана. Не щадя ни старшин, ни рядовых об-

щинников, «Инал восстановил пошатнувшийся было престиж своего рода». Затем он разбил выступивших против него горцев и принудил их «принести присягу на верность. Десять из тридцати захваченных им 'главных начальников' (старшин – *А.Г.*) были казнены». Южный поход Инал завершил миром с Абхазией (*там же*, сс. 449–450).

В памяти потомков он остался не только как правитель-воин, но и как реформатор внутренней структуры адыгского общества, как мудрый законодатель. «Ему приписывалось создание института 'сорока судей', вероятно, игравшего роль совета страны – периодически собиравшегося административно-политического органа...» (*там же*, с. 450).

После смерти Инала резко обострились отношения адыгов с хазарами. «Согласно происходящему из Константинополя свидетельству, относящемуся к началу 60–х гг. X в., зихи (в тексте зибус) являлись одним из народов, враждебных хазарам» (*там же*, с. 454).

Как известно, в «Повести временных лет» под 1022 г. сообщается о войне Мстислава с касогами (адыгами). В этом рассказе обратим внимание на обозначение социального статуса главы «касожского войска», представленного «князем». После гибели адыга «его земля» перешла во владение Мстислава. Территория, подконтрольная «касожскому князю», в ПВЛ охарактеризована также как «вся земля его»; там жила его семья («жена его и дети его»), а население выплачивало «дань». Отметим также, что на моливдовуле второй половины XI в. владелец Тмутаракани назван «архонтом Зихии» (*там же*, сс. 459–460, 465 примеч. 46).

Определенную информацию о социальном строе адыгских племен можно почерпнуть из археологических материалов. Так, внимание исследователей привлекло погребение № 2 площадки кургана № 18 Убинского могильника. Костяк находился в сидячем положении, с подогнутыми ногами, на глубине 1,6 м. Ориентировка западная. При нем найдены: шлем, умбон щита с остатками дерева, орнаментированный стеклянный бокал синего цвета, наконечник ножен сабли. Сидячее положение костяка является исключением для средневековых погребений адыгов. Согласно Р.Б. Схатуму, такие особенности погребального обряда неизвестны для кочевников евразийских степей. Единичные случаи «сидячих костяков» встречены в Тверском и Костромском Поволжье, в курганах на Днепре. На Ижорском плато найдено 98% «сидячих» из всех средневековых погребений в курганах. По предположению Р.Б. Схатума, в случае с погребением № 2 кургана № 18 Убинского могильника мы име-

ем дело с обрядом «обезвреживания» знатного покойника. «Но это лишь предположение». Датировка комплекса, основанная на анализе сопровождающего инвентаря, в первую очередь — шлема и щита, определяется в пределах последней четверти XIII — начала XV в. (*Схатум* 2005, сс. 335–336). Здесь же отметим, что в «Задонщине», по одной из двух версий написанной еще при жизни Дмитрия Донского (до 1389 г.), в списке вооружения воевод и их дружин упоминаются «шеломы черкасские». В целом же, отмечает Р.Б. Схатум, находки шлемов, аналогичных убинскому, иногда в сопровождении с деталями вооружения (щит, копье, сабля, стрелы и т.д.), «позволяют отнести погребенных воинов к местной знати и их дружине» (*там же*, с.340; см. также: *Схатум* 2003, сс. 223–234).

Не менее интересны позднекочевнические погребения воинов с защитным вооружением с территории Понуро-Калининской и Краснодарской оросительных систем в Краснодарском крае. Исследования в данном районе проводились в 1981–1984 гг. археологической экспедицией Волгоградского университета.

В одиночном кургане «Северный — 1981» обращает на себя внимание погребение № 1. В 3,6 м на север от центра кургана, на глубине 1,05 м от уровня современной поверхности обнаружен костяк, лежавший в плохо сохранившейся колоде ладьеобразной формы. Колода была накрыта крышкой. Среди находок отметим фрагменты сильно окислившегося железного шлема, остатки железной кольчуги, железная сабля без перекрестия со следами деревянных ножен на клинке. Длина клинка сабли — 100 см, рукояти — 14 см, ширина — 3,4 см. Здесь же обнаружены 7 сильно окисленных железных стрел (*Блохин, Дьяченко, Скрипкин* 2003, с. 184).

Курганная группа I «Дмитриевская — 1982» также содержит немало интересного. В разных местах насыпи кургана № 1 найдены скелет, череп и «бабка» лошади, череп жеребенка, кости ног крупного рогатого скота. Останки усопшего в погребении № 2 находились в деревянном гробовище. На голове покойника сохранились фрагменты железного шлема, на теле — кольчуга в форме рубашки с рукавами до локтей, прикрывавшая шею и доходившая до тазовых костей. На груди кольчугу украшали две бронзовые выпуклые бляхи, внешняя поверхность которых позолочена. Аналогичная бляха найдена под шеей костяка. На обеих руках отмечены железные наручи, шедшие от локтей до кистей. На коленях находились железные поножи. Вдоль туловища погребенного с левой стороны лежала слабоизогнутая сабля в ножнах. Длина ее клинка — 123 см, ширина лезвия — 4,5 см, длина рукояти — 15,6 см. В сопровождающий инвентарь входили

также выпрямленная серебряная гривна из крученого дрота с заостренным концом; железный нож; шесть черешковых плоских в сечении наконечников стрел, три из которых — с обломанными наконечниками. Под правой лопаткой погребенного найден остаток ткани с геометрическим узором. Здесь же — бронзовый котелок с плоским дном, заполненный костями крупного животного с остатками мяса. Севернее костяка человека лежали один на другом скелеты двух лошадей. Из других находок выделим наконечник копья, детали конского убора (*там же*, сс.184—187).

В насыпи кургана № 4 в разных местах обнаружены скопление костей лошади, собаки (у задних ног которой лежал фрагмент ребра крупного животного), а также скопление костей крупного животного (*там же*, с. 187).

Останки человека в погребении № 1 обнаружены в деревянном прямоугольном гробовище. Выше его на 0,3 м — череп и конечности лошади; между ее передними и задними ногами — фрагменты деревянного седла. На голове погребенного обнаружены части окислившегося раздавленного железного шлема. На тело усопшего была надета кольчуга. Из сопровождающего инвентаря отметим слабоизогнутую саблю (длиной 110 см и шириной клинка — 3,7 см), фрагменты колчана и семь железных черешковых стрел (из них 4 — бронебойные). Среди предметов погребения № 2 обратим внимание на железную саблю (длина 112 см, ширина клинка — 3,9 см), железный черешковый нож, семь железных бронебойных черешковых стрел (*там же*, сс.187—188).

В курганной группе «Южный — 84» археологи выделили курган № 2. В его насыпи найдены кости лошади и крупного животного. Погребение № 1 сопровождалось скелетом лошади с деревянным седлом, обитым кожей; глубже лежал скелет второй лошади. Под ней, на глубине 3,7 м от современной поверхности, обнаружено погребение человека в узком деревянном гробовище. На усопшего была надета кольчуга, на голову накинут кольчужный капюшон. В районе пояса найдены фрагменты серебряной с позолотой фольги с отверстием, серебряное кольцо; рядом — железная сабля (длиной 106,5 см, шириной лезвия — 4,5 см), на которой сохранился тлен деревянных ножен с прямоугольным наконечником. Из предметов вооружения отметим 4 костяные накладки на лук, 14 железных черешковых наконечников стрел (почти все — бронебойные), железный нож. Здесь же — серебряная с позолотой выпрямленная гривна. За гробовищем, возле западной стенки могильной ямы — раздавленный медный плоскодонный котел с ребрами овцы (*там же*, сс. 188—190).

В другой курганной группе, «Кривуша — 84», было исследовано погребение № 1, расположенное в центре кургана № 1 на

глубине 0,3 м от современной поверхности. Погребение совершено в деревянном гробовище. На голову усопшего был надет железный шлем, на тело — кольчужная рубашка. Вдоль левого бока лежала слабоизогнутая железная сабля (длина клинка — 118 см, ширина лезвия — 4 см). Рядом — железный нож, 13 железных преимущественно бронебойных стрел. В могиле найдены также красноглиняный гончарный сосуд с высоким яйцевидным туловом, плоским дном, невысоким горлом (*там же*, сс. 190–191).

Анализ погребального обряда и характер вещевого комплекса позволили археологам отнести приведенные памятники к кругу воинских погребений населения степного Прикубанья XII–XIV вв. Все погребения отличает наличие в сопровождающем инвентаре предметов вооружения, в том числе и защитного (сабли, наконечники стрел, шлемы, кольчуги). При этом очевидно, что данная группа представляла собой не однородный социум. Выделяются погребения знати. «Широкие могильные ямы, количество распрямленных серебряных гривен и бронзовых котлов свидетельствуют о том, что погребение 2 кургана 1 Дмитриевского могильника и погребение 1 кургана 2 могильника Южный — 84 принадлежали родовой (возможно, точнее — военной — Ф.Г.) знати». В конце XI в. степное Предкавказье активно осваивается половецкими племенами. Вытесненные из русского пограничья Владимиром Мономахом, они вплоть до татаро-монгольского нашествия кочевали в Прикубанье. И после кавказского похода монголов «половецкие племена составляли значительный контингент населения Предкавказья. При этом аристократия и воинское сословие не подвергались тотальному уничтожению». Как отмечают исследователи, «монгольские правители были заинтересованы в привлечении местной знати на службу[61]» (*там же*, с. 198).

Согласно сведениям Константина Багрянородного, «против Боспора находится так называемая крепость Таматарха... За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис... простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагия — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — страна Алания. Вдоль побережья Зихии (в море) имеются островки ... используемые зихами под пастбища и застроенные ими... В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях — другой, на котором во время набегов алан зихи находят убежище» (*Константин Багрянородный* 1989, сс. 175, 177).

Багрянородный сообщает, что «вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть». Девять аналогичных источников отмечены в Зихии, «но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое — желтое, третье — черноватое». Еще один «фонтан, дающий нефть», располагался в той же Зихии, в деревне, именуемой Сапакси, что «значит 'пыль'... там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух. Хамух же — имя основателя деревни, старика» (*там же*, с. 273).

«По соседству с аланами, — отметил Масуди, — между Кабхом и Румским морем находится народ по имени Кешек... Аланы могуществом превосходят этот народ и тот не был бы в состоянии сохранить свою независимость перед аланами, если бы не имел укреплений, построенных на берегу моря... Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будет в состоянии ничего предпринять против них» (*Аланика* 2000, № 3, с. 215).

Особняком стоит информация «Худуд-ал-алам», согласно которой «Кашак — область Алании на побережье Гура. Это приятное место и там у них имеются торговцы» (*там же*, с. 216). Вероятно, в данном случае анонимный персидский автор смешал свидетельства о присутствии аланских купцов на побережье Черного моря и данные о собственно касогах. В связи с этим напомним слова Абульфеды (1273–1331 гг.) о том, что «кашаки — это народ, который поселился между абхазами и аланами». Вместе с тем он отметил, что «к востоку от абхазцев на берегу моря находится город алан (Мединет-Аланийе). Этот город назван так потому, что его населяет народ аланской расы» (*там же*, с. 220).

Из этнографической характеристики, данной Масуди «народу Касак», следует, что этот «народ исповедует религию магов». Следом Масуди уточняет: кашаки находятся «рядом с Трапезундом, откуда товары идут к ним на кораблях, и у некоторых из них также имелись лодки» (*Minorsky* 1958, P. 157, 158). Сохранились свидетельства о нападениях адыгейцев на корабли генуэзцев и сражениях между ними на Черном море (*Лавров* 1981, с. 5). Показательно, что в адыгской мифологии богиня морских вод *Псыхо-щаша* (*Псыхо-гуаша*) занимала четвертое место после Зейкупша — покровителя наездников, Мезитха — божество лесов, Лепша — бога кузнецов (*История...* 2005, с. 402).

В кругу немногих письменных источников, содержащих сведения о социальной структуре западных адыгов начала II тысячелетия н.э., особое место занимают славянские памятники. Так, «Повесть временных лет» (ПВЛ), как выше уже отмечалось, под 1022 г. сообщает о походе князя Мстислава Владимировича

на касогов. В сюжете о поединке[62] Мстислава с касожским богатырем последний обозначен как «*князь* Редедя». ПВЛ приводит подробное описание поединка. Узнав о приближении славян, «касожский князь Редедя» вышел им навстречу. Когда полки стали друг против друга, Редедя обратился к Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И ответил Мстислав: «Будь так». Причем, князья решили «не оружием... биться, а борьбой. И схватились бороться крепко и долго боролись, начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и селен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложи на касогов» (ПСРЛ, т. 1, сс. 146–147).

В данном сюжете нас, в первую очередь, интересует то обстоятельство, что летописец приравнял князя касогов к князю славян. В результате «войны с касогами Мстислав расширил территорию своего княжества и укрепил дружину искусными касожскими воинами[63]» (*Котляр* 2000, с. 136). На смерть Мстислава летописец отреагировал вдохновенным панегириком этому последнему дружинному государю на Руси: Мстислав «храбр на рати, милостив, любяше дружину по велику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья бранящее» (*там же*).

Г.А. Кокиев считал, что адыгские князья, оставаясь «вассалами киевских князей под именем 'черных клобуков', принимали участие в походе князя Изяслава Мстиславовича против Ярослава Владимировича, князя Галицкого» (*Кокиев* 2005, с. 417).

Рассматривая «характер власти» в Тмутаракани, Н.Ф. Котляр обращается к первому упоминанию данного «княжества» в летописях, а именно – в ПВЛ под 988 г. Это сообщение связано с административной реформой Владимира. Причем, подчеркивает автор, «Владимир сажал сыновей в различных городах Руси не как полновластных князей, а лишь как своих *посадников* (наместников)» (*Котляр* 2005, с. 142).

Борьба за Тмутаракань, как между славянскими князьями, так и между ними, с одной стороны, и касожской знатью (не забудем и алан) – с другой, не в последнюю очередь была обусловлена географическим положением Тмутаракани. Контроль над нею обеспечивал контроль над устьем Днепра, Таманским полуостровом, выходом к Азовскому морю. Это, в свою очередь, гарантировало стабильное поступление таможенных по-

шлин. Здесь сосредоточились важнейшие в тот период торговые магистрали, связывавшие Восток и Запад. Через азово-черноморские гавани адыги вели оживленную торговлю с греками и итальянскими городами. Адыгские племена поставляли хлеб, рыбу, воск, взамен получая греческие ткани, металлические предметы и другие товары (*История...* 2005, сс. 179–180).

Как мы уже отмечали выше, в 1022 г. судьбу Тмутаракани решил поединок между славянским князем Мстиславом Владимировичем и касожским князем Редедей. Имя последнего сохранилось в свадебных песнях черкесов. От последних данный антропоним перешел к соседним народам и упоминался в припевах к свадебным песням. Отмечен он и в свадебных песнях русского населения (*там же*, сс. 296–297).

Топоним Тмутаракань встречается в уставе императора Льва Мудрого (849–911 гг.), согласно которому рядом с Зихской епархией[64] существовала Тмутараканская. Причем, последняя названа «архиепископией». Доминиканец Юлиан в 1235 г. побывал в «стране Сихия», городе Матрика, «где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих». Насколько они были христианами, можно судить хотя бы по такому факту: «Князь имеет... сто жен» (*АБКИЕА*, с. 32).

Через черноморские и азовские гавани велась оживленная торговля населения Западного Кавказа с греками и римлянами рабами[65], рыбой, хлебом[66], воском. Взамен адыги получали различные ткани и изделия из металла. Самир Хотко, опираясь на итальянские источники, пришел к выводу о том, что на Северный Кавказ «генуэзцы и венецианцы, а вкупе с ними пизанцы, флорентийцы, тосканцы и прочие итальянские коммерсанты, стали проникать еще в XII в.». В 1169 г. генуэзцы первыми добились от императора Мануила I Комнина важнейшего указа, разрешившего им «торговлю в Черном море». В 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, столицу восточной империи, и «разграбили все торговые заведения и склады итальянцев». До 1260 г., когда существовала т.н. «Латинская империя» — государство крестоносцев со столицей в Константинополе, — итальянские коммерсанты из-за огромных пошлин не имели возможности вести дела в Черноморье» (*Самир Хотко* 1999, с. 158).

В 1260 г. Михаил Палеолог смог изгнать крестоносцев из Константинополя и восстановить Византийскую империю. Успешная война во многом стала возможной благодаря поддержке генуэзского флота. В благодарность за это в 1261 г. Византия заключила с Генуей договор, по которому Михаил Палеолог фактически подарил генуэзцам монопольное право на торговлю в Черноморье. Правда, это соглашение, получившее название

Нимфейского трактата, оставило некоторые лазейки и для других городов-республик Италии. Этим воспользовались пизанцы, основавшие торговое поселение Porto Pisano на побережье Азовского моря. В 1265 г., «опасаясь чрезмерного усиления Генуи, Михаил Палеолог допустил в Черное море и венецианцев» (*там же*, сс. 158–159).

По мнению большинства итальянских историков, главное торговое поселение генуэзцы основали в 1266 г. недалеко от античной Феодосии, в урочище под названием Каффа[67] (Caffa). Самир Хотко высказал гипотезу о черкесском (адыгском) происхождении топонима. Главным торговым партнером Каффы изначально стала Зихия. Показательно в этом плане, что между Таной (Азов) и Себастополисом (Сухуми), заселенным в то время черкесами, в XIII–XV вв. насчитывалось 39 торговых поселений генуэзцев. Самир Хотко полагал, что генуэзцы «в Зихии поселялись *исключительно с согласия местных князей или вождей*» (курсив мой – Ф.Г.) и платили им дань (*там же*, с.159).

Генуэзские документы проливают свет на социально-экономическое устройство зихов. Среди прибрежных поселений наиболее значимым по расположению (у Керченского пролива) и по числу жителей являлся город Матрега. Тем не менее здесь отсутствовал генуэзский консул; Ф. Брун объяснял это «зависимостью Матреги от местного зихского князя». Следующие по значимости портовые пункты, в которых поселилось большое число генуэзцев – Мала (современная Анапа), Батияр (Новороссийск) и Копа (Славянск-на-Кубани). Все они «также напрямую подчинялись зихским феодалам и в них отсутствовали каффские наместники-консулы» (*там же*, с. 160).

Практически вся территория от Дона до Кубани с имевшимися там портами и поселениями – Иль Пеше, Копа, Санта Круче, Бакинахи, Сан-Джорджио и Лотар «находилась во владении черкесских князей». Их имена приводятся в итальянских источниках: Белзебук, Парсабок, Биберд, Кертибей, Петрозок и др. В Матреге и на Таманском полуострове в целом в середине XV в. правили зихские князья Костомах и Кадибелд. «Более того, черкесские (зихские) князья владели территориями в восточном Крыму». Среди них выделялись: правитель Воспоро в 20–х гг. XIV в., «усердный приверженец» католической веры Верзахт, «состоявший в переписке с папой Иоанном XXII»[68]; Миллен, правитель Воспоро в 1330-х гг., также принявший католичество. С 1379 по 1386 г. золотоордынским наместником в Крыму был князь зихов, «известный как Зихий-Геркессий, Джаркас (Jarkas), Черкес-бек (Cherkes-bek) или Жанкасиус-Зих (Jhancasius-Zich), чья резиденция находилась в Солгате

(Solhat)». Являясь сторонником Мамая, он в 1379 г. вынудил администрацию Каффы мобилизовать ополчение для поддержки Мамая в грядущей битве на Куликовом поле. В следующем году он разграбил 18 поселений из округа Каффы в наказание за отказ провести мобилизацию. После смерти Мамая он сохранил свой пост при Тохтамыше. Его подпись стоит под договором между Золотой Ордой и Каффой. По 6 пункту данного договора он обязывался возвратить захваченные ранее 18 селений. Способность Черкес-бея сохранить наместничество при столь враждебных друг другу правителях Золотой Орды, как Мамай и Тохтамыш, свидетельствует о его значительной самостоятельности. Помимо названных черкесских князей известен еще один, правивший на сопредельной с Черкесией территории. Под 1358 г. упоминается некий Сихабей (Зихабей), наместник Золотой Орды в Тане (*там же*, сс. 160–161).

Интересно, что за более чем двухвековую историю генуэзско-черкесских отношений не произошло ни одного конфликта, спровоцированного князьями Черкесии, консулами Каффы или властями Генуи. Более того, во всех генуэзских поселениях, в том числе и в Каффе, военные подразделения – т.н. «оргузии» (orgusii) формировались из черкесских наемников. Они составляли своего рода городскую конную полицию, получали солидное жалование, позволявшее вести скромные торговые операции (*там же*, сс. 161–162).

Данная характеристика красноречиво свидетельствует о характере отношений колонистов с черкесской знатью[69]. Такое «миролюбие» диктовалось «огромной заинтересованностью обеих сторон в торговле». Если черкесские князья из-за своей ментальности гнушались купеческим ремеслом, то для генуэзцев занятие торговлей «было делом всей жизни». Они органично заполнили ту нишу социальной структуры западных адыгов, которую, по мнению Самира Хотко, «и до них, и после них заполняли иностранцы» (*там же*, с. 162).

Среди наиболее значимых аспектов генуэзского присутствия в Зихии была работорговля, а также посредничество в переправке воинов в армию мамелюкского султана. Особый размах работорговля приобрела после того, как султан Бибарс I (1261–1277 гг.) в 1262 г., а позднее – султан Калаун (1280–1290 гг.) заключили договоры с императором Михаилом VIII Палеологом (1259–1282 гг.). По этим соглашениям мамелюки получили свободный доступ в Черное море. В Каффе открылось специальное бюро агентов султана по закупке рабов – *Tuggar al-khass* (*там же*).

Несмотря на перечисленные обстоятельства, черноморская

торговля не была абсолютно безоблачной. Так, противниками морской торговли рабами выступили папа римский Климент V и король Кипра Генрих II де Лузиньян (1285–1324 гг.), заключившие соглашение, направленное против ввоза черноморских рабов в Египет. Стратегическое партнерство Генуи и Черкесии регулярно омрачал морской разбой, учинявшийся никем не контролируемыми вольными обществами западных адыгов. Многочисленные соглашения, которые заключали консулы Каффы с князьями Черкесии, «с обязательностью нарушались горцами. Горцы Западного Кавказа – зихи, керкеты, ахеи и гениохи – были знамениты своим пиратством уже в античную эпоху». Неспособность Каффы справиться с бесчинствами пиратов неоднократно приводила «к почти полному параличу торговли». Известен всего лишь один случай, когда администрации Каффы удалось вернуть награбленное пиратами. Среди бумаг некоего нотариуса из Каффы за апрель–май 1290 г. сохранился контракт Вивальдо Лаваджио, капитана одной из галер Аргун-хана, монгольского правителя Ирана. Владения последнего выходили к Черному морю. В силу этого хан был заинтересован в охране своего участка побережья. В заливе Джубги капитану «Лаваджио удалось отнять у местных корсаров[70] товары, ранее награбленные ими с кораблей армянских и греческих коммерсантов» (*там же*, сс. 162–164).

Важной статьей внешней торговли был хлеб. Известно, что в голодный для Италии 1268 г. венецианский дож Лоренцо Тьепола приказал закупить зерно в других странах. И он был куплен у алан, *зихов*, русов, армян и греков[71] (*Хизриев* 1982, с. 6). Во время похода 1395 г. на Северный Кавказ у «Тимурова войска осталось мало продовольствия... Тимур пошел вдоль реки (Терек) в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов» (*СМИЗО*, т. 2, с. 175). Плано Карпини, побывавший в этих краях в 1246 г., писал о жителях Дешт-и-Кипчака (куда входило Предкавказье): «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми» (*Путешествие* 1957, с. 28). Они производили крупных быков, которых «вполне хватало даже на итальянские бойни» (*Барбаро* 1971, с. 149).

Значение Таманского полуострова в международной торговле послужило главной приманкой для славянских князей. Летописное сообщение 1066 г. гласит: «Ростиславу сущю Тмутаракани и емлющю дань у касог и у иных стран».

В 1995 г. на Таманском полуострове Краснодарского края обнаружен клад византийских монет XII века. К сожалению, точное место находки и количество монет остались неизвестными. Некоторые из них попали в частные руки, стали предметом купли-продажи в Краснодаре и Новороссийске. Коллекцию из

32 монет для исследования предоставил краснодарский предприниматель И.А. Тортопиди. Правда, рассматриваемый клад — первый достоверно выявленный клад византийских монет XII в. Его разрозненные остатки не дают веских оснований для точных выводов о времени и причинах его сокрытия (*Пьянков* 2003, сс. 215–220).

Интерес вызывает этнографическая характеристика западных адыгов в интерпретации Д. Интериано. «Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная» (*АБКИЕА*, с. 47).

В золотоордынский период западные адыги исповедовали христианство и имели «священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста... знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока... они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня» (*там же*).

«Есть среди них знатные, и вассалы, и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих большим почетом и значительную часть времени проводят на коне». Хотя многие «знатные» имеют вассалов, тем не менее, «все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собой никакого владыки, кроме господа бога». Д. Интериано отметил междоусобную борьбу среди знатных: «Нередко бывает, что родичи убивают один другого вместе с большею частью братьев» (*там же*, сс. 47–48).

Итальянский путешественник подметил и черты менталитета «зихов». «Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажу своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом» (*там же*, с.49).

Прибегая к ретроспективному методу, отметим наличие у позднесредневековых западных адыгов т.н. «братств». В.К. Гарданов характеризовал их как «замечательную коллективную организацию, унаследованную от родового строя». Функции адыгских «братств», с течением времени «превращавшихся из кровно-родственных в политические союзы, были определенным образом связаны с древними функциями фратрий, являясь их своеобразным продолжением и развитием в новой исторической обстанов-

ке». В.К. Гарданов счел необходимым подчеркнуть: в отличие от рода или племени фратрия у ирокезов не имела функций управления, но активно вмешивалась в общественные дела. К тому же, «братства» у адыгов и у ирокезов, в отличие от греческой фратрии и римской курии, «не имели официального главы и других должностных лиц» (*Гарданов* 2004, с. 288).

«Братства» были сильны и едины лишь при социальной однородности. Усиление внутри «братств» старшинской верхушки, превращавшейся в «новое» дворянство, вносило в социум раскол. В результате внутри «братств» формировался «старшинско-дворянский» блок (*там же*, сс. 297–298).

Дж. Интериано в XV в. писал о т.н. «аристократических племенах»: «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов[72], и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господа бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними» (*АБКИЕА*, с. 48).

Двумя веками позже Н. Витсен привел любопытную деталь из жизни адыгов. Во время набегов или при отражении таковых адыги всегда щадили вождей и знатных (*там же*, с. 88). Авторитет и уважение, которыми пользовались вожди архаических обществ, со временем трансформировались в социальные признаки знати. Убедительным аргументом в пользу этого является тот факт, что во время частых столкновений феодальных группировок князь мог убивать узденей своего противника, но те «по древним их обычаям и рук поднимать не могут...» (*Нагоев* 2000, с. 182).

При выяснении общественного строя западных адыгов раннего средневековья, целесообразно, на наш взгляд, использовать материалы позднего средневековья. Ретроспективный метод позволяет прояснить ситуацию по ряду важных вопросов.

Общественное устройство ряда племен западных адыгов, например шапсугов, абадзехов-натухайцев конца XVIII в., принято считать «демократическим». У них, в отличие от Кабарды, феодальные порядки были значительно менее выражены. Как правило, «демократизм» западных адыгов связывается с Бзиюкской битвой 1796 г. между причерноморскими крестьянами и отрядами нобилей. Хотя сама битва закончилась победой знати, ее результатом стало серьезное ограничение власти «дворян». Печетникский съезд всех сословий шапсугов (скорее всего 1803 г.) закрепил принципы взаимоотношений между сословиями западных адыгов (*Сивер* 2003, с. 15).

Однако сохранившиеся источники не позволяют безоговорочно принять версию «демократического переворота», имев-

шего место в 1796 г. Еще на картах XVII в. территория, на рубеже XVIII–XIX в. занимаемая шапсугами и натухайцами, обозначена как земля «вольных черкесов». Правда, не во всех обществах западных адыгов доминировало «народное правление». Доминиканец Э.Д. д'Асколи в 1634 г. писал по этому поводу: «Черкасия разделена между многими владельцами, ими называемыми бей. Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют...» (*АБКИЕА*, с. 63).

Характеризуя представителей знати, доминиканец отметил некоторые их черты. «Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно отцам и братьям намеченных девушек молодые чиркасы дают в приданое некоторое количество коней, кольчуг, красивых мечей, платьев, серебряных чаш...» (*там же*, с. 65).

Щедрость и гостеприимство считались у горцев, особенно у знати, непременными условиями отношения как к соплеменникам, так и к чужеземцам[73]. Еще одним непременным маркером знати было многоженство. Это относится и к адыгам, формально придерживавшимся христианства. Согласно Юлиану, в 1235 г. побывавшему на Тамани, у одного тамошнего адыгского феодала, будто бы, было 100 жен (*Лавров* 1981, с. 9).

Что касается религии, то распространение [Т.В. Половинкина (1999, с. 23) предпочитает резкую формулировку – «насаждение»] христианства среди адыгов не имело особых успехов. В «Хождении Епифания», сочинении византийского монаха Епифания Константинопольского, побывавшего на Кавказском побережье Черного моря на рубеже VIII–IX вв., говорится: «Население этой страны, населяемой зихами, занимается земледелием. Зихи жестоки, по нравам варвары и доныне в большинстве, чтобы не сказать все, дики и неверны». Напротив, о прикубанских адыгах Епифаний пишет как о людях кротких, доступных вере, с радостью принявших слово веры (*История народов Северного Кавказа*, сс. 113, 137).

Багрянородный при определении границ Зихии назвал реку Никопсис и одноименную крепость. На рубеже VII–VIII вв. город под этим названием являлся основным центром православия в Зихии. Там же находилась кафедра Зихской епархии, к которой относились также Боспорская и Херсонесская епархии. В составленном перед 787 г. списке епархий Никопсия названа центром Авазгской епархии, а в IX в. – вновь Зихской. Согласно Леонтию Мровели, «великий Андрей», один из апостолов Христа, после проповеди «в земле Овсетской» вместе со «Свимоном Кананитом» отправился в «земли Абхазские... И оставил там блаженный Андрей Свимона Кананита с учениками... Мо-

гила же Свимона Кананита находится в городе Никопсии, между Абхазией и Джикетией, ибо там и преставился святой Свимон Кананит» (*Мровели* 1979, с. 33). Епифаний, побывавший здесь в конце VIII или в первой половине IX в., рассказывает, что есть «гробница, имеющая надпись Симона Кананита в Никопсисе Зикхийском; она также с мощами» (*Лавров* 1982, с.168). Во второй половине X в. кафедра митрополита Зихии перенесена в Тмутаракань (*Половинкина* 1999, с. 24).

Необходимо обратить внимание на распространение среди западных адыгов католичества. Особенно активным Ватикан стал с XIII в. Через генуэзские и венецианские фактории новая религия проникала и к местным племенам. Среди западных адыгов в золотоордынский период было немало католиков. В 1329 и 1333 гг. папа римский связывался с адыгейским князем Милленом (или Верзахтом). В 1346 г. в Матрегу был назначен католический епископ. Еще одна «епископская кафедра была основана в одном из Джулатов, где проживало много католиков, а тамошние священники принадлежали к ордену кармелитов». Служба в них проходила на татарском языке. Из трех церквей XIII – начала XIV вв. Верхнего Джулата две оказались католическими. В 1349 г. римский папа посвятил в архиепископы адыга Жана де Зики.

В конце XVII в. вышел в свет труд Н. Витсена, широко известного государственного деятеля Нидерландов. Несколько лет он провел в России, постоянно встречался с членами Посольского приказа. Через них он собрал довольно большой материал о Кавказе. В позднее изданной книге специальная глава отведена черкесам. «У черкесов, живущих около Каспийского моря, нет ни городов, ни укреплений, и они живут в деревнях, в открытых местах... Они живут свободно [говорит он – Тавернье], но управляются особыми вождями. Старейший в роде в данной деревне считается старшиной» (*АБКИЕА*, с. 88).

Ссылаясь на анонимного английского писателя, «чье сочинение опубликовано в Париже в 1679 году на французском языке», Н. Витсен отметил: черкесы, живущие у Меотийского моря и по течению Борисфена... *истребили у себя крупную и мелкую знать* и теперь управляются начальниками или вождями, которые живут *в полном согласии с общиной* (курсив мой – Ф.Г.)» (*там же*, с. 91).

В советской историографии бытовала точка зрения, согласно которой шапсуги, абадзехи, натухайцы и абхазы, «особенно горные, зачастую не признавали над собой власти владетельных правителей и управлялись ‘старшиной’, как правило, выборным» (*Сивер* 2003, сс. 15–16).

На этом фоне результат «демократизации» причерноморских адыгов не выглядит столь впечатляющим, как его изображали дореволюционные авторы. Так, не совсем ясно, что представляли собой крестьяне, участвовавшие в «перевороте»? Действительно ли это была социальная борьба или столкновение племен? Анапский паша Сеид-Мустафа данный конфликт описал так: «Народы из черкас и абазинцев именуемы первые шапсик, а последние бзедук, имея между собою почти непрестанную ссору, и хотя от стороны моей был послан [человек] ради примирения их, но бзедуки... имея дружбу с черноморскими козаками, видно прибегли к ним под защиту... и соединя козаки с бзедугами и напав на шапсиков, учинили чрезвычайное поражение, где побито немало народу». Хан-Гирей в описании Бзиюкской битвы, несмотря на стремление придать ей характер народного восстания, невольно отобразил нашествие шапсугов на земли бжедугов. С другой стороны, «установленное сословное деление в результате деления абадзехов, натухайцев и шапсугов почти полностью повторяет сословное деление 'аристократических племен', за исключением института князей (*пшъы*, кабард. *пшIы*). Многие шапсугские и натухайские нобили», переходя за Кубань, на контролируемую русскими территорию, в документах проходили как «владельцы». Сохранились свидетельства о переселении шапсугских дворян вместе с крестьянами (*там же*, с. 16).

В предпринятых попытках определить сущность «демократии» западных адыгов, подчеркивает А.В. Сивер, термин «демократия» использовался «в буквальном, т.е. 'западном' смысле». Турецкий просветитель адыгского происхождения Ю.-С. Нагуч полагает, что такая демократия — «специфический государственный строй» шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов. Аналогичную позицию занимает Н.Н. Денисова. По ее мнению, главная особенность «демократии» западных адыгов заключалась «не в формах ее управления (органы народоправства, имевшие место у адыгов, встречались и у других народов), а в содержании, преобладании нравственного компонента... Жесткого доминирования общества (в лице рода, фамилии) над человеком не наблюдалось» (*там же*). При этом «оба автора подчеркивают уникальность, специфичность адыгской модели демократии». Оба стремятся отыскать черты непременно западной демократии — индивидуальную свободу, ограниченную лишь моралью, подчиненность исполнительной власти законодательству, исходящему от народа. Но *адыгэ хабзэ* (обычное право), *адыгэ нэмыс* (этикет) и нормы *адыгагъэ* (адыгства, морально-этических требований к человеку) практически в том же виде

отмечены и в «аристократических племенах», причем, имели здесь, по меньшей мере, такое же значение (*там же*).

А.В. Сивер полагает, что дихотомия «аристократические — демократические племена» в европейских и русских источниках и литературе «более идеологического происхождения, чем эмпирического». В то же время ученый цитирует Г.Ю. Клапрота, в 1807—1808 гг. побывавшего с научными целями на Кавказе. Относительно шапсугов глава экспедиции писал: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, то его можно было бы назвать республиканско-демократическим» (*АБКИЕА*, с. 260). В завершенной несколькими годами позже работе С.М. Броневский одинаково охарактеризовал социальное устройство шапсугов, абадзехов и натухайцев: «Владельцев не имеют, управляются старшинами» (*Броневский* 1999, с. 180). И.Ф. Бларамберг те же племена характеризовал так же: все они имеют «демократическую форму правления» (*Бларамберг* 1992, с. 103).

Дополнительные аргументы в пользу своей версии общественного строя западных адыгов А.В. Сивер ищет в их социальной терминологии. В частности, традиционный (смысловой) перевод адыгских слов *пщы* и *гуашъа* — *князь* и *княгиня*. Между тем, их этимологическим значением являются «хозяин/господин», «хозяйка/госпожа». Они употребляются также «для обозначения свекра и свекрови, точнее главы семьи и его жены (*пшъыкъу* — деверь, букв. 'сын свекра')...» (*Сивер* 2003, с. 21).

По А.В. Сиверу, термины, коими характеризовались «аристократические» (имевшие феодальное правление) и «демократические племена» (имевшие народное правление) — «более подходят к описанию вариантов правления античной и средневековой Европы и имеют явно идеологическое происхождение» (*там же*, сс. 18—19). Хотя осталось неясным, почему термины *феодальное* и *народное правление* имеют «*явно идеологическое происхождение*»? И в чем это проявилось?

Осознавая, видимо, уязвимость своей позиции со стороны критики, А.В. Сивер в выводах более осторожен. Дихотомия «демократические — аристократические племена», заключает он, «*скорее всего*, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем. Однако *этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации* (курсив мой -- Ф.Г.) шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов... При включении шапсугов в адыгскую общность 'демократичность' продолжала оставаться отличающим признаком, что выделяло их уже в рамках этой общности» (*там же*, с. 24).

III.

ВОТЧИНА И ГОСПОДСКИЙ ДВОР У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Проблема формирования господского хозяйства, вотчины, столь важная при реконструкции перехода от первобытности через раннеклассовое общество к феодальному, по-прежнему сохраняет свою актуальность. Исследование этой темы затрудняется, помимо прочего, и определенной нечеткостью терминологии. В исторической энциклопедии термин «вотчина» трактуется как понятие, обозначающее комплекс феодальной земельной собственности и связанных с нею прав на зависимых крестьян. «Социально-экономическое значение В. (в указанном смысле этого термина) состоит в том, что она являлась организационной формой присвоения вотчинниками прибавочного труда крестьян» (*СИЭ* 1963, стб. 757). При характеристике господского хозяйства используется также понятие «домен». В советской историографии им обозначали княжеские владения в Древней Руси. В домен входили города, крепости, вотчины, леса, пастбища и т.д. (*СИЭ* 1964, стб. 285–286).

Если трактовка второго термина не вызывает особых возражений, то понимание вотчины как хозяйственной и социально-политической организации господствующего класса феодальной формации (хотя такое сужение социального содержания термина признано в науке. — *Сказкин* 1973, сс. 122–123) представляется неполным. Вотчина, как наследственное владение знати, могла существовать, например, в раннеклассовом обществе, когда феодальных методов эксплуатации еще не было, либо они не играли существенной роли. Интересно, что в «Повести временных лет» понятие «отчина» в значении наследственного владения, полученного от отца, впервые появляется в сюжете под 1097 г. о решениях знаменитого Любечского съезда князей о

порядке наследования владений (*Котляр* 2003, с. 113). Если исходить из этимологического значения понятия, то вотчиной (отчиной, оставшейся от отца) можно считать и т.н. «черное» землевладение в средневековой Руси. Во всяком случае, в словаре С.И. Ожегова напротив слова «вотчина» значится: «на Руси до XVIII в.: наследственное землевладение»[74] (*Ожегов* 1983, с.90). И только. Термин «вотчина» здесь и далее будет употребляться с учетом этих поправок.

Процесс формирования вотчины как таковой (на материале какого бы народа он не рассматривался) пока далеко не ясен. Более того, по мнению В.Б. Кобрина, даже в отдаленном будущем вряд ли будет раскрыта до конца эта тайна феодального «первоначального накопления» (*Кобрин* 1985, с. 32). Тем не менее, необходимо хотя бы попытаться реконструировать истоки формирования вотчины знати. Отыскать окончательное решение данного вопроса на кавказском материале нам не под силу, но высказать некоторые гипотезы имеющийся материал позволяет.

Сразу же отметим, что письменные источники малоинформативны в отношении реконструкции *процесса* формирования вотчины. Многое мог бы прояснить анализ археологических данных, в первую очередь — поселений. По утверждению специалистов, из «всех категорий археологических памятников наиболее концентрированную и важную историческую информацию содержат в себе остатки поселений» (*Древняя Русь* 1985, с. 39). Но как это ни парадоксально, конкретно в кавказоведении в этой области сделано на удивление мало. В частности, еще в 1941 году А.А. Иессен, рассматривая эту тему на примере алан, справедливо подчеркнул: «Требуется еще детальная и большая работа над памятниками, особенно над поселениями, для конкретного выяснения исторического развития кавказской Алании» (*Иессен* 1941, с. 26). Двадцатью годами позже В.Б. Деопик (Ковалевская) вновь заострила на этом внимание: «Аланские средневековые поселки еще очень мало подвергались исследованиям на Северном Кавказе» (*Деопик* 1961, с. 37). Прошло время, и В.Б. Ковалевская с сожалением еще раз подчеркнула: «Неизученность раннесредневековых поселений Северной Осетии остается досадной лакуной в наших знаниях об истории алан I тысячелетия н.э., а изучение их представляется задачей первостепенной важности» (*Ковалевская* 1993, с. 20). Не лучше обстоят дела с изучением формирования вотчины на Кавказе в целом. Справедливости ради следует отметить, что В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская и Г.Е. Афанасьев наметили подходы к реконструкции структуры усадьбы алан раннего средневековья. В качестве сопоставительного материала мы будем ис-

пользовать описания замков и усадеб горских феодалов рубежа XVIII–XIX вв.

Серьезным препятствием для исследователей является отсутствие письменного частного акта о купле-продаже земли у горцев раннего средневековья. Так, у осетинских феодалов даже в позднем средневековье не было юридических документов, подтверждавших их права на землю. В Осетии не было бюрократического аппарата, который выдавал бы такого рода документы, да феодалы и «не находили никакой надобности в этом», поскольку «не предвидели могущих возникнуть когда-нибудь споров и притязаний на неотъемлемую их собственность» (*ЦГА РСО–А*, ф. 23, оп.1, д.1, л.3). Письменный акт у горцев появляется довольно поздно — после присоединения к России. Однако отсутствие в предшествующий период письменных актов не означает, что не было и различных форм землевладения. Поземельные сделки заключались устно. В горских обществах, небольших по территории, где отношения собственности функционировали среди соседей, хорошо знавших, какой участок кому принадлежит, устные договоренности были надежнее письменного акта. К тому же они санкционировались обычным правом. Хотя его нормы долгое время письменно не фиксировались, они действовали «со всею силою неизменных законов природы, не дозволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» (*Пфаф* 1871, вып. I, с.184; *Лилов* 1892, с. 6).

Кое-какую информацию о формировании вотчины у горцев содержат генеалогические предания знати. В этих памятниках оформление феодальных кланов у народов Северного Кавказа относится к разному времени. У осетин, например, согласно большинству родословных, предки феодалов появляются лишь в золотоордынский период. Такая установка фольклорных источников имеет, на наш взгляд, двоякое объяснение. Во-первых, генеалогические предания служили идеологическим обоснованием «законности» господства феодалов над народом. Поэтому любой знатный род «нельзя было выводить из своей собственной страны», т.к. это неизбежно возводило его к какому-то «незнатному родоначальнику» (*Лихачев* 1952, с. 38). Во-вторых, татаро-монгольское нашествие стало роковым ударом не только для горских народов, но и для их аристократов. Ведь феодалы, в частности, аланские — это, прежде всего, конные профессиональные воины, дружинники; сама терминология аланской знати — «багатары» (тысячники), «алдары» (сотники) — свидетельствует об этом. В сражениях с кочевниками в первую очередь гибли дружинники. Учитывая тот факт, что на Кавказе сопротивление захватчикам оказывалось едва ли не сто лет,

можно предположить, что в ходе борьбы была физически истреблена большая масса феодалов-землевладельцев. В новых условиях, часто на новом месте, процесс возникновения господского хозяйства начинался заново. Этот момент, вероятно, и отразился в родословных осетинской знати (*Гутнов* 1989).

В письменных источниках средневековой поры (*Мровели* 1979; *Памятник* 1979; *Цулая* 1980; *Армянские...* 1985; *Джуаншер* 1986) сведения о хозяйстве аланской аристократии чрезвычайно скудны. Как правило, это только указания на наличие вотчины, без определения путей ее формирования, без конкретного описания, характеристики структуры и т.д. Прибегая к синхростадиальному сравнению, приведем данные закавказских памятников об инфильтрации аланской знати в социальную структуру Армении первых веков н.э. Этот процесс сопровождался получением земельных владений.

В частности, древнеармянские историки оставили ценную информацию о происхождении одного из знатных армянских родов — Аравелеанов. В описании событий I века н.э. помещен рассказ о браке аланской «царевны» Сатиник с армянским царем Арташесом. Согласно Мовсесу Хоренаци, «в его (Арташеса) время (появились) Аравелеаны, родом из аланов, сродники Сатиник, ее сопровождавшие (были) возведены в достоинство армянского нахарарства, как родственники великой царицы» (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 34). Мовсес Каганкатваци (VII в.) этот же род называет *Аравегьян* [согласно А.В. Гадло (1979, с. 4) от иранского *арьяв-аг* — «геройский, сильный»]. «Княжество рода Аравегьян было даровано родственникам Сатиник» (*Армянские...* 1985, вып. II, с. 26).

В последующие века Аравелеаны почти всегда фигурируют в различных списках нахарарских родов. В «Зоранамаке» (Воинская грамота) — разрядной грамоте, устанавливавшей численность вооруженных сил каждого из 86 нахарарств, численность войска Аравелеанов определялась в 500 всадников. Н.Адонц (1971, с. 305) владения указанного рода локализовал «в царском стане Айрарате, на границе Ширака».

Термином *нахарар* в древней Армении обозначалась высшая и средняя знать. Иными словами, полного равенства в статусе нахараров не было, они подразделялись на старших (*аваг*) и младших (*кртсер*). Учреждение нахарарств традиция связывает с деятельностью царя Валаршака, возведенного на престол персидским царем Аршаком. Валаршак, согласно Мовсесу Хоренаци, «учредил нахарарства и назначил родовладыками нахарарств достойных людей» (*Юзбашян* 2001, сс. 20—24).

Этимология слова «нахарар» остается предметом дискуссии

вот уже свыше ста лет. Р. Фрай в эпиграфических памятниках Восточного Ирана обратил внимание на термин *nhwdr*, бытовавший в Парфии. «Звание (или титул) *noxodar*, буквально 'держащий первое место', представлено в армянском языке в форме *naxarar* — 'феодальный предводитель', скорее почетное звание, чем титул» (*Фрай*, 1972, с. 265; 2002, с. 265). Г. Виденгрен, напротив, считал это слово и феодальным титулом, и названием должности (*Widengren* 1960, S. 33, Bem). У А.П. Новосельцева интерес вызвала гипотеза Н.Я. Марра о связи первой части термина с сохранившимся в арабском языке словом *nahie* — «область». Если бы удалось доказать иранское происхождение арабского слова, то, учитывая наличие в армянском сходного *наханг* — «область», «округ», можно было бы толковать нахарар как «владетель», «правитель области». Пока же, после находок парфянских надписей, можно считать установленным, что нахарар — видоизмененное иранское *нахвадар* или *нахвабар*; в одном из древнеиранских памятников встречается *нах^{a}ар* в значении «командир», «начальник», «правитель» (*Новосельцев* 1972, сс. 75–77).

В I веке н.э. прежние армянские стратеги, наместничества царей превратились в полусамостоятельные княжества. Владельцы последних — нахарары — имели свои замки и дружины. Видимо, они обладали и определенными судебными правами в отношении подвластных им людей. Основой их могущества являлся *тун* (буквально — «дом», здесь — «владение») (*там же*, с. 77; *Новосельцев* 1980, с. 164).

О доменах высших слоев знати Дагестана на рубеже I–II тысячелетий сообщают письменные источники. Ибн-Рустэ писал по этому поводу: «Царь (Серира — Ф.Г.) владеет 20000 долин (*shi'b*), населенных разного класса (*sunuf*) людьми, которые имеют (свои) поместья и селения (*diya' wa qura*)» (*Minorsky* 1958. P. 167–168). Масуди в рассказе о «царе Сарира, который зовется Филан-шах (*Qilan-shah?*)», утверждает, что «у него (царя — Ф.Г.) двенадцать тысяч деревень, в которых он набирает такое количество слуг (или рабов, *yasta'bidu*), какое он пожелает» (*Minorsky* 1958, P. 155). Опираясь на свидетельства ранних авторов, Йакут описал некую территорию «Арминийа», число «владений» которой равнялось 118, а в них — «восемнадцать тысяч селений... Большинство их принадлежит Сахиб ас-Сериру» (см.: *История Дагестана* 2004, с. 196).

Самым крупным собственником среди дагестанских правителей являлся шамхал; ему принадлежали обширные угодья как на равнине, так и в горах. В его руках «находилась вся Прикаспийская равнина и часть предгорья» (*Алиев* 1988, с. 166). Со-

гласно источникам конца XVI в., «лутчие угодья, пашни и сенокосы и рыбные ловли... на Койсе на устье моря» принадлежали шамхалу. В документах той поры упоминаются «Шевкаловы земли», «Шевкаловы лутчие места» в «Казы-Кумыках». Вблизи Тарков у шамхалов было 300 дворов «пашенных людей» (*Белокуров* 1889, сс. 275, 288, 301, 404). Б.Г. Алиев (1988, с.167) резонно предположил, что большое количество «пашенных людей» связано с большими площадями пашенных угодий шамхала.

В домен шамхала входили также летние и зимние пастбища, земли вокруг Хунзаха и в селениях Цалкита, Местерух, Куаниб, Мусшул, Текита, Тлайлух, Ках, Амишта. В нескольких селах ему принадлежали сады и пастбища (*там же*). В статье анонимного автора назван Мичикич, «который был собственным уделом шамхала» (*Шамхалы* 1868, с. 55). Здесь же приводится «народное предание» о Султан-Муте — сыне шамхала Андия и кабардинской княжны. В основе фольклорного памятника лежат реальные исторические события XVI в. Дети Андия от брака с представительницей «шамхальского рода» — Гирей и Эльдар — не признавали в Султан-Муте «равноправного с ними по крови брата». Но последнему при помощи родственников по матери удалось «принудить братьев своих к выделу ему из владения шамхалов нынешнего Кумыкского округа и земель, лежащих на правом берегу Сулака до Темиргоя. Таким образом он сделался *владельцем особого удела* (курсив мой — Ф.Г.)...» (*там же*, с. 58).

Домен кайтагских уцмиев состоял из «населенных и незаселенных земель». В Табасаране «некоторые имения не подлежали разделу и наследованию кем-либо, а составляли преимущества главы народа, и доходы с них поступали в пользу того, кто делался майсумом» (*Алиев* 1988, сс. 167—168).

Сведения о доменах и вотчинах собственно у алан, правда, более позднего периода, содержатся в китайской хронике «Юаньши». В рассказе о походе татаро-монголов на Северный Кавказ хронист отметил некоторые владения феодалов. «Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угэдэя достигли границ его (владения), Хан-ху-сы с народом подчинился Угэдэю. Пожалованы были тогда ему звание 'бадура', дана была золотая пайцза и повелено было властвовать над своею землею и народом». Очевидно, здесь речь идет о княжеском домене. Когда в нем вспыхнуло восстание, аланский князь «приказал своей жене Вай-ма-сы во главе войска защищать владение» (*Иванов* 1914, сс. 282—283, 284). В структуре этого «владения» немаловажную роль играло скотоводство. Об этом мож-

но судить по следующему сюжету хроники: мать внука вышеназванного аланского князя («командира гвардии») «отправила свой собственный скот для пропитания войска» (*там же*, с.287).

Другой домен принадлежал князю Арсалану. «Со своим сыном А-сан-чжен'ем он явился к войску с изъявлением покорности в то время, когда Монкэ окружил войсками его город (*там же*, с. 292). Назовем еще один аланский княжеский клан. «Во времена Монкэ Бадур, его братья У-цзор-бу-хань и Ма-тар-ша с народом пришли с выражением покорности. Ма-тар-ша ходил с Монкэ на город Май-гасы (Магас, столица Алании — Ф.Г.) и был начальником авангарда» (*там же*, с. 299).

Свидетельства хроники констатируют существование в Алании княжеских доменов, вотчин. Но, к сожалению, нет данных о том, как происходило их возникновение. Советские медиевисты выделяли, в основном, два пути превращения общинной земли в частную собственность. Один из них — «сверху». Вотчины образовывались через пожалования верховной властью части контролируемой территории. Об этом же свидетельствуют приведенные выше древнеармянские материалы — царь Валаршак «*учредил* нахарарства» и «*назначил* родовладыками» оных «достойных людей». Второй путь — «снизу». Состоятельные общинники начинают эксплуатировать других крестьян, постепенно превращаясь в мелких вотчинников. Следует, правда, отметить, что оба варианта реконструируются скорее цепью логических умозаключений, нежели базируются на бесспорных фактах.

Первый путь возникновения хозяйства знати связан с формированием домена — «царской» (великокняжеской) собственности. Этот процесс был длительным и сложным. Его истоки уходят, очевидно, к заключительным фазам периода бытования обществ с военно-иерархической структурой. Уже тогда существовали установки нобилитета в отношении физического труда и войны. Военная аристократия играла ведущую роль в управлении; реально именно на ее собраниях и пирах обсуждались важнейшие дела. Не последнюю роль в доходах знати играли приношения соплеменников. Даже если эти дары (не подать и не дань) действительно были добровольными, то легко допустить, что в случае нежелания кого-либо выказать подобное уважение вождю, такой человек рисковал навлечь на себя месть и опалу. Вероятно, в материальном отношении дары не были обременительными, но сама традиция делиться ими с вождями являла собой способ перераспределения материальных благ между рядовым населением и нобилитетом. Знать, вожди, дружинники отличались от основной массы свободных как своим обра-

зом жизни, воинственным и праздным, так и немалыми богатствами; на определенном этапе развития их земельные владения стали более крупными, чем владения остальных свободных (*История* 1985, сс. 115–117).

Богатство военной аристократии, в том числе и земельные владения, увеличивались за счет наступления на позиции старой родоплеменной знати. Особую роль это играло, очевидно, в процессе формирования домена.

На рубеже 40–50-х гг. VI в. у западных алан произошел социальный переворот, в результате которого старая родоплеменная знать («соцарствующие» архонты) была отстранена от управления. В источниках неоднократно упоминается независимый правитель («глава», «повелитель») Саросий. Скорее это не имя, а титул *сар-и-ос* («глава осов»). В начале 20-х годов VII века у тюрков наблюдался острый конфликт между родовой («князья страны») и военной аристократией («тот, кто одерживал победы на войне»), вызванный стремлением последней захватить власть над объединением. В конце VII в. глава военной аристократии союза гуннских племен Алп-Илитвер (*алп* — «герой», «богатырь», «великий исполин») вместе со своими сторонниками вышел из повиновения жреческой касте и лишил ее приношений и жертв; вскоре «жрецы и главные кудесники» были заключены в оковы и преданы суду. В Оногуро-Булгарской конфедерации представитель одного из аристократических родов Кубрат с помощью Византии расправился с проаварской группировкой и попытался, хотя и не совсем удачно, закрепить руководство конфедерацией за своим родом (*Гутнов* 1990, сс.82–83).

Таким образом, на всем Северном Кавказе события развивались почти по одному сценарию. Новая, военная по происхождению, аристократия стремилась к усилению и захвату власти в конфедерации. В борьбе со старой родоплеменной знатью военная аристократия опиралась на силу мировых религий и помощь соседних стран с развитой классовой структурой.

Обогащение военной аристократии стало особенно заметным в период возникновения раннеклассового общества. Борьба князей за единоличную власть сопровождалась конфискацией имущества противников с последующей раздачей ее части дружинникам. Вспомним, например, поход Ольги на древлян в 945 г. Она уничтожила практически всю верхушку нобилитета Древлянской земли. Значительную часть населения Ольга отдала «в работу» дружинникам, остальных оставила под дань. В результате некоторые районы области фактически стали великокняжеским доменом, другие платили дань, из которой треть шла в казну Ольги. Выражение отданы «в работу» Г.В. Абрамович

считает возможным трактовать как передачу людей вместе с землей и хозяйством «в собственность и управление дружинникам Ольги для их содержания» (*Абрамович* 1981, с. 72). Обоснование данной идеи Г.В. Абрамович видит в уничтожении старой древлянской знати и необходимости передачи ее функций другим людям, но уже не на выборных началах. Судя по всему, Свенельд (военный аристократ) и после смерти Игоря остался первым воеводой Ольги, а затем Святослава и Ярополка, сохраняя положение патрона по отношению к части Древлянской земли. Его дети даже после передачи этой земли Святославом в княжение сыну Олегу продолжали считать ее своей вотчиной.

Аналогичные процессы протекали и на Северном Кавказе. Так, в начале IX в. глава хазар Обадий провел ряд реформ с целью укрепления своей власти. Реформы натолкнулись на сопротивление, принявшее характер гражданской войны. В конце концов «первая власть одержала верх» (Константин Багрянородный), следовательно, борьба шла между сторонниками Обадия и его противниками из числа знати, недовольными сужением, а то и ликвидацией их прерогатив (*Артамонов* 1962, сс.279–280, 324–330).

Основные функции центрального управления сводились к руководству войском, судопроизводству, сбору налогов и пошлин, контролю над культами. Царь через особое лицо – сафира (буквально «посредник») ведал столичными делами. В центральное управление входили и судьи («кади») для людей разных вероисповеданий. Местное управление в Хазарии было двоякого рода, т.к. в Хазарию, во-первых, входили районы, управлявшиеся местными князьями, вождями и т.д., а во-вторых, области, непосредственно подчинявшиеся центру и управлявшиеся наместниками хакана (царя). Представители центральной власти на местах носили заимствованный через ираноязычные племена китайский титул tu't'ung «начальник гражданской администрации». В восточно-иранских языках он получил значение «близкий помощник». Возможно и у хазар тудуны – первоначально что-то вроде ближних людей правителя. А.П. Новосельцев обратил внимание на начавшийся в X в. процесс децентрализации и усиления роли некоторых наместников, превращавшихся в самостоятельных правителей (*Новосельцев* 1990, сс. 143–144).

Дружина, как постоянный социальный слой, издавна существовала у алан. Укрепление позиций военной аристократии привело в VIII веке к возникновению дружинного культа. С этого же времени бытуют амулеты в виде коня и всадника. Они составляют примерно 15% всех найденных в северокавказских

древностях амулетов и встречаются примерно в 10% комплексов, содержащих амулеты. По предположению В.Б. Ковалевской, «они могут быть свидетельством принадлежности воинов, носивших эти амулеты, к царской дружине — аланской гвардии» (*Ковалевская* 1978, сс. 117–120).

К началу X в. военная аристократия («багатары», «алдары», «военные чины») захватила ведущие позиции в аланском раннеклассовом обществе (*Гутнов* 1988, сс. 66–72). Из ее высшего слоя — «багатаров» — происходил царский род алан Ахсартаговых. Дружинники входили, очевидно, в формирующийся административный аппарат. На местах они, вероятно, играли роль агентов центральной власти.

С некоторыми оговорками можно сопоставить положение аланской военной знати и дружинников Древней Руси. Наиболее характерный тип дружинных погребений X в. обнаружен не только в Киеве и подвластной ему Черниговщине, но и в других важнейших пунктах Древнерусского государства — в Смоленском Поднепровье, Верхнем Поволжье, Пскове, Ладоге и Волыни. Очевидно, эти памятники принадлежат «росам» — дружинникам, связанным с Киевом и осуществлявшим контроль в подвластных киевскому князю городах и погостах (*Константин Багрянородный* 1989, сс. 314–315, прим. 16).

О весе аланской военной аристократии свидетельствуют источники X в. — «Худуд-ал-Алам», Ибн-Рустэ, Масуди и др. Вот что, например, писал Масуди: «Царь алан (может) собрать 30000 всадников [в одном из ранних переводов — «царь аланов *выставляет* (курсив мой — Ф.Г.) 30000 всадников» (*Караулов* 1908, с. 53)]. Он мужественен, очень силен и влиятелен (среди?) других царей. Его царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда кричат петухи (в одном из них), им отвечают в других частях царства ввиду чересполосицы и смежности поселений» (*Minorsky* 1958. P. 157).

В этом сообщении привлекают два момента. Во-первых, указана численность царского войска — 30000 всадников. Во-вторых, подчеркнута большая плотность поселений. Последнее подтверждается и археологическими материалами, судя по которым еще в VIII–IX вв. возникла система укрепленных аланских поселений. Среднее расстояние между наиболее близко расположенными крепостями-поселениями составляло всего 1,9 км (*Ковалевская* 1984, сс. 143–150; 1993, сс. 20–26). Причем, они имели довольно большую площадь, в среднем — 3,3 кв. км, а на средней Кубани — 6,8. Из исследованных В.Б. Ковалевской городищ 14,6% имели площадь от 5 до 10 га, а 8,3% — свыше 10 га. Самая большая группа — 58,4% — имела площадь

поселения от 1,5 га до 5 га (*Ковалевская* 1993, сс. 26, 31). Для сравнения укажем, что в Древней Руси 72,5% поселений имели площадь до 1 га, а от 1 до 5 га — 20% (*Древняя Русь* 1985, с. 40).

В аланском раннеклассовом обществе, конечно, не все дружинники имели вотчины как таковые. Большинство из них владели небольшими участками, служившими, скорее всего, «подсобным хозяйством».

В X — начале XI в. знать составляла 6,8%, средний слой 69,8%, общественные низы — 20%, зависимые — всего 3,4%. Положение изменилось во второй половине XI—XII вв. Соотношение среднего слоя и бедных общинников в катакомбах Змейской станицы составляло 26,5% и 47%,соответственно, а в могильнике Кольцо-гора — 23,8% и 52,5%. Выделилась промежуточная группа между средними и низшими слоями: 11,2% и 8,6% в Змейской и Кольцо-горе, возросло число «зависимых» — 7,1% и 8,6% (*Савенко* 1989, с. 19).

Резкое увеличение числа обедневших общинников (более половины населения) и «зависимых» со второй половины XI в. свидетельствует о росте частнособственнической эксплуатации. Это является свидетельством распространения вотчин, в которых развились формы зависимости и эксплуатации между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами. С того же времени в истории Алании начинается период децентрализации. Совпадение это не случайно. Распад единого государства и возникновение самостоятельных княжеств связаны с возросшей политической и экономической активностью князей. Мощь последних определялась количеством вассалов, служба которых скреплялась дарами сюзерена, включая земельные дарения. В последних рыцарь нуждался для получения доходов, ибо без них он не мог исполнять рыцарскую службу. Напомним в этой связи, что боевое снаряжение рыцарей, в какой бы стране они не жили, стоило чрезвычайно дорого, поэтому им требовались значительные средства. Повсюду выработалась норма землевладения, считавшаяся своеобразным «минимумом», способным дать обеспечение рыцарю. В Англии такой нормой служили пять гайд земли, и дружинник, имеющий владения меньшего размера, назывался «безземельным». Во Франкском государстве профессиональную конную службу мог нести лишь воин, обладавший не менее чем четырьмя мансами (*Гуревич* 1970, с. 43).

Аналогичные явления имели место и на Кавказе. Вслед за формированием княжеских доменов возникали владения дружинников. Правда, не все они становились наследственными вотчинниками. Какая-то часть дружинников могла стать рядо-

выми членами низшей княжеской администрации или аппарата крупного вотчинника (*Ковалевская* 1978, сс. 21–23), в то время как элита дружинников получала от своих князей богатые подарки, включая земельные угодья. Такая практика получила широкое распространение в раннеклассовом обществе, а в феодальный период стала обычным явлением. Эту же практику взяли на вооружение и монгольские ханы после завоевания равнинной Алании. Китайская хроника рассказывает о гибели аланского полководца Атачи, перешедшего на сторону монголов и отличившегося во многих сражениях. «Хубилай, сожалея о его смерти, пожаловал семье Атачи 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1539 дворов из числа усмиренных жителей» (*Иванов* 1914, сс. 284–285).

Другой пример приводит «Хроника ксанских эриставов», памятник, созданный между 1405/6 – 1410 гг. Согласно ее свидетельству, в начале XIV в. царь Грузии Вахтанг III пожаловал эриставу Шалве (происходившему из аланского рода Сидамонта) «Трусу, Гуда (владение), Гагос-дзе, Млете, Арахвети, Хандо, Канчаети, владения Абазас-дзе, Дзагнакорпу, Дигвами, Гавази, Ацерис-хеви, Бехуше и (среди) дидебулов[75] своих лучшим считал» (*Памятник* 1979, с. 25). Причиной столь щедрого пожалования явилась поддержка эриставом Вахтанга III в его борьбе за трон с Давидом VI.

Практика раздачи «узденьской дани» на Северном Кавказе сохранялась и в позднем средневековье. Приведем лишь один пример. Во второй половине XVIII в. часть феодалов Западной Осетии (баделятов) отошла от своего сюзерена князя Таусултанова. Причину этого со слов «старшин Кантемирских» в 1802 г. выяснил А.Е. Соколов: «Владельцы Большой Кабарды, приметя ослабление потомков Тав-Султана от разделения, между ними происшедшего, употребили случай тот в свою пользу, начав господствовать не только над самими Тав-Султанами, но и над всеми прочими селениями, на их земле находящимися: Кубатиевым, Тугановым, Каражаем, Шегемовым, Кабановым... *преклонив* к себе старшин как сих селений, так и всех Дигорских *избыточными подарками* (курсив мой – Ф.Г.); и таким образом владельцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самых подошв Снеговых гор» (*Библиографическая* 1875, сс.21–22).

Причина переориентации баделятов коренится в ослаблении позиций князей Малой Кабарды. В 1752 г. умер наиболее могущественный из них – Адильгирей Гиляксанов. Его наследники Батай и Али-Арсланбек Таусултановы не пользовались тем политическим весом, какой имел дядя, чем незамедлительно воспользовались их противники: «Некоторые Большой Кабар-

ды владельцы призывают их осетинцов под свою власть, обнадеживая при том их защищением» (*ЦГА РД* ф. 379, оп. 1, д. 500, л. 47 об, 48 об.). В конце концов, часть осетинских феодалов заключила союз с князьями Большой Кабарды. Как мы уже отмечали выше, отношения с новыми сюзеренами закреплялись «избыточными подарками» — практика, характерная для средневекового Кавказа. Каждый владелец, вступая в связь с князем, получал от него т.н. «уорктын», в русских источниках известный под названием «узденьской дани»[76]. По обычному праву, получение уорктына было единственным, что связывало феодала с сюзереном, которому служили по своему выбору и добровольному соглашению. Отношения между партнерами по феодальному блоку тогда считались закрепленными, когда «узденьская дань» выплачивалась сполна (*Гарданов* 1967, сс. 182–183).

В средневековье в разных странах земельные дарения сюзеренов рассматривались не только как передача источников доходов; владение таким богатством, как земля, для аристократов было «орудием достижения цели, лежащей вне сферы чисто имущественных отношений» (Гуревич 1970, с. 44).

Изложенный материал позволяет высказать предположение о том, что формирование княжеского домена у алан началось в конце I тысячелетия. Первые вотчины аристократов разных степеней появились в начале II тысячелетия, а широкое распространение получили с середины XI в. Это привело к резкому увеличению числа лиц, подвергавшихся частнособственнической эксплуатации (около 70% населения). Утверждение господской вотчины стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации.

Формирование княжеского домена в средневековой Кабарде в самых общих чертах восстановила Е.Д. Налоева. Исходной теоретической посылкой послужило видение главного звена «становления феодальной формации» как «оформление права одних на землю и почти полное бесправие других». Обращает на себя внимание противоречие при определении времени возникновения феодальной собственности в Кабарде. С одной стороны, исследовательница полагает, что можно «говорить о наличии феодального землевладения в Кабарде уже в XV–XVI вв.». С другой стороны, опираясь на генеалогические материалы, Е.Д. Налоева «образование кабардинского княжества с династией Иналовичей» относит к XIII в. На это время приходится оформление домена; дата возникновения княжеской собственности определена при помощи материалов родословных. Известный потомок легендарного Инала — Темрюк Идарович, живший в середине XVI в., — в генеалогической таблице значится в

6-м колене, т.е. время жизни Инала относится к XIII—XIV вв. Глава княжества носил титул *уалиипш*, «главный» или «старший князь», по терминологии документов XVI—XVII вв. В этот период уалиипш «считался главой государства, исполнительной власти и главнокомандующим вооруженными силами» (*Налоева* 1980, сс. 14, 19).

Определенные противоречия имеют место и в оценке характера крупной земельной собственности. Вроде бы признается бытование в средневековой Кабарде монопольной собственности *главных/старших* князей на всю землю. Однако на практике это правило фактически не применялось. Хотя «уалиипш считался верховным владельцем всей земли, но это не означало, что вся земля Кабарды принадлежала ему одному. Напротив, она распадалась на ряд мелких княжеских (фамильных) владений» — «улусов» русских источников. «Главы последних являлись полновластными правителями со своими территориями, вассалами, войсками, управленческим аппаратом и подвластным населением» (*там же*, с. 20).

Количество княжеств в разное время колебалось от 4 до 6. По мнению Е.Д. Налоевой, «в сущности, они были мелкими феодальными государствами типа западно-европейских сеньорий и удельных княжеств Руси периода феодальной раздробленности». Такой статус кабардинских княжеств нашел отражение в материалах русских посольств, в которых владения знати назывались по их имени: «Казиева Кабарда», «Шолохова Кабарда» и т.д. (*там же*).

Княжеские уделы дробились на два типа феодальных владений: 1) вотчины и 2) условные держания. Первыми владели княжеские вассалы *тлекотлеши* и *диженуго*, а вторыми — вассалы вассалов *беслан-уорки* и *уорк-шаутлугусы*. По «Карте Большой и Малой Кабарды» 1744 г. тлекотлеши и диженуго владели 47 «кабаками», а беслан-уорки и уорк-шаутлугусы — 13. В Малой Кабарде — 32 и 6 соответственно. Отметим также, что в Кабарде *уорком*, дворянином, считался лишь тот, кто владел как минимум сельским кварталом (*хаблы*) (*там же*, сс.20—21).

Кропотливую работу в реконструкции процесса формирования феодальной вотчины в Кабарде проделал В.Х. Кажаров. Согласно его анализу, у кабардинцев вотчина совпадала с селом (*къуажэ*). «Следует, однако, сразу же отметить, — подчеркивает историк, — что особенности локализации къуаже, взятые изолированно от господствующей феодальной системы, естественно, не могут служить главными критериями для определения ее социальной природы». Рассматривая вотчину как организацию по присвоению и распределению феодальной ренты,

В.Х. Кажаров отмечает многообразие форм ее проявления в различных исторических условиях. Соответственно, «требуется введение дополнительных терминов к основному, но крайне полисемантичному понятию *вотчина*. В самом предварительном порядке социальную организацию, пространственной проекцией которой было традиционное адыгское село (къуаже)», кабардинский исследователь обозначает «как **вотчину-деревню** или как **вотчину-общину**» (выделено В.К.) (*Кажаров* 1993, сс. 15–16).

Понятие вотчина-община указывает на принадлежность данного поселения вотчиннику – *къуажэпщ'у*. Но это не единственная форма вотчины в средневековой Кабарде: здесь существовали фамильные и частные «княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлекотлешей и дженуго), включавшие несколько деревень, а также вотчины-поместья внутри села» (*там же*, сс. 16–17).

Понимая, что такая детальная терминология мешает изложению материала, «требуя каждый раз соответствующих пояснений и оговорок», В.Х. Кажаров ограничился использованием одного понятия – «вотчина-община», ибо оно «более точно выражает типологическое своеобразие данной социальной организации» (*там же*, с. 17).

Как полагает В.Х. Кажаров, в средневековой Кабарде практически все земельные владения различных сословий феодалов (князей *пши*, узденей разных степеней: *беслан-уорков*, *уорк-шаотлугусов*) являлись *вотчинами*, а не поместьями. Подтверждение этому ученый видит в том, что «у адыгов все владельцы аулов, независимо от места в феодальной иерархии, обозначались одним термином *куажэпщ* (букв. князь села), по смыслу эквивалентным понятию *вотчинник*, *владелец аула*». Другими аргументами в пользу такого подхода к трактовке рассматриваемого термина исследователь считает отсутствие в Кабарде XVIII – середине XIX вв. деревни, «которая не принадлежала бы князю или дворянину как собственная вотчина», а также «разделение самим народом всех населенных пунктов на две категории: *пщы къуажэ* (букв.: княжеское село) и *уэрк къуажэ* (дворянское село)» (*там же*, сс. 18–19).

Определяя характер собственности кабардинских феодалов разных степеней, Б.Х. Бгажноков земельные владения высшей знати также считает вотчинами. Правда, земельную собственность уорков он называет поместьем. Каждый новый рыцарь, отмечает Б.Х. Бгажноков (1983, с. 74), поступая на службу князю, получал *уорк тын* «подарок уорку». Последний обычно состоял «из боевого коня, различных видов оружия, крупного рогатого скота и участков земли, которым уорки владели на

поместном (курсив мой — Ф.Г.) праве с условием несения военной службы своим сеньорам. Аналогичным актом ознаменовывалось посвящение в уорки крестьян». Последнее обстоятельство документально не подтверждено и выглядит сомнительно. В другом месте кабардинский исследователь пишет: «слово *уорк* (в тексте — уэрк) семантически соотносилось не только с сословием профессиональных воинов. Уорком называли нередко всякого мужчину, отличавшегося воспитанностью, храбростью, высокой культурой» (*там же*, с. 110).

Сомнения в равном (вотчинном) характере собственности кабардинских князей и их вассалов — уорков разных степеней — полностью не устранены. Уорки владели землей, выделенной для них князем-сюзереном, и обычное право не предполагает сохранения недвижимой собственности в случае перехода уорка под «высокую руку» другого князя. Согласно 15 статье кабардинских адатов, собранных ротмистром Давыдовским и майором Шардановым и обработанных генерал-майором Голицыным: «По переселении[77] князей на другое место уздени, им принадлежащие, переходят с ними и живут в недальнем расстоянии от их аулов». Право на отделение уорк получал только в двух случаях: «когда уздень обижен князем или не получит следующих ему подарков». Вассал-уорк «не имеет права переселиться во владение другого князя; всякий должен жить близ своего (князя), ежели не вместе, собственным аулом» (*Леонтович* 1882, с. 204, ст. 15).

Как отмечалось выше, «добровольно, по собственному желанию», уорки служат «тогда только, когда от своего князя получают узденьскую дань сполна». У первостепенных уорков она состояла из «15 предметов, из коих непременно семейство людей, 500 или более баранов, часть земли, разные железные вещи и пр.». Уздень третьей степени от узденя первой степени уорк тын получал из 7 предметов; «в числе их необходимо одно семейство или выбранные из него два человека, 100 баранов, панцирь... ружье, сабля, пистолет и ежегодно жеребенка». Показательно и то, что после чумы 1807 г. «князь не имеет права требовать обратно от узденя подарков, ему данных с давних времен; но узденю не воспрещается добровольно возвращать их» (*там же*, с. 205, ст. 17).

Как видно, уздени первой степени в числе «подарков» от сюзерена получали *одно* семейство зависимых, *часть земли*. Размер последней не фиксировался и в каждом случае варьировался, иногда доходя до размеров, достаточных для основания нового поселения. Однако, как правило, «узденьская дань» предоставлялась в размере, необходимом для обеспечения вассала

боевым снаряжением. Рассматривать эти «дары» как передачу князем права получения феодальной ренты своему вассалу-уорку можно лишь с оговорками и не в каждом случае. Что касается уорк тына, получаемого узденем 3-й степени, то здесь вовсе отсутствует феодальная основа «даров».

На наш взгляд, в вотчинах-общинах «аристократических» обществ Северного Кавказа имело место своеобразное разделение труда: производственные функции выполнялись крестьянами, а военно-управленческие — феодалами (*Гутнов* 1988; 1989; 1990). Доминиканец Юлиан, посетивший Аланию в 1235 г., отмечал, что аланы «раздроблены на множество независимых колен, имеющих своих князей, которые находятся в непрерывной взаимной вражде» (*Кулаковский* 2000, с. 141). В период сельскохозяйственных работ «все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле, вместе косят...» (*ОГРИП*, с. 12). Согласно Юлиану, в производственных циклах *все люди* одного селения выходили вооруженными; однако вполне возможно, что отсутствие специализированной охраны в данном сюжете не исключает его наличия в ту эпоху. Вероятно, не случайно в нартовском эпосе, в основном сформировавшемся к XIII в. (В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль), зафиксировано расщепление морали на элитарную и народную, что нашло отражение в нормах, связанных с различными видами социальной деятельности, взаимопомощью, брачно-семейными обычаями и т.д.

Через фольклорный памятник красной нитью проходит мысль об этической оценке труда: хозяйственные занятия — удел рядовых тружеников, а призвание знати — военное руководство. В эпосе функции военного лидерства присущи, главным образом, Ахсартаггатам. Показательно имя родоначальника — Ахсар, означающее «силу, храбрость, героизм» и, по мнению лингвистов, представляющее в осетинском закономерное развитие индоиранского *ksathra* «мощь, принцип военной функции» (*Абаев* 1945, с. 25; *Дюмезиль* 1976, с. 168; 1986, сс. 34–35). Главу рода Ахсартаггата Урызмага в эпосе называют «хистар (старший) всех нартов». Интересна этимология антропонима, данная Г. Бейли: Урызмаг в значении «старший, главный» восходит к *ava-rasmaka* «господин» (*Габараев* 1986, с. 68).

Этическая оценка различных видов деятельности нашла четкое отражение в психологии населения средневекового Северного Кавказа. Например, крестьяне заявили Д. Интериано (XV в.): «Благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом» (АБКИЕА, с. 49).

Это «разделение труда» сохранилось и в позднем средневе-

ковье. Так, в «Описании кабардинского народа» 1748 г. отмечено: «Владельцы их весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работу своих подданных» (*КРО*, т. 2, с. 160). В конце августа 1787 г. кабардинские феодалы обратились к П.С. Потемкину с просьбой отсрочить сбор земского войска, ибо «ныне узденья... каждой находятся у своих хлебов и стараются оные поскорее собрать» (*там же*, с. 366).

Как показал В.Х. Кажаров (1993, сс. 30–38), в средние века в обстановке постоянных феодальных междоусобиц «прикрытие работников» во время пахоты, сева и сбора урожая стало обычной практикой.

Начальные этапы формирования вотчины у кабардинцев В.Х. Кажаров отнес к концу I тысячелетия, а сложилась («в основных чертах») она к XIII в. (*там же*, с. 71).

В отличие от других регионов, формы земельной собственности в Дагестане и Дербенте сравнительно полно отражены в письменных источниках. Земельные владения (вотчины?) раисов Дербента включали в себя пахотные и пастбищные участки за пределами города; «их поместья находились близ Дербента к югу до Самура». После похода 1064 г. «в земли лакзов» раисы Дербента на короткое время «захватили все *поместья* Маската и междуречья». В середине XI в. наиболее богатым жителем Дербента являлся *раис раисов* Муфарридж ибн-Музаффар, «владевший на правах собственности несколькими селениями». В отечественной литературе высказана мысль, согласно которой подобные Музаффару раисы «имели в своем подчинении более мелких феодалов, экономически зависимых от сюзерена». В подчинении «раиса раисов» находились сборщики налогов (*уммал*, ед. ч. *амил*), непосредственно взимавшие «земельную ренту» (*Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* 1996, сс. 273–274; *История Дагестана* 2004, с. 217).

Интересно еще одно обстоятельство: хотя раисы входили в число ближайших советников эмира, тем не менее, они нередко вместе с «народом ал-Баб» выступали против своего эмира, нередко изгоняли его и «приглашали другого» (*Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* 1996, с. 274). Данная практика перекликается с «призванием князя» в Древней Руси.

По мнению С.Б. Ашурбейли, в социальной структуре Дербента начала II тысячелетия вслед за эмиром находились представители крупных феодалов (военная знать), элита чиновников, высшее духовенство и наиболее богатые купцы. Ученый обратил внимание на свидетельство Масуда ибн-Намдара, в котором последний жаловался на то, что «кадии аннулировали его права на владение *поместьями* и на получение выплат в

Байлакане во время его отсутствия» (*Ашурбейли* 1988, с. 143).

Некоторые кавказоведы полагают, что в социумах Дагестана усадьбы знати формировались разными путями. В ряде случаев свободные сельские общины, стремясь обезопасить себя от набегов сильных соседей, обращались за помощью к какому-либо могущественному лицу[78]. Считается, что такая «защита» приводила к потере общинниками земли, ибо она «переходила к 'покровителю'». Крестьяне даже теряли «право уходить из своих аулов», т.к. «были прикреплены к земле» (*Гаджиев* 1988, с. 160).

На наш взгляд, данная схема возникновения крупного землевладения (вотчины) упрощена. «Призвание» князей, как предводителей дружин, еще не означает превращение их в феодалов. В качестве иллюстрации обратимся к истории Древней Руси, в которой «призвание» варягов, а позднее и князей было широко распространенной практикой.

Летописцы «свидетельствуют об острой потребности в князьях, испытываемой городовыми волостями... в князьях волостные общины нуждались, прежде всего, как в военных специалистах, призванных обеспечить внешнюю безопасность. Князь вооруженной рукой должен был оберегать землю, где княжил». Напомним,что опираясь на свидетельства летописцев, И.Я. Фроянов подчеркнул: даже в XI—XII вв. князь являлся боевым командиром и организатором. В нем еще сохранялись черты «военного вождя и предводителя старых времен». Как полагает ученый, это проявлялось в необходимости принимать непосредственное участие в битвах «в качестве передового бойца, увлекающего своим мужеством дружину...» (*Фроянов* 1980, сс. 34—35).

Следовательно, сам факт «призвания» князя с его дружиной тем или иным социумом не делает его автоматически феодалом в полном значении этого термина. Согласно В.В. Мавродину и И.Я. Фроянову, власть князя в X в. ограничивалась «советом родоплеменной знати, скрывающейся под именем старцев градских». Помимо этого, «князь должен был считаться с народным собранием — вечем... ни одно сколько-нибудь значительное общественное дело не решалось без участия народа» (*там же*, с. 32).

Таким образом, древнерусские князья еще не стали феодалами как таковыми. Попытка признать князей той эпохи верховными собственниками земли не обоснованна реальными фактами. Летописи приводят множество примеров сохранения большого количества т.н. «черных земель» — собственности общин и ее отдельных членов. Верховная собственность князей на управляемую ими территорию «немыслима в условиях постоянного перемещения князей по Руси... Трудно представить верхов-

ным собственником князя, которого вечевая община приглашает на княжеский стол. Акт призвания никак не вяжется со статусом собственника» (*там же*, сс. 50–51).

Равным образом, в Дагестане обращение к какому-либо знатному лицу, возглавлявшему дружину, с просьбой о защите не сопровождалось предоставлением ему значительных земельных наделов. Так, в 1065 г. дербентцы изгнали эмира Абдалмалика. В 1070 г. «народ ал-Баба снова призвал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город (баллад), вручили ему власть, и он стал сражаться с ширванцами». Но через 5 лет, когда военная угроза исчезла, жители Дербента вновь «изгнали Абдалмалика». Как отмечают дагестанские историки, «народ ал-Баба» вместе с *раисами* (главы торгово-ремесленных гильдий, носители реальной политической и экономической власти) Дербента «неоднократно изгоняли одного эмира и приглашали другого, демонстрируя тем самым свою независимость». Еще один пример на эту тему содержится в предании о «призвании» беков в Цахур. Согласно фольклорной традиции, некогда Цахур был центром вольной общины, в которой противоречия между тухумами накалялись при каждых выборах старейшины. Стремясь урегулировать ситуацию, джамаат пригласил беков, изгнанных из другого села. Однако пришлые беки «стали важничать и производить разные бесчинства». Выведенный из терпения народ перебил всех беков вместе с их близкими (*История Дагестана* 2004, сс. 197–198, 217, 365).

Но даже если имели место факты передачи «защитнику» земли, то и в этом случае она не становилась феодальной собственностью, ибо таковой она являлась в случае обработки ее крестьянами.

Один из документов XVII в. рассказывает о приглашении в далеком прошлом нижнедженгутаевской общиной предка мехтулинских ханов. Пришедший князь потребовал содержание для себя и своей дружины. Общинники, говорится далее, выделили ему кутаны Аданак, Юхари-кутан, Идакум, Парнакси, «*доходы* (курсив мой – Ф.Г.) от которых служили вознаграждением за их (ханов – Ф.Г.) попечение в интересах аула». На князей возлагалось исполнение судебных и военных функций; в частности, они обязаны были «предводительствовать ополчением аула в сражениях и стычках с соседями» (*Гаджиев* 1988, сс.160–161).

В другом документе повествуется о том, как некие общинники несколько сот лет назад пригласили бека Амирчупана. «Как защитнику населения от врагов и правителю края каждый раят платил беку ежегодно 3 рубля деньгами, 10 фунтов табаку и $^1/_2$ сафьяна» (*там же*, с. 161).

На части Самурского округа до позднего средневековья сохранялись т.н. «вольные общества». Селения, объединенные в союзы, «управлялись аксакалами. А для предводительства по делам обороны имели наибов. Звание и тех и других было большей частью выборным, а в редких случаях — наследственным — в почетном и популярном роду. Но эти звания не давали никогда ни лицу, ни роду никаких особых прав перед прочими жителями. Они не были особым, привилегированным сословием» (*там же*).

Показателен еще один сюжет: «Казикумухские ханы предоставили своим родственникам Шуаиб-беку и Исаак-беку следуемую им *дань* с двух деревень Самура-Луткана и Ялаха, *вносимую ими хану за покровительство и защиту* (курсив мой — Ф.Г.) от притеснений соседних 'вольных' обществ» (*там* же, сс. 161—162).

После смерти Сурхай-Мирзы в 1640 г. шамхалы потеряли контроль над летней резиденцией в Казикумухе, жители которого «выбрали себе особого правителя, под названием *хахлавчи* (*«глава»*), из фамилии, ведшей свой род от Шах-Баала». Его главная обязанность «заключалась в сборе ополчения и начальствовании над ним, как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий; но *в ближайшее управление народом он не вмешивался* (курсив мой — Ф.Г.): каждое селение управлялось особо, своими выборными... Бывали примеры, что старшины, не видевшие надобности в войне, отказывались выставлять по требованию хахлавчи вооруженных людей, отговариваясь или необходимостью окончить полевые работы, или холодным временем года» (*А.К.* 1869, с. 6).

Как видно, «призвание князя» не делало последнего вотчинником, феодалом, по меньшей мере, на ранних этапах. В тех случаях, когда в плату за охрану входили и земли, князья не становились их собственниками, ибо им предоставляли право получения *доходов* с земли, но не право собственности.

Один из каналов возникновения новых вотчин в Дагестане позднего средневековья связан с инициативой феодалов. Так, в конце XVII в. шамхал Тарковский Мехти основал Шамхалянгиюрт. Поселение возникло на правом берегу Сулака, вдоль которого проходила «главная дорога из Дагестана на Кавказскую линию», совершенно безлюдная и поэтому небезопасная для проезжающих. Шамхал «приказал своему рабу Танаю основать на правом берегу Сулака новую деревню из бедных и нуждающихся в земле жителей соседних деревень. Поселившиеся на новом месте крестьяне, по сути, стали феодально зависимыми и выплачивали продуктовую ренту, а также отрабатыва-

ли на земле бека два дня: в период пахоты и жатвы (либо в сенокос) (*Гаджиев* 1988, с. 162).

В целом, А.С. Гаджиев указывает следующие варианты возникновения вотчин в Дагестане:

«раздача земель родственникам феодального правителя в качестве феода;

раздача земель в качестве феода неродственникам, представителям военного сословия;

поселение в новой местности на основе исполнения феодальных повинностей к отдельным феодалам».

К «формам феодализации» отнесены также приглашение обществом правителя-защитника со стороны, феодализация сельской верхушки и высших духовных лиц (*там же*, с. 165).

В наиболее ранней части «Тарих Дагестан» перечислены владения правителя «языческой Аварии» на рубеже двух тысячелетий, известной в ту пору как Серир. «В каждом селении находились правители негодные, порочные... В каждом городе (бадал) были преступные и грешные эмиры... Владыкой (малик) в городе [области] Авар, называемом ат-Танус (сел. Тануси), — а он сильнейший из городов Дагестана... Этот владыка получал доходы с [зависимых] владык, владений (*вилайат*), земель (*имарат*), и ему принадлежали харадж, джизйа и ушры (*ал-аш'ар*) с жителей всего Дагестана, от вилайата Чаркас до города Шамах, исключая только местечко Акари, различного рода имуществом — наличными деньгами, зерном, баранами, крупным рогатым скотом, тканями, плодами и другими [продуктами], даже куриными яйцами» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, сс. 96–98).

В список социумов, плативших разнообразные налоги и ренту, включена территория от «города Шамах» до «вилайата Чаркас». Очевидно, автор источника преувеличил размеры Серира. Но для нас более важно упоминание о доходах *нуцала* и указание на сословную пирамиду: нуцал «получал доходы с *зависимых* [*владык*], владений (*вилайа*), земель (*имарат*)». Перед нами картина сложившегося феодального общества со сложившейся иерархической лестницей высших сословий.

Обратим внимание на исключение из списка подчиненных главе Серира — Акаро. Одноименная гора возвышается над Хунзахом. На вершине горы лежат «развалины небольшого поселка или укрепления, служившего наблюдательным пунктом, и оттуда, по преданию, была проведена в Танус сигнальная цепь по нескольким башням». Согласно устной традиции, «от всех податей были избавлены семейства, составляющие постоянный караул этого укрепления» (*там же*, с. 107, примеч.

6). Скорее всего, именно эта воинская служба (повинность?) освобождала жителей Акаро от других форм поборов в пользу нуцала.

«История Маза» — памятник, созданный в горном северном селении, «расположенном в очень высоких горах Ширвана», скорее всего, написан около XVI в. выходцем с территории современного Азербайджана. Источник содержит сюжеты истории Дагестана IX—XVI вв. Для нас важны фрагменты памятника, сохранившие информацию о типах земельной собственности.

Такая информация содержится в относящемся примерно к середине XI в. рассказе о походе арабов на Северо-Восточный Кавказ, в ходе которого «они перебили их дородных и могучих эмиров, взяли в плен их женщин и мальчиков, после того как убили их храбрецов и их знать (*айан*), и разграбили... *различные виды их имуществ* (*мал*)» (*там же*, сс. 115—116, 123 примеч. 46. Курсив мой — Ф.Г.). Возможно, в «различные виды имуществ» входили и земельные владения.

Пространная редакция «Истории Маза» приписывает эмиру Чубану основание многочисленных цветущих равнинных (*маскхула*) селений. Дагестанские исследователи полагают, что в действительности «эти селения построил правнук эмира Чупана, сына Алибека — эмир Чупан, сын эмира Мухаммада, действовавший в первой половине XVI в.» (*там же*, сс. 116, 124 примеч. 50).

Очевидно, построенные Чубаном поселения вошли в состав его домена. Своей ставкой эмир «сделал город (*бадал*), именуемый Крепость (*кала*) Курайш, расположенный на холме, в ущелье, над рекой, поблизости от большого города, именуемого Зарахкаран, известного в это время как Кубачи». Названная *городом* ставка эмира из-за ограниченной территории никогда не была особенно большой. Так, в начале XIX в. в Каракорейш состоял из 150 дворов, в середине XIX в. — после сильной чумы — 30 дворов, а в конце XIX в. — 56 дворов. «Поэтому наиболее вероятно, что Каракорейш назван в источнике городом из-за наличия в нем соборной мечети, минбара и кадия, как это часто делали на Востоке» (*там же*, сс. 116, 124—125 примеч. 51). На наш взгляд, крепость играла роль не только религиозного, но и административного центра округи. Сюда поступали налоги, рента и «подарки»; очевидно, не случайно Чубан выбрал крепость, а не расположенный рядом более крупный аул Кубачи.

После покорения «города Куймук» (сел. Кумух) и его вилайата, завоеванную территорию Чубан передал («поставил эмиром») шамхалу. Данный титул за правителем Кумуха достоверно фиксируется со второй половины XIII — начала XIV вв.

Если допустить передачу Чубаном Кумуха в управление шамхалу, то владение последнего на начальном этапе следует признать вассальным. И лишь со временем это дарение трансформировалось в вотчину шамхалов.

Начальная часть еще одного дагестанского источника — «История Каракайтага» — содержит несколько сюжетов, заимствованных из «Истории Маза». В описании событий XII—XIII вв. помещено сообщение о передаче уцмию Султанмухаммаду «во владение (*тамлик*): посевов, лугов и садов — там, где они хотят, — кроме равнины и Самса. Эти же два места остались общими для их селений» (*там же*, с. 155). Однако настораживает добровольность («они все согласились на передачу во владение») передачи угодий столь больших размеров.

Рассматриваемый источник сохранил свидетельства о бытовании в Кайтаге общинной собственности. «Жители Хайдака собрались... в местности, называемой Балхас, и разделили свои места поровну — с учетом селений. Самс же [разделили] на две половины: одна половина оставалась для них общей, а другая половина его [была передана] жителям Барши и Ма'и ради потомства (ашира) эмиров Таифа, которые вели священную войну Урчамула» (*там же*, с. 156).

Некоторые кавказоведы высказывали мысль о монопольной собственности на землю глав ряда социумов средневекового Дагестана. Так, Е.Н. Кушева отмечала по этому поводу: «Феодальная земельная собственность в XVI—XVII вв. выступала главным образом как верховная собственность фамилий и родов шамхалов, уцмиев, нусалов и т.д. на землю феодальных государственных образований. В связи с этим на ранних этапах феодализации рента и дань-налог с крестьян-общинников совпадали» (*Кушева* 1969, с. 185).

Выше мы уже отмечали несостоятельность концепции монопольной собственности на землю в ряде социумов Дагестана[79]. Показательна 180 статья адатов кумыков, регламентирующая отношения между князем и его узденями в земельной области. Каждый князь или уздень «при жизни своей может распорядиться своим имуществом *как ему заблагорассудится*. Он может *продать или подарить* кому захочет как *недвижимое* (курсив мой — Ф.Г.), так и движимое свое имущество, будет ли оно родовое или благоприобретенное, и наследники его, прямые и дальние, не могут тому воспрепятствовать и не имеют права распростирать своих исков» (*Леонтович* 1883, т.II, с. 180). Свободное распоряжение узденями своими участками — от права продажи кому угодно до дарения — явно противоречит признанию монопольной собственности князей, ибо

при ней таким правом мог обладать лишь верховный собственник, т.е. князь.

Еще одним аргументом в пользу отсутствия монопольной собственности в социумах Дагестана является практически повсеместное бытование частной собственности (*мульк*) крестьян. Последняя форма доминировала в нагорном Дагестане. М.А. Агларов вслед за Х.-М. Хашаевым мульк понимал как полную собственность непосредственных членов общин; в состав мулька входили «дом, двор, пахотные и сенокосные земли, сады, а в отдельных случаях пастбища и лесные участки» (*Агларов* 1988, с. 197).

Как полагает М.А. Агларов, пахотные и другие т.н. «оживленные» земли представляли собой частную собственность «еще задолго до феодализации общества, что создало огромное препятствие образованию феодальных латифундий за счет мульков». В Аварии, как и во всей горной полосе Дагестана, в условиях доминирования террасного земледелия пашни очень рано стали защищенной нормами обычного права частной собственностью мелких собственников (*там же*, с. 199).

По свидетельству источников, в период уборки урожая в Тарки приезжали «воинские люди», которые, закопав зерно «по ямам и по горам», возвращались обратно «к Шевкалу в горы» (*Белокуров* 1889, с. 404). Практика охраны крестьян в период жатвы «воинскими людьми» — обычное дело на средневековом Кавказе. Вспомним, например, Аланию накануне монгольских походов, когда на сельскохозяйственные работы общинники выходили под защитой вооруженных людей. Такая же практика характерна и для средневековой Кабарды.

Брат главы Ширвана Хайсам владел своим *дай'а* (поместьем) в Табасаране, где он умер в 1025 г. В «дай'а Ирси области Табасаран» скончался в 1065 г. другой представитель ширваншахов Хурмуз ибн-Минучихр ибн-Йазид, который «был похоронен там рядом со своими дядьями по матери». Как полагают историки Дагестана, «можно заключить, что и другие представители этого рода имели свои дий'а (ед.ч. — дай'а) в Табасаране» (*История Дагестана* 2004, с. 202).

Часть земель шамхалов, уцмиев, майсумов и других крупных феодалов выделялась вассалам на правах условного держания. Социальный статус получателя (бек, чанка, сала-уздень, нукер, уздень) определял форму получаемого владения. Беки, как члены правящей фамилии, получали в наследственное владение «населенные земли». В отличие от них условные владельцы получали земли во временное служебное держание, не имели права продавать угодья и переселять зависимых крестьян (*Алиев* 1988, сс. 170–172).

Следует отметить характерную черту структуры феодальной собственности дагестанских (и не только) владельцев: «доля пастбищ была огромной по сравнению с долей пашен». В Авария, например, хунзахским ханам принадлежало более 2000 десятин пастбищ и лишь 421 десятина пахотной земли (*Хашаев* 1961, с. 148; *Агларов* 1988, с. 198).

Становление и развитие феодальной собственности «в сторону поглощения преимущественно пастбищ», контролируемых джамаатами, а также присвоение «ничейных», межобщинных земель, но не пашен, сенокосов, садов, М.А. Агларов, как уже отмечалось выше, объясняет ранним переходом в частную собственность пахотных и других т.н. «оживленных» земель. Причем, это произошло «задолго до феодализации общества, что создавало огромное препятствие образованию феодальных латифундий за счет мульков». Данный процесс характерен как для равнины и предгорной зоны, так и для горного Дагестана (*Агларов* 1988а, сс. 80–81). В последнем случае господство террасной системы земледелия и раннего становления частного землевладения привело к формированию общин «атомизированных» мелких частных собственников. Частная собственность общинников на свои террасные участки защищалась традицией и нормами обычного права. Поэтому добычей знати становились общинные угодья, «да и то слабых и плохо организованных общин» (*там же*, с.81).

В обычном праве ряда социумов Дагестана, преимущественно в т.н. «вольных» обществах, сохранились нормы, ограничивавшие передачу (продажу, завещание, сдачу угодий в аренду) земель чужакам; такие операции пресекалась «специальными постановлениями». Характерный пример — постановление Цекобского общества: «Если кто продаст свою пахотную или сенокосную землю человеку из другого селения, то с него за каждый день нахождения этой земли в собственности покупателя взыскивается по одному быку». Аналогичные статьи существовали в Келебском обществе, Гидатле, Тидибе, Андалальском союзе и др. (*там же*, с. 83).

Хотя община добивалась возвращения земли, она не являлась ее собственником, ибо таковым являлось частное лицо. Тем не менее, община стремилась не допускать перехода какого-либо участка за пределы социума, и выступала за строгое сохранение права предпочтительной покупки. В Келебском союзе бытовала такая норма: «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить, участок будет продан постороннему человеку (внутри общины — М.А.), и, если после всего этого

тот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями. Если он это подтвердит, то пахотные участки продаются ему за ту цену, за которую они были проданы постороннему человеку» (*там же*, сс. 84–87).

Типы земельной собственности отразились и в топонимике Северного Кавказа. В частности, примеры на эту тему сохранила топонимика современной Кабардино-Балкарии. С князем Бесланом Кайтуковичем Джанкутовым связаны два топонима: 1) «курган Беслана Тучного» к северу от с. Аушигер; 2) одноименный участок на левом берегу р. Шыхъуэфэпс. Беслан Кайтукович, получивший прозвище «Тучный», правил, как полагают, в XVI в. «Борукаевская /старая/ дорога» — участок пути от с. Хамидие до с. В. Курп. «Борукаевская крепость» — прежнее название ст. Котляревской. «Геляхстания» — одно из названий Малой Кабарды. Ш. Ногмов происхождение топонима связал с переходом на сторону Таусултановых нескольких «старшин», которых «князь Шолох увел... за реку Терек и поселил на правом ее берегу... Земля этих переселенцев и доныне носит название Малой Кабарды или Таусултании». С этим же событием связано появление названия «Девять поселений Джилахстанея». От известного кабардинского князя Идара произошло название местности между селениями Ашигер и Советское (левый берег Черека). В 6 км к югу от Старого Уруха отмечен топоним «Эристау уашха», который происходит от грузинской феодальной фамилии Эристави. Обращает на себя внимание проживание в этой местности Эристовых, помнящих о своем родстве с грузинскими князьями (*Коков* 2000, сс. 43, 44, 52–54, 98). С князьями Атажукиными связан топоним «Атажукина стоянка» (*Мусукаев* 1981, с. 33).

В еще больших масштабах сохранились названия участков, принадлежавших крестьянам (*Мусукаев* 1981, сс. 102–110; Коков 2000, сс. 44–46, 57, 69, 72–75, сл.).

Усадьба[80] вотчинника могла находиться либо в самом сельском владении феодала, либо рядом, в (прото)городском центре. Структуру городской усадьбы в общих чертах можно восстановить по археологическим материалам. В 1962 г. в Нижнем Архызе была вскрыта часть крупной усадьбы. Ее окружала глухая и некогда высокая каменная ограда толщиной 0,7–0,8 м. В середине усадьбы находились два крупных здания — производственно-жилой комплекс помещений и одноапсидная церковь. В одной из небольших комнат (1,57 х 3,7 м) размещался сыродутный горн, указывающий на то, что в X–XII вв. в Алании, как и на Руси, уже совершился переход от печей ямного типа к

более совершенным наземным домницам. Судя по наличию горна и производственных отходов, комната была железоплавильной мастерской. Комната III (4,85 х 4,2 м) являлась жилой. Стены, сложенные на известковом растворе, имели остатки штукатурки цветной (белой, голубой, светло-серой и светло-желтой) побелки. Пол дощатый. В этом помещении среди множества предметов обнаружены около 30 обломков листовой меди, сосуд из полудрагоценного камня, обрывок витой железной (надочажной?) цепи, обломки гончарной керамики и кости животных. По мнению В.А. Кузнецова, эта комната принадлежала одному «из представителей местной социальной верхушки». Комната IV (5,6 х 2,55 м) служила, очевидно, кухней. Здесь найдено свыше 400 костей животных и 82 фрагмента гончарной керамики. Сооружение церкви археологи относят к XII в. «Если помещение III может быть интерпретировано как жилище представителя феодального класса, то церковь можно рассматривать как домовую, обслуживавшую только обитателей данной усадьбы» (*Кузнецов* 1986а, с. 237).

В 1964 и 1971 годах в пределах этой же усадьбы раскопано и исследовано еще одно здание из трех комнат. В первой комнате (9,4 х 5,2 м) отсутствуют следы очага, утвари, побелки и т.д. Скорее всего, это хозяйственное помещение. Комнаты II (6,6 х 4,45 м) и III (6,4 х 5,2 м) были жилыми. При вскрытии этого здания найдено 265 обломков керамики и 242 кости животных (*там же*, сс. 237–238).

В 1963 году в Нижнем Архызе вскрыта и изучена часть еще одной усадьбы. Здание А (10,1 х 6,7 м) состояло из трех помещений, здание В (10,5 х 6,5 м) — из двух (*Кузнецов* 1963, л. 2–17).

Система замкнутых усадеб с несколькими отдельными жилищами служит показателем наличия в Алании той поры неразделенных семей.

Исследования Г.Е. Афанасьева указывают на существование у аланской знати достаточно обширных дворов еще в VIII–IX вв. (*Афанасьев* 1984, сс. 68–73; 1987, сс. 50–52, 69, 136–142). В состав двора уже в то время входили жилые, хозяйственные и даже церемониальные постройки. В Маяцкой крепости все хозяйственные и церемониальные строения находились внутри цитадели, а основные жилые помещения — за ее пределами, но в границах крепости. Это, справедливо подчеркивает Г.Е. Афанасьев, «отражает явную экономическую зависимость обитателей жилищ, расположенных вне цитадели, от хозяйственного комплекса внутри цитадели» (*Афанасьев* 1984, с. 73). Аналогичную картину А.А. Иессен отметил на материале

других аланских городищ той поры. Каждое из них имело центральный укрепленный холм, окруженный глубоким рвом. «Это центральное укрепление, прдставляющее, скорее всего, место обитания уже выделившейся из среды общины господствующей семьи будущего аланского феодала» (*Иессен* 1941, с. 24). Новые исследования аланских крепостей конца I тысячелетия увеличили число аргументов в пользу этой точки зрения (*Кузнецов* 1986, сс.72–74; *Ковалевская* 1993, сс. 21–50).

Специалисты отметили совпадение структуры дворов аланской знати с более поздними усадьбами замкового типа осетинских феодалов. Последние включали в себя боевую башню, жилые и хозяйственные здания, обнесенные каменной стеной. Согласно Я. Рейнеггсу (конец XVIII в.), «селения оссов в большинстве случаев хорошо расположены... Вожди и знатные люди этого народа обносят, кроме того, свои жилища высокой, крепкой каменной стеной, в каждом углу которой находятся маленькие сторожевые помещения» (*ОГРИП*, с. 91). Интересны наблюдения Ю. Клапрота, побывавшего в Осетии в 1807–1808 гг. «Дома в селениях разбросаны, но часто имеются по пяти построек в одной изгороди с башней... Каждый старшина имеет один опрятный дом, другой – предназначенный для гостей и третий – для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи» (*там же*, с. 170). Усадьбу замкового типа, принадлежавшую Дударовым, путешественники отметили в Балте: «Между строениями оного возвышается каменный замок князька, с башнями и стрельницами... Комнаты довольно обширны и чисты, убраны кругом стен диванами. На стене висело оружие, стенные часы, зеркало и картины» (*Письма* 1828, сс. 223, 225).

Замковые комплексы (осет. *галуан*) состояли из оборонительных, жилых и хозяйственных строений, соединенных или обнесенных стенами. В горной полосе Осетии известно немало галуанов: в Нижнем Зарамаге, Дзоцитыкау, Дзасыхе, Лисри, Тибе, Тли, Ханазе и Кадате (см.: *Тменов* 1984; 1996, сс.71–75).

В позднее средневековье аналогичную структуру двора имели не только горские феодалы, но и зажиточные крестьяне. «Каждый зажиточный хозяин, – писал С.М. Броневский, – имеет обширный четырехугольный двор, обгороженный плетнем, и внутри оного три отделения, одно от другого отгороженные: хозяйское, женское и гостиничное, или кунацкое» (*Броневский* 1823, с. 107).

«Дворы в горах очень невелики, у редких домохозяев, исключительно у привилегированного сословия, имеются такие, которые занимают не более десятины, а у большинства же они – всего несколько сажень» (*Баранов* 1892, с. 2).

Экономические функции господского двора в Алании X–XII вв. прослеживаются по археологическим данным. Обращает на себя внимание наличие в усадьбах металлургических мастерских. Возможно, ремесленники в отдельных усадьбах Нижнего Архыза выплавляли и золото, т.к. в этом районе обнаружены «ясные следы древней золотодобычи» (*Кузнецов* 1963, отчет К. Петроливича). Судя по находкам на территории господских дворов остатков жерновов, костей животных, специальных помещений для содержания скота, двор служил и местом переработки сельскохозяйственной продукции.

Аланский материал подтверждает ранее высказанную идею о том, что в раннеклассовом обществе городской двор знати представлял собой своеобразный центр ремесла, концентрации прибавочного продукта (*Павленко* 1989, сс. 63–65).

По имеющимся данным, структура и границы дворов не претерпели принципиальных изменений в феодальном обществе (сер. XI–XII вв.) по сравнению с раннеклассовым (X – сер. XI вв.). Не прослеживается и изменение хозяйственно-функциональной характеристики. Следовательно, и в раннеклассовом, и в феодальном обществе господский двор эксплуатировал доходы населения округи. Но в X – середине XI века у местной знати оставалась лишь часть государственных налогов, а позднее феодалы в своих вотчинах стали получать ренту в полном объеме.

Городские усадьбы отмечены и в хазарских городищах, расположенных на территории современного Дагестана. Наиболее многочисленную группу составляли 22 поселения (70% от общего числа) площадью до 20 гектаров. Они характеризуются наличием обособленных и укрепленных цитаделей, расположенных на наиболее защищенных участках поселений. Во вторую группу вошли крупные городища, площадью от 30 до 150 гектаров: Верхнечирюртовское, Андрейаульское, Таркинское, Урцекское, Шелковское, Нурадиловское. Они примечательны своей сложной структурой. Цитадели возвышались на естественно защищенных участках. Их окружали укрепленные посады и сельскохозяйственные угодья. На некоторых из поселений сохранились остатки языческих сооружений и христианских церквей. Близость к важным торговым магистралям, находки импортных изделий, монет и следов ремесленных производств (кузнечного, ювелирного и гончарного) свидетельствуют о важной роли торговли и ремесла в экономике местного населения. Серия добротно укрепленных замков (Герменчик, Тенг-кала, Бораул и др.) Терско-Сулакского междуречья, возможно, связана с заметной поляризацией населения Хазарии. Защищенные массивными сырцово-глинобитными стенами замковые комплексы,

отличавшиеся небольшими размерами (не более 100 м в диаметре), нередко располагались изолированно, вдали от обширных (прото)городских центров. Окружающая замки территория являлась, преимущественно, пастбищными угодьями (*Магомедов* 1988, сс. 155, 158). Как представляется, в последнем случае вотчина хазар Северо-Восточного Кавказа формировалась за счет монополизации земли, пригодной для скотоводства.

Интересные примеры городских усадеб сохранились в Дербенте. Правителем и наиболее крупным феодалом был *эмир* города. В своей внутренней и внешней политике он опирался на отряд *гази* «воителей за веру». Эта своего рода дружина формировалась, как правило, «из деклассированных элементов». С их помощью эмир оказывал влияние на *раисов* города. Последний социальный термин обозначал крупных и мелких феодалов, глав городских торгово-ремесленных гильдий, «носителей реальной политической и экономической власти». В большинстве случаев раисы выступают в качестве собственников значительных земельных участков, служивших основой их экономической безопасности, а реальная политическая сила базировалась на собственной военной силе и определенном судебном иммунитете (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 273).

В горных аулах усадьбы были крайне незначительными.

Функции двора у народов Северного Кавказа реконструируются по этнографическим материалам традиционных обществ. Для селений замкового типа были характерны крохотные дворы-площадки. Типологически близки к ним карачаевские *башы джабылгъан арбаз* — дословно «крытый двор», известные также балкарцам Баксанского ущелья (*Кобычев* 1982, с. 56).

Согласно другой точке зрения, «сам по себе крытый двор как элемент жилищного комплекса — явление довольно необычное. Для двора в собственном смысле слова перекрытие исторически не свойственно (во всяком случае, на Кавказе), что позволяет считать его рудиментом соответствующей части отдельно взятой жилой или хозяйственной постройки». Прототипом двора, подобного *арбазу*, являлась «многократно увеличенная в размерах многоугольная деревянная 'юрта' (многоугольный сруб)» (*Батчаев* 1986, с. 88). Обычно арбаз состоял из нескольких (до 10—15) примыкавших вплотную друг к другу жилых и хозяйственных строений, расположенных по периметру квадрата или многоугольника и образующих замкнутое пространство — внутренний двор, куда на ночь загоняли скот. По сути, это т.н. разноуровневая усадьба, в которой крышу имели не только отдельные помещения, но и двор. Такие комплексы, отличавшиеся особой монументальностью и прочностью, возводи-

лись преимущественно крупными патриархальными общинами или неразделенными семьями. Фактически эти архитектурные сооружения являлись своего рода крепостями, имевшими только один вход и несколько узких бойниц вместо окон. «В отдельных случаях несколько арбазов были связаны посредством крытых переходов — 'тоннелей'». В Карачае арбазы сооружались из мощных сосновых бревен, а в Балкарии чаще всего из камня (*там же*, с. 86).

Этнографы рассматривают арбазы как балкаро-карачаевский вариант «домов-крепостей» и боевых башен горного Кавказа. Интересно, что «в регионах с преобладающим тюркским населением эти сооружения назывались *къала, къула* — крепость, замок. Крепостями называли арбазы и в Карачае». По основным принципам планировки квадратные арбазы «целиком повторяют так называемые усадьбы-крепости, распространенные в прошлом в различных странах Евразии и Африки». Такие комплексы рассматриваются как самостоятельное направление «в развитии народного оборонно-жилищного зодчества» (*там же*, сс. 86–87)

Отличительной чертой для большинства дворов горных районов являлось почти полное отсутствие обособленных хозяйственных построек, находившихся, как правило, в едином комплексе с жилищем. Наряду с малоземельем, это связано с недостатком строительных материалов. Штедер после посещения в 1781 г. аула Ларс, расположенного в Восточной Осетии, записал в своем дневнике: тагаурцы (*Taga-urzi*) «живут бедно... на возвышенности, по которой проходит дорога. Их жилища и хлевы построены вместе, вероятно, из-за недостатка леса...» (*Steder* 1797. S. 47). Во время экспедиции 1807–1808 гг. на Кавказ Ю. Клапрот особое внимание уделил структуре жилищ в горной Осетии. «Дома... разбросаны, но часто имеется по пяти построек в одной изгороди с башней. Хотя высота домов достигает едва полтрети сажени, но они имеют два этажа; низ предназначен для скота, а вверху живут люди» (*ОГРИП* с. 170).

То же самое в отношении балкарцев отметил один из исследователей XIX в.: «Нередко в горах можно встретить и такие сакли, в которых под одной крышей вместе с жилым помещением людей находится помещение и для домашнего скота — ишаков и лошадей»[81]. В то же время, у таубиев («горских князей» — В.К.) «дворы более просторные и в них кроме конюшни имеется и кунацкая — небольшая сакля, стоящая отдельно от остальных построек и служащая помещением для приезжих гостей» (цит. по: *Кобычев* 1982, сс. 56–57).

По свидетельству Ю. Клапрота, в горной Осетии «каждый

старшина имеет один опрятный дом, другой — предназначенный для гостей и третий — для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи» (*ОГРИП* с. 170).

В горной Чечне среди форм башенной культуры специалисты выделили укрепленный жилой комплекс, состоявший из обнесенной стенами башни, одного или нескольких домов-крепостей, хозяйственных построек и внутреннего двора. Примеры таких комплексов приводит А.М. Калдани. Обмер одного из них был произведен в 500 метрах к востоку от с. Хайбахой. Он возведен в важном стратегическом месте, контролируя земельные угодья и подходы к селу. В комплексе выделялись органически связанные между собой башня и дом-крепость. В южной части комплекса размещался внутренний двор, огороженный стеной (*Калдани* 1986, сс. 17–18).

Интересный материал выявлен грузинскими археологами в ходе раскопок на жинвальском городище «Накалакари». Часть жилых кварталов располагалась на 7 террасах. Причем, перекрытия домов нижней террасы служили дворами домов следующих террас (*Маргвелашвили, Рчеулишвили*, 1988, с. 22).

Подведем итоги. Изложенная в самом общем виде картина формирования вотчины и господского двора у народов Северного Кавказа является *авторской версией возможного развития событий*. Как представляется, в «аристократических» обществах горцев первоначально сформировался княжеский домен. И лишь затем возникла вотчина, вероятно, не без влияния самого государства[82]. Утверждение господской вотчины стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации.

Что касается господского двора, то в раннеклассовом обществе городской двор знати представлял собой своеобразный центр ремесла, концентрации прибавочного продукта. Уже на ранних этапах в состав двора входили жилые, хозяйственные и (нередко) церемониальные постройки. Судя по археологическим материалам, границы и структура дворов знати, например, алан, и в раннеклассовом (X – середина XI в.) и в феодальном (середина XI–XII вв.) обществах не претерпели существенных изменений. Следовательно, господский двор на обоих этапах социальной эволюции эксплуатировал доходы населения округи. Но на первом этапе у местной знати оставалась лишь часть налогов, в то время как на втором — вся рента в полном объеме.

IV.

ГЕНЕЗИС «ГОРСКОГО ФЕОДАЛИЗМА»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФОРМИРОВАНИИ И СТРУКТУРЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Специфика социальных процессов в горах. Как уже отмечалось, одной из особенностей средневековой истории горцев всего мира являлась разница в темпах общественного развития, асинхронность политогенеза. К наиболее важным чертам относятся замедленность и неуниверсальность процесса становления классовых категорий, направление развития социумов по линии локальной сегментации общества (*Маретина* 1987, сс. 159–160), слабая экономическая база, ограниченная географическим фактором (неблагоприятные природно-климатические ресурсы), социально-политическое влияние внешней среды (*Claessen* 2000. P. 2–3; *Spencer* 2000. P. 154). Социальные процессы в горных районах во многом зависели от демографической ситуации. Плотность населения в целом по горным территориям была весьма значительной. Если же исходить из *физиологической плотности* (число жителей на единицу площади сельскохозяйственных земель), то можно представить истинную величину нагрузки (к сожалению, такой статистики у нас нет). Общественный строй средневековых горцев обусловливался также формами синтеза и т.д. (*Гутнов* 2004).

В 70 – 80-х годах XX века с рядом докладов и статей выступили грузинские исследователи (Н.А. Бердзенишвили, Г.А. Меликишвили, З.В. Анчабадзе, В.Н. Габашвили, А.И. Робакидзе, Г.Д. Тогошвили и др.). Они поставили вопрос «о специфике собственно кавказского горского феодализма». Особенности общественного устройства средневековых горцев Северного Кавказа, отличные от западно-европейской (точнее – северо-французской) модели феодализма, побудили советских ученых «найти соответствующие дефиниции и определения». Одно из них – «горский феодализм» (*Меликишвили* 1975; *Робакидзе*

1978; *Тогошвили* 1980) — «подразумевает больше управленческий, чем владельческий (в смысле сплошного господства феодального землевладения) характер феодализма при сохранении для основной массы производителей личной свободы и прав на землю» (*Агларов* 1988а, с. 196).

Для решения проблемы необходимо установить степень развития феодальных отношений, определить их стадиальную характеристику. Как полагал А.И. Робакидзе (1988, сс. 19–20), «развернувшаяся в этом направлении работа, безусловно, приведет к определенной системе, в которой каждый из народов горного Кавказа займет свое место соответственно уровню развития феодальных отношений». Однако, как показало время, прогноз ученого был чересчур оптимистичным и не оправдался.

Элементы культуры и быта, составляя в типологическом отношении исторически сложившиеся общие черты, «в зависимости от локальных условий отдельных регионов, этнической принадлежности их населения и *уровня общественно-экономического развития* (курсив мой — Ф.Г.) характеризуются *особенностями*, составляющими их индивидуальность»[83] (*там же*, с. 6).

Своеобразие общественных отношений у горцев Северного Кавказа большинство советских историков выводили, «прежде всего, из особенностей экономической жизни, скудности горской экономики, не имевшей благоприятных возможностей для увеличения прибавочного продукта, и усиления эксплуатации непосредственных производителей». В горных районах экономика сочетала развитое скотоводство с трудоемким, но интенсивным земледелием. Своеобразным подспорьем являлась добыча в результате набегов, а также участие в качестве наемников в военных структурах соседних царей и феодалов.

Особенностью генезиса «горского феодализма» считалась «его заторможенность, что отразилось на замедленности классообразования, неустойчивости форм личной зависимости и низкой степени эксплуатации. Феодальная собственность на землю не успела сложиться, или не была юридически оформлена». Большая часть населения сохранила личную свободу и права на землю. Верхи социумов осуществляли, главным образом, военно-управленческие функции. «Состав всех социальных слоев был неустойчив и постоянно изменялся». Локальное многообразие социальных отношений у народов Северного Кавказа долгое время сохранялось из-за отсутствия «преобладающего ядра в экономическом, политическом, этническом и культурном отношении». Говоря об этом, А.П. Пронштейн подчеркнул важное обстоятельство: «вывод о *невозможности* свести *проблему особенностей феодализма у горских народов к отсталости* и

указание *на специфический*, но рациональный уровень форм культуры и быта» (*Пронштейн* 1988, сс. 25–26).

Говоря о специфике феодализма в Дагестане, А.С. Гаджиев отметил роль внешнего фактора. «Подчиненное отношение раят к своим бекам, – сказано в одном документе, – выражено наиболее сильно в плоскостной части Южного Дагестана, где *этому способствовало отчасти влияние Персии и Турции*, отчасти то обстоятельство, что плоскостная часть Южного Дагестана была заселена *выходцами из Персии и мусульманских провинций Закавказья* (курсив мой – Ф.Г.), занявшими свободные земли на условиях отбывания известных податей и повинностей в пользу пригласивших их правителей». По мере приближения к предгорьям Дагестана зависимость раят от беков постепенно ослабевает. «Еще далее в горах сосредоточено совершенно свободное население, за исключением сел Цолкита и Цельмес Аварского округа, уплачивающих повинности: первые – чанкам своего селения, а вторые – чанкам сел. Шатода» (*Гаджиев А.С.* 1988, с. 160).

Одной из особенностей истории средневекового Дагестана принято считать разницу в темпах общественного развития разных его частей. По мнению Р.М. Магомедова, еще в раннефеодальный период центры раннегосударственных образований возглавляли местные верхи – как старейшины (Зирихгеран, Гумик), так и династии (Хайдак, Лакз, Филан); источники говорят о социальном неравенстве в Серире. Неравномерность исторического процесса в Дагестане в период феодализма, пишет Р.М. Магомедов, «состоит в том, что, во-первых, разные территориальные группы вступали на него не одновременно, в разное время (в этом асинхронность); во-вторых, исходные условия этого вступления у них были разные, что обусловлено особенностями их предшествующего исторического развития и географического положения; в-третьих, вступив раньше или позднее на путь феодализма, они развивались далее неодинаковыми темпами» (*Магомедов* 1988, сс. 41–42).

Отвечая на вопрос: какие же факторы вызвали эту неравномерность в социальном развитии разных частей Дагестана, Р.М.Магомедов попытался выявить некоторые из них. В предельно осторожной форме исследователь к факторам общественного развития относит характер природной среды, которая в какой-то мере влияла на «темпы и направление ее развития. Однако мы полагаем, что главный ключ здесь надо искать в изучении материальных основ существования населения той или иной из дагестанских земель» (*там же*, с. 42).

Из бесспорных факторов, влиявших на темпы феодализа-

ции, ученый назвал два: 1) *семейная община* (тухум), ее роль «в социальной жизни данной группы, *степень развития и разложения*» (курсив мой – Ф.Г.)... Налицо обратное соотношение этого фактора со степенью развития феодальных институтов в этих землях, что может указывать на консервирующую роль семейной общины»; 2) другой фактор – «живучесть традиций военной демократии и как следствие этого – превращение некоторых черт военной организации в принципы общественной жизни: обязательная военная готовность каждого общинника, проводившиеся время от времени набеги, деление общин на 'войска' (в мирное время административные округа) и т.д.» (*там же*)[84].

Высокогорная зона от бассейна верхней Кубани до бассейна Сунжи и среднего течения Терека была занята абазинскими, карачаевскими, балкарскими, осетинскими и вайнахскими общинами. Все они в силу крайне скудных условий для занятия сельскохозяйственным производством тяготели к контролируемым князьями Большой и Малой Кабарды равнинным угодьям. В силу этого возникло «самобытное явление этносоциального и этнокультурного симбиоза Кабарды с ее южными соседями – горцами» (*Кожев* 2005, с. 118). Тесные политические и экономические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа были детерминированы не только географическим фактором. Не в последнюю очередь они базировались на особенностях социального процесса как у кабардинцев, так и у других народов Северного Кавказа. Господствующие слои – *пши* «князья» и *уорки* «дворяне» разных степеней, «связанные с сеньориально-вассальными отношениями, составляли мощную и достаточно консолидированную силу». Это, как полагает З.А. Кожев, позволяло кабардинской аристократии «претендовать на политическую власть не только в пределах собственно кабардинских удельных княжеств, но и в соседних областях Северного Кавказа». Подтверждение этому З.В. Кожев нашел в сеньориально-вассальных отношениях, связавших сословия кабардинской знати – князей (пши) и дворян (уорки разных степеней). Этот союз составлял достаточно консолидированную силу, военный профессионализм которой позволял ей претендовать не только на политическую власть в пределах самих кабардинских княжеств, но и в определенной мере – на влияние в соседних обществах (*там же*, сс. 118–119).

Исходную базу генезиса феодализма на Северном Кавказе составляло раннеклассовое общество. Последнее, в свою очередь, выросло из ступени развития, в последние годы обознача-

емой понятием «военно-иерархические структуры». Прежде данная стадия социальной эволюции именовалась «военной демократией». Такое разделение представляется оправданным, ибо данные две ступени общественной организации существенно разнились. Классическим примером *военно-демократического общества* являются гунны в начальный период Великого переселения народов. В источниках они предстают как типичные кочевники, не знавшие «над собой строгой царской власти»; наиболее важные вопросы решали сообща, «сидя на конях». Во всех остальных случаях они довольствовались «руководством наспех назначенных» *primates* (*Аммиан Марцеллин*). Под последним термином скорее всего имелись в виду наиболее знатные члены племени, выделявшиеся своим богатством и положением.

Общество с **военно-иерархической структурой** отличалось от военно-демократических по ряду параметров. В качестве иллюстрации приведем социальное устройство санов — горцев, обитавших в районе Крестового перевала на Дарьяльской магистрали. Еще Страбон счел необходимым особо выделить это племя: «Они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 200 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу» (*Страбон* 1964, с. 473). Обратим внимание на то, что у санов все (мужское) население составляло воинство, в то время как на равнине — в Иберии — Страбон разделял воинов и земледельцев, хотя и причислил их к одному геносу (разряду).

Согласно Арриану, саны «очень воинственны... живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно» (*КДПАА*, с. 311).

Гораздо больше информации о социальной структуре санов сохранили письменные источники середины I тысячелетия. Развернутую характеристику этого племени привел Прокопий Кесарийский. «Издревле тзаны жили независимо и не знали над собой никакой власти, ведя звериный образ жизни, считая и почитая богами рощи, птиц и всяких других животных. Они всю свою жизнь проводили в горах, поднимающихся до неба и покрытых лесами; земли они не возделывали, но жили всегда грабежами, воровством и разбоями. Но поднимающиеся здесь холмы — не обычные возвышенности, не земляные, не такие, на

которых могут расти посевы и плодоносные растения, если кто приложит здесь свой труд и старание, но они исключительно каменисты, с крайне твердой почвой и бесплодны, не принося никакой плодоносной растительности. Пахать эту землю нельзя, нет тут нив, чтобы их жать, не встретить тут и зеленого луга... тзаны искони жили независимо». В середине VI в. они приняли христианство, «стали вести более кроткий образ жизни; отказавшись от всякого разбоя, они служили в римских войсках и ходили с ними на врагов». Юстиниан построил у санов храм, проложил дороги, «по всей стране построил крепости и поместил там сильные гарнизоны из римских воинов» (*Прокопий* 1939, сс. 247–248).

Агафий в разделе о событиях 554 г. оставил интересную характеристику элиты военной аристократии санов. «В числе *виднейших военачальников* (курсив мой – Ф.Г.) был некто по имени Феодор, происходивший из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных нравов и приобщившийся к их более высокой культуре. Итак, этот Феодор со своей дружиной (за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему было приказано Мартином уходить оттуда не раньше, чем увидит всех наступающих неприятелей... Он же смелый и на все способен» (*Агафий* 1953, с. 55).

От мужских союзов к дружине. Данная проблема уже рассматривалась нами (*Гутнов* 2001, сс. 167–175; 2007, сс. 38–50, 58–68), поэтому остановимся на этом вопросе в самых общих чертах.

Отметим, во-первых, что данный институт, по-видимому, был универсальным в древних социумах. Так, *целеры* (celeres – «быстрые») – элитарное конное подразделение аристократической молодежи в потестарном Риме. Военный союз знатной молодежи был тесно связан со старейшинами общины – сенаторами – своего рода сакральная связь между поколениями социальных «отцов» и «детей» (инициация вторых под руководством первых). Целеры – своеобразный комитат («дружина») «царя», его *содалы* («товарищи»). Трибун целеров (предводитель) обладал сакральными полномочиями и рассматривался как ритуальный преемник царя (*Коптев* 2001, с. 61).

В античной Греции выделяются основные и альтернативные структурообразующие элементы. В числе последних – «сообщества друзей», «гетерии» и т.д. – реликтовые институты возрастных классов и мужских союзов. Пережиточной формой таких союзов были, например, спартанские и критские столовые

товарищества-сисситии; на Крите они так и назывались — «товарищества» или «мужские дома». У Гомера спутники знатных героев обозначаются как «товарищи». Латинским эквивалентом греческому термину является *satelles* — «спутник», «соратник», «дружинник». Свиту (дружину товарищей-сателлитов) гомеровского героя следует признать первым звеном в длинной цепи неформальных дружеских сообществ, существовавших в рамках классического общества. Следующим таким звеном считают группу сверстников-единомышленников, составлявших своего рода партию знатного лидера, выступавшего не на войну, а на борьбу внутри собственной общины ради достижения, вопреки праву, власти (См.: *Фролов* 2001, сс. 3–24).

Здесь же отметим, что *мужские союзы* не всегда являлись исключительно мужскими; по меньшей мере в ряде архаических обществ в них входили и девушки. В этой связи исследователи отметили ошибочность отнесения археологами всех фигурок обнаженных женщин к категории «богини-матери», равно как и отнесение фольклористами всех женских мифических фигур к той же категории. И.М. Дьяконов вслед за И.Б. Янковской предложил в мифологии, культе и в быту различать функцию «резидентки» (матери, супруги) и функцию «девы», что, конечно, следует понимать не как «девственница», а шире — как «дева-воительница», «создававшая импульс к агрессии и преодолению препятствий». У древних индоариев, некоторых дравудских и мундских племен, описанных этнографами, *все* «девушки до замужества пользовались, по-видимому, полной сексуальной свободой, тем более, что часто они жили вместе с юношами в 'общем доме' (men's hause, common dormitory)». Только со временем у индоариев функция, выполнявшаяся прежде всем возрастным классом незамужних женщин, закрепилась «в качестве пожизненной и наследственной профессии за кастой гетер (*ganika* — этимологически *принадлежащая к гане*, т.е. сообществу неженатых юношей-воинов одного возраста)» (*Дьяконов* 1990, сс. 88–89).

В Древней Греции, переднеазиатских обществах кастовый строй не получил развития и «девы-гетеры» не имели жесткого сословного статуса. Тем не менее, они занимали в обществе свое особое место, охраняемое собственным божеством. Гетера совсем не обязательно являлась парией-проституткой. Само греческое *hetaira* обозначало женский род к *hetairos «сверстник, спутник, товарищ, соратник»* (*там же*, сс. 89–90).

Древние юношеские братства совершали ритуальные, иногда балансирующие на грани подлинных военных действий «набеги» на соседние деревни. Такие сообщества нередко составля-

ли основную военную силу племени, опираясь на которую военный предводитель стремился «ограничить или свергнуть власть старейшин, покорить соседние деревни и даже основать некую зачаточную форму государства» (*там же*, с. 124).

Правитель Серира опирался на свою дружину, основные функции которой М.М. Атаев (1989, с. 15) видит во взимании дани-налога, участии в обороне социума и внешних походах. Согласно Ибн-Рустэ и Масуди, в X в. дружина Серира жила со своим предводителем обособленно от соплеменников — в отдельном замке, расположенном в столице Дж.мр.дж (возможно Хунзах) (*Minorsky* 1958. P. 155, 167–168). Вероятно, внутри дружины уже имелась определенная дифференциация. Напомним, что военная аристократия Дагестана в источниках той поры представлена несколькими терминами: тарханы, бактрики, раисы и др. Если тарханы и бактрики представляли элиту военной аристократии, то раисы («старейшины населения») средний слой; они возглавляли военные отряды жителей одного или нескольких поселений (*Бейлис* 1963, с. 258). Можно предположить, что раисы возглавляли «молодшую дружину» — ополчение, в то время как тарханы и бактрики возглавляли дружину, состоявшую из представителей военной знати.

Глава Серира в источниках предстает под разными титулами: *малик, сахиб, филлан-шах, хакан горы.* Если *малик* в ту пору — обозначение немусульманских правителей, а *сахиб* — владелец (*Шихсаидов* 1986, сс. 22–23), то *филан-шах* (князь-слон) — общий титул царей Серира. Правда, существует мнение, что Филан-шах не титул, а личное имя правителя Серира 40–50-х годов X в. (*Материалы...* 1986, с. 148).

Отборный отряд всадников имелся у хазар. Масуди, сообщая о том, что «царь хазарский может иметь на жаловании войска», выделяет «конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами; среди них есть вооруженные копьями, а также снабженные оружием наподобие мусульманского вооружения» (*Караулов* 1908, с. 45). По сведениям Ибн-Даста, царь хазар «в походы свои ходит с своими войсками. Воины его красивы собою. Когда войска эти выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони. Конное царское войско состоит из 10 000 всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности» (*Ибн-Даста* 1869, с. 18).

Древнерусские памятники сохранили свидетельства о дружинах как у славянских князей, так и у правителей Северного Кавказа. Причем, у первых на службе находилось некое число

дружинников из числа асов и касогов. По «Ипатьевской летописи» в ходе похода 965 г. на хазар Святослав «победи ясы и касоги и приде к Киеву». Аналогичные известия содержат Воскресенская, Тверская, Псковская и Софийская летописи. В.Н.Татищев обратил внимание на другой фрагмент хроники: после победы над ясами и касогами Святослав «*приведе* (их) *Кыеву*». Дворянский историк данный сюжет понимал как привлечение алан в Киев «на поселение». А.Н. Сахаров допускает появление в Киеве алан и касогов не в качестве поселенцев, а дружинников. В любом случае само появление в столице Древней Руси алан и касогов — факт примечательный. Не менее показательно, что в начале XI в. «Ярослав ходи на ясы, и взят их, и посели на Рси».

В борьбе за киевский престол между Мстиславом и Ярославом оба князя опирались на своих воинов, в составе которых было немало наемников. Так, незадолго до битвы 1024 г. между братьями возле с. Листвен вблизи Чернигова Ярослав пополнил свои силы в Скандинавии. Тем не менее, он потерпел поражение и бежал в Новгород. Согласно «Повести временных лет» (ПВЛ), «Мстислав проявил себя истинным дружинным князем... Ярослав бросил в бой ударную силу своего войска — дружину, состоявшую, главным образом, из варягов». Мстислав же против них выставил ополченцев из северян, приберегая дружину для кульминации сражения. Ополченцы стойким сопротивлением измотали варягов. Исход битвы решил Мстислав, бросивший в бой «свою отборную дружину, приведенную им из Тмутаракани», состоявшую, согласно ПВЛ, «из касогов и хазар» (*Котляр* 2000, сс. 140—141).

Отношение к дружине демонстрируют слова Мстислава, сказанные им на следующее утро: «видев лежачие сечены от своих север и варягы Ярославле... Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела». Следует согласиться с Н.Ф. Котляром: «Только дружинный князь, истинный потомок Святослава, мог предпочесть своим подданным — славянам этнически, культурно и религиозно чуждых наемников, приведенных им с Кавказа! Эти наемники были ему дороже всего, поскольку составляли его дружину[85], бывшую в понимании князя такого рода и ударной силой, и защитой, и аппаратом собирания налогов, осуществления власти и суда» (*там же*, с. 141).

Говоря о *дружине*, нельзя относить к ней любой военный отряд, собираемый для организации набега на сопредельные территории с целью захвата скота, оружия, украшений и пленников (с последующей продажей как рабов, либо освобождения за выкуп). Такие походы обозначались специальными термина-

ми: у ингушей *гIаьр*, у осетин — *балц*, у грузин — *апарекоба* (*Робакидзе* 1988, с. 13). Между тем, дружина — это не просто военный отряд, а отряд конных профессиональных воинов, постоянно живущих при своем вожде («царе»), за счет добычи и «даров» соплеменников (за охрану от внешних врагов).

Формирование профессиональных воинов-всадников отразилось в терминологии; отличившихся в ратном деле соплеменников стали наделять эпитетами: «настоящий мужчина» — в грузинском *кацури каци*, в осетинском *лæгты лæг*, в вайнахском *къонах стаг* и т.д. В дальнейшем наиболее отличившиеся в битвах наделяются новыми эпитетами, в частности, широко распространенным на Кавказе термином *багатар/батыр*.

«Таким образом, — заключает А.И. Робакидзе, — **завершается процесс перерастания военно-демократического уклада в военно-аристократический** (выделено мной — Ф.Г.)» (*там же*, с. 14).

Важнейшими функциями дружины являлись: защита территории от вторжения извне, организация набегов и походов, «взимание *дани-налога* (курсив мой — Ф.Г.), одного из главных источников дохода господствующего класса, что тесно связывало дружину с государством». Некоторые арабские авторы утверждали, что дружинники жили «вместе со своим царем в отдельном замке». Помимо этого, источники отразили дифференциацию среди конных воинов: тарханы, бактрики, раисы, сипахсалары — арабских авторов, калантары, бузурги, акабири — монгольских (*Атаев* 1989, с. 15).

«Тарих Эндирей» содержит рассказ об убийстве неким «узденем» бийа (кумыкская форма тюркского термина *бек* «князь»), который «приютился у калмукского хана. И калмукский хан... сделал его [своим] негером». Одно из значений последнего термина — «дружинник, телохранитель хана» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, сс. 204, 210 примеч. 11).

Согласно тому же источнику, в «Эндирее постоянно находилась тысяча всадников с привязанными *кутасами* (пучок из волос конской гривы — Ф.Г.)... [Он предназначался] для вытирания крови с сабли... Его привязывали *только лучшим всадникам*» (*там же*, с. 205; курсив мой — Ф.Г.). Как видно, вся тысяча (если эта «круглая» цифра не завышена) состояла из «лучших всадников», т.е. являлась «отборным отрядом конных бойцов». Примечательно, что позднее, в 1666 г., Эвлия Челеби в дневнике путешествия по Северному Кавказу отметил: шамхал Султан-Махмуд, находясь в Эндери, дал крымскому хану Мухаммед-Гирею IV в сопровождение «тысячу отборных воинов» (*Эвлия Челеби* 1961, с. 116). В ногайской поэме «Мурза

Эдыге» в отношении золотоордынского хана Узбека сказано: «Почетную стражу его составляли тысяча кутасоносцев, садившихся на тысячу аргамаков». Очевидно здесь, как и в «Тарих Эндирей», круглая цифра приведена не для указания точного числа воинов. Скорее всего, она употреблена в традиционном смысле – для указания большого числа отборных воинов князя (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 213, примеч. 25).

Элита всадников прослеживается и по археологическим памятникам. В Змейском катакомбном могильнике (Северная Осетия) в ходе полевых работ в 1981–2005 гг. исследовано более 400 погребальных комплексов, в том числе 269 катакомб X–XIII вв. и синхронным с ними 41 конским погребением (*Fidarov* 2007. P. 14–15). Как показал анализ С. Савенко, в отдельных случаях можно говорить о подтверждении археологическими материалами свидетельств античных и раннесредневековых авторов об особом статусе всадников-дружинников (*Savenko* 2007. P. 49–50).

С Северо-Западного Кавказа происходят великолепные образцы парадного оружия, доспехов и конского убора. Разумеется, такие предметы единичны. Как иерархический знак археологи рассматривают наборные узды. В качестве аналогов приведем данные из истории Руси. Наборные узды распространились здесь «в период обособления военно-феодальной верхушки и создания дружин в IX–XI вв., а декорированные стремена бытовали в дружинной среде и у зажиточных горожан в XII–XIII вв., являясь определенным иерархическим знаком» (*Армарчук* 2004, с. 10).

По мнению Е.А. Армарчука, «материалы могильников XI–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья... явно свидетельствуют о существовании в местной среде воинского дружинного сословия» (*там же* с. 11).

Сакрализация власти («второй царь»). Арабские авторы (*Бейлис* 1986, сс. 141, 143) отмечали «весьма странную», по определению М.И. Артамонова (1962, с. 408), структуру власти в каганате – своеобразное «двоевластие». Во главе хазар стоял каган, пользовавшийся большим почетом, но не принимавший участия в управлении. Реальная власть была сосредоточена в руках царя, именуемого источниками по-разному: *ильк* (первый), *иша, бек, малик, тархан-каган* и т.д. Ибн-Даста, например, писал: царь хазар «называется Иша; верховный же государь у них – Хозар-Хакан. Но этот последний только по имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войс-

ками занимает положение такого рода, что не дает ответа никому, кто бы стоял выше его» (*Ибн-Даста* 1869, с. 16). По свидетельству Ибн-Фадлана, верховным правителем хазар являлся хакан, а его заместителем — бек. «Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется (перед народом), совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари» (*Ковалевский* 1956, с. 146).

Причину двойственной организации власти у хазар, алан, мадьяр и других народов Кавказа помогают вскрыть источники той поры. Так, согласно Масуди, хазары в случае неудачного похода, при засухе и т.д., приписывали «свое несчастье этому хакану», требовали у царя его смерти, утверждая: «его существование приносит нам вред» (*Караулов* 1908, сс. 46–47). В варианте В.Ф. Минорского: «Масуди говорит: в том, что мы сообщили, в действительности мы имели в виду не царя (*малик*) Хазар, а скорее *хакана*. В государстве хазар действительно имеется *хакан* и по существующему правилу он находится в руках другого *царя* и в его дворце. Хакан (постоянно) остается во дворце и не может ни выехать, ни появиться перед придворными и народом, ни покинуть свое жилище, в котором вместе с ним (живет) его семья. Он не отдает приказов, не принимает решений в государственных делах». Тем не менее, царь не смог бы полноценно управлять Хазарией, если бы хакан не находился рядом с ним, в замке (*Minorsky* 1958. P. 148).

Итак, хакан — фигура сакрализованная, реально не принимавшая участия в жизни социума. Однако, в случае каких-либо неблагоприятных обстоятельств, отвечать за неудачи во всех сферах бытия приходилось именно ему. Масуди продолжает: «Когда страну Хазар постигает голод или другое бедствие, или когда против хазар пойдут войною другие народы, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знать и простые люди быстро идут к царю и говорят: мы рассмотрели приметы об этом хакане и считаем их зловещими. Так убей его, или передай нам, чтобы мы могли убить его сами» (*Minorsky* 1958. P. 148).

По данным Ибн-Фадлана, каган правил 40 лет. «Если он переживал (хотя бы) на один день, то подданные и его приближенные уволят или убьют и скажут: у этого ум уже уменьшился и его суждение (стало) путаным (неясным)» (*Ковалевский* 1956, с. 147).

С личностью сакрализованных правителей связывалось благополучие всего этноса, а все несчастья приписывались ослаблению их божественной силы. Это характерно не только для

хазар, мадьяр или алан. По данным Н. Харузина (1903, сс.240–259), институт «второго царя» бытовал у многих народов мира на всех континентах; на определенной стадии развития главу общества воображение народа наделяло сверхъестественными способностями. В соответствии с этими верованиями предполагалось, что ход природных явлений и жизнь коллектива в какой-то мере находились под контролем «царя». При этом исходили из того, что его власть над природой, подданными, рабами и т.д. осуществлялась посредством волевых актов. Поэтому, если имели место засухи, голод, эпидемии, бури, народ связывал эти напасти с преступным поведением «царя». За это его наказывали и даже убивали. В таком изменении поведения народа (от безоговорочного подчинения до лишения жизни) нет ничего непоследовательного. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если верховный правитель является воплощением божества, он должен хранить свой народ; в противном случае он должен уступить место более способному преемнику (*Фрэзер* 1983, сс. 165–168; *Пропп* 1986, сс. 332–335).

Ибн-Фадлан, побывавший в этих местах в 921/2 гг., писал, что у хазар есть малик, называемый хаканом; он показывается (народу, знати?) раз в 4 месяца. У него есть «халифа» («заменяющий в делах»), именуемый хакан-бех. Последний командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». Как видно, по сути никакого двоевластия уже нет. Показателен и титул «хакан-бек». Его можно перевести как «хакан-государь», т.е. реальный хакан. Примерно так же чуть позже описывали Хазарию Истахри и Ибн-Хаукаль. Таким образом, в X в. двоевластие сменилось властью бека, «лишившего хакана реальной власти и влияния» (*Новосельцев* 1990, сс. 134, 137–142).

Чифдом. В 557 г. некоторые саны, «оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается *Феодор*, их соотечественник, считавшийся *одним из первых римских токсиархов*» (курсив мой – Ф.Г.). Возведя полевой укрепленный лагерь около города Феодориада, пригласил санов, «которые были еще спокойны и дружественны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность». Вскоре вокруг лагеря разгорелся бой; Феодор отправил большую часть своего отряда в тыл наступавших (*Агафий* 1953, сс. 137–138). Одержав бес-

спорную победу, Феодор еще более упрочил свое положение и авторитет как среди соплеменников, так и среди римлян.

Один из ранних арабских авторов, Якуби, сообщает о посольстве 853/4 гг. «санарийцев» к властителям Восточной Европы, в том числе — «сахибу ас-сакалиба». Термин *сахиб* в синхронных Якуби источниках употребляется в значении «властитель», «государь»; например, сахиб ас-Сарир — властитель Сарира, сахиб ар-Рум — государь Рума (византийский император). Источники сообщают о восстании санарийцев против халифата «и карательной экспедиции против них полководца Буги, восставшие обратились за помощью к трем крупнейшим властителям тогдашнего времени, от которых они могли получить помощь против халифа: Византии, Хазарии и некоему *сахиб ас-сакалиба* (владыке славян)» (*Новосельцев* 2000, сс. 279, 377–378).

Якуби в разделе о днях правления на Кавказе Хузаймы ибн-Хазима ат-Тамими поведал о невиданной жестокости арабского ставленника, «который схватил бактриков и детей царей, отрезал им головы и (вообще) обращался с ними самым скверным образом. Это вызвало возмущение в Джурджане и в Санарии. Он отправил против них армию, но они уничтожили ее; тогда он послал против них Са'ида ибн-ал-Хайсама ибн-Шу'бу ибн-Зухайра ат-Тамими во главе большой армии, и он воевал с жителями Джурджана и Санарии до тех пор, пока не выгнал их из страны». Позднее правителем Армении ар-Рашид назначил ал-Аббаса ибн-Зуфара ал-Хилали. «При нем восстали санарийцы, и он сразился с ними, но не смог их одолеть» (*Якуби* 1927, с.12). С санарами пытался справиться и Буга; «он двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство» (*там же*, с. 21).

Отметим информацию Масуди о «царстве Санария», находившемся «между Тифлисом и Аланским укреплением»; «а царя их зовут Курискус. Этот народ исповедует христианство» (*Караулов* 1908, с. 57; *Minorsky* 1958. P. 161–162).

Существенным фактором классообразования у народов Северного Кавказа являлось исполнение функций (военного) руководства, что некоторые исследователи обозначают понятием «власть-собственность» (*Васильев* 1982, сс. 60–99).

Занятие важных общественных должностей способствовало имущественному благосостоянию и в то же время служило самой прочной его гарантией. Усложнение социальных структур и производственных процессов приводили к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые община поначалу лишь эпизодически несла на содержание лиц, занятых организационно-управленческими

функциями, постепенно превращались в фиксированный налог и даже становились формой эксплуатации. Следовательно, из двух возможных вариантов формирования классового общества: путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта, или путем монополизации общественной должностной функции, для народов Северного Кавказа характерен второй путь.

В VIII в. начинается завершающий этап политогенеза у алан, приведший к образованию в начале X в. раннеклассового общества. Верховная власть в нем сосредоточилась в руках высшего слоя военной аристократии — багатаров. Согласно Ибн-Рустэ, «царь алан называется Б.гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей». Данный титул изначально применялся по отношению к полководцам, но с течением времени он получил новый оттенок и некоторое время применялся также в отношении царей Алании. Таким способом, как представляется, они указывали на свою связь с определенным типом знати — военной аристократией. Одновременно царь алан носил заимствованный у хазар титул *кэркундедж* (*Караулов* 1908, с. 53; *Аланика* 2000, № 3, с. 215). Иными словами, царь являлся носителем и военной и гражданской власти.

По историографической традиции, аланское общество X в. считается раннефеодальным, хотя до сих пор никто не доказал существование в то время именно феодальных методов эксплуатации. Источники начала X в. алан разделяют на «людей знатных и властных» и «простых людей». Но ведь таких свидетельств мало для утверждения о феодальном характере отношений между «знатными» и «простыми». Эксплуатация населения на рубеже IX—X вв. вряд ли осуществлялась рентным способом (во всяком случае, источники не говорят об этом), использовались другие методы изъятия прибавочного продукта.

Таким образом, существующие источники о ряде социумов Дагестана, Алании и каганате IX—X вв. позволяют говорить о них как о раннеклассовых обществах. В каждом из них имелись классы-сословия, аппарат управления; прибавочный продукт у общинников изымался посредством даней, налогов, «даров» и т.д. Следов ренты обнаружить не удается. Некоторые советские историки данные этнополитические образования относили к раннефеодальным государствам, как представляется, только потому, что они уже не являлись родовыми и в то же время не были рабовладельческими.

Советы некоторых этносоциальных организмов Кавказа в разное время зафиксированы античными и раннесредневековыми авторами. Так, в арабской версии Агатангехоса говорится о

«царе алан» и «*собрании* князей» (*Габриелян* 1989, сс. 51, 53). В совет царя Армении в тот же период входили представители разных слоев населения: «в часы придворных званых пиршеств... выносилось 900 подушек», на которых восседали гости (*Адонц* 1971, с. 239). Как мы уже отмечали,еще в IV в. мнение *шинаканов* (рядового населения) в определенной мере учитывалось при решении важнейших вопросов общегосударственного масштаба. Фавстос Бузанд оставил описание «собора» середины IV в. Царь Аршак долгие годы воевал с персами. В конце концов эти войны так истощили страну, что к католикосу собрались «все люди Армянского царства», включая «дасапетк шинаканац» — глав, старейшин шинаканского сословия. Собор объявил, что «народ устал и воевать больше не хочет, предложив царю при желании воевать самому. После отказа такого авторитетного собрания Аршаку ничего не оставалось, как сдаться на милость шаха Шапура II» (*Новосельцев* 1980, сс. 62–63).

Напомним состав совета середины V в., созванного по инициативе 15-летнего царя Грузии — Вахтанга Горгасала. Созвал он «знатных картлийцев.... устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседал *спаспет* Джуаншер и оба епископа, а все прочие *эриставы* расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навытяжку» (*Джуаншер* 1986, с. 61).

Перед нами — описание совета; интересна структура его участников: на престоле, помимо царя, сидели спаспет и два (!) епископа, что указывает на степень реальной власти Вахтанга. И если *спаспет* («второй» царь) в социальной структуре древней Грузии давно (по всей вероятности, с начала н.э.) играл весьма важную роль, то присутствие рядом с царем двух епископов свидетельствует о возросшем к середине I тысячелетия влиянии духовенства. Обратим внимание на участие в нем военной знати разных степеней (тысячников и сотников). Но особенно примечательно присутствие в зале рядовых воинов. В целом нарисованная Джуаншером картина заседания скорее напоминает собрание общества с военно-иерархической структурой, нежели «царство» в полном смысле этого термина.

Как полагал А.Х. Магометов, собрание общинников на Кавказе являлось верховным органом, решавшим хозяйственные, судебные и общественные дела сельской общины. По его мнению, еще в первой половине XIX века на нем решались военные вопросы — о набеге, мире и пр. (*Магометов* 1968; 1968а).

Важная роль народного собрания и ограничение им власти правителей в жизни средневекового Дагестана — «наиболее характерная черта общественного строя, сложившегося на основе

античной формы земельной собственности: ни один из собственников и совладельцев не хотел быть в стороне, в силу вступал феномен 'власти-собственности'» (*Агларов* 1988, сс. 173–174), как его образно определил Л.С. Васильев (1982).

В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», документе более позднего времени, говорится: «Над обеими частями... возвышалась власть уцмия, власть эта была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным всенародным собранием», происходившем в с. Башлы (*ФОД*, сс. 182–183). Помимо этого своеобразного веча, на протяжении всего средневековья в Кайтаге сохранялись элементы дофеодальных общественных институтов.

В социальной структуре кубачинцев начала XVIII в. обратим внимание на специфический институт управления, который состоял из 12 ежегодно «выбираемых» старшин. Они «в тот год все ссоры судят, и во всем им послушны бывают; и понеже оные все равны, то очередь до каждого доходит между ними правительственными быть». Этот сюжет перекликается со свидетельством А. Лопухина: «Кубеша... никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно». Насколько известно, еще задолго до этого среди свободных, равных между собой жителей выделялись т.н. «родовитые», «богатые», «влиятельные» люди, в том числе небольшая группа местного мусульманского духовенства (*Гаджиев* 1979, с. 132).

Своеобразные «собрания» зафиксированы в средневековой Кабарде. Косвенные данные адыгского фольклора свидетельствуют об избрании Инала верховным князем на *хасе*. Под последним понимается «политический институт, являвшийся высшим органом власти в рамках того общества, где он функционировал». Хотя общественная жизнь адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы, она была отделена «от основной массы народа». Состав хасы не избирался. По внешним признакам то же самое можно сказать и о феодальных советах, в которых «князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинника». Деятельностью таких советов «руководил пожизненно избираемый председатель»; в феодальной хасе – *пщы-тхъэмада* (*Кажаров* 1992, сс. 16–17).

Собрание общинников в осетинском обозначается словом *ныхас*. Симптоматично, что смысловое значение термина – «место, (площадь), где обычно собираются для беседы мужчины». Этимологическое значение – «слово», «речь», «разговор», «беседа». Восходит к **ni-kasa-*.

Г.Д. Чиковани ныхас определял как традиционный орган,

непосредственно связанный с управлением села, регулированием всех сторон его жизни. Вместе с тем, он подчеркнул, что сословный характер горной Осетии накладывал отпечаток на социальный характер ныхаса (*Чиковани* 1979, сс. 29, 35.).

Б.А. Калоев признал значительную роль ныхаса в прошлом, когда он представлял собой совет родовых старейшин. В дальнейшем этот институт утратил свою первоначальную роль (*Калоев* 1971, с. 200).

В XIX в. наряду с аульными отмечены квартальные и общесельские ныхасы. Существование нескольких видов общинных собраний не является спецификой сельского мира Осетии. Например, в истории постфеодальной России известны собрания: 1) общины, 2) «валовые» (всеобщие) сходы каждой «дачи» или «трети» – 20–30 деревень, 3) по особо важным делам собирались представители двух соседних властей (*Александров* 1975, с. 105).

По мнению Г.Д. Чиковани, в Осетии на собрании общинников могли присутствовать «все совершеннолетние мужчины независимо от происхождения и религиозной принадлежности». Однако тут же автор замечает, что в Тагаурии и Дигории право голоса на ныхасе не имели рабы и кумаяги (*Чиковани* 1979, сс. 51–52). Такое ограничение, на наш взгляд, следует распространить на всю Осетию. Так как кавдасарды не являлись полноправными гражданами общества, то они не принимали активного участия в собраниях общины, не избирались в *тархонлаги* «судьи» и т.д. В соседних горских обществах категории населения, аналогичные осетинским кавдасардам и рабам, также не участвовали в народных собраниях (*Магометов* 1978, с. 51; *Невская В.П., Невская Т.А.* 1975, с. 29). Участие в ныхасе с определенного времени стало обязательным для глав семей. Поэтому нередко (например, в периоды сельскохозяйственных работ) право посещения собраний превращалось в обременительную обязанность. Обязательную явку представителей всех дворов на собрание М.О. Косвен справедливо относил к разряду повинностей (*Косвен* 1961, с. 18). На ныхасе обычно проводили досуг, деловые вопросы обсуждали по мере надобности. Собрание не было организованным, не имело исполнительного органа, не соблюдалась даже формальная процедура (*Гаглоева* 1981, с 129). Не только у осетин, но и у всех народов Северного Кавказа важнейшие дела общественной жизни решались феодальной (или сельской) верхушкой (*Хашаев* 1961, сс. 36–37; *Невская В.П., Невская Т.А.* 1978, с. 29; *Исаева Т.А., Исаев С.А.* 1982, сс. 51–52; *Мужухоева* 1982, с. 69).

Юридические функции общины в Осетии в средние века перешли в руки феодалов. Даже в третейский суд избирались

авторитетные лица непременно из алдарского сословия (*Лиахвели* 1886, с. 202). Иными словами, алдары и баделята, осуществляя верховную власть в своих владениях, подчинили себе и уголовные дела, которые первоначально по обычному праву разрешались с помощью посредников. Феодалы «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу» (*Ковалевский* 1886, т.1, сс. 45–46). По мнению Н.С. Мансурова, суд тархонлагов «представлял собой учреждение более поздних времен, когда частная собственность и сословная дифференциация среди горцев Северного Кавказа уже приняли присущие им формы феодальной эпохи...» (*Мансуров* 1894).

Вне компетенции общины находился и вопрос о приеме новых членов – разрешение на поселение исходило от феодала; последний мог прогнать крестьянина, если фарсаглаг не выполнял своих обязанностей перед ним (*Леонтович* 1883, с. 14). Хозяйственные функции общины в Осетии были весьма значительны: время посева, жатвы, покоса кормов для скота и т.д. определялись на нихасе (*Чиковани* 1979, с. 56). Но это, по-видимому, вообще характерно для периода феодализма (*Сказкин* 1973, 55).

В Дагестане «народное собрание («руккел», этимология слова не ясна) созывалось в наиболее важных случаях и являлось верховным органом правления». Женщины и дети до 15 лет на собрание не допускались. Голосование было открытым. Народные собрания созывались крайне редко, лишь по особо важным вопросам (*Агларов* 1988, сс. 172–173).

Функции народного собрания в промежутках между его заседаниями исполнял *совет старейшин*. Его члены назывались «джамаатчи» (авар.), причем возрастной минимум для возможного участия в работе совета составлял 40 лет. «Отбор в совет старейшин был направленным». В их число не допускались *лаги*; люди, опороченные каким-либо проступком; некоммуникабельные и не способные к общественной деятельности, чужаки и, как правило, бедняки. С учетом названных и иных ограничений, совет, по сути, представлял собой собрание господствующих сословий. Совет на год назначал группу правителей (*чIухIби*), судей (*диванчи*) и казначея. Самостоятельно выдвигался *цевехъан*, ведавший военными делами (*там же*, с. 174).

Ранние формы эксплуатации. В структуре управления сел. Ахты ученые выделяют глав тухумов. Как заметил М.М. Ковалевский, «в сел. Ахты главой тухума считался старший, *избираемый* (курсив мой – Ф.Г.) на собрании всех его членов. Все

члены тухума обязаны были обращаться к нему за советом» (*Ковалевский* 1890, т. I, сс. 152–155).

Напомним интересную деталь в структуре общества Ахты. Она отражена в надписи на камне в стене жилого дома в старой части селения. Надпись тщательно сбита; сохранились лишь отдельные буквы. «По преданию, надпись гласила о праве старейшего в Ахтах квартала взимать дань с жителей других кварталов того же селения. Последние тайком уничтожили надпись, чтобы изгладить память о своей былой зависимости». Р.Г. Маршаев полагает, что «в надписи речь шла о праве Гюнейского (верхнего) квартала на получение дани с новоселов, переселившихся сюда из сел. Зрых» (*Лавров* 1966, с. 96).

Не менее интересно еще одно обстоятельство. Мужчины Ахты обеспечивали защиту 11 сельских обществ, входивших с ними в один союз. В военное время все 11 аулов обязаны были подчиняться руководству ахтынских аксакалов. В мирное время последние наблюдали за своевременным взносом «закята», а также за тем, чтобы в гражданских и уголовных делах окончательное решение принимали исключительно ахтынские посредники (*Гаджиев* 1979, с. 195). Решения аксакалов доводились до рядового населения *чаушами*; так назывались лица, «проводившие в жизнь решения аксакалов». Они «получали» в год по одному быку, имели право приходить при каждой свадьбе и поминовении за маслом, мясом, крупой и дровами.

Возможно, еще в предмонгольский период у кабардинцев трансформировались некоторые институты прежних эпох. В частности, одним из элементов урегулирования кровной мести в средние века являлся обычай *барантования*. Его суть заключалась в самовольном захвате потерпевшей стороной какого-либо имущества своих кровников. В традиционных обществах данная «мера содействовала скорейшему и справедливому урегулированию возникших конфликтов... после удовлетворения своей претензии...(потерпевший – Ф.Г.) возвращал взятое в качестве баранты имущество». Совершенно иное содержание рассматриваемый институт приобрел в средние века. Феодалы «ряда народов Северного Кавказа присвоили преимущественное право барантования», тем самым превратив этот институт в важное средство подчинения населения. Фактически любой неугодный поступок мог стать поводом для захвата имущества крестьянина (как и прежде, чаще всего – скота). Причем, феодалы, как правило, при любом результате не возвращали имущество, ибо теперь оно рассматривалось «не как залог, а как штраф за нанесенную якобы феодалу обиду и поругание его чести» (*Гарданов* 2004, сс. 200–201).

В средние века некоторые институты прошедших эпох не

только не исчезли, но даже окрепли. И в этом Северный Кавказ — не исключение. Так, в начале II тысячелетия в Испании встречаются такие черты «общественной жизни, которые, казалось бы, отошли в прошлое: наличие значительного слоя мелких земельных собственников, *более прочное* крестьянское общинное устройство, чем прежде. В сельском хозяйстве *резко возросло значение скотоводства* и *уменьшился удельный вес земледелия* (курсив мой — Ф.Г.) — обстоятельство, отнюдь не способствующее интенсивному росту феодальных отношений» (*Корсунский* 1976, с. 83).

Однако само по себе наличие в том или ином социуме институтов прошедших эпох мало что дает в стадиально-типологической характеристике общества. На примере горной Сванетии это показал Г.А. Гасвиани, подчеркнув в этой связи: «В результате стремления к некоторому преувеличению роли пережиточных явлений в быту горцев, а также к установлению исторического универсализма характерных для ранних эпох институтов, общественный строй грузинских горцев в ряде работ выглядел более примитивным, чем он был на самом деле. Вместе с тем в должной мере не были учтены те явления, которые свидетельствуют о единстве исторических процессов в обеих (горной и равнинной — Ф.Г.) частях Грузии» (Гасвиани 1990, с. 5).

Среди разнообразных повинностей в Дагестане особое место занимал институт *пахту*. Этим термином обозначалась обязанность раз в год угощать представителей одного аула жителями других аулов. Данная практика отмечена только в Ахтынаринском союзе сельских общин и относится, вероятно, к местным повинностям домонгольской эпохи. Такой же институт бытовал и в Армении. В домонгольский период пахту относился к числу основных феодальных повинностей, обязывая крестьян вносить определенную часть урожая землевладельцу. Происхождение рассматриваемого института связано, скорее всего, с системой покровительства, широко распространенной в период генезиса феодализма (*Шихсаидов* 1975, с. 92). Аналогичный институт бытовал в средневековой Грузии; в Чечено-Ингушетии крестьян, искавших покровительства со стороны «сильных», называли «живущие у плетня сильных» (*Кушева* 1969, с. 182; *Гаглоева* 1981, сс. 97–98).

В Ахтынаринском союзе сельских общин покровительства искала не одна семья или тухум, а целый ряд селений. Ахты выступал в роли коллективного покровителя.

Ряд малочисленных и слабых цахурских аулов поиски покровительства в итоге привели к признанию такого рода власти над собой со стороны крупного аула — Цахура. Сохранилось

историческое предание, по которому «приблизительно в 500 г. магометанской эры, в ущелье» Самур основано селение Цахур. В то время оно стало «самым сильным... по многолюдству и отваге его обитателей». Из окрестных мест «стали приходить к цахурцам другие племена, селились и за это сначала подчинились им, а потом и совершенно попали под их владычество». Цахурцы всех их назвали своими раятами (подвластными). Сформировавшееся таким образом новое общество «избрало из цахурцев особых повелителей» (*Шихсаидов* 1975, с. 93).

Описанные события происходили рядом с Грузией, где в XI–XII вв. сложилась система патроната (кмоба), а в крестьянской среде оформилась особая прослойка *небиери* (добровольцев), искавших могущественного покровителя (*там же*).

В связи с проблемой возникновения зависимого населения у алан большой интерес вызывает социальный термин *армыдзыд*, на который первой обратила внимание З. Цховребова. Напомним: это слово представляет собой причастие от составного глагола «армы цæуын» (входить под чью-либо руку). Так назывались люди, отдававшие себя под покровительство сильного рода. Представитель слабого рода являлся к знатному лицу и говорил: «уæ армы цæуын», т.е. «я вхожу под вашу руку». Это давало ему надежную защиту. Покровительство обусловливалось рядом повинностей: армыдзыд платил налог, работал на патрона, поставлял воинов в необходимых случаях и т.д. С армыдзыд тесно связано понятие *ælдар* (от «армдар» – рукодержец). Они взаимно дополняют друг друга. Алдар «рукодержец» существовал постольку, поскольку был **«армыдзыд»,** т.е. было над кем держать свою руку. Отношения, раскрываемые этими терминами, возникли, видимо, еще на начальных этапах классообразования. Но законченную форму они приобрели в феодальном обществе (*Абаев* 1968, сс. 5–26.), в котором покровительство трансформировалось в отношения господства и подчинения.

Патронатные отношения прослеживаются и по материалам других горских народов. До присоединения к России горная часть Самурского округа принадлежала казикумухскому хану и елисуйскому султану. Казикумухские ханы представили своим родственникам Шуаиб-беку и Исаак-беку следуемую им дань с двух деревень Самура – Луткуна и Ялаха, *вносимую ими хану за покровительство и защиту* от притеснений «вольных» обществ (*Гаджиев А.С.* 1988, с. 161).

У ингушей бытовал «обычай примыкания слабой семьи к сильной». Он именовался *истара вошал* и «предполагал выполнение слабой семьей обряда, который сопровождался закланием быка или козы и устройством пиршества в честь сильной

фамилии». После него «сильная» семья брала под защиту покровительствуемую семью. Последняя, в свою очередь, обязывалась оказывать ряд услуг. Данная практика была широко распространена среди других народов. Параллели можно привести из прошлого горцев, в том числе — из прошлого жителей ущелья Грузии. Там он известен под названием *харквабат шемокрилоба* (*Робакидзе* 1988, сс. 16—17). В грузинских письменных источниках семьи, ищущие покровительства, именовались *мокидебули*. По мнению некоторых грузинских историков, описанный институт сыграл «значительную роль в возникновении и развитии феодальных отношений» (*там же*, с. 17).

Аналогичная практика отмечена и в истории многих западно-европейских обществ. Так, в Кастилии IX—XIII вв. некоторые деревни пользовались привилегией самим выбирать себе сеньора, произвольно либо из определенного рода. В многочисленных грамотах речь идет о коммендации с целью получения от сеньора защиты и покровительства. В ряде случаев общинники передавали сеньору всю свою землю, оставаясь ее владельцами и сохраняя свободу. В этом случае крестьяне обычно выплачивали оброк, который в начале XI в. доходил до 1/3 части урожая (*Корсунский* 1976, с. 73).

Здесь же отметим практику своего рода «призвания князей»[86]. В 1065 г. свергнутый с престола Дербента эмир Абдалмалик нашел убежище в Хайдаке. В 1070 г. «*народ* ал-Баба снова призвал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город (балад), *вручили ему власть*, и он стал *сражаться* с ширванцами». Но через 5 лет его вновь изгнали» (*История Дагестана* 2004, сс. 197—198; курсив мой — Ф.Г).

Появление беков в Цахуре устная традиция связывает с событиями давней истории. Некогда Цахур был центром «вольной» общины. При каждых выборах старейшины-предводителя межтухумные отношения накалялись. Пытаясь урегулировать их, общинники пригласили в правители беков из несуществующего ныне селения Хоца. Однако пришлые беки «стали важничать и производить разные бесчинства». В итоге выведенный из терпения народ решил покончить с беками и убить их всех, включая женщин и детей. Восемнадцать «смельчаков-цахурцев перебили беков, молившихся в мечети, а затем в домах беков убили всех стариков, женщин и детей (*История Дагестана* 2004, с. 365).

Несколько сот лет назад селение Янтикент Кайтаго-Табасаранского округа пригласило бека Амирчупуна. Как защитнику населения от врагов и правителю края каждый раят платил беку ежегодно 3 рубля деньгами, 10 фунтов табаку, 1/2 сафьяна.

По просьбе свободных крестьян бек Амирхан был назначен шамхалом — правителем селения Кадар. «Тогда мы не чеканили, не имели монеты, — сказано в заявлении кадарцев, — так как шамхал предоставлял нам расплатиться натурой с нашими правителями, то мы платили тем, чем были богаты, — баранами, землей и ее обработкой».

Примерно в XVII в. нижнедженгутаевцы пригласили родоначальника мехтулинских князей для управления своим аулом. «Но пришедший князь требовал содержание, — сказано в документе. — Тогда наши деды, помимо других пособий, оказываемых своим правителям, дали им кутаны Аданак, Юхари-кутан, Идакум, Парнакси, Урута, доходы от которых служили вознаграждением за их попечение в интересах аула, которое выражалось в том, что князья должны были учинять суд и расправу тяжб в самом ауле и предводительствовать ополчением аула в сражениях и стычках с соседями» (*Гаджиев* 1988, сс.161–162).

Народные предания рисуют картину «призвания» кабардинских князей. Мисостовы, Джембулатовы и Атажукины были призваны «для охранения... от насилия... с каждой упомянутой фамилии кабардинских князей на три года по одному князю, которые, кроме такового охранения, обязаны были провожать ездящих по своим надобностям в разные места и отыскивать у них кем-либо только похищенное или явно отнятое, за каковое трехлетнее охранение от всяких насилий и обид платили поименованным трем князьям 1500 баранов и 100 штук рогатого скота; и сверх того, кто из них умел лучше их охранять, тому по просьбе его давалось особое уважение, да сверх того давали старшему князю всей Кабарды, которой бы он фамилии ни был, с каждого дома по одному барану» (*Кожев* 2005, с. 134).

Феодализм и земельная собственность. В марксистской историографии одним из признаков сложившегося феодализма считалась иерархическая структура земельной собственности. Вообще — «иерархия есть идеальная форма феодализма» (К.Маркс). Но эта структура выражалась в разных формах и развивалась в неодинаковой степени. Феод, сложившийся во Франции в X–XI вв., не являлся неотъемлемой чертой всякого феодального общества[87] (*Корсунский* 1976, с. 141).

Как отметил А.П. Пронштейн (1988, сс. 26–27), на Северном Кавказе феодальная собственность на землю или не успела сложиться, или не была юридически оформлена[88]. Поэтому проблемы становления и развития на Кавказе частной и феодальной собственности нуждаются в углубленной разработке.

Наиболее четко рост феодальной собственности и формирова-

ние раннефеодальных отношений с наличием определенных подпериодов Р.Г. Маршаев и Ш.Ф. Мухамедьяров относят к золотоордынскому времени. Названные ученые связывают стадиально-типологические особенности горского феодализма, помимо прочего, с формами собственности на землю, естественно-географическими и демографическими факторами, крайне ограничивавшими фонды пахотных земель и дававшими феодалам возможность привлечения части населения к военным походам. Общественное развитие тормозилось и медленным превращением феодальной коллективной собственности в вотчину (*Маршаев,* Мухаммедьяров 1988, сс. 134,137).

Маркером того или иного этапа феодальных отношений принято считать характер земельной собственности[89]. Ее основными формами в Дагестане X–XIII вв. были: государственная, феодальная, вакуфная, общинная, мульки. В указанное время соотношение форм земельной собственности неоднократно менялось. В рассматриваемых хронологических границах общая тенденция развития землевладения заключалась в росте частных участков, как феодальных, так и крестьянских. Среди терминов, обозначавших формы земельной собственности, в арабских памятниках о Дагестане X–XI вв. часто употребляется термин *дийа*. Йакут писал по этому поводу: «У жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населенные области» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 270–271).

В Дербенте в XI в. наиболее богатым среди горожан был «раис раисов» Муфарридж ибн-Музаффар, на правах собственности имевший несколько владений (*История Дагестана* 2004, с. 217)

Здесь же напомним: некоторые кавказоведы к основным формам земельной собственности в Дагестане X – середины XIII в. относили: земли феодалов, государственные земли, мульки, общественные угодья, вакуфные земли. В очерченных хронологических границах общая линия развития собственности заключалась в количественном росте частных участков как феодального, так и крестьянского типа. Прослеживается «увеличение мульков крестьянского типа, зачастую за счет феодальной собственности. Это – отражение процесса децентрализации, иногда дефеодализации, усиления сельских общин». Отмечена и специфика вакфа в Дагестане: «как правило, в пользу мечети отдавались не земельные участки, а... определенная доля урожая с определенных земельных участков» (*там же*, сс. 215–216).

В Лакзе X–XII вв., помимо маликов и стоявших ступенькой

ниже них *хамашира*, жили категории населения, известные как *муххан*, *м.шак*, *акара*. Обратим внимание на то, что под термином *мшак*, скорее всего, имелись в виду лица, не имевшие земли, или по каким-то причинам потерявшие ее. *Акара* – категория феодально-зависимого населения, еще точнее – крестьяне-издольщики. Основная масса крестьянства X – первой половины XIII в. – «это юридически свободные владельцы малых пахотных земель (мульков)». В «Тарих Дагестан» данная категория крестьян названа *райятами*. Они составляли основную податную категорию населения (*там же*, с. 218).

Одним из крупнейших собственников являлся шамхал Казикумуха. В XIV в. «на правах мулька» ему принадлежали некоторые лакские земли и «ряд других селений» (*Шихсаидов* 1975, с. 132).

Масуди, напомним, писал, что в середине X в. правитель Серира распоряжался 12 000 селениями, «из которых он набирал столько слуг (или рабов *yasta'bidu*) сколько он хотел» (*Minorsky* 1958. P. 155). Но, как справедливо отметил А.Р. Шихсаидов, в приведенном свидетельстве Масуди «нельзя усмотреть, что правитель Серира выступает как верховный собственник обширной территории». Более того, «если правитель Серира и рассматривал себя как верховного собственника земли, то на практике это было, по всей вероятности, *полной фикцией* (курсив мой – Ф.Г.)» (*Шихсаидов* 1975, с. 64).

Р.М. Магомедов в свое время высказался за признание роста «феодальной собственности – мулька», который происходил «за счет захвата общинных и крестьянских земель» (*Магомедов* 1961, с. 114). В значении «владение» *мульк* использован в «Дербент-наме» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 17). Однако следует отметить, что *мульк* – форма *частной* земельной собственности, а не исключительно феодальной (*История Дагестана* 2004, с. 216).

В справке комиссии для решения сословно-поземельного вопроса в Дагестане сказано: «Первоначально земля никому не принадлежала. Каждый имел право занимать столько, сколько мог обработать. Но затем владетели все свободные, никем не занятые земли стали считать своими, занимали их под свои хозяйственные надобности и нередко, под видом защиты местности от врагов, заселяли их с предоставлением поселенцам земельных угодий, за пользование которыми поселенцы обязывались выставлять военную силу и отбывать известные повинности работой» (*Гаджиев А.С.* 1988, с. 160).

Анализ архивных материалов привел А.С. Гаджиева к выводу о самых различных способах присвоения феодалами общин-

ных земель и наделов свободных крестьян. В одних случаях свободные сельские общества, страдавшие от притеснений сильных соседей, вынуждены были обращаться к одному из феодалов с просьбой о защите. Но эта защита дорого обходилась крестьянам. Они утрачивали свою землю, перешедшую к «покровителю». Лишившись земли — основного средства производства, свободные крестьяне попадали в зависимость от ханов и беков. Крестьяне продолжали вести хозяйство на своем прежнем наделе. Но за пользование землей члены общины обязаны были работать на поле бека и отдавать ему часть своего урожая. Они уже не имели права уходить из своих аулов, были прикреплены к земле. Дети и внуки этих крестьян также оставались в зависимости от владельца земли (*там же*).

В системе аграрных отношений нагорного Дагестана, отмечает М.А. Агларов, даже в XVIII — XIX вв. относительно невелик удельный вес феодального землевладения; причем оно распространялось преимущественно на горные пастбища. В средневековой Аварии пахотные и сенокосные угодья ценились исключительно высоко и намного дороже, чем пастбища. Преимущественное присвоение феодалами пастбищ, продолжает ученый, не может быть объяснено «экономическим дефектом», что иногда утверждается в литературе. Причины такой «однобокой» формы феодального землевладения лежат глубже, прежде всего, в структуре аграрных отношений, сложившихся здесь еще в дофеодальный период. Для ответа на «вопрос о соотношении феодальной собственности с мульковой, нужно вычленить наиболее генеральное деление, а именно деление на общую и частную формы собственности». Эти альтернативные формы составляли дуализм в каждой из политических единиц, от рядовых общин до союзов сельских обществ и феодальных образований. Если вслед за М.А. Агларовым исходить из этих альтернативных форм, то феодальная собственность корреспондируется с узденьской (категория частной собственности), тогда как общественная земля являлась противоположной категорией и служила источником или питательной почвой для пополнения частновладельческих земель[90] (*Агларов* 1988, с. 197).

Как известно, в нагорном Дагестане доминировала частная собственность (мульки), включавшая в себя дом, двор, пахотные и сенокосные земли, сады, а в отдельных случаях пастбища и лесные участки. Эта картина дополнялась общинной собственностью на выпасы, альпийские луга и сенокосы. Феодальная категория частной собственности складывалась из пахотных и пастбищных земель; «доля пастбищ была огромной по сравнению с долей пашен»[91]. Такая картина находит объяснение в том,

что пахотные и другие, т.н. «оживленные», земли перешли в частную собственность еще задолго до феодализации общества, что создало огромное препятствие образованию феодальных латифундий за счет мульков. Данная модель формирования феодальной собственности характерна не только для горного Дагестана. С аналогичным процессом образования феодального землевладения мы сталкиваемся в странах господства классического феодализма. В Западной Европе объектом массового феодального присвоения являлись, прежде всего, общинные земли. Их присвоение происходило под лозунгом: «Что принадлежит народу, то принадлежит его представителю». Во Франции аллоды свободных крестьян были вне сферы господства феодального землевладения (*там же*, с. 198).

В Аварии, как и по всему горному Дагестану, в земледелии господствовала террасная система. Учитывая просто титанический труд, необходимый для создания и поддержания в порядке террасы, не удивительно, что они очень рано стали частной собственностью. Добычей феодалов становились общинные угодья, прежде всего — альпийские пастбища, захватив которые, они сдавали их в аренду тем же джамаатам, у которых эти земли были отторжены. Еще один вид горных земель — *харим* — контролировался несколькими соседними общинами. Жесткие постановления пресекали попытки их захвата как отдельными джамаатами, так и феодалами. «Если кто распахал хотя бы одну борозду общественной земли на солнечной стороне, с того взыскать в пользу сельского общества две овцы, а кто вспашет общественный выгон с теневой стороны на полсаха зерна, с того взыскать в пользу сельского общества одну овцу», — говорится в постановлении одного из аварских обществ. Тем не менее, в случае крайней необходимости специальным общим решением соседних социумов «делили определенные массивы земель среди всех членов джамаатов или отдельных лиц» (*там же*, с. 199).

Уцмии Кайтага, беки, члены уцмийского дома и другая знать располагали значительными массивами угодий. Так, сын уцмия Султана Ахмедхана обладал имуществом, мульками, землями; имел «слуг (хадама) и рабов (абид)». Земельный фонд беков отчасти формировался за счет дарений и покупки. «Эмир... поселился в селении Салар-арди... Он купил еще раньше его земли и строения от его владельцев... Все это он купил законным путем». Следует отметить, что «земельные дарения находились в наследственном владении беков», а купленные — «на правах частной собственности с правом налогового и административного иммунитета» (*История Дагестана* 2004, сс. 248– 249).

В.К. Гарданов, опираясь на адаты кабардинцев, князей счи-

тал «верховными собственниками земли». Аналогичная картина, по мнению ученого, наблюдалась у осетин, балкарцев, абазинцев, «старшины» (феодалы) которых являлись «главными владельцами земель в пределах своих племен, реализуя свою собственность на землю сбором феодальной ренты со своих соплеменников». Причем, формально владельцами угодий считались не отдельные феодалы, а «род», «фамилия» феодалов (*Гарданов* 2004, сс. 196–197).

Однако фактический материал не подтверждает данную точку зрения на характер земельной собственности. Косвенно с этим соглашался и сам В.К. Гарданов. «Феодалы, – писал он, – *присваивая в собственность лучшие земельные угодия* (курсив мой – Ф.Г.), не отказывались в то же время и от пользования общинной землей». В некоторых районах Северного Кавказа местная знать не выходила из общины и при земельных переделах требовала себе повышенный пай» (*там же*, с. 197).

А.В. Сивер недавно поставил вопрос: «А вправе ли мы применять термины и методы исследования европейского феодализма к социальной системе адыгов? Европейский феодализм предполагает наличие у господствующего сословия 'феодов', т.е. наследственного владения землей с прикрепленными к ней крестьянами; эта собственность одновременно является источником власти – административной, судебной и военной». Отвечая на поставленный вопрос, А.В. Сивер обратил внимание на отличие земельного права адыгов от европейского. «Знать владела своей долей общинной земли на общих основаниях, по крайней мере, до XIX в.» (*Сивер* 2003, сс. 16–17)

Не оспаривая в принципе последнего утверждения, позволим себе не согласиться с точкой зрения А.В. Сивера относительно форм земельной собственности в средневековой Кабарде.

По С.Н. Бейтуганову, земля в том или ином княжестве «давалась подвластным не в частную собственность, а как плата за службу, преимущественно военную» (*Бейтуганов* 1988, сс. 279–280).

Тохтамышевы стали первостепенными узденями князей Атажукиных, от которых «получили в дань земли, чтобы только таковая дань переходила по наследству тем только, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами. Продать или заложить сказанную долю не представлено было роду» (*Бейтуганов* 1998, с. 278).

А.В. Сивер усомнился в наличии в средневековой Кабарде феодальной собственности на землю: «при переселении пше или даже тлокотлеша с одного места на другое... обязаны были переселяться вместе с ним и все подвластные его» (*Сивер* 2003,

с.17). Отметив, что «такое действительно встречалось нередко», автор продолжил: «Земля же в этом случае, судя по всему, интересовала владельцев меньше всего». Вывод следовал безоговорочный: «Таким образом, *земельная собственность не составляла основу власти 'феодала', а крестьяне были 'прикреплены' к владельцам, а не к земле*» (курсив мой – Ф.Г.). Но даже это касалось не всех крестьян, ибо «большинство их составляли тфокотли», имевшие право менять, по своему усмотрению, место проживания и владельца. Правда, по признанию А.В. Сивера, на тфокотлей «все равно распространялась административная и военная власть нобилей». Здесь следует еще один принципиальный вывод: «Объектом 'феодального' владения для адыгского нобилитета была не земля и не крестьяне как таковые, а особая априорная единица, обозначавшаяся собственно как 'удел' или 'владение'. Причем это была не территория, а именно совокупность поселений (общин) и родственных групп, которые могли существовать компактно или на расстоянии друг от друга» (*там же*).

Наиболее принципиально точку зрения об отсутствии связи земельной собственности с феодализмом отстаивал Л.И. Лавров: «Экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (на важных путях и в торговых городах) и особенно дань... предстоит разобраться: позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента является непременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» (*Лавров* 1978, сс.26–27).

В связи с рассматриваемым вопросом еще раз обратимся к дискуссии между Л.И. Лавровым и Е.Д. Налоевой. Надо сказать, что среди исследователей средневековой Кабарды было немало сторонников теории «безземельного феодализма». В рамках данного направления отрицалось само наличие земельной собственности у кабардинских князей, но вместе с тем признавалось наличие «феодализма и феодальной раздробленности» (В.П. Пожидаев, С.М. Месяц, И.Ф. Мужев, С.К. Бушуев и др.). Л.И. Лавров вновь обратил внимание на эту проблему: «До сих пор нет у нас ясного представления и в вопросе о землевладении при феодализме. Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. На-

пример, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось у большинства жителей Закавказья и не обеспеченных землей горцев Балкарии и Осетии, так и у населения 'вольных обществ' горной Чечни и Дагестана. А наряду с этим, земельная собственность к XIX веку еще не успела окончательно сформироваться у ногайцев и кабардинцев» (*там же*).

Позиция Л.И. Лаврова вызвала резкую реакцию со стороны Е.Д. Налоевой. По ее мнению, такой подход к вопросу о характере общественного строя и соотношении форм земельной собственности в средневековой Кабарде «ставит под сомнение итоги дискуссии» по данным вопросам. Причем, дискуссия «*считалась исчерпанной*» (*Налоева* 1980, с. 5).

С последним утверждением вряд ли можно согласиться. Ибо дискуссия по всем ключевым вопросам феодализма у горских народов (да и не только у них) — далека от завершения как почти полвека назад, так и сегодня. В ту пору это подтвердили крупные научные форумы «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» (*Проблемы*...1969) и «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа» (Махачкала, 11—12 июля 1980 г.).

На первой из названных сессий ставился вопрос: «Не объясняется ли разновременность, асинхронность победы определенных... общественных отношений на нашей планете *неравномерным* вызреванием этих отношений в различных районах, *многообразием* конкретных условий, способствующих ускорению, либо торможению объективного исторического процесса». Следует признать, что на рассматриваемой конференции историки, в том числе твердо стоявшие на марксистских позициях, признали: «Феодальные отношения возникали *по-разному* и в течение длительного времени представляли собой лишь *один* из существовавших общественных укладов, далеко не единственный» (*Жуков* 1969, сс. 11, 13).

На том же форуме была высказана и другая мысль: «*Переход к раннефеодальной организации общества может иметь, как известно, своим исходным пунктом различные общественные формации, разные уклады и даже комбинацию таковых*» (*Удальцова* 1969, с. 19). Заслуживает внимания следующая идея: «Рождение феодализма — это сложный многоликий процесс, происходящий разнообразными путями, зависящими от специфики конкретно-исторических условий» (*там же*, с. 20).

Как видно, тезис о «неоспоримых» итогах дискуссии о горском феодализме несостоятелен. Тем не менее, Е.Д. Налоева продолжила: «На наш взгляд, существование или отсутствие земельной собственности не столько зависит от уровня соци-

альных отношений, сколько сам уровень социальных отношений зависит от наличия или отсутствия земельной собственности» (*Налоева* 1980, с. 6).

Л.И. Лавров писал: «Мы (советские исследователи – Ф.Г.), обычно находимся под впечатлением европейского феодализма, породившего впечатление, что главное в феодализме – феодальная собственность на землю» (*Лавров* 1978, с. 27).

И это, конечно, дискуссионное высказывание вызвало отповедь Е.Д. Налоевой: «Таким образом, по Л.И. Лаврову, в средние века существовали два типа феодализма, один из которых базировался на землевладении (европейский вариант) а второй – на военных трофеях, пошлинах и дани, для которого необязательна феодальная собственность на землю (кабардинский вариант)» (*Налоева* 1980, с. 7).

Какую-то специфику «кабардинского варианта» феодализма Е.Д. Налоева все-таки признает, ибо ее статья называется «Об *особенностях* кабардинского феодализма» (курсив мой – Ф.Г.). В связи с рассматриваемой проблемой напомним слова З.В. Удальцовой: «Гипотеза о наличии различных вариантов феодализма... на наш взгляд, заслуживает научного обсуждения» (*Удальцова* 1969, сс. 20–21).

Обратимся к упоминавшейся выше научной сессии 60-х годов минувшего столетия и приведем фрагмент выступления А.П. Пьянкова: «Известно, что классовые отношения могут длительное время существовать при отсутствии частной собственности на землю». Длительное по времени отсутствие «частной собственности на землю не мешало возникновению... феодальных отношений» (*Пьянков* 1969, с. 54).

В ходе обсуждения доклада А.П. Пьянкова Л.Б. Алаев поддержал коллегу в том, что «отсутствие частной собственности в общине не может служить причиной, препятствующей развитию феодализма и вообще развитию классовых антагонистических отношений» (*Проблемы...* 1969, сс. 102–103; см. также: *Гасвиани* 1980, с. 38).

Раннефеодальные общества горцев Северного Кавказа. Проблема генезиса т.н. «горского» феодализма чрезвычайно важна для решения теоретических проблем феодализма вообще. Выступая в 1964 г. на научной сессии, посвященной генезису феодализма у народов СССР, В.К. Гарданов подчеркнул: «Никакой другой материал в такой яркой и отчетливой форме не показывает генезиса феодализма и развития под оболочкой патриархальных отношений феодальных, как кавказский материл» (*Проблемы...* 1969, с. 225).

Накопленный фактический материал еще тридцать лет на-

зад позволил Л.И. Лаврову «говорить о существовании раннеклассового общества» у многих народов Северного Кавказа уже в античное время. Уровень общественно-экономического развития народов был неодинаков: у горцев более низкий, чем у племен степной полосы. В работах ученых советского периода указывалось на определяющую роль в историческом процессе на Северном Кавказе внутренних социально-экономических факторов, признавалось и влияние античной цивилизации, Византии, древнерусского и восточных государств.

Немало сторонников имела точка зрения о рабстве как об одном из укладов социально-экономической жизни горских народов; со временем он, будто бы, трансформировался в специфический феодальный уклад.

В дискуссии 1948 года о т.н. «кабардинском феодализме» было высказано немало принципиальных, иногда даже более чем принципиальных, предложений. Е.С. Зевакин, например, утверждал: «Феодализм в Кабарде стал складываться не в конце XVIII – начале XIX в., а как это видно из работы Г. Интериано, еще в конце XV в., когда среди адыгов имелись два антагонистических класса» (*Мамбетов* 2003, с. 13). С достаточно убедительными аргументами и новой дискуссионной идеей выступил А.И. Першиц. «Верно, что скотоводство являлось преобладающим занятием кабардинцев». Если признать, что «культурные обрабатываемые земли во всяком классовом обществе находятся в частной, государственной, феодальной или храмовой собственности, то скот – в частной собственности феодалов, а пастбища в большинстве случаев остаются в общинном владении даже после полного разложения общинно-родового строя». Именно в этом факторе А.И. Першиц видел специфику феодальных отношений в обществе скотоводов: формально, по обычному праву, пастбища считались «общинным владением племени или рода, фактически представляющем собой собственность феодальной верхушки общества. Именно таким путем у кочевых племен и народов складываются феодальные отношения под названием ‘кочевого феодализма’» (*там же*, с. 14).

Разложение первобытно-общинного строя у племен Северного Кавказа, отмечал В.К. Гарданов, началось еще в эпоху бронзы, а к XIII веку у большинства из них уже царила «феодальная раздробленность». Несмотря на это, «последующее развитие шло настолько медленно, что не дало возможности феодальным отношениям достаточно вызреть и освободиться от прикрывавшей их патриархальной оболочки» (*Гарданов* 2004, с. 192).

Сущность феодального способа производства В.К. Гарданов видел в повторении «процесса производства в прежних разме-

рах, на прежнем основании на протяжении многих веков». Своеобразным обеспечением этого процесса являлись традиционные нормы и формы эксплуатации, остававшиеся по сути неизменными в течение длительного периода (*там же*, с. 194).

Специфика средневековых «аристократических» обществ Северного Кавказа, как показал ученый, заключалась в преобразовании патриархальных институтов в одну из форм развития «горского» феодализма. Это обстоятельство, писал В.К. Гарданов, дает право охарактеризовать данные общества «как феодально-патриархальные» (*там же*, с. 201).

А.И. Робакидзе на кавказском материале попытался наметить три стадии в развитии феодальных отношений. К низшей ступени были отнесены народы, у которых господствующая верхушка уже оформилась в самостоятельное сословие, но подавляющее большинство населения составляли свободные общинники, «общественный быт насыщен сильными пережитками доклассовых отношений». Средняя ступень характеризовалась ростом феодальной собственности, оформлением господствующей верхушки в виде феодального сословия, увеличением зависимого населения, в том числе — «рабов и крепостных». Третья (высшая) ступень «отличается *безраздельным господством феодальной собственности* (курсив мой — Ф.Г.), сложностью сословной структуры, подавляющим большинством крепостных, сокращением удельного веса общинной собственности и тем, что элементы общественного быта и морали приобретают отчетливые классовые черты» (*Робакидзе* 1988, с. 18).

При всем многообразии переходных форм к феодализму, отмечает Е.Д. Налоева, существуют два основных пути: через рабовладельческую формацию и минуя ее. Обе формы накладывают глубокий отпечаток на ход и темпы развития феодальных отношений в целом.

В первом случае так или иначе наследуется многое из культурного достояния предшествующей цивилизации (города с их ремеслами, навыки строительной техники, письменность, государственная машина и другие надстроечные элементы), тогда как во втором — подобная преемственность отсутствует. Более того, некоторые народы, например, кабардинцы, миновавшие в своем развитии классическую форму рабства, якобы, не только не строили города, храмы, не создали свою письменность, но даже не смогли перенять их у других, и, тем не менее, объективный процесс развития производительных сил привел их к разложению родоплеменных отношений и зарождению феодальных. Но почему именно феодальные, а не рабовладельческие?

Отвечая на данный вопрос, Е.Д. Налоева пишет: «Как изве-

стно, при разложении родовых отношений выделение из общей массы тружеников социальной верхушки в лице более удачливых воинов — историческая необходимость. Это и понятно: территориальные община (недавно освободившиеся от родовой опеки земледельцы, скотоводы, ремесленники) нуждались в защите от внешних врагов. Эту функцию выполняла знать... способствуя консолидации этноса...» (*Налоева* 1980, сс. 14—15).

В силу отмеченного разделения сферы деятельности знать постепенно отрывается от непосредственного участия в производстве материальных благ и профессионализируется в особое военное сословие. Этот процесс стимулировался рядом факторов, среди коих Е.Д. Налоева выделила следующие. Во-первых, знать быстрее обогащалась за счет военной добычи. Во-вторых, ввиду отсутствия условий для развития рабства торговля рабами приняла большие размеры. В-третьих, нередко побежденные племена становились данниками победителей, являя собой прецедент массовой эксплуатации людей без отрыва от семей, места жительства и особой охраны. В-четвертых, в целях самозащиты и сами общины искали покровительство сильного на определенных условиях, когда патрон получал некие материальные блага. Наконец, к такому же результату приводили и частые перемещения племен или отдельных групп под эгидой предводителей. Переселение на облюбованные или отвоеванные вождями территории, естественно, порождало известную зависимость и переселенцев (*там же*, сс. 15—16).

В результате перемен институт покровительства становится традиционным критерием знатности и могущества личности: чем больше общин у патрона, тем выше его социально-политический статус. Борьба внутри феодализирующейся верхушки за увеличение количества зависимого населения превращается в важный фактор эпохи, что оставалось характерной чертой даже развитого феодализма. Борьба за общины преследовала как престижные, так и экономические цели: никакие военные трофеи и другие случайные доходы не могли создать и гарантировать стабильность экономического положения знати, тогда как эксплуатация зависимых общинников являлась источником материального благополучия.

«В условиях общего подъема складывающегося класса феодалов, — продолжает Е.Д. Налоева, — вполне закономерна дальнейшая экономическая экспансия во всех его подразделениях. Усиление эксплуатации выражалось не только в количественном размере поборов, но и в разнообразии форм отработочных и натуральных повинностей. Изменение форм эксплуатации качественно меняет институт покровительства, т.е. статус покровителя трансформируется в статус верховного владельца

земли и властелина общин соответственно его рангу в сословной иерархии» (*там же*, сс. 16–17).

«Таким образом, – резюмирует Е.Д. Налоева, – обе формы принуждения (экономическая и внеэкономическая) развивались параллельно, что обусловило формирование феодального способа производства, который немыслим без права собственности на землю и неполной собственности на крестьян» (*там же*, с. 17).

Развитие феодальных отношений шло по двум направлениям. С одной стороны, главы обществ наделяли землей определенные категории лиц «за службу» на различных условиях (временное или постоянное условное держание, безусловная передача и т.д.). С другой стороны, как отдельные крестьяне, так и целые общины (и даже союзы общин) искали «покровительства» со стороны мощного в военном отношении феодала. Такая практика известна во многих странах и регионах средневековья, в том числе и на Кавказе. Институт покровительства сменялся, как правило, отношениями зависимости и подчинения. Это сыграло важную роль в расширении феодальних владений, причем, не просто пустых земель, а угодий с работавшими на них крестьянами (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 280).

Р.Г. Маршаев и Ш.Ф. Мухаммедьяров начало формирования феодальных обществ на Северном Кавказе гипотетически относят к середине первого тысячелетия до н.э. и первого тысячелетия н.э., «когда происходит заметный процесс разложения родоплеменного строя при наличии определенных черт рабовладельческого уклада и превращения должностных лиц в феодальную знать». Археологические материалы начала нашей эры указывают на процесс выделения малой семьи и рост имущественной дифференциации внутри общин. Это время характеризуется дальнейшей экспансией кочевых племен, а также их оседанием на территории региона, что не могло не отразиться на этносоциальных процессах местных племен, возникновении территориальных военно-политических объединений, с большой ролью войны и организации для войны, которые становятся «регулярными функциями народной жизни». Это было время активнейшего процесса «военной демократии». Завершился данный этап сложением в регионе политических объединений алан, зихов, фатов, керкетов, ахеян, гениохов, гаргареев, гелов, легов, таваспаров, утиев, лпинов, дидов, хундзов и т. д. Завершение данного периода ознаменовалось превращением территориальной общины в ячейку переходного периода от патриархального общества к феодальному, хотя идеологическое единство родст-

венных организаций ее было еще сильно (*Маршаев, Мухаммедьяров* 1988, сс. 132–133).

На наш взгляд, указанные процессы в очерченных хронологических рамках никак нельзя трактовать как «складывание феодальных классовых обществ и государств».

Следующий период, по схеме Р.Г. Маршаева и Ш.Ф. Мухаммедьярова, V–XII вв., характеризуется развитием феодальных отношений вширь, т.е. заметно наступление знати на общинные пастбища. «Этот процесс приводил к возникновению зависимости крестьянских общин. Важнейшим фактором данного периода было возникновение политических организаций феодального типа». Некоторые из них стали играть большую роль во внутри- и внешнеполитической жизни региона. Как отметили дагестанские ученые, в целях защиты своей собственности феодальная семья возводила замки, служившие средством господства над окружающим населением. Тогда же на Северный Кавказ проникают христианство и ислам, положившие, якобы, конец культурно-религиозному обособлению народов.

Особенно заметное, как полагают Р.Г. Маршаев и Ш.Ф. Мухаммедьяров, формирование раннефеодальных отношений, с одной стороны, и неравномерность данного процесса – с другой, наблюдается в XIII–XV вв. Но опустошительные походы войск татаро-монгольских ханов, их внутренние рейды, войны Золотой Орды и Хулагидов на Северном Кавказе, разорительные походы Тимура – все это самым пагубным образом отразилось на развитии производительных сил, на социальном развитии общества (*там же*, сс. 133–134).

Вместе с тем, в этих же хронологических рамках в горах увеличивается террасное земледелие в связи с увеличением притока населения с равнин под напором кочевников и уменьшением площадей пустующих общинных земель. Наиболее крупным государством в Дагестане становится Казикумухское шамхальство, объединившее многочисленные общества, заселенные аварцами, даргинцами, лезгинами, кумыками и др. Укрепление феодальных отношений привело к складыванию феодальной иерархии. В то же время в горах возникли свободные от феодальной зависимости крупные сельские общества вторичной генерации, в которых преобладало землевладение свободного крестьянина (*там же*, сс. 134–135).

К стадиально-типологическим особенностям горского феодализма Р.Г. Маршаев и Ш.Ф. Мухаммедьяров относили их связь с хозяйственным развитием отдельных микрорегионов, формами собственности на землю и скот, естественно-географическими и демографическими факторами, крайне ограничивав-

шими фонды пахотных земель и дававшими знати возможность привлечения части населения в военные походы. По мнению вышеназванных авторов, «причины застойности коренились не только в патриархальных пережитках, но и в преимуществах скотоводческого хозяйства в условиях гор, *не требовавшего выделения пастбищ и частной земельной собственности* (курсив мой – Ф.Г.), так как скот являлся основным средством производства. Застойные формы отношений были вызваны замедленным превращением феодальной коллективной собственности в вотчину» (Маршаев, Мухаммедьяров 1988, с. 37).

Генезис феодализма в Дагестане. А.П. Пронштейн полагал, что генезис феодальных отношений на Северном Кавказе раньше всего начинается в Дагестане и у адыгских народов, где они достигают, якобы, более высокого уровня, чем в других регионах. Первые сведения о раннефеодальных государствах и государственных объединениях на территории Дагестана автор ошибочно относит к V–VI вв. (*Пронштейн* 1988, сс. 22–23). Как мы выше уже отмечали, речь идет о работах арабских авторов IX–XI вв., писавших о событиях середины I тысячелетия, а не о свидетельствах V–VI вв.

Неоднозначно решается проблема генезиса феодализма в регионе. Принято считать, что возможны два пути становления феодализма. Переход к новой форме общества: 1) при сравнительно изолированном вызревании условий для такого перехода; 2) в результате столкновения с внешней средой (синтез). В нашей стране синтез наблюдался практически повсеместно. В Дагестане, как полагают некоторые кавказоведы, «имели место оба фактора, но в обоих случаях переход дагестанского общества к феодальному способу производства был, в определяющем, следствием внутреннего развития общественного строя» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 269).

Эти же ученые в рамках советской методологии рассматривают влияние («*огромный* отпечаток») сельской общины на ход и степень развития феодальных отношений в Дагестане. «Устойчивость общины определила медленные темпы феодализации... С другой же стороны, община, попавшая в зависимость от феодала и ставшая фискальной единицей, служила средством эксплуатации зависимого населения» (*там же*, с. 270).

В Дагестане XI–XV вв. характерными особенностями «усиливающегося процесса феодального развития» стали: 1) «централизация политической и экономической власти феодалов и рост феодальной собственности в одних владениях»; 2) «процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации – в других». К первым, согласно А.Р. Шихсаидову, от-

носились Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Дербент (*Шихсаидов* 1969, с. 132).

Р.М. Магомедов к особенностям исторического процесса в Дагестане в целом отнес его неравномерность. При этом «еще в *раннефеодальный* период» (судя по контексту — во второй половине I тысячелетия), по мнению дагестанского ученого, в таких центрах, как Зирихгеран, Гумик, складывались «*раннегосударственные* образования», возглавляемые «местной *верхушкой — старейшинами*», либо, «*династиями*», как в Хайдаке, Лакзе и Филане. Неясно, как понимать *раннефеодальный*? Как период всемирной истории, или как ранний этап формирования феодального общества? В чем отличия *раннегосударственных* образований, возглавляемых *местными старейшинами*, от аналогичных обществ, возглавляемых *династиями*? Непонятно совмещение с «*раннегосударственным* образованием» термина *старейшины*. Тут же, следом: «причем иногда источники дают сведения о социальном неравенстве в таких политических образованиях как Серир». И что?

Вместе с тем автор отмечает: даргинские объединения общинных союзов и «Андийский общинный союз сохраняют *патриархально-общинные* формы общественно-политической жизни». Однако тут же следует утверждение о том, «что в период более развитых феодальных отношений мы также видим феодальные очаги (Хунзах, Кумух, Калакорейш и др.) в окружении общин (джамаатов) и общинных союзов, стоящих на разных ступенях феодализации».

Идея сохранения «патриархально-общинных отношений» вызвала возражение Р.М. Магомедова: «На путь феодализации вступили *все* дагестанские народности и этнические группы, но явление это асинхронно... Вероятно, это происходило в разное время».

В конечном счете историческое развитие Дагестана в эпоху феодализма автор рассматривает как асинхронный процесс. Помимо различий «исходных условий» и асинхронного вступления «на путь феодализма», следует признать: «дагестанские общества и далее развивались неодинаковыми темпами» (*Магомедов* 1988, сс. 41—42).

Согласно Р.М. Магомедову, факты (хотя и скудные) социально-экономической истории Дагестана позволяют говорить о проявлении здесь дуализма в следующем виде: «патриархально-общинное, т.е. коллективное начало выступает в общине как стабилизирующий фактор, а сочетающиеся с ним черты патриархально-рабовладельческого или феодального уклада определяют возможность и конкретные формы получения прибавоч-

ного продукта». Превращение феодального уклада в ведущий знаменует переход к периоду развитого феодализма. Большинство дагестанских историков переход к развитому феодализму относят к X –XI вв. (*там же*, с. 44).

Как уже отмечалось, А.С. Гаджиев (1988, с. 165) считает, что переход к феодализму Дагестан совершил, минуя рабовладельческую формацию. Рабство оставалось здесь в рамках патриархальных отношений. Среди факторов и механизмов перехода к феодализму выделены следующие:

раздача земель родственникам правителя в качестве феода;

раздача земель в качестве феода не родственникам, представителям военного сословия;

приглашение обществом со стороны феодального правителя;

феодализация сельской верхушки;

поселение в новой местности на основе исполнения феодальных повинностей к отдельным феодалам и сельским обществам;

феодализация высших духовных лиц.

В социальной структуре Дагестана XIII–XV вв. «четко прослеживаются основные классы феодального общества. Беки, чанки, военно-служилая знать, верхушка духовенства и ряда общин. Феодальные правители (нуцалы Аварии, уцмии Кайтага, майсумы и кадии в Табасаране, эмиры и султаны Дербента, беки и султаны Цахура) владели пахотными и пастбищными землями (*История Дагестана* 2004, с. 248).

Из конкретных обществ Дагестана конца I тысячелетия чаше всего к феодальным относился Серир. Резиденцией его «царей» являлся окруженный каменной стеной замок «на вершине горы», площадью 4х4 фарсаха. «Царь владеет золотым троном (*sarir*) и серебряным троном. Все население замка – христиане, а все остальные жители страны – язычники. Царь владеет 20 000 долин (*shi'b*), населенных разного рода (*sunuf*) людьми, имевшими там поместья и деревни» (*Minorsky* 1958. P. 168).

После походов Марвана, нанесшего хазарам чувствительное поражение, центр каганата переместился в низовья Волги, где возникла новая столица хазар. Для Предкавказья и горных районов «это ознаменовалось усилением самостоятельности местных государств, в первую очередь ас-Сарира и ал-Алана» (*Новосельцев* 2000, с. 276). Симптоматично, что правитель Серира у Баладзори в одном случае назван *хаканом*, в других случаях – *сахиб ас-Серир*. В этом случае «властелин фигурирует в качестве хакана гор (подразумевается его высший суверенитет в горном Кавказе)» (*там же*, с. 369).

На наш взгляд, Серир X в. – это раннеклассовое общество; следов *феодальной* ренты, как и *феодальных* методов эксплуа-

тации непосредственных производителей, в источниках обнаружить не удается. Поэтому определение Серира как *феодального* государства представляется необоснованным.

Заметное место на политической карте Северо-Восточного Кавказа рубежа I—II тысячелетий занимал Табасаран. Вспомним Баладзори (1927, с. 7), писавшего о нем как о едином объединении, возглавляемом табасаран-шахом. Масуди называет его «царь Табасарана» (*Караулов* 1908, с. 7), тогда как Гарнати в сюжете о событиях 1131 г. отметил: в Табасаране «24 рустака, в каждом рустаке... имеется большой военачальник, подобный эмиру» (*Гаджиев* 1979, с. 205).

Рустак — это «группа деревень, объединенных под властью одного правителя». По мнению некоторых дагестанских ученых, «в данном случае речь идет об уделах, не зависимых от центральной власти». Примечательно, что владельцев рустаков называли *сарханга́ми* «военачальниками». Очевидно, «представители военно-служилой знати Табасарана возглавили *вновь возникшие самостоятельные владения* (курсив мой — Ф.Г.) рустаки» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 276).

Вполне возможно, что процесс выделения самостоятельных владений в прежде едином государстве связан с укреплением экономики, усилением политической активности местных «князей». Вероятно, данный процесс не избежал корректировки со стороны центральной власти. Вспомним, хотя бы, наделение землей феодалов «второй руки».

Крупным социумом, игравшим в средневековом Дагестане заметную роль, являлся Кайтаг. И. Гербер отмечал по этому поводу: «усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне в великом почтении» (*Гаджиев* 1979, с.121). Уцмийство делилось на две части — равнинную и нагорную. Топографическому делению уцмийства соответствовало его социальное устройство. Нижний Кайтаг представлял собой феодальное общество, тогда как горная часть сохранила некоторые элементы демократизма. Его жители «свободные люди — уздени, пользовавшиеся полным самоуправлением и выборным судом, и не отбывали никакому лицу никаких податей и повинностей» (*ФОД*, с. 182).

Верховным (весьма условно) «правителем Кайтага и самым крупным феодалом был уцмий». В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», документе более позднего времени, говорится: «Над обеими частями... возвышалась власть уцмия, власть эта была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным всенародным собранием», происходившем в с. Башлы (*там же*, сс. 182—183). Помимо этого своеобразного веча, на протяжении всего средневе-

ковья в Кайтаге сохранялись элементы дофеодальных общественных институтов. Так, в случае военной угрозы, «по призыву уцмия как беки со своими подвластными, так и уздени обязаны были ополчиться; но этот призыв делался обязательным для узденей к исполнению только в том случае, когда вопрос о войне был решен на *общем их народном совещании* (курсив мой – Ф.Г.)... Кроме того, уцмий содержал при себе постоянное войско, состоявшее из 300 всадников. Назначение их, по объяснению беков, было преимущественно для поддержания внутреннего порядка и для приведения в повиновение узденей, не исполнявших требований уцмия... Весьма возможно допустить, что... нукеры уцмия... исполняли и некоторые полицейские обязанности... Нукеров содержал уцмий: давал им лошадей, одежду, а иногда и оружие» (*там же*, с. 183).

Вассалитет. Данный институт на кавказском материале прослеживается еще в домонгольский период. В середине XI в. крупный землевладелец Муфарридж ибн-Музаффар, «раис раисов» Дербента, имел «в своем подчинении более мелких феодалов, экономически зависимых от сюзерена (*История Дагестана* 2004, с. 217).

Сословную структуру Казикумуха возглавлял шамхал. Его место среди других феодалов подчеркивает тот факт, что в источниках, начиная с XV в., он именуется *вали* Дагестана, хотя правителем всего Дагестана он никогда не был. Правда, в случае сбора ополченцев со всех концов страны общее командование над ними принимал шамхал (*Шихсаидов* 1975, с. 132). Вторым на сословной лестнице в Казикумухе стоял наследник главы социума, носивший титул «крым-шамхал».

О других высших сословиях шамхальства интересную информацию приводят историографы Тимура – Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди. Оба рассказывают о гибели предводителя казикумухского войска Шаукала во время похода 1396 г. Тимура на Северо-Восточный Кавказ. После этого остальная часть знати пришла к Тимуру с изъявлением покорности и «признанием своей вины». Согласно Шами, к Тимуру пришли «эмиры гази-кумуков, ходжи и вельможи». Йезди привел иную редакцию: «пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)». А.Р. Шихсаидов амиров считает предводителями отдельных отрядов шамхальского войска. Представителями духовенства названы ходжи и кази (*там же*, сс. 133–134).

В Кайтаге власть передавалась по наследству от отца к старшему сыну. Хотя этот принцип не всегда соблюдался. Достаточно вспомнить «из-за государства споры и раздоры» между двумя сыновьями уцмия Султана Мухаммед-хана (*там же*, сс. 128–129).

На следующей ступеньке феодальной лестницы стояли члены дома уцмиев — *беки*. «Это были богатые и влиятельные феодалы, владевшие значительными земельными участками». Так, сын Султана Ахмед-хана, Ахмед-бек, имел «свои имущества, владения, земли». Беки нередко увеличивали свою земельную собственность покупкой мульков, приобретая таким образом все большую самостоятельность. Учитывая проявившиеся в XIV в. сепаратистские тенденции беков, А.Р. Шихсаидов предположил, что в своих владениях они пользовались административным и налоговым иммунитетом (*там же*, с. 129).

В источниках главной повинностью беков называется военная. Так, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», подчеркнуто: «Беки обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмия, относящиеся к *исполнению воинской повинности* (курсив мой — Ф.Г.): являлись на службу его во время войны, на коне или пешие, вместе со своими подвластными». Отношения между сюзереном и вассалом (насколько можно использовать эти термины применительно к кавказской действительности) подкреплялись «подарками» и «наградами» уцмия своим бекам. Показательна формулировка, объясняющая «награды» — «за хорошую службу». «Подарки» состояли из «вещей и разного рода скота; *деревень и земель ненаселенных уцмий не дарил бекам*, они доставались им *только* (курсив мой — Ф.Г.) по наследству. Отбирать эти наследственные имения у беков уцмий не мог» (*ФОД*, с. 184).

По данным И. Гербера, уцмий должен был «своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других, каждый год одаривать». Известно также, что наследник уцмия ежегодно объезжал все узденьские селения и творил суд, но не иначе, как с помощью и в присутствии местных *картов* (курсив мой — Ф.Г.). Карты — старейшины, судьи — разбирали местные дела по адату». Формально избираемые, карты выдвигались из среды разбогатевших узденей, либо из «знатных людей». Причем, «право быть избранным в карты... принадлежало только некоторым известным фамилиям» (*Гаджиев* 1979, с. 124).

Арабские источники сохранили важные сведения о социальной структуре в Лакзе. Здесь помимо *маликов* и стоявших ступенькой ниже их *хамаширов*, в X—XIII вв. выделялись сословия *м.шак*, *акара*, *мухкан*. Эту информацию исследователи черпают из работы Йакута (XIII в.): «Среди них имеются свободные (ахрар), называемые хамашира. Выше их — малики, ниже их — м. шак, затем акара и муххан». Слово *малик* обычно переводится как «царь». Но в данном случае, как считает А.Р. Шихсаидов, предпочтительнее использовать термин «пра-

витель», либо «владетель» отдельной территории (*Шихсаидов* 1975, с. 115). Однако это известие, особенно социальная терминология, все еще не поддается однозначной интерпретации.

Под термином *муххан*, по всей видимости, следует понимать ремесленника, сельского мастера, обеспечивавшего потребность сельскохозяйственного производства в необходимых орудиях труда. Что касается термина *м.шак*, то его сущность установлена по материалам соседней Армении. Здесь им обозначался работник частновладельческого хозяйства, кем бы он ни был, свободным или зависимым общинником, издольщиком или рабом. Возможно, аналогичным было содержание термина и в Дагестане. Наконец, термином *акара* обозначались издольщики, категория феодально-зависимого населения. Судя по средневековым источникам, данное сословие подразделялось на две группы. Первую составляли лица, получавшие в аренду земельный надел, располагая своим собственным участком. Ко второй группе относились люди, совершенно лишенные средств производства, вынужденные работать на чужой земле на арендных началах (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 277).

Аристократия и демократия. В кавказоведении неоднократно обращалось внимание на «демократическое устройство» западных адыгов. В предпринятых попытках определить его суть, подчеркивает А.В. Сивер, термин «демократия» использовался «в буквальном, т.е. 'западном' смысле». Турецкий просветитель адыгского происхождения Ю.-С. Нагуч полагает, что такая демократия — «специфический государственный строй» шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов. Аналогичную позицию занимает Н.Н. Денисова. По ее мнению, главная особенность «демократии» западных адыгов заключалась «не в формах ее управления (органы народоправства, имевшие место у адыгов, встречались и у других народов), а в содержании, преобладании нравственного компонента... Жесткого доминирования общества (в лице рода, фамилии) над человеком не наблюдалось». При этом «оба автора подчеркивают уникальность, специфичность адыгской модели демократии». Оба стремятся отыскать черты непременно западной демократии — индивидуальную свободу, ограниченную лишь моралью, подчиненность исполнительной власти законодательству, исходящему от народа. Но *адыгэ хабзэ* (обычное право), *адыгэ нэмыс* (этикет) и нормы *адыгагъэ* (адыгства, морально-этических требований к человеку) практически в том же виде отмечены и в «аристократических племенах», причем, имели здесь, по меньшей мере, такое же значение (*Сивер* 2003, с. 17).

А.В. Сивер полагает, что дихотомия «аристократические — демократические племена» в европейских и русских источниках

и литературе «более идеологического происхождения, чем эмпирического». В то же время ученый цитирует Г.Ю. Клапрота, в 1807–1808 гг. побывавшего с научными целями на Кавказе. Относительно шапсугов глава экспедиции писал: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, то его можно было бы назвать республиканско-демократическим» (*АБ КИЕА*, с. 260). В завершенной несколькими годами позже работе С.М. Броневский одинаково охарактеризовал социальное устройство шапсугов, абадзехов и натухайцев: «Владельцев не имеют, управляются старшинами» (*Броневский* 1999, с. 180). И.Ф. Бларамберг те же племена характеризовал так же: все они имеют «демократическую форму правления» (*Бларамберг* 1992, с. 103).

Дополнительные аргументы в пользу своей версии общественного строя западных адыгов А.В. Сивер ищет в их социальной терминологии. В частности, традиционный (смысловой) перевод адыгских слов *пщы* и *гуашъа* – *князь* и *княгиня*. Между тем, их этимологическим значением являются «хозяин/господин», «хозяйка/госпожа». Они употребляются также «для обозначения свекра и свекрови, точнее, главы семьи и его жены (*пшъыкъу* – деверь, букв. 'сын свекра')...» (*Сивер* 2003, с. 21).

По А.В. Сиверу, термины, коими характеризовались «аристократические» (имевшие «феодальное» правление) и «демократические племена» (имевшие «народное правление») – «более подходят к описанию вариантов правления античной и средневековой Европы и имеют явно идеологическое происхождение» (*там же*, сс. 18–19). Хотя осталось неясным, почему термины *феодальное* и *народное правление* имеют «*явно идеологическое происхождение*»? И в чем это проявилось?

Осознавая, видимо, уязвимость своей позиции со стороны критики, А.В. Сивер в выводах более осторожен. Дихотомия «демократические – аристократические племена», заключает он, «*скорее всего*, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем. Однако *этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации* (курсив мой – Ф.Г.) шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов... При включении шапсугов в адыгскую общность 'демократичность' продолжала оставаться отличающим признаком, что выделяло их уже в рамках этой общности» (*там же*, с. 24).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ имеющегося материала, формирование раннефеодальных обществ на Северном Кавказе приходится на середину XI — XII вв. У алан этот период отличается резким изменением социальной структуры. Существенно увеличилось число обедневших общинников: по материалам могильника Змейской станицы — 47% (в то же время показатель среднего слоя уменьшился более чем в двое — с 69,8% в X — начале XI вв. до 26,5% столетие спустя); аналогичный показатель в катакомбных погребениях Кольцо-гора — 52,5% обедневших общинников и 23,8% — средний слой. Возросло и число «зависимых» — 7,1% и 8,6% в Змейской и Кольцо-горе соответственно.

Резкое увеличение числа обедневших общинников (более половины населения) и «зависимых» со второй половины XI в. свидетельствует о росте частнособственнической эксплуатации. Это являлось свидетельством распространения вотчин, в которых развились формы эксплуатации и зависимости между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами. Утверждение господской вотчины, в свою очередь, стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации. В частности, знать в своем хозяйстве использовала труд «кавдасардов», людей, рожденных от побочных жен («номылус»). Буквально термин *кавдасард* переводится «рожденный в хлеву» (*Абаев* 1958, с. 591; 1979, с. 189).

С середины XI века в истории Алании начинается период децентрализации. Распад единого государства и возникновение самостоятельных княжеств связаны с возросшей политической и экономической активностью князей. Мощь последних определялась количеством вассалов, служба которых скреплялась дарами сюзерена, включая земельные дарения.

В составе аланского государства оказались и горные районы Центрального Кавказа. Однако не на всей территории Алании предмонгольской поры господствовали феодальные отношения.

Нельзя смотреть на феодализм как на нечто сложившееся одновременно и повсеместно. Утверждение новых отношений в одних районах не исключает продолжения их генезиса в других. Так и в данном случае, в горах процесс социального развития не зашел так далеко, как на равнине.

Присутствие алан в горной полосе фиксируется издавна. В первой половине I тысячелетия н.э. на важнейших участках Дарьяльской и современной Военно-Осетинской дорог располагались контролируемые аланами таможенные заставы. В горном Туалгоме XIII в., судя по фольклорным памятникам и «Хронике ксанских эриставов», феодальные отношения еще не утвердились. Попытка оттесненных в горы аристократов равнинных алан добиться господствующего положения не увенчалась успехом, и они были изгнаны из Туалгома. Но в начале XIV в. источники отмечают здесь владельцев Сунгу и Амсаджана. Так, «Памятник эриставов» описывает поход Виршела III в аул Мна Трусовского ущелья: «И была битва жестокая, ибо люди те были *ловкими воинами, храбрыми и богатырями*, и *полностью в доспехах*. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел *главы* и *богатыри* страны их: *Сунгу, Параджан, Амсаджан, Бакатар* (курсив мой – Ф.Г.) и многие другие» (*ПЭ*, сс. 27, 34).

Оседание в Уалладжире и Туалгоме части феодальной знати равнинных алан привело к взаимодействию разных укладов – общинных и феодальных структур. Результатом синтеза в Уалладжире и Туалгоме стала не победа общинного строя, и не «экспорт» социальной структуры равнинных алан, а становление новых отношений в специфических условиях Туалгома и Наро-Мамисона. При этом темпы развития общественного строя ускорились, но сам процесс развивался иначе, чем в свое время на равнине.

Для остальных районов Осетии характерен второй тип синтеза – взаимодействие раннеклассовых и феодальных структур. В Дигории появление эмигрантов (равнинных алан) привело к столкновению двух социальных группировок: местной знати и пришлых феодалов. Это событие нашло отражение в «Песне об Айдаруке». Основная сюжетная линия фольклорного памятника – узурпация власти пришельцем Баделом (персонификация феодалов равнинных алан), оттеснением на второй план представителя местной знати Айдарука Кабанова. Подчеркивая автохтонное происхождение Айдарука, многие варианты предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же вариантам, произошло все коренное население ущелья.

Утратив свои равнинные владения, аланские феодалы на новом месте добивались привилегий в яростной борьбе как между собой, так и с горскими старшинами. Противоборство завершалось полным истреблением одних аристократических кланов, лишением привилегий других, изгнанием из общества третьих.

В связи с формированием границ горных социумов Центральной Осетии большой интерес представляет указание фольклорной традиции алагирцев на «нузальскую резиденцию царя алан». Возможность наличия таковой в Нузале (хотя аул находится высоко в горах) нельзя отрицать с абсолютной уверенностью. Арабские географы X в. сообщают о многих аланских крепостях, «куда царь время от времени переезжает». Однако нузальские историко-архитектурные памятники имели чисто военное назначение и не приспособлены для постоянного проживания в них больших коллективов. Скорее всего, рассматриваемый фрагмент произведения народного творчества возник как фольклорное отражение действительного пребывания в Нузале какого-то представителя царского дома Алании, возможно, Багатара, жившего на рубеже XIII—XIV вв. Во всяком случае, по устной традиции, вся «местность Нузальского и Касарского ущелий» связана с ним.

Маркером сложившихся феодальных отношений являются формы земельной собственности, лучше всего представленные на материалах Северо-Восточного Кавказа. Ее основными формами в Дагестане X—XIII вв. были: государственная, феодальная, вакуфная, общинная, мулки. Соотношение форм земельной собственности неоднократно менялось. В рассматриваемых хронологических границах общая тенденция развития землевладения заключалась в росте частных участков, как феодальных, так и крестьянских. Среди терминов, обозначавших формы земельной собственности, в арабских памятниках о Дагестане X—XI вв. часто употребляется термин *дийа*. Так, Йакут писал по этому поводу: «у жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населенные области» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 270—271).

Крупнейшим владением средневекового Дагестана считается Казикмухское шамхальство. Полагают, что еще в период арабского господства шамхалы контролировали значительную часть Дагестана и от имени арабов собирали дань со многих сопредельных обществ. Дань, как правило, состояла из мелкого и крупного рогатого скота. В 1240 г. монголы разгромили это государство, разрушили Кумух и уничтожили род шамхала. На престол они возвели своего вассала; этот род правил до XIX в. Шамхал являлся одним из крупнейших собственников; «на пра-

вах мулька» ему принадлежали некоторые лакские земли и «ряд других селений» (*Шихсаидов* 1975, с. 132).

И. Галонифонтибус в описании Дагестана (1404 г.) отметил, что «это — прекрасная страна, плодородная, весьма богатая водой, хлебом, животными, шелком и рисом». Рассказывая о лезгинах, он подчеркнул, что они «являются прекрасными стрелками; Тимур-ленг сделал попытку проникнуть в эти горы, в эту их страну, имея под рукой сто тысяч людей. Но они встретили армию перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимурленг приказал отступить» (*Галонифонтибус* 1980, сс. 25–26).

Довольно мощным владением феодального типа в рассматриваемый период предстает уцмийство Кайтагское. Господствующую социальную группу составляли беки трех родов: сами уцмии, беки Карачи и аула Гимри. Два последних считались менее знатными, были малочисленнее и беднее первого. Полноправным членом рода уцмиев считался лишь бек, отец и мать которого происходили из этого рода. Следовательно, внутри беков образовалась высшая группа кастового типа. К привилегированному сословию принадлежали также чанка-беки (дети уцмиев и женщин из других менее знатных родов) и чанки (дети беков и простолюдинок) (*Гутнов* 1987а, сс. 74–79).

Как правило, бек владел одним–двумя аулами и передавал их по наследству. Чанка-беки получали какую-то часть из наследства своего отца, в то время как чанки получали лишь крестьянский надел в общине.

Статус уцмия носил черты переходной эпохи, ибо он был не столько монархом, сколько главой социума. Его избирали из членов рода (еще в XVII в. уцмиями избирались поочередно старшие и *наиболее* способные). Затем избранника возводили на престол на собрании представителей всех общин Кайтага. Новый глава щедро одаривал знать оружием, скотом, деньгами, а для простолюдинов устраивал щедрый пир (отголосок престижной экономики?). Власть уцмия была далеко не абсолютной, ритуально поддерживалась некоторыми весьма архаичными обрядами. Ограничивало власть уцмия народное собрание, собираемое для решения важных вопросов. «Конкурентом» уцмия являлся избираемый одновременно с ним его наместник — *гаттин*, в распоряжении которого находилась дружина из 300 воинов. В сопровождении дружины гаттин собирал подати с общин (*Кобищанов* 1987, с. 197).

Таким образом, в социальном устройстве Кайтага причудливо переплелись элементы позднепотестарного общества и феодального.

Две группы обществ — «аристократические» и «демократи-

ческие» — сложились в золотоордынский период у адыгских народов. Архиепископ И. Галонифонтибус в 1404 г. в описании западных адыгов отмечал: «Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, *многие* их села никогда *никем* не управлялись, и они не имеют собственных глав» (*Галонифонтибус* 1980, с. 17).

Однако к концу столетия ситуация кардинально изменилась. Д. Интериано, посетивший в это время земли черкесов, оставил интересные сюжеты, касающиеся общественного устройства зихов. «Есть у них знатные и вассалы и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих особым почетом и значительную часть времени проводят на коне». Знатные, «как и все они», живут грабежом. «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господа бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешают споры между ними». Интересны элементы социальной психологии черкесов, подмеченные Д. Интериано: «Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом... Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи собственной добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом. И весьма восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а /просто/ расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные... Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором». Названные элементы социальной психологии знати и рядового населения скорее характерны для позднепотестарного или раннеклассового общества, чем раннефеодального. Итальянский путешественник отметил отсутствие замков или маленьких крепостей; «жилища все делаются из соломы, камыша и дерева» (*АБКИЕА*, сс. 47—51).

Как видно, в золотоордынский период общественный строй горцев Северного Кавказа претерпел существенные перемены. Но это — тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советы некоторых этносоциальных организмов Кавказа в разное время зафиксированы античными и раннесредневековыми авторами. Так, в арабской версии Агатангехоса говорится о «царе алан» и «*собрании* князей» (*Габриелян* 1989, сс. 51, 53). В совет царя Армении в тот же период входили представители разных слоев населения: «в часы придворных званых пиршеств... выносилось 900 подушек», на которых восседали гости (*Адонц* 1971, с. 239). Интересно, что еще в IV в. мнение *шинаканов* (рядового населения) в определенной мере учитывалось при решении важнейших вопросов общегосударственного масштаба. Фавстос Бузанд оставил описание «собора» середины IV в. Царь Аршак долгие годы воевал с персами. В конце концов эти войны так истощили страну, что к католикосу собрались «все люди Армянского царства», включая «дасапетк шинаканац» — глав, старейшин шинаканского сословия. Собор объявил, что «народ устал и воевать больше не хочет, предложив царю при желании воевать самому. После отказа такого авторитетного собрания Аршаку ничего не оставалось, как сдаться на милость шаха Шапура II» (*Новосельцев* 1980, сс. 62–63).

Интересен упомянутый выше состав совета середины V в., созванного по инициативе 15-летнего царя Грузии Вахтанга Горгасала.. Созвал он «знатных картлийцев.... устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседал *спаспет* Джуаншер и оба епископа, а все прочие *эриставы* расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навытяжку» (*Джуаншер* 1986, с. 61).

Перед нами описание совета; интересна структура его участников: на престоле, помимо царя, сидели спаспет и два (!) епископа, что указывает на степень реальной власти Вахтанга. И если *спаспет* («второй» царь) в социальной структуре древней Грузии давно (по всей вероятности, с начала н.э.) играл весьма важную роль, то присутствие рядом с царем двух епископов свидетель-

ствует о возросшем к середине I тысячелетия влиянии духовенства. Обратим внимание на участие в нем военной знати разных степеней (тысячников и сотников). Но особенно примечательно присутствие в зале рядовых воинов. В целом нарисованная Джуаншером картина заседания скорее напоминает собрание общества с военно-иерархической структурой, нежели «царство» в полном смысле этого термина.

В социумах Дагестана рубежа I—II тысячелетий источники среди второй группы знати выделяют *асхабов хакана*. Существует гипотеза, по которой данный термин применялся в отношении членов совета, наиболее близкого окружения хакана, состоявшего из военных аристократов (*Шихсаидов* 1986, сс. 22—24).

2. Как известно, в историографии достаточно широкое хождение имеет точка зрения, согласно которой становление феодализма в некоторых социумах Дагестана относится к середине I тысячелетия н.э. Так, Ш.М. Ахмедов полагал, что «поляризация социальных слоев дагестанского общества привела к тому, что в IV—VI вв. на политической карте Северо-Восточного Кавказа появился целый ряд раннефеодальных государств с царями во главе». Процесс феодализации в разных частях Дагестана протекал, будто бы, по-разному. В восточных районах «формирование государственности происходило на основе синтеза местных форм общественных отношений и разлагающихся рабовладельческих отношений Кавказской Албании, в состав которой входила эта часть Дагестана». В горных районах «становление классового общества произошло на чисто местной основе, без заметного влияния извне» (*Ахмедов* 1975, с. 90).

По мнению А.Р. Шихсаидова, шах Ирана «застал в Дагестане в VI в. *местных* правителей, *власть* которых над местным населением *сохранил* (курсив мой — Ф.Г.)» (*Шихсаидов* 1969, сс. 58—60). В период арабо-хазарских войн средством закрепления власти завоевателей стала арабская колонизация. В то же время «опора на местных *феодальных правителей* (курсив мой — Ф.Г.), на их материальную и военную поддержку, поощрение их — в этом и заключалась политика арабов на Кавказе» (*там же*, сс. 103, 110). В данном случае *феодалами* главы дагестанских социумов конца I тысячелетия названы из-за отнесения А.Р. Шихсаидовым угодий всего общества к типу т.н. «верховной собственности». Как известно, земельная политика арабов в завоеванных странах нередко приводила к перераспределению земельного фонда. Его большая часть «не распылялась и становилась государственной собственностью. Государство выступает в этом случае как коллективный феодал». Другая часть земель оставалась в руках отдельных лиц. «Эти земли назывались мульками» (*там же*, с. 112).

В число аргументов входит свидетельство Баладзори: «И выбрал Анушірван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... утвердив в их владениях и заключив с ними мир, обязав платить подать» (*Баладзори* 1927, с. 7).

Опираясь на данный сюжет, некоторые исследователи полагают, что «дагестанские цари еще до прихода иранских войск управляли определенными территориями, где собирали 'подати'». В свою очередь, «сбор податей», якобы, мог «иметь место только при наличии в Дагестане государственной собственности на землю... Государство является здесь единственным получателем ренты» (*Ахмедов* 1969, с. 42).

Данное утверждение базируется на шатком основании — признании наличия в некоторых социумах Северо-Восточного Кавказа монопольной земельной собственности «царей». Однако эта гипотеза не имеет серьезных аргументов. Тот же Баладзори названные «подати» недвусмысленно называет данью в пользу завоевателей. Мерван в первой половине VIII в. обложил население покоренных районов Дагестана данью — 160 тысяч мер зерна для содержания гарнизона Дербента (*Баладзори* 1927, сс. 18–19).

3. Термин «Серир» одни исследователи (Г.-Э. Алкадари, А.-К. Бакиханов и др.) выводят из арабского *серир* «трон»; другие (Еремян С.Т.) название социума связывают с иранским *sar* в значении «гора» и по примеру грузинского *мтиулети* «страна гор» переводят как «страна горцев» (*Гаджиев* 1979, с. 165); третьи считают его не этнонимом, а либо титулом *сахиб-ас-сарир* «владелец трона», либо названием государства *ард-ас-Сарир* «страна» (*Ибн-Даста* 1869, 73).

Возникновение Серира В.М. Бейлис (1963, с. 259) относил к середине VI века. С самого начала образования данного социума он, скорее всего, не был этнически однородным. Во второй половине VIII в., согласно Баладзори, Серир был завоеван арабами и обложен ими данью. Причем, ее размеры намного превышали объем дани всех остальных завоеванных арабами этносоциальных организмов Северо-Восточного Кавказа. Это свидетельствует о размерах социума.

В VII–IX вв. Серир занимал горную «территорию, населенную аварцами, в бассейне Аварского Койсу» (*История Дагестана* 2004, с. 196). К концу I тысячелетия территория рассматриваемого владения значительно расширилась. Ибн-Рустэ, напомним, писал: «царю принадлежат 20000 долин» (*Minorsky* 1958. P. 167–168). Анонимный автор X в. так охарактеризовал данный социум: «Серир — это область с большими богатствами, горная и степная... Хандан — город, где живут военачальники царя» (*История Дагестана* 2004, с. 196). Масуди говорил о «двенадцати

тысяч поселений», из которых он набирал столько слуг (или рабов *yasta'bidu*), сколько хотел. Его страна суровая... расположена на одном из отрогов Кабха» (*Minorsky* 1958. P. 155). «Худуд ал-алам» западные границы Серира проводит на Центральном Кавказе, т.к. Серир был ближайшим соседом алан (*Алемань* 2003, с. 468). В свою очередь, определяя восточные границы алан, тот же источник называет соседа — страну Серир. Описывая Кавказские горы, «Худуд» пишет: Кавказ «простирается между Сериром и хазарами до самого начала границы Аллана... от начала Серира и до того, как она изгибается и доходит до начала Аллана, эта гора называется Кабк» (*там* же, с. 469). Якуби локализовал «Серир между Дербентом и аланами» (*Бейлис* 1963, с. 251).

4. В.Г. Гаджиев (1979, с. 153) предположил, что «в X в., если не вся территория, то, во всяком случае, часть ее входила в Серир».

5. Как представляется, анализ источников и выводы К. Цукермана страдают серьезными погрешностями, и не только в цитируемой работе. Другая его недавняя публикация — «Два этапа формирования Древнерусского государства» — также страдает названными недостатками. Т.Н. Джаксон аккуратно отметила «новое прочтение» летописного материала, «равно как и новую трактовку известных археологических данных». Рецензия В.Я. Петрухина на статью К. Цуккермана, по словам Т.Н. Джаксон, «подтвердила сложившееся у меня после прочтения статьи мнение о слабости предложенного здесь источниковедческого анализа и о подмене его некими спекулятивными умозаключениями» (*Джаксон* 2003, сс. 383–384).

6. Родословные многих аристократических родов практически во всех уголках мира восходили к каким-либо широко известным, знатным лицам, как правило, изначально жившим за границей и позднее по каким-то причинам покинувшим родные места и переселившимся в пределы того или иного социума. В частности, в той же Армении знатный нахарарский род Мамиконянов свою генеалогию выводил от некоего Мамгона, в давние времена жившего в пределах «земли ченов» и бывшего великим сатрапом царя Арбока. Спасаясь от преследований, Мамгон бежал в Персию. Шапур I (240 — ок. 272 г.) Мамгона «со всеми его людьми и скарбом» отправил в Армению (*Арутюнова-Фиданян* 2003, сс.10–11). Существуют и другие версии генеалогии Мамиконянов. Но в любом случае они, откуда бы не происходили, — «это знатные чужестранцы, поселившиеся в Армении». При Трдате III (298–330 гг.) они стали нахарарами, а при Хосрове III Котаке (330–338 гг.) или при Аршаке II (350–368 гг.) — спарапетами (главнокомандующими армянских войск) (*там же*, с. 12).

Е.А. Мельникова, рассматривая соотношение исторической па-

мяти в устной и письменной традициях, отметила ряд характерных признаков фольклорных памятников, включая генеалогические предания: мотивы «обретения новой родины», «вокняжения», «смерти», «похода», «покорения», «установления порядка». Здесь же приведен генеалогический принцип реконструкции исторического ряда (*Мельникова* 2003, сс. 48–92).

7. Еще в дореволюционной историографии высказана мысль об особом статусе «призванных» князей. Так, С.М. Соловьев следующим образом определял «круг власти», т.е. функций князя, призванного «для установления наряда в земле». Вождь на войне, судья в мирное время – князь должен был править согласно земскому строю и уставу, он же ведал сбором и распоряжением данью и т.д. Вместе с тем, власть князя серьезно ограничивалась рядом институтов переходного периода. Во всех важных случаях «мы видим городских старцев на первом плане... они решают дела на вече, с ними советуется князь... когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы, собирается целый город, является общенародное вече». Позднее во время отсутствия князя, или в городах, где князь не жил, на его место «заступал посадник, муж из дружины княжеской. Этот наместник княжеский, в мнении народа, не заменял вполне князя, уважения и послушания к нему было меньше и на войне, и в мире» (*Соловьев* 1988, сс. 213–215).

На «образование нового общества», помимо самого князя, сильное влияние «обнаружилось еще посредством дружины... С самого начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его совет... дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому» (*там же*, сс. 216–217).

Из советских историков наиболее последовательным сторонником идеи «дофеодального» общества и соответствующей структуры управления Киевской Руси является И.Я. Фроянов (1974; 1980). Князья указанного периода выполняли «задачи военного руководства и дипломатических сношений». На них возлагалась организация походов в чужие страны и соседние славянские земли. «В их облике еще много черт, присущих вождям прошлого, главная из которых – непосредственное участие в сражении, причем в качестве передового воина, увлекающего своей удалью и отвагой остальную рать». На рубеже двух тысячелетий власть князя ограничивалась советом родоплеменной знати («старцы градские»), народным вечем; «ни одно сколько-нибудь значительное общественное дело не решалось без участия народа». Говоря о природе вассалитета в Киевской Руси, И.Я. Фроянов особо под-

черкнул: «По нашему глубокому убеждению, князья наделяли своих вассалов не территориальными владениями, а правом сбора даней, никак не связанных с поземельной собственностью. В этом вассалитете нет и грана феодализма». Эту же мысль он повторил еще раз: «передача в кормление городов и сел носила неземельный характер. Ведь передавалась не территория, а право сбора доходов с жившего на ней населения. Стало быть, вассалитет, строящийся на пожаловании кормлений, не имел феодального содержания, поскольку был лишен земельной основы». Но здесь же ученый подчеркнул важную деталь, непосредственно влиявшую на формирование *феодальных* привилегий вассалов киевских князей. Вассалитет, основанный на передаче права сбора налогов с той или иной территории, «знаменовал собой важный шаг на пути к феодальному вассалитету, так как центр тяжести с внешней эксплуатации покоренных племен и народов переносился теперь в сферу извлечения доходов непосредственно из древнерусского населения, чем создавались предпосылки превращения кормления в феодальную ренту». На начальных этапах (IX–X вв.) «связи великого князя с князьями-наместниками были внутрикорпоративными, тогда как его связи с князьями подчиненных полянской общине племен носили внешнеполитический характер». Следует отметить малую меру устойчивости вассальных княжеских отношений. Даже позднее, в XI–XII вв., она была незначительной. Например, князь Святослав Всеволодович за сравнительно короткий срок 11 раз (!) сменил сюзерена, совершив при этом 10 клятвопреступлений (*Фроянов* 1980, сс. 26, 32, 53, 57, 87, 88).

Из последних работ, посвященных реконструкции структуры управления этно-потестарных (ЭПО) и потестарно-политических организмов (ППО) Руси на рубеже двух тысячелетий, еще раз остановимся на статье Е.А. Шинакова о племенах Восточной Европы накануне и в период образования Древнерусского государства. Основным источником по данной теме остается «Повесть временных лет». Ее существенными недостатками являются скудность социальной терминологии и поведенческих стереотипов, а самое главное – большой хронологический разрыв (100–250 лет) между событием (середина IX – конец X в.) и временем его записи (середина XI – начало XII вв.). Поэтому неизбежна «модернизация социально-политической терминологии и даже прямой перенос некоторых явлений и ситуаций раннего государства рубежа XI–XII вв. не только на хронологические, но и на стадиально более ранние этапы политогенеза» (*Шинаков* 2000, сс. 303–304).

Структура управления ППО на территории восточных славян в эпоху «призвания варягов», согласно Е.А. Шинакову, в вер-

тикальном плане представляла собой двухуровневое государство; верхний («федеральный», «имперский») уровень образовала правящая военно-торговая корпорация «Русь», нижний — князья, вожди, старейшины отдельных подчиненных ей территориальных вождеств-княжеств и протогородов-государств» (*там же*, сс. 305 – 306).

Заключительный этап «потестарного развития Юго-Восточной зоны связан с попытками русов (Аскольда, Дира, а затем Олега) завладеть южными оконечностями тех путей, северными участками которых они уже владели сто лет». В отличие от хазар, русы не располагали опытом управления и чиновничьим аппаратом, а также готовым контингентом «воинских поселенцев» в славянской среде, «они при сборе дани по хазарской системе (от 'дыма' и 'рала') вынуждены были, вероятно, опираться на местные органы власти, что не могло не усилить последние» (*там же*, с. 325).

8. Царь алан XI в., убитый кахетинским царем Квирике III.

9. Насколько известно, наиболее могущественный царь в истории кавказской Алании. В византийских и закавказских источниках предстает как надежный союзник империи и Грузии. Здесь же отметим, что в грузинских хрониках Дургулель Великий, в отличие от царя (*тер'е*) Урдуре, назван *великим царем овсов* [*didman Ovset'a ter'eman*] (*Алемань* 2003, сс. 416 – 417).

10. Сестра Дургулеля, жена грузинского царя Баграта IV. Первый элемент антропонима, *bur/bor «желтый»*, восходит к скифскому *bor(a)* «желтый», «гнедой», «мышистый» (см.: *Камболов* 2006, с. 226). А. Алемань, опираясь на В.И. Абаева, в качестве примера привел ряд личных имен с корнем *bor*, а также фамильный термин *Borata*, одного из трех родов нартов. В ирон. и диг. слово отмечено как *Bora-farnug* и *Bura-farnyg* (*Абаев* 1949, с.161; *его же* 1958, сс. 268, 271 – 272; *Алемань* 2003, с. 424).

11. Этимология имени Альда точно не установлена. В.И. Абаев (1949, с. 42) лишь указал на персонаж нартовского эпоса с именем *Elda, Alda*. По гипотезе С.Н. Малахова, Альда/Алда, аланка по происхождению, носила тюркское имя. «Достаточно сравнить монг. *алдар* 'слава', 'имя', тюрк. *ат* 'имя', 'слава', т.-манж. *алду* 'звук', 'известие'. Скорее всего, оно имело значение 'именитая, славная', т.е. знатная, или, если следовать карач. *алда* — 'родившаяся первой'» (*Малахов* 2003, с. 81). Данная версия представляется вероятной, но не бесспорной. Во всяком случае, термин *алдар* в монгольский попал от алан.

12. Проведенная Алексеем I реформа титулов высшей знати коснулась и существовавших ранее; так, термин «севаст» получил «более широкое значение» (*Чеснокова* 2004, сс. 192 –193).

13. Важная роль аланских воинов в византийской армии отмечена во многих источниках. Так, Иоанн Кинам пишет о том, что

император Мануил I Комнин в 1154 г. послал войско в Италию против норманнского короля Сицилии Вильгельма, стремясь вернуть хотя бы часть прежних владений. По приказу императора флот переправил в Италию массагетских (аланских) и германских всадников. «Массагетами предводительствовал Иоаннакий, которого они называли Критоплом». Два года спустя «два испытанных воина, опытных в воинском деле, некий Иоаннакий Критопл и Перам, перс, вместе с иверами и массагетами были посланы завязать перестрелку; и едва они схватились с врагом... как перебили многих в арьергарде, угнали множество вьючных лошадей и возвратились... захватив вражеское знамя» (*Алемань* 2003, сс. 294 – 295).

В другом случае, при подготовке к осаде замка Боск стратиг Иоанн Дука с небольшой группой сопровождавших его воинов был атакован группой противников. «Дело переросло уже в рукопашную схватку, но ромеи, дружно обороняясь, отразили врага своею доблестью. В этом бою среди многих ромеев отличились двое массагетов» (*там же*, с. 295).

14. Еще одно свидетельство о психологической основе поведения воинов в бою. Формула «*рычал словно лев*» ясно указывает на это.

15. Л. Гумилев в рамках своей теории утверждал: в период нашествия татаро-монголов аланы, будучи «народом многочисленным, но очень старым», переживали фазу обскурации. Некогда могущественные, «аланы утеряли пассионарность предков настолько, что не могли удержать бывшую у них культуру и государственность». «Аланы *не имели никакой государственной организации* (курсив мой – Ф.Г.) и потому не были способны к сопротивлению» (*Гумилев* 2002, с. 466). Правда, в разделе о противоречиях в державе чингизидов, автор отметил: Гуюк стал «ханом, вождем 130 тыс. воинов» (тогда как у Батыя и его братьев было всего 4 тыс. всадников), другом православия и врагом папизма. «Он *пригласил к себе священников* из Шама (Сирии), Рума (Византии), *Осов (Осетии)* [курсив мой – Ф.Г.] и Руси» (*там же* с. 495).

16. По мнению В.Ф. Миллера (1887, с. 96), данный антропоним не иранского происхождения. А. Алемань допускает возможность первую часть (*рос*) имени царя алан – *Росмик* – связать с начальным элементом названия племени *роксалан* (*Алемань* 2003, с. 320).

17. Обратим внимание на реформу титулов в Византии первых веков II тысячелетия. Принадлежность к элите определялась степенью близости к царствующей семье, а не служебным положением. По мнению Н.П. Чесноковой, «социальная градация визан-

тийской знати обусловливалась теперь либо вхождением в состав элиты, либо непричастностью к ней». В пользу данной версии, полагает исследовательница, говорит замечание А.П. Каждана «о монополизации всего военно-административного управления правящей династией. Разделение представителей византийской знати на гражданскую и военную оставалось в социальной стратификации только функциональным» (*Чеснокова* 2004, с.192).

В управлении государством Комнины опирались «на собственные экономические ресурсы, семейные связи и идейные ценности рода...», одной из которых являлась привязанность к родовому гнезду — крепости Кастамон в Пафлагонии. Кастамон, «город своего деда», Алексей I посещал неоднократно. За родовое гнездо «отчаянно сражался его сын Иоанн II. После отвоевания города у турок император Иоанн устроил в Константинополе грандиозный триумф, поразивший современников» (*там же*).

Главным инструментом укрепления власти Алексея I стала реформа титулов высшей знати. Она заключалась во введении нового титула *севастократора*, ставшего вторым после императорского. Новый титул «предназначался для ближайших родственников монарха с правом ношения драгоценного венца». Для родственников же были, по словам Анны Комниной, «придуманы» и другие титулы, а некоторым из существовавших ранее Алексей I придал более широкое значение. Реформа вывела *правящую семью* даже из состава рода Комнинов. «Привив» принцип корпоративности части аристократии, других ее членов реформа оставила за пределами привилегированного круга. «При Комнинах самые высокие государственные посты уже не открывали пути в среду элиты». Не вдаваясь в детали реформы, отметим лишь, что институт соправительства приводил на трон не только родственников, но и совершенно посторонних людей. «Вдова Никифора III Вотаниата (1078–1081) Мария Аланская усыновила основателя династии Комнинов Алексея I при условии, что тот сохранит права на престол ее малолетнему сыну Константину». Однако другой соправитель, Андроник Комнин, устранив Алексея II, несколько раз менял решение о собственном преемнике. «По всей вероятности, с XI в. права наследника престола в большей мере определялись фактом рождения 'в порфире', нежели публичным признанием его в качестве соправителя» (*там же* с. 193).

18. Брак грузинской царицы с русским князем, Георгием Боголюбским, вскоре распался. Георгий, поддержанный несколькими крупными представителями знати, «в том числе *министром двора*» — Варданом Дадиани, совершил неудачную попытку захватить власть. Собрав представителей ряда грузинских социумов и «присоединив силы санигов и кашагов, заставил вельмож и все

воинство страны присягнуть за возведение русского (князя) на престол и за признание его царем» (*Амичба* 1988, сс. 90–91).

19. Недавно В. Петрухин обратился к свидетельствам древнерусских летописей о *ясах* (аланах). Наиболее раннее, по его мнению, упоминание датируется 965 г. и связано с походом князя Святослава на хазар. В ходе этой военной экспедиции князь завоевал часть территории донских алан. Рассматривая влияние ираноязычных алан на духовную культуру Древней Руси, В. Петрухин обращается к эпизоду из истории религиозных реформ Владимира. Первоначально, как известно, Владимир модернизировал языческий пантеон, собрав в Киеве идолов шести божков. Первым среди них был Перун, ставший патроном княжеской дружины. Помимо Перуна, в пантеон вошли Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргел и Мокош. Имена двух из них имели иранское происхождение. *Дажьбог* сопоставим с персидским *xursid* «сияющее солнце». *Семаргел* – родственное перс. *Simurg/Senmurv* – божество в виде крылатой собаки (*Petrukhin* 2007. P. 39 – 41; см. также: *Петрухин, Раевский* 1998, с. 301, сл.).

20. В летописи неоднократно упоминаются «свояченицы» Всеволода Большое Гнездо. Причем, «одна из них, жена князя Ярослава Владимировича, скончалась в 1201 г. и была погребена в церкви святой Богородицы в 'монастыре сестрине'». В Ипатьевской летописи происхождение этой сестры (Елены) указано недвусмысленно: она названа «ясыней» (*Литвина, Успенский* 2006, сс. 237, 240).

21. В X в., после принятия аланами христианства, возник спрос на предметы христианского культа. В X–XI вв. они ввозились почти исключительно из Византии. После того, как «на Руси был налажен широкий выпуск изящных предметов мелкой христианской пластики», они стали «одним из объектов торговых операций купцов Руси и Алании» (*Рудницкий* 2001, с.116).

22. Значимость генеалогии была актуальной во всех средневековых (и не только) обществах. В ситуации, когда от происхождения человека зависело его положение и правовой статус, родословная приобретала огромную роль. Например, у арабов генеалогия достаточно рано стала одним из основных факторов, определявших социальный статус того или иного лица. О степени актуальности генеалогии свидетельствуют сборники родословных. Ибн-Хазм (994–1064), один из крупнейших ученых мусульманской Испании, создал, по оценке Д.Е. Мишина, «ценнейший генеалогический источник» – «Собрание родословных арабов». Необходимость знания своих предков арабский ученый мотивировал несколькими аргументами. Во-первых, такая установка дана в Коране, ибо Аллах «сделал знание людьми своих родословных дол-

гом перед Собой». Аналогичная установка отмечена и в *хадисах* (преданиях о жизни, деяниях и наставлениях пророка ислама Мухаммада). Во-вторых, знание родословных позволяет ориентироваться в генеалогических таблицах пророка и халифов. Власть последних «может принадлежать только потомкам Фихра Ибн-Малика Ибн-ан-Надра Ибн-Кинаны... мусульманину необходимо знать родословные потомков и сподвижников Мухаммада, чтобы знать, кому следует отдавать *хумс*» (буквально — «одна пятая» — доля военной добычи мусульман, первоначально предназначенная для Мухаммада). В-третьих, знание родословных было необходимым для установления правового статуса представителей различных племен и народов. В-четвертых, родословные позволяли избегать кровосмешения. И, в-пятых, генеалогии помогали разрешению наследственных дел (*Мишин* 2004, сс. 144–145).

О значимости родословных можно судить, например, на материалах Армении раннего средневековья. Устная и письменная традиции уравнивали *нахараров* Мамиконянов «с царским домом Ирана... и с армянской правящей династией». Фавстос Бузанд в уста царя Папа вложил фразу: спарапет Мушег Мамиконян — «человек, который *происхождением так же благороден, как мы*, и *его предки так же благородны, как наши предки*; его предки *оставили царство* ченов и приехали к нам... (курсив мой — Ф.Г.)» (*Арутюнова-Фиданян* 2003, с. 9).

Мамиконяны предстают как владетели обширных областей, наследственные *спарапеты* («главнокомандующие») армянским войском, «наставники и регенты царевичей, 'делатели царей' и правители страны после падения династии Аршакидов», лидеры в борьбе за независимость Армении с внешними врагами (Ираном, а позднее — арабами). В сказаниях «Бузандарана» Мамиконяны предстают как отважные рыцари. «Они убивают своих врагов только в открытом бою... побеждают благодаря воинскому умению, опыту, а также личному мужеству, *предпочитают умереть в бою, чем в постели*, а свои заслуги видят в количестве проведенных им сражений и полученных ранах ... *их род связан кровными узами с родом* Григория Просветителя» (курсив мой — Ф.Г.). По оценке Фавстоса Бузанда, спарапет Мануэл Мамиконян — военный аристократ, облаченный в «железные крепкоскованные неуязвимые доспехи, (облекающие его) с ног до головы», его сильный конь также облачен в «несокрушимые конские доспехи» (*там же*, сс. 12, 17).

23. Историческое познание удовлетворяет устойчивые социальные потребности. Различные классы одобряют и порицают различные нормы и эталоны. Соответственно, в исторических сочинениях и устных рассказах преобладают то одни, то другие краски.

24. В «Очерке сословного строя горских обществ», составленном чиновниками сословного комитета в 60-х годах XIX в., приводится «аристократическая» редакция предания. В ней утверждалось, будто Царгас и «ближайшие по времени потомки его имели гораздо большее значение, нежели современные баделята» (*ЦГА РСО–Алания*, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 111).

25. В одном только Змейском катакомбном могильнике в ходе полевых работ в 1981 – 2005 гг. исследовано более 400 погребальных комплексов, в том числе 269 катакомб X–XIII вв. и синхронное с ними 41 конское погребение (*Fidarov* 2007. P. 14–15). Как показал анализ С. Савенко, в отдельных случаях можно говорить о подтверждении археологическими материалами свидетельств античных и раннесредневековых авторов об особом статусе всадников-дружинников (*Savenko* 2007. P. 49– 50).

26. Интересную гипотезу высказала Т. Джаксон, поставив вопрос о возможной связи некоторых персонажей норвежских саг со скифами (*Jackson* 2007. P. 19–20).

27. Обоснованными представляются аргументы в пользу признания существования двух типов мулька – феодального и частнокрестьянского. Точно так же в источниках встречаются сюжеты, указывающие на бытование в Дагестане двух типов *дийа*: «это мульк в самом широком смысле, обозначая одновременно как феодальные имения, независимо от их размеров, так и земли – мульки, находящиеся в распоряжении свободных крестьян» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 271).

28. А.Г. Периханян *дастакерты* трактовала либо как «крупные частновладельческие поместья... с поселенными рабами», либо как «земельные владения с прикрепленными к ним рабами». В отношениях между категорией крестьян – *аншахриками*, прикрепленными к дастакертам, и владельцами последних – «налицо уже рождение феодальных отношений собственности». Такой вывод А.П. Новосельцев считал очень важным, «поскольку он говорит о феодальной тенденции в развитии дастакертов... можно полагать, что формы отношений в дастакертах всегда были с точки зрения их социально-экономической сущности ближе к феодальным, нежели к тем, которые мы считаем рабовладельческими отношениями» (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972, с. 120 примеч. 73).

У Масуди дийа сасанидского времени отличается от селений. Здесь же упомянуты «арбабы» – владельцы дийа. Согласно тому же Масуди, в числе печатей Хосрова I Ануширвана была «хатим ад-дийа», т.е. «печать [ведомства] дийа», т.к. эти «поместья» и система их налогообложения занимали особое место в фискальной политике Сасанидов VI в. (*там же*, с. 120–121, примеч. 75).

29. Мовсес Хоренаци в рассказе о царе Арташесе поместил сообщение о межевых столбах из камня, определявших границы деревень и *агараков* (*Новосельцев* 1980, с. 161). В IX–XIII вв. агараки в Армении — это, во-первых, обработанные земли, а, во-вторых, «поселения, где жили крепостные крестьяне» (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972, с. 113).

30. Аул Тануси рядом с Хунзахом; по устной традиции — резиденция аварских правителей (нуцалов) до возвышения Хунзаха. Арабская литература IX–X вв. не знает Тануса и сообщает о Хунзахе.

31. В битве 1064 г. с эмиром Дербента в войске правителя Серира насчитывалось 4 тысячи всадников. Войско имело «тяжелый обоз» и во время продолжительных походов «располагалось лагерем» (*Атаев* 1989, с. 17).

32. В данном случае *газанфер*, скорее всего, употреблен в нарицательном смысле — «отважный, храбрый» [араб. *гаданфар* — «лев»; перс., тур. *газанфер*]. Но большинство переводчиков текстов поздних версий «Дербент-наме» и некоторых других дагестанских исторических сочинений интерпретируют это слово как личное имя владельца Кайтака (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 57, прим. 171).

33. *Масум* (араб.) — «непогрешимый, безгрешный, невинный»; вплоть до XIX в. правитель части Табасарана носил титул *майсум*, другой частью управлял *кадий* (*там же*, с. 58, прим. 173).

34. Существует иной перевод рассматриваемого фрагмента: «Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится сарханг, наподобие эмиру» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 276).

35. Ряды *газиев*, деклассированных элементов Дербента, систематически пополнялись из рядов крестьян, лишенных земли; в источниках они обозначались термином *м.шак* (*там же*, с. 277).

36. Сбор *налогов* (или ренты?) не делает носителя этой функции «мелким феодалом», ибо он лишь собирает ренту для «раиса раисов».

37. Данный титул имеет и другой перевод: «знать из людей порта», иными словами — «знать Дербента, связанная с портом и морской торговлей» (*там же*, с. 274).

38. Древними значениями рассматриваемого термина являются «судья» и «переводчик». В качестве связующего семантического звена служит значение «толкователь», «интерпретатор»: толкователь обычного права или закона — «судья», толкователь чужой речи или текста — «переводчик». Несомненно, в древнем мире такие люди ценились высоко и «получали от правителей разные привилегии и, прежде всего, освобождались от налогов и повин-

ностей». В конечном счете «скиф. **tarxan* 'судья', 'переводчик' продвинулось в своей семантике в сторону более общего значения: 'лицо, принадлежащее к группе или категории свободных от налогов и повинностей', вообще 'привилегированное лицо', 'господин' и т.д. В этом значении оно вошло и в тюркские языки». В частности, тюрк. *tarxan* зафиксировано в VII в. как апеллятив «человек, свободный от налогов и повинностей» и как собственное имя, например у хазар *Tarxan* — имя некоторых правителей. У Махмуда Кашгарского (1074) *tarxan* — «эмир», «князь». Вероятно, русск. Астрахань связано с *As-tarxan* — «резиденция асского (аланского) начальника» (*Абаев* 1979, сс. 275 — 277).

«Тархан асов занимал видное положение в Хазарском государстве и участвовал в войнах хазар с арабами» (*Артамонов* 1962, с. 357).

39. Ш.М. Ахмедов (1975, с. 108) полагал, что Казикумухское шамхальство возникло на рубеже XI—XII вв.

40. В примечании к «Дербент-наме» Мирза Казим-Бек привел гипотезу Гербера: «*Шам* есть название города Дамаска, откуда халифами посылались правители в Дагестан, и... слово *Халъ* значит *князь*» (*Шамхалы* 1868, с. 54, примеч. 2).

41. Эта версия бытовала еще в дореволюционной историографии. Династия правителей Кайтага восходит к *Эмир Хамзи* из рода Корейшитов. В бывшем кайтагском селении Ургмудза он основал крепость, названную *Кала-Корейш*, и принял титул *Исмий* (что на арабском значит «именитый»), превратившийся впоследствии в *уцми*, *уцмий* (*Комаров* 1868, с. 77).

42. А.В. Комаров привел следующую этимологию данного титула: «*Бек/Бий* слово монгольское — *повелевающий*. В Дагестане званием и правами беков пользуются только наследственно. Все беки принадлежат к потомству бывших владетелей» (*там же*, с. 74).

Интерес вызывают статьи из Постановления уцмия Кайтага Рустем-Хана, ошибочно датированные А.В. Комаровым XII в.

«Бек *должен* (курсив мой — Ф.Г.) всякий год собирать суд, в противном же случае его сменят. В государстве — без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске без разумного, в селе без головы — добра не будет. Если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступиться за него и остановить бека. Все должны говорить единогласно; кто же будет противоречить обществу, того дом разрушать, а самого изгонять. Бек должен ежегодно собирать умных людей и по этим постановлениям разбирать тяжущихся и не оставлять без наказания ни вора, ни грабителя. Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанка. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упра-

шивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушать. Бек не должен предпринимать поход, предварительно не посоветовавшись о том с *благоразумными* (курсив мой — Ф.Г.). В противном случае брать с него штраф (триста руб.) в пользу общества. Если поход будет предпринят беком после обсуждения о том с благоразумными, то с того, кто не выедет в такой поход, брать по сто кари (мера длины) хацбалдику (грубая материя из пеньки, производимая в Кайтаге и Табасаране)» (*Комаров* 1868, сс. 81, 87–88).

43. Версия перевода В.Ф. Минорского иная: «Они (лакзы — Ф.Г.) имеют свободных людей, которые называются *хамашира*; над ними стоят малики, а ниже их служащие *м.шак*, а затем пахари (*акара*) и слуги и ремесленники (*мухха*). Я (В.М.) убежден, что *хамашира* только народная метатеза вместо *хашарима*» (*Минорский*, 1963, с. 113).

44. В социальной структуре кубачинцев начала XVIII в. обратим внимание на специфический институт управления, которое осуществляли 12 ежегодно «выбираемых» старшин. Они «в тот год все ссоры судят, и во всем им послушны бывают; и понеже оные все равны, то очередь до каждого доходит между ними правительственными быть». Этот сюжет перекликается со свидетельством А. Лопухина: «Кубеша... никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно». Насколько известно, еще задолго до этого среди свободных, равных между собой жителей выделялись т.н. «родовитые», «богатые», «влиятельные» люди, в том числе небольшая группа местного мусульманского духовенства (*Гаджиев* 1979, с. 132).

45. В Каракайтаге до сих пор сохранились предания «о князе (*талхъан*) из Ашра, который жестоко угнетал каракайтагцев» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 160, примеч. 8).

46. Автор данной работы на примере родословных осетинских феодалов уже имел возможность определить свое отношение к названному типу источников (*Гутнов* 1989). Т.н. «аристократические» родословные горских народов стали предметом особого внимания достаточно рано. Так, начало систематическому изучению генеалогических преданий кабардинской знати положил в конце XVIII века Я. Потоцкий. В наши дни работа в этой области источниковедения продолжается (*Бейтуганов* 1990; *Мусукаев* 1997, сс. 7–16) и, несомненно, будет продолжена в будущем.

В древних обществах генеалогия, как выше уже отмечалось, играла важную роль в идеологическом обеспечении власти. С этой целью использовался метод архаизации генеалогии «предков» знати, «возводимых к мифологическим персонажам, и даже обожествление героев». А.А. Курбатов привел интересную иллюст-

рацию к рассматриваемому вопросу. В V в. до н.э. древнегреческие аристократы участвовали в Олимпийских и иных играх и состязаниях. Из 46 победителей, которым посвятили т.н. *эпиникии* (победные песни), «к безусловно знатным родам принадлежало 27 аристократов, чьи генеалогии подробно излагались в этих одах» (*Курбатов* 2006, сс. 115 –116).

Актуальность и необходимость знания своей родословной для людей средневекового общества была очевидной. От происхождения человека зависело его положение и правовой статус. Обращаясь к той эпохе, еще раз проиллюстрируем сказанное на примере «Собрания родословных арабов» Ибн-Хазма. Его своего рода справочник написан сухим языком, содержит конкретные данные о генеалогической истории различных родов. Особое внимание уделялось представителям племени *курейш*, ибо оно пользовалось особым уважением у всех мусульман. Симптоматична аргументация Ибн-Хазма необходимости знания родословных. Первой причиной, основанной на высшем авторитете – тексте Корана, он считал 13-й айат 49-й суры: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга» (перевод И.Ю. Крачковского). Отсюда логически следует вывод: Аллах «сделал знание людьми своих родословных долгом перед Собой». Среди других причин Ибн-Хазма назвал следующие: в познании родословных необходимо знать, что халифская власть может принадлежать только курейшиту; только потомкам Мухаммада «следует отдавать *хумс*»; знание родословных определяет правовой статус представителей различных племен и народов и т.д. (*Мишин* 2004, сс. 143–146).

В арабской литературе «помимо сближения народов по генеалогическому признаку... был распространен и взгляд на людскую общность в рамках одного 'климата' (*иклим*) или государства (*мамлака*) как целого, вне зависимости от рассовых или национальных признаков» (*Калинина* 2004, с. 112).

Византийская генеалогическая традиция конца XI – начала XIII в. складывалась как политическая реальность. В то время «только члены правящей семьи, самые близкие к трону, вступали в борьбу за власть, Точнее, только они могли рассчитывать на успех» (*Чеснокова* 2004, с. 197).

47. Первоначальное значение термина князь в адыгском *пщи* – «старейшина рода, затем глава семьи, дома» (*Шагиров* 1977, т.2, с. 34; *Ципинов* 2000, с. 64).

48. Имя Инал в наши дни означает «правитель, владетель» (*Гафуров* 1987, с. 152). Его древнетюркское значение – «лицо знатного происхождения, потомок женщины ханского происхождения и простолюдина» (*Гадло* 1994, с. 24).

Некоторые сюжеты адыгского фольклора указывают на то, что Инала «верховным» князем избрали на *хасе* — совете общины. Выше мы уже останавливались на данном институте и его функциях в средневековых горских обществах. Из других институтов остановимся на некоторых традиционных формах организации труда.

Недостаток рабочего скота у горской бедноты способствовал возникновению своеобразной формы кооперации. Известно, что на Кавказе плуги требовали при работе от пары до восьми волов. Но многие крестьяне не могли воспользоваться даже ралом, ибо далеко не все имели для этого тягловую силу. Поэтому неимущие объединялись с соседями. У осетин такое объединение называлось *цæдис* («союз, объединение») или *галæмбал* («товарищ по объединению скота»). Вступившие в *цæдис* получали количество рабочих дней пропорционально участию в нем рабочей силой, скотом, инвентарем. Появившись в свое время как разновидность взаимопомощи, этот институт превратился в дальнейшем в одну из форм эксплуатации бедноты зажиточными слоями. Так как имущие предоставляли большее количество скота и инвентаря, то им выделялось и большее количество рабочих дней на обработку участков (*Гаглойти* 1974, с. 112–114).

Разновидность данного института описал К.Хетагуров в этнографическом очерке «Особа». Осетины, имевшие только по одному быку, вступали «между собой в товарищества — *цадамбал* на время производства работ, а не имеющий совсем рабочей скотины возмещает прокат пары быков с сохой или с санями каким-нибудь личным трудом» (*Хетагуров* 1960. Т. IV, с. 336).

Еще одна практика трудовых объединений в средневековой Осетии была известна под названием *зиу*. Изначально являясь институтом взаимопомощи, зиу на протяжении своего существования состоял из разных слоев — пережитков древних порядков и более поздних элементов. Необходимо иметь в виду и различный «объем основания» функционирования данного института: одно дело, когда он использовался в связке крестьянин–крестьянин, совершенно другое дело — его использование феодалом для работ в своем хозяйстве. Только при таком подходе можно понять эволюцию взаимопомощи и ее сущность.

В позднесредневековой Осетии имущие приглашали крестьян на работу как на обычную взаимопомощь, а не на отбывание повинности; труд «компенсировался» застольем, включая обильную выпивку и всевозможные блюда, на которые уходило мясо нескольких баранов. Конечно, не у каждого горца находились средства для такого угощения. Систематически, из года в год приглашения делались людьми зажиточными. Неслучайно на Северном

Кавказе в ходу была поговорка: «Уплати работнику то, что ему положено, а затем вымотай из него душу».

Данный институт в хозяйстве феодалов всего Кавказа представлял собой вид отработок — это прибавочный труд крестьян, состоявший в обработке ими своим инвентарем земли феодала (*Гарданов* 1967, с. 202; *Магометов* 1968, с.44; Хашаев 1961, с. 257).

Аналогичная форма эксплуатации имела широкое распространение и в других феодальных обществах, например, западно-европейских, так, в Англии в дни «помочей» крестьянам выдавалась закуска, квас и пиво. При этом хозяин поместья выступал в роли «благодетеля». Барщина с харчами в Англии XIII в. стала своеобразной формой оплачиваемого принудительного труда. Более того, практиковалось натуральное премирование барщинного труда. В монастырских вотчинах виллан, участвовавший в сенокосе, уходя вечером домой, мог прихватить охапку сушеной травы, а во время жатвы разрешалось взять сноп хлеба (*Косминский* 1947, с. 375–376). К барщине с харчами часто прибегали феодалы Леона и Кастилии (*Корсунский* 1976, с. 114).

В скотоводстве (не только у горцев Кавказа, но и у некоторых других народов, например, кочевников) существовало несколько способов эксплуатации. Наибольшее внимание исследователей привлекла передача скота на выпас неимущим крестьянам. Эта форма эксплуатации неоднократно описана в литературе, среди историков и этнографов известно как *австау* у осетин, *ортак* у кабардинцев и кумыков, *саун* у казахов, *саан* у киргизов, *вадиа* у арабов и т.д. Кавказоведы считают данный способ эксплуатации феодальным (В.К. Гарданов, Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.С. Умаханов и др.). Долгое время этого мнения придерживались и специалисты, изучающие быт кочевых народов (С.П. Толстой, С.А. Токарев, М.П. Вяткин, С.Е. Толыбеков). Однако позднее Л.П. Потапов, С.З. Зиманов и Ю.И. Семенов пришли к иному выводу: саун — «не специфически феодальная, а кабальная форма эксплуатации, издольная аренда скота, аналогичная издольной аренде земли у оседлых земледельцев». Склоняясь к последней точке зрения, А.И. Першиц в то же время отмечает, что в феодальном обществе саунные отношения были не столько самостоятельной формой эксплуатации, сколько методом вовлечения социальных низов в господствовавшие феодальные отношения. Аренда скота привязывала работника к феодалу и делала его исправным плательщиком повинностей. Нередко арендатор становился неоплатным должником, и аренда скота, как и личная зависимость от заимодавца, из временных практически становились пожизненными. Это положение подтверждается данными из жизни народов Северного Кавказа.

В Осетии богатый скотовод давал на время фарсаглагу свой скот или часть его. Овцы отдавались на срок от трех до пяти лет. Более распространенным был второй вид аренды. По истечении срока заимодавец брал из стада столько овец, сколько давал. После этого приплод делился поровну. При аренде скота на три года арендатор получал одну треть, а собственник две три стада (*Леонтович* 1883. Вып. II, с. 30; Зиссерман 1879. Т. 2, с. 40). В любом случае заимодавец оказывался в выигрыше, а крестьянин-скотовод получал небольшое вознаграждение за труд. Но если взятые крестьянином овцы гибли в непогоду, угонялись и т.д., то заимодавец требовал компенсацию. У народов Северного Кавказа отмечены различные вариации этого института, но суть его одна и та же. Этот институт – своеобразная барщина в хозяйстве с преобладающим значением скотоводства.

Отношения «зиу» и «австау» – специфические формы отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, когда труд непосредственных производителей на самого себя еще не был отделен в пространстве и во времени от его труда на земельного собственника».

49. В 1932 году М. Цаллагов в ходе этнолингвистической экспедиции по Алагирскому ущелью записал предание о Хетаге. По данной версии, «некогда в кабардинской земле жил Инал, у которого было три сына: Хетаг, Биаслан и Тасолтан. Хетаг был христианином, из-за чего он рассорился с братьями, которые пожелали его убить. Поняв это, Хетаг сел на коня и бежал» (*Архив СОИГСИ*, ф.ф., п. 15, № 23-1, л. 16 об.).

50. Большой интерес вызывает этимология антропонима Хетаг. В поэме «Алгузиани» несколько раз упоминаются воины-хетажи. По замечанию Л. Лопатинского, «хетаж» – слово черкесское и в переводе означает «старый участник, дружинник». М. Джанашвили четко проводил параллель между «хетажами» поэмы и Хетагуровыми. Он даже счел нужным «привести осетинскую легенду о первом Хетадже или Хетагуре...» (*Джанашвили* 1897, с. 106 примеч. I, 107, 109, 195). А. Бязыров *хетаж* этимологизирует как «испытанный дружинник, воин, князь» (*Бязыров* 1979, с. 10). Коста в своей поэме Хетага изобразил не просто витязем, а представителем военной аристократии, сыном князя.

Вахушти, описывая границы Осетии, упоминает гору Хетадзе-Черкесисъмта (*Вахушти* 1904, с. 138). В.С. Уарзиати обратил внимание на целый ряд сюжетов фольклорного наследия горцев Центрального Кавказа, в которых встречается имя «правителя Черкесии» Хатахцико /Хада-оджух/ (*Уарзиати* 1989, с. 86). Данное имя с вариантами встречается в родословных кабардинских князей и документах XVI–XVII вв. (*КРО*, т. I, II). В част-

ности, на рубеже XVI—XVII вв. жил князь Хатакжуко (Хатожуко), сын знаменитого князя Казыя, внук не менее известного Пшеапшоку Кайтуковича — самого сильного противника Темрюка Идаровича — тестя Ивана Грозного. Схожие имена носил двоюродный брат Хатожуко — Хатых и дядя — Хатуку-Мурза.

Согласно Ш.-Б. Ногмову, князь Хатожуко «твердым и благородным правлением» пресек все «смуты и беспорядки между кабардинцами». Он уничтожил «злонамеренных и корыстолюбивых» племянников — князя Шужия-Батырша, Батырбия, Жанборимаса и Жанборисхана. Это привело к кровавой феодальной междоусобице. Воспользовавшись тем, что Хатожуко вместе с братьями отправился в Осетию, Шужий убил его близкого сподвижника. В отместку Хатожуко заманил Шужия к священному Татартупу, где «по древнему обычаю, после клятвы в дружбе» переламывали надвое стрелу, и здесь коварно убил старого князя (*Ногмов* 1982, сс. 116—119).

Как видно из приведенного материала, о Хатожуко и его политической деятельности знали в Осетии. По одной из версий предания, опубликованной Д. Шанаевым в 1870 г., Хетаг бежал с двумя сыновьями — Увиджико и Еналдико. В районе Татартупа их нагнали преследователи и убили обоих сыновей (*Шанаев* 1870, сс. 31—32). В.С. Уарзиати обратил внимание на имена последних. В форме Увижи(ко) и Еналды(ко) они встречаются у осетин, но антропонимы явно адыгского происхождения и в переводе означают: «толстяк, увалень» + «сын», а второе — «большой, великий» + «Инал» = «сын великого Инала» (*Уарзиати* 1989, с.88). Здесь же отметим, что осетинская фамилия Еналдиевы происходит, возможно, от внука Хетага (*Калоев* 1983, сс. 210—211).

51. Антропоним *Рededя*, напомним, Ш.-Б. Ногмов переводил как «воин». Согласно другой версии, это имя восходит к *Уэрида-дэ* «должность, звание главнокомандующего всей Черкесии. Уэри-дадэ — буквально: старший армии, а вернее, всей Черкесии» (*Мальбахов, Эльмесов* 1994, с. 60).

52. И.С. Чичуров со ссылкой на М.А. Сеидова *yabyu* объясняет как «великий строитель», «творец», «творящий», «повелитель» (*Чичуров* 1980, с. 102, примеч. 219).

53. В разделе о правлении Аршака II (350—368 гг.) Мовсес Хоренаци рассказал о попытке Шапуха «схватить» армянского царя. «Но он скрылся от них в странах Кавказских при содействии иверийцев» (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 38). Р. Габриелян связывает это событие с бытующим у осетинского народа преданием «о происхождении алдарских фамилий Тагаурии», выводивших свои родословные от армянского царя или царевича (*Габриелян* 1985, с. 78). В генеалогических преданиях феодалов Во-

сточной Осетии, алдаров, родословные восходят к фольклорному герою — армянскому царевичу *Тага*. Данным термином обозначалась одна из непременных инсигний армянских царей конца I тысячелетия — корона, именуемая словом *маг*. Такая корона Смбата I Багратуни изготовлена из золота, а специальные завязки для волос украшал жемчуг. Здесь же отметим, что одним из основных терминов для обозначения царского титула (наряду с *аркай*) был *магавор*; оба термина древнего происхождения, засвидетельствованные в наиболее ранних памятниках армянской письменности. Этимология термина *магавор* прозрачна — слово восходит к *маг* — «венец», «корона» (*Юзбашян* 1988, сс.70–72). По мнению Н.Д. Миклухо-Маклая (1954, с. 204, примеч. 10), арм. *магавор* (*маговер*) «венценосец», «царь» заимствовано из персидского — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей до византийских императоров включительно».

54. Как отметил Масуди, «следом за Аланией находится народ, называемый Кашаг (Касак? т.е. Черкесы), живущий между горой Кабх и Румским морем» (*Minorsky*. 1958. P. 157).

55. Ш.-Б. Ногмову, судя по тексту, было известно несколько преданий, в которых одним из главных (либо главным) героем выступал внук Инала *Идар*. Согласно А.В. Гадло, «личное имя Идар, возникшее, вероятнее всего, из заимствования адыгами у алан-овсов социального термина *алдар* (со слабым первым «а»), т.е. вождь, буквально 'рукодержец' (*Абаев* 1968, сс. 23–27) было довольно широко распространено наряду с промежуточной формой Ильдар в адыгской аристократической среде» (*Гадло* 2005, с. 461).

56. Напомним, в этой связи, что ни один рыцарь средневековой Европы без нормированных доходов не смог бы исполнять свою службу, вести воинственный образ жизни. Боевое снаряжение стоило чрезвычайно дорого. В разных странах выработалась минимальная норма землевладения, доходы с которой обеспечивали рыцаря необходимым для войны снаряжением. В Англии такой нормой служили 5 гайд земли, а дружинник короля, имевший владение меньшего размера, считался «безземельным». У франков конную службу профессионального воина мог исполнять лишь человек, обладавший не менее чем 4 мансами (*Гуревич* 1970, с. 43).

57. Строго говоря, термин *джегуако* включал в себя разнообразные функции его носителя: от шута до поэта. Для нас важен портрет придворного барда; ему предшествовал «дружинный поэт». В позднепотестарный период он вместе с дружинниками сопровождает князя в походах, по сути находится на его содержании.

58. В связи с рассматриваемой проблемой напомним слова З.В. Удальцовой: «Гипотеза о наличии различных вариантов феодализма... на наш взгляд, заслуживает научного обсуждения» (*Удальцова* 1969, сс. 20 – 21).

Обратимся к упоминавшейся выше научной сессии 60-х годов минувшего столетия и приведем фрагмент выступления А.П. Пьянкова: «Известно, что классовые отношения могут длительное время существовать при отсутствии частной собственности на землю». Длительное по времени отсутствие «частной собственности на землю не мешало возникновению... феодальных отношений» (*Пьянков* 1969, с. 54).

В ходе обсуждения доклада А.П. Пьянкова Л.Б. Алаев поддержал коллегу в том, что «отсутствие частной собственности в общине не может служить причиной, препятствующей развитию феодализма и вообще развитию классовых антагонистических отношений» (*Проблемы...* 1969, сс. 102–103). Однако и в этом вопросе последняя точка еще не поставлена.

59. К тому же значению «*орел*» восходит осетинский социальный термин *царгас/ата/*; так именовались представители феодального сословия Дигорского общества.

60. Земель на территории западных адыгов было настолько много, что они не утруждали себя какими-либо заботами о ее сохранности: «истощив кругом себя землю, аул переходил на другое место» (*Леонтович* 2002, вып. I, с. 153).

61. Об этом же свидетельствует Рубрук. После долгой поездки по безлюдной местности предкавказских степей францисканский монах прибыл к «становищам Куманов», что, как сетует Рубрук, лишь усилило тяготы путешествия, т.к. «здесь, по настоянию проводника, нужно было делать подарки 'всякому начальству'» (*Костюков* 2004, с. 247).

62. Поединок богатырей и монархов перед началом сражения в античности и средневековье был обычным явлением. Так, некоторые детали сюжетов из «Истории картлийских царей» и «Анналов» Тацита о сражении Фарасмана I Доблестного с парфянами позволяют уточнить начало сражения. Вдохновляя своих воинов, картлийский царь обратился к ним со словами: «Здесь мужи, а там добыча!». У Леонтия Мровели иначе: «Вы, львы разъяренные, вот перед вами овцы, градом побитые». В ходе сражения, по сообщению Тацита, в поединке сошлись Фарасман и глава персидского войска «принц Ород». Победу одержал первый. Согласно Мровели, Фарасман сразил в единоборстве «лучшего персидского витязя» (*Анчабадзе* 1990, сс. 24–25, 50).

Леонтий Мровели в описании набега алан на Армению в начале нашей эры рассказал о поединках Смбата Бивритиана, воз-

главлявшего войско армян, с «братьями царями овсов» Базуком и Амбазуком. Смбат сразил обоих [отметим, что в описании тех же событий древнеармянские историки (Агатангехос, Фавстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци, Лазарь Парпеци) и памятники агиографической литературы («Мученичество Сукиасянов» и «Мученичество Воскеанов» ничего не сообщают об этих поединках. Хотя перечисленные памятники были созданы на шесть столетий ранее и, казалось бы, были больше «заинтересованы» в возвеличении своих героев (см.: Армянские...1985, вып. I, сс. 17–47)]. В сюжете о пятимесячном противостоянии армянских и грузинских войск у Мцхеты Леонтий также отметил, что «ежедневно происходили единоборства рыцарей». В царствование Амазаспа (скорее всего — в третьей четверти III в.) осадили аланы Мцхету. «(После приготовления к битве) начались единоборства». Как-то на рассвете «Амазасп вышел на поединок с копьем в руке, а от овсов выступил человек один, которого звали Хуанхуа (по-осетински «горец»), он был избранным среди войск овских». Амазасп одержал победу. Во время похода Вахтанга Горгасала на алан, живших на Владикавказской равнине у входа в Дарьяльское ущелье, в течение «семи дней происходили поединки между богатырями... Среди хазар, призванных осетинами на подмогу, находился один великан по имени Тархан [впервые встречается у скифов со значением 'лицо, свободное от налогов' — Ф.Г.]. Вышел этот Тархан и зычным голосом возглосил: 'Говорю вам, всему войску Вахтангову, кто среди вас сильнейший, пусть выходит на единоборство со мной'. Среди персидских союзников Вахтанга был некий муж, которого звали Фарсман-Фарух. В единоборстве с ним никто не мог устоять, ибо львов он руками ловил. Этот муж и вышел на схватку с Тарханом. С громкими кличами бросились они друг на друга. Первым же ударом сабли рассек Тархан Фарсман-Фаруха от шлема до самых плеч. На рассвете вновь появился Тархан у берега реки и, посмеиваясь, просил поединка, но не нашлось никого в войске Вахтанга, способного сразиться с ним» (*Гаглойти* 2007, сс. 26–28, 34–35, 131–132, примеч. 23; 132. примеч. 24).

Подобная практика наблюдалась и среди народов средневекового Северного Кавказа, в том числе и западных адыгов. Об этом красноречиво свидетельствуют нормы обычного права. В списке барона Сталя глава XI так и названа — «Поединок». К нему прибегали, например, в случае оскорбления чести; «междоусобные войны нередко оканчивались поединком знаменитейших наездников. В прежние времена единоборство было в ходу у черкесов до такой степени, что наездники, получившие известность и славу в народе, искали себе достойных соперников», чтобы в по-

единке решить, кто из них самый достойный (*Леонтович* 2002, вып. I, с. 154).

63. Возможно, какая-то часть этих воинов-касогов приняла участие в битве возле села Листвен вблизи Чернигова. Здесь сошлись Ярослав, стремившийся стать «самовластцем» земли русской и Мстислав. Ярослав набрал наемников в Скандинавии. Тем не менее, он потерпел поражение и бежал в Новгород.

Еще раз обратимся к ПВЛ: в ходе Лиственской битвы Мстислав проявил себя как истинный дружинный князь. Когда Ярослав бросил в бой ударную силу – дружину, состоявшую преимущественно из варягов, Мстислав выставил против них ополченцев, главным образом из его новых подданных – северян. Когда ополченцы измотали варягов, Мстислав ввел в битву дружину, тем самым решил исход сражения в свою пользу. ПВЛ основу войск Мстислава называет «отборной дружиной», приведенной из Тмутаракани. Показательно, что повесть четко определяет состав дружины: она состояла «из касогов и хазар». Обратим внимание и на поведение Мстислава после битвы. Обходя утром поле брани, Мстислав «рече»: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела». Н.Ф. Котляр справедливо замечает: «Только дружинный князь, истинный потомок Святослава, мог предпочесть своим подданным славянам этнически, культурно и религиозно чуждых наемников, приведенных им с Кавказа! Эти наемники были ему дороже всего, поскольку составляли его дружину, бывшую в понимании князя такого рода и ударной силой, и защитой, и аппаратом собирания налогов, осуществления власти и суда» (*Котляр* 2000, сс. 140–141). Напомним и слова касожского князя Редеди: «Чего ради мы будем губить наши дружины?».

64. Проникновение христианства к западным адыгам относится к VI в. и связывается с именем Юстиниана. Он был настолько популярен, что «народ клялся «Юстиниановым столом» и «Юстиниановым троном». В то время уже существовала самостоятельная Зихская епархия. В 526 г. ее глава, епископ Домиан, принял участие во вселенском Константинопольском соборе (*История...* 2005, с. 400).

65. В золотоордынский период феодалы «тайными тропами пробирались к своим соседям, захватывали много пленных и продавали заморским купцам в рабство. Особенно много пленных попадало затем в Египет, где они шли на пополнение султанской гвардии (мамелюки). Нищета и надежда на лучшую жизнь в чужих странах заставляли многих крестьян продавать и своих собственных детей» (*Лавров* 1981, с. 8).

66. Арабский историк XIV в. Эломари писал по поводу состояния сельского хозяйства региона: «Это жители городов благоус-

троенных, людных, да гор лесистых, плодовитых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя, текут реки и добываются плоды» (*СМИЗО*, т. 2, с. 231).

67. Напомним, что полномочия консулов итальянских поселений Северного Причерноморья и Приазовья были различными. «Наиболее полная сфера юрисдикции была у консула Каффы, которому 'помогал' обширный чиновничий аппарат. Консул Салдайи в основном следил за обороной крепости. Консулы Чембало и Копарио контролировали рыболовство. Немногочисленные постановления для консула Таны связаны, в основном, с откупами» (*Волков* 2003, сс. 18–19).

68. К 1333 г. относится письмо папы римского Иоанна XXII к черкесскому князю Верзахту, обращенному в католичество падре Фраческо ди Камероне, проповедником из Воспоро (Керчи). Папа благодарил Верзахта «за усердие» в деле распространения среди соплеменников новой веры. Проповедь шла настолько успешно, что в начале XV в. черкесы имели католического архиепископа с резиденцией в Матреге и две епископские кафедры. Францисканец Иоанн, первый католический епископ Черкесии (1349 г.) происходил из черкесских аристократов. В ранг епископа его возвел папа Клемент VI в 1346 г. во время пребывания Иоанна в Риме (*Самир Хотко* 1999, с. 161).

69. Особенно отчетливо это видно в сопоставлении с характеристикой образа жизни черкесской знати, данной другими авторами. Так, Э. Спенсер писал: черкесы «на протяжении веков вели полувоенный-полубандитский образ жизни и были одновременно телохранителями султанов Египта, Турции и крымских ханов...» (*Spenser* 1838. P. 18–19).

70. О масштабах потерь купцов от нападений черкесских корсаров можно судить по документу более позднего периода. В донесении венецианского посла в Персии от 25 июля 1572 г. сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары...» (*Самир Хотко* 1999, с. 164).

71. В переводе Е.С. Зевакина: «Великий голод настал в Италии в лето от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1268-е. Сильно вздорожали в Венеции жизненные продукты... Но государь Лоренцо Тьеполо, дож Венеции, отправил свой корабль морем за 1500 миль от Венеции и повелел закупить хлеб и раздать его по всему государству... Что вам расскажу я? Татары, Аланы, Зихи, Русы, Турки, Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианцам...» (*Зевакин* с. 50).

72. Б. Керефов, комментируя данное сообщение, высказал предположение, что Интериано недвусмысленно причисляет бедных дворян к «знатным», не имевшим вассалов, когда говорит, что среди «знатных есть много таких, которые имеют вассалов...» (*Нагоев* 2000, с. 183, примеч.).

73. Это относится ко всем горским феодалам. Характерен ответ аланского князя Пулада на требование Тимура выдать золотоордынца Утурку, за несколько дней до этого возглавлявшего крыло в войске хана Тохтамыша в битве с Тимуром на Тереке. Пулад гордо ответил на требование грозного полководца: «Утурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока останется один вздох от духа, буду защищать его» (*Лавров* 1981, сс. 8–9).

74. Показателен пример из истории средневекового Дагестана, где *мульками* назывались два типа частного землевладения: собственность феодалов и крестьян (*История Дагестана* 2004, с.216).

75. Титул сословия феодалов; от *дидеба* — земельное пожалование.

76. Т.Х. Кумыков (1988, с. 47) данный термин перевел как «дворянский подарок».

77. Дореволюционные авторы не раз обращали внимание на своеобразные «перекочевки» кабардинских феодалов со своими подвластными. П.С. Паллас в «Записках» о путешествии в южные районы России писал: «Черкесы вообще и кабардинцы в частности населяют селения, которые они через определенный промежуток времени или по причине засорения, или вследствие отсутствия достаточной безопасности покидают; они уносят тогда приготовленный лес для постройки и домашнее имущество, сжигая остальное. Они ищут затем удобное место для поселения...» (*АБКИЕА*, сс. 218–219). Я. Потоцкий подтвердил слова П.С.Палласа: «Жилища черкесов... это скорее большие корзины, сделанные из тщательно сплетенных прутьев, сверху обмазанных глиной и покрытых камышовой крышей. Общий вид их опрятен... Такая деревня остается на одном месте не более четырех — пяти лет. Затем князья... отправляются на новое место, так как земля здесь принадлежит всей нации...» (*там же*, с. 233). Г.Ю. Клапрот, возглавлявший Кавказскую экспедицию (1807–1808 гг.) АН России, в описании черкесов также отметил: «В течение двух–трех лет используется один и тот же участок земли, и когда он становится непригодным к использованию, черкесы переходят на другое место. Таким образом, обойдя на несколько верст вокруг своей деревни, они переселяются со всем своим имуществом на совершенно новое свободное место» (*там же*, с. 268). В другом сюжете академик вновь повторил: «названия деревень так же не-

постоянны, как их положение», которое «еще более непостоянно, так как через несколько лет, по мере того, как истощаются поля и вырубаются леса, деревни переносятся на другое место» (*там же*, с. 277). С. Броневский в разделе о темиргоевцах подчеркнул, что они «осенью и весною переходят со своими кошами к самой Кубани». При этом под *кошами* понимается «все семейство с домашним скарбом, с войлочными палатками и с подвижными телегами, на коих перевозятся с места на место» (*Броневский* 1999, с. 141). В главе о кабардинцах отмечается: они «имеют привычку переходить со своих старых усадеб, коль скоро селения их засорятся от скопившегося скотского навоза и других нечистот. Простота построения их *саклей*, или плетневых домов, весьма способствует к поддержанию сего обычая, который сколько благоприятен для здоровья жителей, столько препятствует исправному описанию их жилищ» (*там же*, с. 156). Практически то же самое в отношении черкесов повторил И. Бларамберг. «Один и тот же участок земли обрабатывается в течение двух – трех лет подряд, а когда земля истощается и падают урожаи, переходят на другой участок. Как только земля оскудеет вокруг аула радиусом в несколько верст, жители со своим скарбом перебираются на новое место, на неиспользованные до сих пор участки земли» (*Бларамберг* 2005, с. 140). Аналогичная картина наблюдалась в Большой Кабарде. «Кабардинцы привыкли переносить свои поселения – аулы – с места на место, по мере того, как территория аула загрязняется навозом и другими отбросами. Примитивность их хижин, сделанных из плетенных сучьев, облегчает переезды» (*там же*, с. 198). Та же ситуация – в Малой Кабарде: «они часто меняют места своих поселений» (*там же*, с. 201). Современные исследователи признают этот факт. Один из параграфов работы С.Н. Бейтуганова носит симптоматичное название: «Передвижения аулов» (*Бейтуганов* 1998, сс. 51–60).

78. А.С. Гаджиев (1988, с. 160) полагает, что крестьяне обращались «к одному из феодалов».

79. Верховная собственность на землю отсутствовала и в других регионах Северного Кавказа. Так, Урусбиевы не смогли взять под свой контроль всю землю Баксанского ущелья; «отдельные селения попадали под власть других феодалов». В XVIII – начале XIX в. Урусбиевы «контролировали лишь верхний Баксан, другая же часть их владений была разделена между чегемскими и кабардинскими феодалами» (*Бегеулов* 2005, с. 105).

80. Среди исследователей средневековой Руси долгое время доминировала восходящая к И.Е. Забелину точка зрения «об отсутствии качественных различий между усадьбами феодалов и крестьян». Н.И. Воронин попытался пересмотреть традиционную точку

зрения, высказав мнение о том, что жилища высших слоев феодальной знати «лишь с большей пышностью повторяли трехчленную схему избы». Однако историки и этнографы показали несостоятельность этой точки зрения. Для изучения затронутых вопросов А.И. Дегтярев привлек количественные и качественные характеристики крестьянских и господских дворов — количество построек, жилищ, хозяйственных и прочих помещений, видов строений...» (*Дегтярев* 1977, сс. 11—12).

Основным жилым помещением крестьянского двора являлась изба (0,9—0,97 на двор); примерно в половине дворов дополнительным жилищем служила клеть. На господском дворе преобладали горницы (1,5 на усадище), а вторым по распространенности жилищем служила поволуша, практически не встречавшаяся в крестьянских дворах (всего 2 на изученных 403 дворах). Столь же распространенными в больших помещичьих дворах были избы (0,75). Непременным элементом помещичьих хором были сени (1,25 на усадьбу), тогда как при описании крестьянских жилищ сени не упомянуты ни разу. Описания крестьянских дворов содержат мало указаний на постройки для скота (0,18 — в Тверской области, 0,4 — в Водской пятине). Они встречаются гораздо реже, чем свидетельства о хранилищах корма (сена) для скота — сенниках. Это обстоятельство этнографы связывают с «открытым зимним содержанием скота, при котором его ежедневное кормление, доение коров и т.п. производилось в избе, бывшей по той же причине преимущественно наземной» (*там же*, с. 13).

Жилища феодалов, в отличие от крестьянских, почти всегда были двухъярусными; такими же иногда бывали и помещения хозяйственного назначения. Гораздо чаще встречаются упоминания о постройках для скота, который, помимо этого, в зимнее время — в случае открытого содержания — мог размещаться в холопьих жилищах, входивших в состав усадищ. В состав господских дворов обычно входило «большое количество хранилищ разного вида и назначения: клетей, житниц, погребов, ледников — в среднем по 4 на каждое усадище. Между тем, в крестьянских дворах их было в среднем около 1 с учетом клетей, которые часто являлись жилищем» (*там же*, с. 14).

Наконец, в составе усадищ отмечена структурная часть, которая вовсе отсутствовала в крестьянских дворах — жилища холопов. «В описании 12 усадищ упомянуто 9 людских и челядинских изб» (*там же*).

Из приведенных данных видно, что усадище включало в себя в среднем 13 камер, в то время как крестьянский двор 2—3.

81. В качестве параллели приведем описание Балымского жилого комплекса, датируемого последними 1,5—2 столетиями II ты-

сячелетия до н.э., а по культурной атрибуции относимого к переходному этапу от северокавказской культуры эпохи средней бронзы к кобанской. Это – срубное жилище на каменном фундаменте с длиной сторон (по внутренним замерам) по 8 м. К западной стене примыкала хозяйственная постройка; весь комплекс защищен некогда мощной каменной оградой. Самая интересная деталь двора – вымощенный камнем внутренний Г-образный отсек вдоль южной и восточной стен жилища. Он находился на уровне пола и, что очень существенно, изолирован от остальной жилой площади массивной бревенчатой перегородкой. Близкой аналогией к рассматриваемому отсеку служат отсеки в домах-крепостях Западной Грузии, еще до недавнего времени служившие для содержания скота.

Следует отметить, что для обороны дом-крепость приспособлен лучше, чем жилье с отдельно стоящей башней; в случае осады здесь укрывалась вся семья со скотом и съестными припасами. В то время как отдельно стоявшая башня могла вместить лишь семью с незначительным запасом пищи (*Батчаев* 1986, сс.15–18).

82. Е.В. Гутнова отмечала по этому поводу: «Применительно к раннему средневековью теперь никто не сомневается в *значительной роли государства в становлении феодализма* (курсив мой – Ф.Г.). Однако в связи с этим остается неясным, были ли королевские пожалования земель и иммунитетов единственным источником феодальной собственности и крестьянской зависимости (так считает большинство медиевистов на Западе) или они лишь подстегивали спонтанный процесс феодализации, происходивший снизу?» (*Гутнова* 1989, с. 251).

83. «Как известно, ни один классово-общественный строй не был однообразным. В соответствии с местными условиями, базис каждого общества характеризовался пестротой различных форм экономических и правовых отношений, но содержание феодализма по существу повсюду оставалось одним и тем же» (*Гасвиани* 1990, с. 52).

84. Некоторые факторы и механизмы, влиявшие на асинхронность исторического процесса в регионах Северного Кавказа, рассмотрены автором данной работы. (*Гутнов* 2004).

85. Специфическими чертами обладала древнерусская дружина (*Горский* 1989). Для дружинников характерна малая степень оседлости. «С другой стороны, благодаря системе полюдья и стремлению князя подчинить себе новые территории дружина находится в постоянном контакте с различными племенами и за счет выходцев из этих племен пополняет свои ряды». Материальное вознаграждение дружинника зависело от его положения в дружинной

иерархии, размера добычи и доходов от полюдья (*Никольский* 2004, с. 43).

Несравненно меньше отражено в дошедших до нас памятниках *торговое право*, «которое в силу военно-торгового характера дружинной корпорации должно было быть достаточно развито»: о торговле *росов* упоминает Константин Багрянородный (1989, с.47). В X — начале XI в. «дружинник не мог иметь земельные владения, далеко не всякий дружинник мог иметь и собственное постоянное хозяйство: этому препятствовала подвижность дружины, частые перемещения с места на место, размещение княжеских дружин на погостах типа Гнездово или Темиряево» (*Никольский* 2004, сс. 46–47).

86. Множество примеров «призвания князей» знает история Древней Руси. Из сообщений летописца «о появлении Ивана Ростиславича в Галиче зимой 1145 г. можно сделать вывод» о его *приглашении* горожанами, галицким вече. Другой пример — решение киевского вече, которое «позвало в князья Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, заявив ему: 'Ты наш князь, поиди (в Киев — Н.К.), Олговичев не хоцем '... Этими словами вече настаивало на своем праве выбирать себе князей». На инициативы киевского веча в призвании князя ссылались и неудачливые претенденты на престол (*Котляр* 2006, сс. 250 — 251).

87. В Испании XIII в. встречаются подлинные феоды. Как известно, в 1227 г. именно такого рода пожалование сделал архиепископ Толедо — Родриго Хименес де Рада. Он предоставил Гарсиа де Азагро во владение три замка с условием, «что тот будет оказывать архиепископу одну марку серебра ежегодно». Де Азагро мог передавать замки по наследству, но отчуждать их не мог. В 1221 г. сеньор Молины Гонсало Перес передал в собственность церкви Толедо виллу Молина с деревнями, замками и всеми землями. После этого совершив *оммаж* архиепископу, стал его вассалом и обязался защищать во время войны и помогать в мирное время. Архиепископ, в свою очередь, передал полученные владения Гонсало Пересу в феод. Последний получил право передавать феод по наследству, но отчуждать его не мог». Земли в собственность жаловали и короли. Так, в 1178 г. король Альфонс VIII подарил Мартину Гонсалесу и его потомкам участок земли. Пожалование, судя по документам, последовало в знак благодарности короля за хорошую службу своему господину (*Корсунский* 1976, сс. 143 — 144).

88. В этой связи интересна специфическая черта Древнейшей Правды славян, принципиальное отличие которой от большинства т.н. «варварских Правд» заключается в *отсутствии «каких-либо сведений о земельных наследственных владениях* (кур-

сив мой — Ф.Г.), являвшихся в Северной и Западной Европе неотъемлемой собственностью родового коллектива и определявших социальный и правовой статус субъектов права». К наследственному имуществу в Древнейшей Правде относится «главным образом движимость специфического характера (кони, оружие, одежда)» (*Никольский* 2004, сс. 11–12).

89. В Астуро-Леонском королевстве применялись пожалования бенефициального типа — *престимонии*. Ими отмечались королевские «верные» и представители низших слоев знати — *инфансконы*. По некоторым сведениям, престимонии давались «за службу». Но таких данных в X в. еще мало. «Бенефициальная система складывается в более законченной форме в XI–XII вв. (*Корсунский* 1976, с. 79).

90. Примеры крестьянской собственности можно привести и из истории других регионов Кавказа. В средневековой Сванетии существовали и крестьяне — частные собственники. Под эту категорию в первую очередь попадали владельцы земельных участков. Данный вид собственности защищался нормами права. Так, статья 160 законодательства царя Вахтанга гласит: «Каким бы образом хозяин не взимал бы плату с крепостного, купленного («наскиди»), он не должен трогать /его землю/» (*Гасвиани* 1980, с. 64). По статье 233 того же законодательства: «Если умирающий от себя завещает свою собственную вещь кому-либо, то тому и должно отдать. Если у него земля куплена, то и она отдается, а остальная земля — у хозяина» (*там же*).

91. В одном Аварском округе, напомним, хунзахским ханам, по подсчетам Х.О. Хашаева, принадлежало более 2 тысяч десятин пастбищ и лишь 421 десятина пахотной земли. За пределами Аварского округа ханы не располагали пахотной землей вообще, но имели в самых различных точках пастбищные горы, сдаваемые ими в аренду (*Агларов* 1988, с. 198).

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив СОИГСИ – Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан, ф. 379, оп. 1, д. 500.

ЦГА РСО–Алания, ф. 262. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей.

А.К. 1869. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II.

Абаев В.И. 1949. ОЯФ. I. М.-Л.

Абаев В.И. 1958. 1973, 1979. 1989. ИЭСОЯ. Т. I; II; III; IV.

Абаев В.И. 1968. Осетинский социальный термин *Алдар* // Изв. СОНИИ, 1968. Т. XXVII.

Абрамович А. 2003. Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик.

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост., введ., вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Агафий 1953. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М.В. Левченко. М.–Л.

Агларов 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.

Агларов М.А. 1988а. Из истории земельных и общественных отношений в Аварии в период складывания феодальных отношений // РФОНСК. Махачкала.

Адонц Н. 1971. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван.

Айларова С.А. 2003. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ.

Айтберов Т.М. 1990. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала.

Аланика 1999, 2000. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах / Сост. и коммен. Ю.С. Гаглойти // Дарьял. № 1–4.

Алано-Георгика 1992, 1993. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах / Сост., введ. и комм. Ю.С. Гаглойти // Дарьял. № 1–4.

Алборов Б.А. Осетинские сословные названия // Архив СОИГСИ, ф.19 (литер.), оп. 1, д. 61.

Алдар 1893. О сословных правах горцев // Новое обозрение. № 3230.

Александров В.А. 1975. Общинное управление в помещичьих имениях XVIII – начала XIX в. // Общество и государство феодальной России. М.

Алексеева Е.П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Алемань А. 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.

Алиев Б.Г. 1988. Формы землевладения в Дагестане XVII–XVIII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала.

Алимова Б.М., Сефербеков Р.И. 2001. Известия средневековых армянских и арабских авторов о табасаранцах // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М.– Ставрополь.

Алкадари Г. 1929. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Пер. и примеч. А.-Г. Гасанова. Махачкала.

Амичба Г.А. 1988. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси.

Анна Комнина 1965. Алексиада / Вступ. статья, пер. и комм. Я.Н. Любарского. М.

Анчабадзе Г.З. 1990. Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. Тбилиси.

Армарчук Е.А. 2004. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI – XIII вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.

Армянские... 1985. Армянские источники об аланах / Сост. и комм. Р.А. Габриелян. Вып. I, II. Ереван.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Арутюнова-Фиданян В.А. 2003. Родовое предание и ранняя историография: «вторичный» эпос // ДГВЕ. 2001 год. М.

Атаев М.М. 1989. «Царство» Сарир (из истории военной организации) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.

Афанасьев Г.Е. 1984. Большая семья у алан // СА. № 3.

Афанасьев Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII – X вв. // АОН. Вып. 2. М.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. I. М.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. 2004. Древности Кисловодской котловины. М.

Ахмедов Ш. 1969. Земельные отношения в Дагестане в V–XI вв. // Уч. зап. Даг. НИИ. Т. 19. Кн. II. Махачкала.

Ахмедов Ш.М. 1975. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. III. Махачкала.

Ашурбейли С.Б. 1988. К вопросу о социальной структуре городов Ширвана и Дербента в XI –XII вв. // РФОНСК. Махачкала.

Баденков Ю.П., Транин А.А. 1996. Европейская горная политика. Социально-экономические и правовые аспекты развития. М.

Баденков ЮП., Транин А.А. 1997. Горные территории России: социально-экономические, экологические и правовые проблемы // Государство и право. № 12.

Бакиханов А.-К. 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.

Баладзори 1927. Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку.

Баранов Е. 1892. Очерк землевладения в горах // ТВ. № 17.

Баратов С. 1871. История средних веков. Тетрадь II–III. СПб.

Барбаро... 1971. Барбаро и Контарини о России. Л.

Бартольд В.В. 1963. 1973. Сочинения. Т. II. Ч. 1; Т. VIII. М.

Батчаев В.М. 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

Бгажноков Б.Х. 1980. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Бгажноков Б.Х. 1983. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик.

Бегеулов Р.М. 2005. К дискуссии о расселении карачаевцев в XVII–XVIII вв. // ЭО. № 2.

Бейлис В.М. 1963. Из истории Дагестана // ИЗ. Т. 73.

Бейлис В.М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГТ СССР. 1982 г. М.

Бейлис В.М. 1986. Арабские авторы IX–первой половины X века о государственности и племенном строе народов Европы // ДГТ СССР. 1985 г. М.

Бейлис В.М. 2000. Сообщение Халифы ибн-Хаййата ал 'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // ДГВЕ. 1998 г. М.

Бейтуганов С.Н. 1998. Кабарда в фамилиях. Нальчик.

Белецкий Д.В. 2004. Фрески Сентинского храма. Система и этапы // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.

Белокуров С.А. 1889. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578 – 1613 гг. М.

Бетрозов Р. 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.

Бибиков М.В. 1982. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГТ СССР. 1980 г. М.

Бибиков М.В. 1999. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.

Бибиков М.В. 2005. Византийская «народноязычная» традиция о Руси// XVII чтения памяти В.Т. Пашуто. Ч. I. М.

Бибиков М.В. 2005а. Россия в позднее- и поствизантийской литературе и актах // Ad fontem / У источника. М.

Библиографическая 1875. – Библиографическая заметка // ССКГ. Вып VIII. Тифлис.

Бларамберг И. 1992. Кавказская рукопись. Ставрополь.

Бларамберг И. 2005. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.

Блохин В.Г., Дьяченко А.С., Скрипкин А.С. 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Бромлей Ю.В. 1982. Некоторые средневековые хорвато-русские параллели // Россия на путях централизации. М.

Броневский С. М. 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.

Броневский С.М. 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик.

Бязыров А. 1979. Фольклорные и исторические истоки поэмы «Хетаг» // Литературная Осетия. № 53.

Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средневековье. М.

Ванети З. 1935. Общество нартов // Изв. ЮОНИИК. Вып. II.

Ванеев З.Н. 1989. Избранные работы. Т. I, II. Цхинвали.

Вахушти 1914. География Грузии / Введ., пер. и примеч. М. Джанашвили // Зап. КОИРГО. Т. XXIV. Вып. 5.

Викинги 1996. Викинги: Набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М.

Волков И.В. 2003. О месте чеканки генуэзско-татарских монет с большой «Т» на аверсе // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар.

Волкова Н.Г. 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.

Габараев Н. 1986. Новое о нартах // Фидиуаг, № 1. (на осетинском яз.).

Габриелян Р.А. 1989. Алано-армянские отношения (I – X вв.). Ереван.

Гаглойти Ю.С. 2007. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ.

Гаглоева З.Д. 1981. З.Н. Ванеев. Цхинвали.

Гаджиев А.С. 1988. О некоторых особенностях генезиса феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала.

Гаджиев В.Г. 1979. Сочинение И. Гербера... М.

Гаджиев В.Г. 1988. Изучение истории феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала.

Гаджиев М.С., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.

Гадло А.В. 1978. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л.

Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Гадло А.В. 1984. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Гадло А.В. 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. № 1.

Гадло А.В. 1994. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.

Гадло А.В. Тмутараканские этюды. II. // ИВ. Вып. II. Нальчик.

Ган Ф. 1909. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис.

Гарданов В.К. 1967. Общественный строй адыгских народов в XVIII – середине XIX вв. М.

Гарданов В.К. 2004. В.К. Гарданов – историк и этнограф / Предисл. и состав. А.И Мусукаева. Нальчик.

Гасанов М. 2004. Рец.: Народы Дагестана. М. 2002 // ЭО. № 1.

Гасвиани Г.А. 1980. Социально-экономическая структура Сванети в XI–XVIII вв. Тбилиси.

Гафуров А. 1987. Имя и история. М.

Глазырина Г.В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.

Глазырина Г.В. 2004. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Русь в X веке // ДГВЕ. 2002 год. М.

Глазырина Г.В. 2005. Несколько замечаний к пряди «Об исландце-сказителе» // Ad fontem / У источника. М.

Глоб Н. и Прицак О. 1997. Хазарско-еврейская переписка X века. М.–Иерусалим.

Горский А.А. 1989. Древнерусская дружина. М.

Горы 1999. Горы мира: глобальный приоритет / Ред. Б. Мессерли, Дж. Д. Айвз. М.

Гумилев Л. 2002. Древняя Русь и Великая степь. М.

Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

Гутнов Ф.Х. 1988. Из истории формирования военно-служилой знати у алан // Известия СКНЦВШ. № 4. Ростов-на-Дону.

Гутнов Ф.Х. 1989. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе.

Гутнов Ф.Х. 1990. Структура и характер раннесредневековых обществ Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. № 3. Ростов-на-Дону.

Гутнов Ф.Х. 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1994. Дургулель Великий // Эхо Кавказа. №2.

Гутнов Ф.Х. 1995. Господский двор и вотчина у алан // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 2001. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Ставрополь.

Гутнов Ф.Х. 2004. Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М.

Гутнов Ф.Х. 2005. Социальная структура гуннов и алан в эпоху Великого переселения народов // Кавказский сборник. Т.2 (34). М.

Гутнов Ф.Х. 2007. Горский феодализм. Ч. I. Владикавказ.

Гутнова Е.В. 1989. Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М.

Далгат Э.М. 1983. Социально-психологические аспекты антифеодальной борьбы дагестанского крестьянства в конце XIX в. // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала.

Дегтярев А.Я. 1977. Крестьянский двор и поместное усадище северо-запада Руси в XVI в. // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л.

Деопик В.Б. 1961. Змейское средневековое селище // МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе.

Джаксон Т.Н. 2003. Рец.: Les Centres proto-urbains russes... // ДГВЕ. 2000 г. М.

Джанашвили М. 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII.

Джанашвили М. 1897а. Алгузиани // СМОМПК Вып. XXII.

Джафаров Ю.Р. 1988. Становление и распад в Восточном

Предкавказье первого объединения гунно-болгарских племен // РФОНСК. Махачкала.

Джуаншер 1986. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и примеч. Г.В. Цулая. Тбилиси.

Дзамихов К.Ф. 1994. Адыги: вехи истории. Нальчик.

Дзамихов К.Ф. 2000. Адыги и Россия. М.

Древня Русь. 1985. Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Думанов Х.М. 1980. Новые документы о земельных отношениях в Кабарде в дореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Думанов Х.М. 1990. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик.

Думанов Ф.Х. 2003. Общественно-политический строй Балкарии в XVIII – первой половине XIX века // Вестник ИГИ. Вып. X. Нальчик.

Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.

Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.

Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.

Еремян С.Т. 1970. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и "Армянской географии" VII в. // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М.

Жуков Е.М. 1969. Вступительное слово // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Зайцев И.В. 2003. Ислам и христианство в Нижнем Поволжье в XV–XVII вв. // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.

Зак С.Д. 1975. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.

Заходер Б.Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

Зевакин Е.С. Северный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII–XVIII вв. // Архив СОИГСИ, ф. 4, оп. 1, д. 2.

Ибн-Даста. 1869. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах / Пер. Д.А. Хвольсона. СПб.

Иванов А. 1914. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. 3. СПб.

Иессен А.А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.–Л.

Исаева Т.А., Исаев С.А. 1982. Вопросы истории сельской общины у чеченцев и ингушей // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

История 1985. История крестьянства в Европе / Отв. ред. З.В. Удальцова. Т. I. М.

История Дагестана. 1967. Т. 1. М.

История Дагестана 2004. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А.И. Османов. Т. I, М.

История Европы. 1992. Т. 2. Средневековая Европа. М.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967.

История... 2005. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик.

Инал-ипа Ш.Д. 1965. Абхазы: историко-этнографические очерки. Сухуми.

Инал-ипа Ш.Д. 1976. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми.

КРО – Кабардино-русские отношения. Сб. документов. Т. I, II. М., 1957.

КДПАА – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост.: В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 1991.

Кадзаева З.П. 2004. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Кажаров В.Х. 1980. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Кажаров В.Х. 1992. Адыгская хаса. Нальчик.

Кажаров В.Х. 1993. Адыгская вотчина. Нальчик.

Калдани А.М. 1986. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // КЭС. Вып. VI. Тбилиси.

Калинина Т.М. 1988. Сведения ранних ученых арабского халифата. М.

Калинина Т.М. 2003. Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых IX–X вв. // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.

Калинина Т.М. 2004. Генеалогии восточно-европейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей // ДГВЕ. 2002 год. М.

Калинина Т.М. 2005. Бурджан, ас-сакалиба, ал-абар // XVII чтения памяти В.Т. Пашуто. Ч. I. М.

Калоев Б.А. 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.

Калоев Б.А. 1983. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования института этнографии. 1979 г. М.

Камболов Т.Т. 2006. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ.

Караулов Н.А. 1908. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. XXXVIII.

Карпов Ю.Ю. 2004. Рец.: Народы Дагестана. М. 2002 // ЭО. № 1.

Кобищанов Ю.М. 1987. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Кобищанов Ю.М. 1995. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.

Кобрин В.Б. 1985. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М.

Кобычев В.П. 1982. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.

Ковалевский М.М. 1886. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1, 2. М.

Ковалевский М.М. 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М.

Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.

Ковалевская В.Б. 1978. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Ковалевская В.Б. 1984. Кавказ и аланы. М.

Ковалевская В.Б. Археологические памятники северокавказских алан VI–IX вв. (Материалы к археологической карте) // ОРФ СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 178.

Коков Дж. Н. 2000. Избранные труды. Адыгская топонимия. Т. I. Нальчик.

Коковцов П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка X в. Л.

Комаров А.В. 1868. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I.

Комаров А.В. 1869. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II.

Коновалова И.Г. 2003. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов // ДГВЕ. 2001 г. М.

Коновалова И.Г. 2003а. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.

Коновалова И.Г. 2004. Физическая география Восточной Европы в географическом сочинении Ибн-Са'ида // ДГВЕ. 2002 год. М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.

Коптев А.В. 1998. Общество, политика и военная организа-

ция Древнего Рима // Античность и средневековье Европы. Пермь.

Коротаев А.В. 1992. Рец.: Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность... // Восток. № 2.

Коротаев А.В. 2003. Возникновение ислама: политико-антропологический контекст // Сборник Русского исторического общества. М.

Коротаев А.В. 2003. Возникновение ислама: политико-антропологический аспект // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.

Корсунский А.Р. 1976. История Испании IX–XIII веков. М.

Косвен М.О. 1961. Этнография и история Кавказа. М.

Косвен М.О. 1963. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Костюков В.П. 2004. По страницам «Путешествия в восточные страны» // МИАК. Вып. 4. Краснодар.

Котляр Н.Ф. 2000. Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // ДГВЕ. 1998 г. М.

Котляр Н.Ф. 2003. «Отчина» Ярославичей // ДГВЕ. 2001 г. М.

Котляр Н.Ф. 2006. Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // ДГВЕ. 2004 год. М.

Кришпопа А.Е. 1976. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. VII. Махачкала.

Кузенков П.В. 2003. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000 г. М.

Кузнецов В.А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.

Кузнецов В.А. 1963. Материалы к археологическому изучению Западной Алании.1963 г. // ОРФ СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д.118.

Кузнецов В.А. 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1974. Путешествие в древний Иристон. М.

Кузнецов В.А. 1980. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1985. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1986. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1986а. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Кузнецов В.А. 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1990. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ.

Кулаковский Ю. 1898. Христианство у алан // ВВ. № 1.

Кулаковский Ю. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

Кулаковский Ю.А. 2000. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. статья, комм. и карта С.М. Перевалова. СПб.

Кумыков Т.Х. 1969. К вопросу о возникновении и развитии феодализма в Кабарде // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Кумыков Т.Х. 1988. Основные этапы и некоторые особенности феодализма у адыгских народов // РФОНСК. Махачкала.

Курбатов А.А. 2006. Аристократия Древней Греции в VIII–VI вв. до н.э. // ВИ. № 10.

Кушева Е.Н. 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.

Лавров Л.И. 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М.

Лавров Л.И. 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.

Лавров Л.И. 1980. Топонимические заметки // КЭС. Т. VII. М.

Лавров Л.И. 1981. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XV вв. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Лавров Л.И. 1982. Этнография Кавказа. Л.

Леонтович Ф.И. 1882, 1883. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I, II. Одесса.

Леонтович Ф.И. 2002. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I, II. Нальчик.

Лихачев Д. С. 1952. Возникновение русской литературы. М.–Л.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. 2006. Кем была «Мария Всеволжская»? // ДГВЕ. 2004 год. М.

Ложкин М.Н. 1984. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Лиахвели Г. 1886. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. № 292.

Магомедов А.Р. 1976. К вопросу изучения древней и средневековой истории народов Кавказа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. VII. Махачкала.

Магомедов А.Р. 1984. Горская средневековая община // Изв. СКНЦВШ. № 4.

Магомедов М.Г. 1988. Пути формирования Хазарского раннефеодального государства // РФОНСК.

Магомедов Р.М. 1961. История Дагестана. Махачкала.

Магомедов Р.М. 1971. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала.

Магомедов Р.М. 1988. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // РФОНСК.

Магометов А.Х. 1968. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе.

Магометов А.Х. 1968а. Сельская община у осетин // Уч. зап. СОГПИ, 1968. Т. 28. Вып. 2.

Магометов А.Х. 1974. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе.

Максимов Е. 1892. Осетины // ТС. Кн. 2.

Малахов С.Н. 1995. Алано-византийские заметки // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Мальбахов Б., Эльмесов А. 1994. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Малахов С.Н. 2003. Из алано-тюркского ономастикона // VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Мамбетов Г.Х. 2003. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме // Вестник ИГИ. Вып. 10. Нальчик.

Мансуров Н.С. 1894. Обычный суд у осетин // Каспий, 1894. № 38, 48, 58.

Маргвелашвили М.Г., Рчеулишвили Г.М. 1988. Живнальское городище «Накалакари» // Средневековые города и городская жизнь Кавказа. Тбилиси.

Маретина С.А. 1987. Социальная стратификация и становление государства //От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Маркарян С.А. 2004. Армянский историк XIII в. Степанос Орбелян о варягах-викингах Ингвара // Восток. № 6.

Маркович В.В. 1906. В верховьях Ардона и Риона // Зап. ИРГО. Вып. XXXVIII. № 3.

Маршаев Р.Г., Мухаммедьяров Ш.Ф. 1988. Проблемы периодизации феодализма на Северном Кавказе // РФОНСК. Махачкала.

Маслов Е.А. 2005. К вопросу о функциях монетных находок эпохи раннего средневековья в системе погребальной обрядности // VII Минаевские чтения. Ставрополь.

Материалы по хронологии и генеалогии / А.Р. Шихсаидов и др. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

Мельникова Е.А. 2003. Историческая память в детской и письменной традициях // ДГВЕ. 2001 г. М.

Мельникова Е.А. 2005. *Олегъ / Ольгъ / Олегъ Helgi Вещий*: К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem / У источника. М.

Мессерли П., Брюггер Э. 2000. Теоретические основы анализа проблем горных территорий // Приложение к известиям «Горы Евразии». М.

Миклухо-Маклай Н.Д. 1954. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М.–Л.

Миллер В.Ф. 1881, 1882, 1887. Осетинские этюды. Т. I, II, III. М.

Мининкова Л.В. 2005. В.Т. Пашуто – историк русского вассалитета // Восточная Европа в древности и средневековье. Ч. I. М.

Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.

Михаил Пселл 1978. Хронография. М.

Мишин Д.Е. 2004. Некоторые соображения относительно «Собрания родословных арабов» Ибн-Хазма // ДГВЕ. 2002 год. М.

Мошинский А.П., Болашов А.Ю. 2004. Аланские катакомбы X–XI веков на могильнике «Кари цагат» // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.

Мровели Л. 1979. Жизнь картлийских царей / Перев., пред. и комм. Г.В. Цулая. М.

Мужухоева З.Д. 1982. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60 гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

Мусаев Г.М. 1976. Из исторического прошлого рутулов до присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.

Мусукаев Б.Х. 1981. Топонимия высокогорной Балкарии. Нальчик.

Мусукаев А.И. 1997. Века родословий. Нальчик.

Наглер А.О. 1986. Средневековое зодчество в трудах Л.П. Семенова // Л.П. Семенов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист. Грозный.

Нагоев А.Х. 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Налоев М. 1980. О придворном джегуако//Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Налоева Е. Д. 1980. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Народы Кавказа 1960. Т. I. М.

Невская В.П., Невская Т.А. 1975. Сельская община у карачаевцев в XIX веке // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1962.
Никифор Вриенний 1858. Исторические записки. СПб.
Никольский С.Л. 2004. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4.
Новосельцев А.П. 1972. Страны закавказского и среднеазиатского регионов // Пути развития феодализма. М.
Новосельцев А.П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.
Новосельцев А.П. 1986. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте // ДГТ СССР. 1985.
Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
Новосельцев А.П. 2000. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // ДГВЕ. 1998. М.
Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. 1972. Пути развития феодализма. М.
Ногмов Ш.Б. 1982. История адыгейского народа. Нальчик.
Ногмов Ш.Б. 1994. История адыгейского народа. Нальчик.
О правах... 2003. – О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик.
Ожегов С.И. 1983. Словарь русского языка. 14-е изд. М.
ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. и коммент. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.
Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества. Киев.
Памятник эриставов 1979. – Памятник эриставов / Пер. и комм. С.С. Какабадзе. Тбилиси.
Перерва Е.В. 2004. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир.
Перхавка В.Б. 2005. Этнические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника. М.
Петрухин В.Я., Раевский Д.С. 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.
Письма 1828. – Письма Х.Ш. к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ // Северный архив. № III.
Плано Карпини. 1997. Плано Карпини. История монголов / 3-е изд. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны / 3-е изд. Книга Марко Поло / 4-е изд. М.
Плетнева С.А. 1976. Хазары. М.
ПСРЛ 1962. – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л.
Половинкина Т.В. 1999. Черкесия – боль моя. Исторический очерк. Майкоп.
Предание 1948 – Предание о Царгасе, Азнауре и Хамыце // Изв. СОНИИ. Т. XV. Вып. 3.

Проблемы... 1969 – Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Прокопий 1939. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. № 4.

Пронштейн А.П. 1988. Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // РФОНСК. Махачкала.

Пропп В.Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л. *Пселл Михаил.* 1978. Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М.

Путешествие... 1957. – Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.

*Путешествие...*1971. – Путешествие Аба Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). / Пер. с араб., вступ. статья и примеч. О.Г. Большакова; истор. комм. А.Л. Мангайта. М.

Пфаф В.Б. 1870, 1871. Материалы для истории Осетии // ССКГ. Вып. IV, V.

Пфаф В.Б. 1871. Путешествия по ущельям Северной Осетии // ССК. Вып. I.

Пчелина Е.Г. 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории культуры и искусства народов Востока. Т. IV. Л.

Пьянков А.П. 1969. Социальный строй восточных славян в VI–VII вв. // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Пьянков А.В. 2001. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: V Минаевские чтения. Ставрополь.

Пьянков А.В. 2003. Клад византийских монет комниновского времени, найденный на Тамани в 1995 г. // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Пьянков А.В. 2004. Два воинских погребения Белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края // МИА Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир.

Робакидзе А.И. 1978. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. № 2.

Робакидзе А.И. 1988. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // РФОНСК. Махачкала.

Рудницкий Р.Р. 2001. Два древнерусских креста-складня с Развальского городища // V Минаевские чтения. Ставрополь.

Савенко С.Н. 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. Автореф. канд. дис. М.

Самир Хотко 1999. Генуэзцы в Черкесии (1266–1475) // Эльбрус. № 1.

Сахаров А.М. 1979. Феодальная собственность на землю в Российском государстве // Проблемы развития феодальной земельной собственности на землю. М.

СМИЗО – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.–Л., 1941.

Свердлов М.Б. 2005. Церемониальность как символ княжеской власти в Византии и на Руси в X–XII веках // Ad fontem / У источника. М.

Свод 1991. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М.

Седых В.И. 2004. Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли или сильных общественных потрясений? // Восточная Европа в древности и средневековье. XVI Пашутинские чтения. М.

Семенов Ю.И. 1993. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. № 1, 2.

Сивер А.В. 2003. Социальное устройство как фактор этнической идентификации адыгов-шапсугов // ЭО. № 4.

Сказкин С.Д. 1973. Избранные труды по истории. М.

СИЭ. 1963. Т. 3. М.

СИЭ. 1964. Т. 4. М

Скитский Б.В. 1949. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дзауджикау.

Соловьев С.М. 1988. Кн. I. // Соч. в 18 кн. М.

Справка 1890. – Справка по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик.

Страбон 1964. География / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. Л.

Схатум Р.Б. 2005. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 5. Краснодар.

Тарихи. 1898. Дербент-наме / Ред. М. Алиханов-Аварский. Перев. с тюрк., араб., перс. и франц. Тифлис.

Техов Ф.Д. 2004. Происхождение этнонима тагиата «тагаурцы» в осетинском языке // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе.

Тменов В.Х. 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе.

Тменов В.Х. 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

Тменов В.Х., Цуциев А.А. 2003. Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях в XIII–XIV вв. // VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Тогошвили Г.Д. 1988. К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI–XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси.

Тохтасьев 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. № 2.

Уарзиати В.С. 1989. Из истории осетинско-кабардинских взаимоотношений // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе.

Удальцова З.В. 1969. О работе секции научного совета «Генезис и развитие феодализма».

Предание о Царгасе, Азнаурѐ и Хамыце // Изв. СОНИИ. Т. XV. Вып. 3.

Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.

ФОД – Феодальные отношения в Дагестане. Сб. док. М., 1969.

Фрай Р. 1972. Наследие Ирана. М.

Фрай Р. 2002. Наследие Ирана. 2-е изд. М.

Фролов Э.Д. 2001. Сообщество друзей в политической жизни античной Греции. Предварительные замечания // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М. –Магнитогорск.

Фроянов И.Я. 1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.

Фроянов И.Я. 1978. О возникновении крестьянских переходов // Вестник ЛГУ. № 14. Л.

Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Фрэзер Д.Д. 1986. Золотая ветвь. 2-е изд. М.

Хан-Гирей 1978. Записки о Черкесии. Нальчик.

Хан-Гирей 1992. Записки о Черкесии. Нальчик.

Харузин Н. 1903. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб.

Хашаев Х.М. 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.

Хетагуров К. 1974. Собр. соч. в трех томах. М.

Хизриев Х.А. 1982. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

Ципинов А.А. 2000. Народная историческая проза адыгов. Нальчик.

Цулая Г.В. 1980. Грузинский «Хронограф» XIV века о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М.

Цулая Г.В. 1984. Отрок Шарукан Атрака Шараганис-дзе // КЭС. Т. VIII.

Цулая Г.В. 1996. Из истории грузинской историографии: «Мученичество Давида и Константина» // ЭО. № 1.

Чеснокова Н.П. 2004. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI – начало XIII в.) // ДГВЕ. 2002 год. М.

Чеченов И.М. 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 3. Нальчик.

Чиковани Г.Д. 1979. Осетинский ныхас // КЭС. Т. V. Вып.2. Тбилиси.

Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.

Чичинадзе З. 1993. История Осетии по грузинским источникам. 2-е изд. Цхинвал.

Чурсин Г.Ф. 1926. Этнография Кавказа // Новый Восток. Кн. XV.

Шанаев Д. 1870. Осетинские народные сказки // ССКГ. Вып. III.

Шагиров А.К. 1977. Этимологический словарь адыгского языка. Т. 1, 2. М.

Шамхалы 1868. – Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып. I.

Шинаков Е.А. 2000. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб.

Шихсаидов А.Р. 1969. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1975. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.

Шихсаидов А.Р. 1986. Арабские источники IX–X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р. 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Эвлия Челеби. 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.

Юзбашян К.Н. 1988. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.

Юзбашян К.Н. 2001. Армянская эпопея V века. М.

Якуби 1927. История / Пер. П.К. Жузе. Баку.

Alemany A. 2002. The 'Alanic' Title *Bayatar* // Nartamonga. Vol. I. № 1.

Claessen H.J. 2000. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Fidarov R. 2007. Horse Burials in the Zmeysky Catacomb Burial Place // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Jackson T. 2007. An Echo of Ancient Scytian Old Norse Sourses? // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Kambolov T.T. 2007. Some Neu Observations on the Zelenchuk Inscription and Tzetzes Alanic Phrases // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Kassel 1877. Der Chasarische Konigsbrief aus den 10 Iahrhundert. Berlin.

Liddell H.G., Scott R. 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford.

Mason H.J. 1974. Greek terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto.

Mikaberidse A. 1996. Maria-Martha Bagrationi zwicshen Bysans und Georgien // The Caucasus in the context of World History. Tbilisi.

Minorsky V. 1958. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge.

Social Evolution. Vladivostok. // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Savenko S. 2007. Alan Horsemen in Written Sourcies and Archeological Date: Problems of Comparative Analysis // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Spencer Ch.S. 2000. The Political Economy of Pristine State Formation // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Steder. 1797. Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig.

Petrukhin V. 2007. The Alans in the Russian Primery Chronicle and in Russian History // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Savenko S. 2007. Alan Horsemen in Written Sourcies and Archeological Date: Problems of Comparative Analysis // Scytians, Sarmatians, Alans. Barselona.

Widengren G. 1960. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Cologne.

Zgusta L. 1987. The Old Ossettic Inscription from the River Zelencuc. Wien.

Zuckerman C. 2003. Les Alains et les As dans le Haut Moyen Age // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1–2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

I. Структура власти в социумах Северного Кавказа на рубеже I–II тысячелетий 15

II. Феодальные общества Северного Кавказа в предмонгольский период 48
II. 1. Алания ..... —
II. 2. Феодальные общества Дагестана 76
II. 3. Кабарда 110
II. 4. Западные адыги 134

III. Вотчина и господский двор у народов Северного Кавказа ...154

IV. Генезис «горского феодализма»: общее и особенное в формировании и структуре раннефеодальных обществ Северного Кавказа 187

Заключение 232
Примечания 237
Библиография 268

Научное издание

Гутнов Феликс Хазмурзаевич

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Часть II

Редактор *А.У.Голиева*
Художник *В.С. Григорян*
Художественный редактор *Г.З. Чеджемты*
Технический редактор *А.В. Ядыкина*
Корректор *Г.Б. Карданова*
Компьютерная верстка *З.С. Мисиковой*

Сдано в набор 06.05.08. Подписано к печати 28.05.08. Формат бумаги 60x84 1/16. Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта «Kudrasov». Печать офсетная. Усл. п. л. 16,74. Учетно-изд. л. 18,21. Тираж 1000 экз. Заказ № 1072 С 23.
Комитет РСО–Алания по печати и делам издательств.
ГУП «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 362011, г. Владикавказ, Тельмана, 16.

Ф.Х. Гутнов

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

часть II

